

Филипп Янси

Молитва. Способна ли молитва изменить жизнь?

Мы молимся лишь потому, что не можем не молиться.
Вильям Джеймс

Часть 1. ДРУЖБА С БОГОМ

Молитва существует. В этом нет никаких сомнений. Молитва — это свойственная только человеку реакция на нескончаемое таинство жизни, дарующее ему блаженство и боль, ощущение высшей силы и поэтическую близость с людьми.
Патриция Хэмпл

ГЛАВА 1. ЧЕГО ЖАЖДЕТ ВСЯКАЯ ДУША

Когда аспирант Принстонского университета спросил: «Остались ли еще в этом мире темы для диссертаций?», Альберт Эйнштейн ответил: «Исследуйте молитву. Кто-то же должен заняться ее исследованием».

Неудачное время я выбрал для посещения Санкт-Петербурга. Я приехал туда в ноябре 2002 года — как раз когда город всюду готовился к празднованию своего трехсотлетия. Строительные леса опутали все более-менее значимые городские здания. На старинных мостовых то тут, то там валялись булыжники, превратившие мою обычную утреннюю пробежку в настоящее приключение. Я бежал в темноте — на этих широтах солнце встает достаточно поздно — и смотрел себе под ноги, старательно огибая груды кирпичей и кучи песка и выглядывая участки дороги, блеск которых сигнализировал, что впереди лед.

Но все-таки я оказался недостаточно внимателен. Очнулся я, лежа на тротуаре. Мне было очень холодно. Я сел. Я помнил, как во время падения успел отдернуть голову, чтобы не напороться на торчащий кусок арматуры. Сняв перчатки, я дотронулся до правого глаза и почувствовал кровь. Вся правая сторона лица была в крови. Я встал, стряхнул грязь и хлопья снега со спортивного костюма и стал ощупывать себя в поисках других повреждений. Я шел медленно, наблюдая за ощущениями в пульсирующих болью коленях и локтях. Потом я почувствовал кровь во рту, а пройдя пару кварталов, обнаружил, что у меня не хватает переднего зуба. Я вернулся назад, чтобы его найти, но в темноте ничего не сумел разглядеть.

Выйдя на Невский проспект, я заметил, что люди как-то странно на меня посматривают. Русские редко смотрят в глаза незнакомцам, так что я, очевидно, представлял собой весьма жалкое зрелище. Прихрамывая, я добрал до гостиницы. Попастъ внутрь мне удалось лишь после того, как охранники окончательно удостоверились, что я не бомж. Я постучал в дверь своего номера и сказал: «Дженет, открой, я поранился».

Мы с женой были напуганы страшными историями об оказании медицинской помощи в России. Нам говорили, будто прийти к врачу с небольшой ранкой, а уйти го СПИДом или гепатитом. Вот я и решил заняться самолечением. Совершив набег на минибар и разжившись несколькими крошечными бутылочками водки, мы начали обрабатывать ссадины на лице. Верхняя губа была рассечена пополам. Сжав зубы, я продезинфицировал ранения алкоголем и вытер грязь с лица освежающими салфетками, которые остались у меня еще с самолета. Мы скрепили рассеченную верхнюю губу лейкопластырем в надежде, что она сама заживет.

За время, пока я лечился, у меня заплыл глаз, окрасившись в красивый пурпурный цвет. К счастью, сам глаз не пострадал.

Я принял пару таблеток аспирина и немного передохнул. Затем я вернулся на Невский, чтобы отыскать интернет-кафе. Я преодолел три лестничных пролета, знаками договорился о цене и уселся в кресло перед монитором. Мои пальцы остановились на клавиатуре с русскими буквами, все надписи на экране тоже были на кириллице. После десяти минут неудачных попыток мне все-таки удалось зайти на свой почтовый сервер. Ну, наконец, соединился! Я отправил письмо членам молитвенной группы из моей церкви в Колорадо, а также нескольким друзьям и членам семьи. Соединение то и дело пропадало. Каждый раз мне приходилось заново заходить в свой почтовый ящик и набирать текст письма.

Мое сообщение было простым: короткий рассказ о происшествии и заключение: «Нам нужна помощь. Пожалуйста, молитесь». Я не знал, насколько серьезны мои травмы. Следующие несколько дней мне предстояло провести на Выставке христианской литературы, а затем ехать в Москву на встречи с читателями. Новостной баннер рассказывал, что вооруженные чеченские боевики только что захватили в Москве театр, в котором было полным-полно зрителей. Въезд в Москву временно закрыли. Я закончил письмо и нажал кнопку «отправить». Едва письмо улетело в необозримые просторы интернета, как на экране выскочило предупреждение: оплаченное время закончилось.

Как же действует молитва? Я размышлял об этом по дороге в гостиницу. Мы посылаем сигналы из видимого мира в невидимый и надеемся, что Кто-то их услышит. Но как узнать, что сигнал получен?

Впервые за этот день я почувствовал, как потихоньку отступают страх и тревога, поселившиеся в моем сердце. Через несколько часов мои друзья и родные, люди, которые меня любят, включают компьютеры и прочитают мое письмо. Они станут молиться о моем выздоровлении. Я был не одинок ¹.

Вселенская молитва

В той или иной форме молитва присутствует в каждой религии. Дикая племена совершали жертвоприношения и молились о повседневных нуждах — здоровье, еде, дожде, детях, победах. Инки и ацтеки приносили в жертву людей, надеясь тем самым заслужить милость богов. Пять раз в день мусульмане отрываются от повседневных дел, будь то вождение автомобиля, обед или игра в футбол, и совершают намаз.

Даже атеисты иногда прибегают к молитве. В советские времена почти во всех учреждениях были так называемы «красные уголки», в которых висел портрет Ленина, как висят иконы в домах верующих. Хочу пересказать отрывок из передовицы газеты «Правда» начала пятидесятых годов. В ней чувствуется поистине религиозный настрой: Если во время работы вы столкнулись с трудностями или вдруг усомнились в своих способностях, подумайте о нем — о Сталине — и к вам вернется былая уверенность. Если вы чувствуете усталость, думайте о нем — о Сталине — и работа начнет спориться. Если вы ищете правильное решение, подумайте о нем — о Сталине — и вы найдете ответ.

Мы молимся, когда хотим поблагодарить за красоту и великолепие мира. Мы молимся, когда ощущаем себя маленькими и беззащитными. Мы молимся, когда нам страшно. Мы молимся о прощении, об укреплении духа, о встрече с Создателем, о даровании знака, что мы не одни. Миллионы людей, которые ходят на собрания Анонимных Алкоголиков, ежедневно обращаются к Высшей Силе с просьбой о помощи в борьбе с вредным

¹ Раны зажили. Кроме того, моя просьба о молитве принесла и практическую пользу: жена моего дантиста тоже получила посланное мною сообщение. Она немедленно записала меня на прием к мужу, и уже на следующий день после возвращения из России я сидел в зубоврачебном кресле. — Прим. авт.

пристрастием. Мы молимся, потому что не можем иначе. Само слово «молитва» происходит от латинского многозначного слова «*ргесог*» (молиться, настоятельно просить, умолять, взывать, выпрашивать, вымаливать, заступаться, призывать, желать). Ему родственно английское «*ргесациус*» — «вымоленный, полученный молитвой». (Интересно, что еще одно значение слова «*ргесациус*» — «случайный», «ненадежный», «шаткий»².) В России, в Санкт-Петербурге, я молился от безысходности — я был уверен, что кроме Бога, мне не к кому обратиться.

Молитва — явление всеобщее, в ней человек озвучивает свои нужды. Как сказал американский поэт Томас Мертон: «Молитва — это квинтэссенция того, что мы есть... Мы — живая неполнота. Мы — брешь, пустота, которая жаждет заполнения». Молясь, мы подаем голос и нарушаем тишину. Слова молитвы исходят из сокровенных глубин нашего естества. Я помню, как после событий 11 сентября 2001 года я постоянно твердил молитву: «Боже, благослови Америку». На самом деле я хотел сказать: «Боже, спаси Америку». Спаси нас. Сохрани нам жизнь. Дай нам еще один шанс».

Согласно опросам общественного мнения института Гэллапа, число американцев, которые на этой неделе обратятся к Богу с молитвой, превышает общее число тех, кто сядет за руль машины, сделает зарядку, займется сексом или пойдет на работу. Девять из десяти американцев утверждают, что молятся регулярно. Трое из четырех говорят, что молятся каждый день. Чтобы понять, насколько популярна молитва, наберите слово «молитва» в любом интернет-поисковике. Экран запестрит миллионами ссылок. Но эти впечатляющие цифры таят в себе загадку.

Когда я начинал исследовать тему христианской молитвы, я ходил по библиотекам и читал книги о величайших молитвенниках, каких только знала история. Один из самых выдающихся христиан девятнадцатого века, истинный подвижник, Джордж Мюллер каждое утро по нескольку часов молился Богу об устройении жизни опекаемых им сирот. Английский епископ Эндрю Ланселот ежедневно уделял молитве пять часов, а его соотечественник священник Чарльз Симеон вставал в 4 утра, чтобы совершить свое четырехчасовое правило. Монахини ордена «Неспящие» до сих пор молятся посменно, так что ни один час дня и ночи у них не остается без молитвы. Сюзанна Уэсли, многодетная мать, у которой ни на минуту не было возможности остаться одной, садилась в кресло-качалку, набрасывала на голову фартук и молилась за Джона и Чарльза (будущих лидеров духовного возрождения Церкви) и за всех остальных детей. Мартин Лютер, ежедневно молившийся по два-три часа, говорил, что молитва должна быть для нас столь же естественным делом, как шитье обуви для сапожника или одежды — для портного. Джонатан Эдварде, один из вдохновителей «Великого духовного пробуждения» в Северной Америке восемнадцатого века, писал о «сладких часах», проведенных на берегах реки Гудзон, когда он чувствовал, будто «восхищен и поглощен глубинами Божьего естества».

Потом я стал расспрашивать о молитве обычных людей. Результаты были такие:

· Важна ли для вас молитва?

Несомненно.

· Как часто вы молитесь?

Каждый день.

· Как долго?

Минут пять — ну, может, семь.

· Вы при этом чувствуете удовлетворение?

Как сказать...

· А вы ощущаете присутствие Бога во время молитвы?

Иногда, но не часто.

² *Автор говорит о происхождении английского слова «молитва» — «*ргауег*». Русское «молитва» восходит к праславянским корням «*moliti*» — «просить» и «*mel*» — «говорить, подавать голос» (корень «*mel*» лежит также в основе слова «молва»). — Прим. ред.

Многим из тех, с кем мне довелось пообщаться на эту тему, молитва казалась скорее бременем, нежели удовольствием. Эти люди считали ее важным, даже первостепенным занятием, но винили себя в том, что их молитвенная жизнь весьма и весьма поверхностна.

Проблема современности

Я слышал, как молятся верующие в евангельских церквях: они указывают Богу, что Ему делать, заодно тонко намекая братьям по вере, как следует себя вести. В более либеральных церквях молитвы скорее походят на призывы к действию. Создается впечатление, что молитва — повинность, без которой, увы, невозможно приступить к труду на благо Царства Божьего. Богословский трактат крупного современного теолога доктора Ханса Кунга «О том, как быть христианином» состоит из семисот двух страниц. Но в нем нет ни одной главы или даже статьи алфавитного указателя, которые были бы посвящены молитве. На недоуменные вопросы Кунг отвечал, что сожалеет о столь досадном упущении. Мол, цензоры из Ватикана на него давили, а установленные издателем сроки были жесткими, вот он и забыл о молитве.

Почему все теоретически признают важность молитвы, а на деле мало кто получает от нее удовлетворение? Почему молитвы Лютера и Чарльза Симеона, которые проводили на коленях по несколько часов кряду, столь сильно отличается от молитв современных христиан, которые уже через десять минут начинают ерзать на стуле?

Я всегда замечал огромную разницу между тем, как о молитве говорят и как молятся на самом деле. В теории молитва — это важный шаг человека навстречу Творцу Вселенной. Однако на практике оказывается, что молитва для нас — источник смущения и многих разочарований. Мой издатель проводил специальный опрос в интернете. Выяснилось, что из шестисот семидесяти восьми опрошенных лишь двадцать три полностью довольны своей молитвенной жизнью. Такое расхождение в цифрах и побудило меня написать эту книгу.

Несомненно, с развитием науки и техники мы придаем молитве все меньше значения. В стародавние времена земледельцы обращали взоры к невозмутимым небесам, умоляя о дожде. Теперь же мы предпочитаем исследовать области низкого давления, прокладывая оросительные каналы и вызывать осадки, наполняя облака крупными йодистого серебра. Когда в прошлом ребенок заболел, родители уповали на одного лишь Бога. В наше время они вызывают врача, а в экстренных случаях звонят в «скорую».

В современном мире на пути молитвы встала самая большая преграда под названием маловерие. Воздух, которым мы дышим, буквально пропитан сомнениями. Почему Бог не вмешивается? Разве Он не видит, что наш мир катится в бездну? Что за польза от молитвы, когда нам грозят ядерная война, терроризм, стихийные бедствия и глобальные изменения климата? Как писал в 1942 году Джордж Баттрик, священник Гарвардского университета, для многих людей молитва — не более чем «поток слов, растворяющихся во вселенском безразличии».

Рост материального благосостояния также не способствует молитвенным подвигам. Во время путешествий я всегда обращаю внимание на то, что в более бедных странах христиане меньше времени проводят в теоретических размышлениях о молитве. Они просто молятся. Богатые люди полагаются на свои таланты и средства. Они решают мелкие повседневные проблемы самостоятельно. Гарантия будущего для них — это страховые полисы и пенсионные фонды. Едва ли можно искренне просить: «Хлеб наш насущный дай нам на сей день», когда холодильник ломится от запасов на месяц вперед.

Хронический дефицит времени лишает молитву той неспешности, которой требует это занятие. Все меньше времени мы отводим и на общение с людьми, а само общение все чаще походит на короткие шифровки — sms и msn-сообщения, электронная почта и «аськи». У нас почти не остается времени для беседы, а уж для размышлений — и подавно. Мы живем с постоянным ощущением нехватки: нехватки времени, отдыха, физических нагрузок,

развлечений. Разве в жизни, которая постоянно отстает от расписания, найдется место Богу?

Если мы все же решаемся заглянуть в глубь себя и обнажить душу перед людьми, нам тут же бросаются на помощь всевозможные психологи и группы поддержки. Они пытаются делать то, что раньше считалось прерогативой Бога³. А мы и рады: ведь молитва невидимому Богу не дает эффекта обратной связи, который возникает при общении с консультантами или друзьями. Те, по крайней мере, могут в ответ сочувственно покивать головой. И вообще, кто-нибудь слушает, когда я молюсь? Как говорила гнусавая телефонистка Эрнестина, воплощенная на экране комедийной актрисой Лили Томлин: «Абонент, с которым я сейчас разговариваю, вы меня слышите?»

Для скептика молитва — самообман, пустая трата времени. А для верующего молитва, пожалуй, самое ценное времяпровождение. Как христианин, я согласен с верующими. Но почему молиться — это так трудно? Английский проповедник Мартин Ллойд-Джонс пришел к выводу: «Ни одно из христианских занятий не порождает столько недоумений и трудностей, как молитва».

Паломник

Я пишу о молитве как паломник, а не как знаток. Меня волнуют те же самые вопросы, которые в определенные моменты жизни возникали и возникают у каждого верующего человека. Слушает ли меня Бог? С чего вдруг я должен быть Ему небезразличен? Если Бог все знает, то какой смысл молиться? Почему в ответах на молитвы нет логики? Почему эти ответы порой походят на каприз Бога? Правда ли, что человек, за которого молится много народа, имеет больше шансов на физическое исцеление, чем тот, кто так же сильно болен, но за кого молятся всего несколько человек? Почему иногда кажется, что Бог близко, а иногда — что далеко? В ком вызывает изменения молитва: в Боге или во мне самом?

В других своих книгах я старался избегать темы молитвы. Наверное, из-за чувства вины и комплекса неполноценности. К своему стыду признаюсь, что я не веду дневника, не советуюсь с духовным наставником и не вхожу в молитвенную группу. Я не отрицаю, что порой смотрю на молитву глазами скептика. Я гораздо чаще переживаю о молитвах, оставшихся без ответа, нежели радуюсь тем, на которые Господь ответил. Короче говоря, я знаю лишь одно: я недостаточно сведущ в вопросах молитвы, чтобы уверенно писать эту книгу, но искренне хотел бы узнать больше.

Больше всего в жизни я желаю познать Бога. Психиатр Джеральд Мэй заметил: «На протяжении двадцати лет я выслушивал, как люди жалуются, что у них болит душа. В результате я убедился, что каждый человек от рождения стремится к Богу. Неважно, осознана наша религиозность или нет, но именно стремление к Богу — вот самое сильное наше желание и самое ценное сокровище». А уж если мы созданы по образу и подобию Божьему, то Он наверняка знает способ ответить на наше стремление. И способ этот — молитва.

По старой журналистской привычке я стал расспрашивать о молитве своих соседей, друзей-писателей, прихожан моей церкви, священников и просто обычных людей. Некоторые из собранных мною высказываний помещены в рамочках на страницах книги. Это — голоса из реальной жизни, которые не дадут мне отклониться от сути вопроса. Я буду указывать лишь имена людей, без фамилий. Некоторые из опрошенных хорошо известны в христианских кругах. Но мне не хочется, чтобы читатели обращали внимание на заслуги рассказчиков: по части молитвы мы все начинающие.

Моя книга — не молитвенное руководство с подробными описаниями различных методик — например, поста, молитвенного уединения и прочих духовных дисциплин. Я

³ *О негативном влиянии психотерапии на духовную жизнь человека рассказано в книге Лэрри Крабба «Целительная сила общения» М.: Триада, 2008. — Прим. ред.

смотрю на молитву как паломник, как путешественник, который разглядывает памятники, задает вопросы, все впитывает, взвешивает и обдумывает. Сознаюсь: я очень часто общался с христианами, которые говорили много, а размышляли крайне мало. Но пусть я лучше ошибусь, пусть ошибочно поверю, что люди говорили со мной искренне, нежели заподозрю в фальши невинного. Так что я верю всему, рассказанному мне. И услышанные мною рассказы появятся на страницах книги. Тем не менее, пока я писал, я научился воспринимать молитву не как суровую обязанность, а как дар Божий. Этот дар предназначен всем — и каждому лично, в том числе и мне. Все, что идет человеку во благо, требует дисциплины. И молитва — не исключение. Но все же я уверен: отношения с Богом должны быть скорее дружескими, нежели основанными на чувстве долга.

В молитвенной жизни бывают моменты воодушевления и безразличия, рассеянности и сосредоточенности, случаются вспышки радости и приступы гнева. Другими словами, для молитвы характерны основные черты любых серьезных отношений. Если считать молитву встречей человека с Богом, то, значит, я обязан узнать о ней как можно больше. Кстати сказать, большая часть проблем, возникающих в моей духовной жизни, неизменно связана с одним из двух вопросов: почему Бог не поступает так, как я того хочу, и почему я не делаю того, чего хочет от меня Бог. И именно молитва объединяет оба этих вопроса.

ГЛАВА 2. ВЗГЛЯД С ВЫСОТЫ

*К чему следить за огнями проходящих мимо кораблей? Надежнее
прокладывать курс по звездам*

Джордж Маршалл

Если вы решили подняться на высоту 4270 метров — на одну из вершин Скалистых гор, — вам лучше встать пораньше, около четырех утра, и по возможности отказаться от кофе: он вызывает обезвоживание организма, а на большой высоте обезвоживание и без того наступает быстро. И вот вы ведете машину по разбитой дороге. Вы предельно внимательны — вдруг под колеса бросится какая-нибудь живность. На высоте примерно в два с половиной километра начинается пешеходная тропа. Дальше ваш путь лежит между голубыми елями, соснами и лжетсунгами тиссолистными — проще говоря елями Дугласа. Под ногами пружинит опавшая хвоя. От земли исходит терпкий запах перегноя. Вы идете вдоль быстрого ручья, отливающего в предрассветном лунном сиянии белым серебром. Журчание воды останется единственным звуком до той поры, пока не проснутся лесные птицы.

На высоте более трех тысяч метров деревья редеют, взгляду открываются пышные луга, усеянные дикими цветами. Встает солнце. Сначала оно окрашивает во все оттенки красного цвета вершины гор, а потом роняет лучи в водоемы. По лугам в изобилии рассыпаны яркие созвездия цветов люпина, иван-чая, водосбора и лилейника. Растения с более экзотическими названиями — аконит северный, львиный зев, камнеломка, колокольчик, калужница болотная — селятся ближе к воде.

Вы идете вдоль ручья, обходите участки каменистых выступов... И вот, наконец, оказываетесь там, откуда альпинистская тропа зигзагом устремляется вверх по поросшему травой склону горы, который вы выбрали для восхождения. Сердце уже бьется, как у бегуна на короткую дистанцию. Спина под рюкзаком вспотела. Вы останавливаетесь, чтобы попить. И начинается подъем по крутой тропе. Главное теперь — выдержать. Раздается птичий гомон. Всполох индиго, яркий, как фейерверк, — это целая стая синешеек взметнулась навстречу солнцу.

Цветы, растущие на больших высотах, малы и низкорослы. Чтобы их разглядеть, приходится наклоняться очень низко. Местные жители в шутку называют туристов «брюхоногими ботаниками»: если не лечь на живот перед цветком, то его и не разглядеть. Горные сурки, братья сурков лесных, неспешно занимают наблюдательные посты. Наверное,

передают друг другу по цепочке весть о вашем приближении.

Но вот участки, заросшие травой, остались позади. Вы пробираетесь между валунами. Куски гранита размером с добрую тачку разукрашены лишайниками всех оттенков оранжевого, светло-зеленого, желтого. Нужно все время смотреть под ноги, проверять ступней каждый камень перед тем, как на него встать. Через час таких горных плясок вы добираетесь до узкой тропы, которая, как вы надеетесь, приведет вас к вершине. Вы отшвырнули рюкзак и устроили передышку. Пьете воду, перекусываете. Звон пульсирующей в ушах крови перекрывает все остальные звуки. Оглянувшись на пройденный путь, вы почувствуете некую завершенность. Теперь вы уверены, что дойдете до вершины.

Внизу, на краю леса, вы заметили крошечную точку. Нет, две точки. Животные или просто камни? Одно пятнышко пришло в движение. Нет, оно не может быть камнем. Сурок? С такого расстояния очень трудно определить размеры живого существа. Вторая точка вроде бы красного цвета. Может, тоже туристы? Вы смотрите на небо, пытаетесь отыскать признаки грозы, которая по прогнозам ожидается еще до полудня. Если это туристы, они здорово рискуют: начали подъем, по меньшей мере, на три часа позже вас. Кажется, что они ползут, как муравьи. Вот они уже достигли пешеходной тропы...

И тут вас озаряет: три часа назад и вы отсюда казались такой же точкой, пылинкой человеческой жизни на фоне творящей по своему разумению погоду горной громады, которой до вас нет никакого дела. (Известный альпинист однажды сказал: «Горы не убивают людей, они просто стоят на месте».) Как тут не почувствовать себя маленьким, незначительным? Зато теперь получаешь хоть какое-то представление о том, каким видит мир Господь.

Один из Псалмов (Пс 28:3–8) сравнивает гром с гласом Господа, Который сокрушает землю сверканьем молний. Конечно же, мы знаем, что молния — это электрический разряд, который возникает в результате того, что поток положительно заряженных частиц, стремительно поднимающихся от земной поверхности, встречается с отрицательно заряженными частицами грозовой тучи. Каждую секунду около ста молний в разных концах планеты достигают поверхности земли. Но мне не верится, что Бог планирует каждый из этих ударов. Мне доводилось попадать в сильные грозы вблизи вершины горы. Помню тихое гудение металлического ледоруба, помню легкое пощипывание кожи головы. Ступни плотно прижаты друг к другу, чтобы обеспечить по возможности меньшую площадь соприкосновения с землей. Я стою достаточно далеко от моего товарища — так ниже вероятность, что молния убьет обоих. Чтобы вычислить расстояние до эпицентра грозы, считаю секунды между вспышками молний и ударами грома: три секунды — один километр. В таких условиях понимаешь, каково твое истинное положение — ты беспомощное двуногое создание на поверхности гибнущей планеты.

Меня не оставляет надежда, что мне удастся когда-нибудь научиться управлять своей жизнью. Мой стол усеян бумажками, на каждой из которых списки важных дел: изучить инструкцию к упрямому принтеру, очистить сточную канаву от сосновых иголок, починить унитаз, сменить зимние шины на летние, позвонить больному соседу. Вот если взять выходной, я успел бы сделать все дела!.. А здесь, наверху, в ушах неистовым грохотом отзывается один удар молнии, расколовший валун на ближней вершине. Стихия полностью лишает иллюзий. Я понимаю, что не в состоянии ничего контролировать. На что я могу рассчитывать? Только на этот миг. Вполне может случиться так, что за ним уже ничего не будет. И мне остается повторять вслед за псалмопевцем: «Скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих, какое оно, дабы я знал, какой век мой» (Пс 38:5).

Гроза в горах стала оглушительным, ошеломляющим ответом на мои попытки всецело овладеть жизнью. Стихия нарушила мои жизненные приоритеты, перетасовала все в моей жизни.

Взгляд с земли

Но вспоминается мне и другая точка обзора, вид с которой затмил даже увиденное с горы. Весенней ночью 1997 года я отправился к озеру, расположенному недалеко от моего дома, чтобы посмотреть лунное затмение. На востоке, чуть выше горных вершин, в небе сияла комета Хейла-Боппа. Она была ярче любой звезды. Чтобы определить ее размер, я вытянул вперед и вверх сжатую в кулак руку. Кулак едва прикрывал светящуюся часть кометы. Потом я принялся рассматривать в бинокль эту небесную страничку, путешествующую через глубины Вселенной.

И тут на лунный диск начал наползать серп земной тени. Цвет луны принял неестественно оранжевый оттенок. Марс, который тогда максимально приблизился к Земле, светился недобрым красным светом чуть выше Луны. Чем больше Луна заходила в тень Земли, тем ярче сияли звезды. Млечный Путь разлился по небу рекой мерцающей алмазной пыли. Я так долго стоял с задранной головой, что затекла шея. Но ушел я, лишь когда на небосклон наползли облака, скрывшие от меня звезды, и повалил снег.

В ту ночь я тоже чувствовал себя соринкой. Только подумайте: если условно предположить, что Млечный Путь равен по размеру североамериканскому континенту, то Солнечная система уместилась бы в кофейной чашке. Сейчас два «Вояджера» мчатся к окраине Солнечной системы со скоростью сто шестьдесят тысяч километров в час. Они стартовали с Земли почти тридцать лет назад и покрыли за это время расстояние в пятнадцать миллиардов километров. Команды с Земли, хотя и перемещаются в пространстве со скоростью света, долетают до кораблей за тринадцать часов.

Покой дикой природы

Уэнделл Верри

Когда во мне нарастает отчаяние,
И я пробуждаюсь в ночи от малейшего звука,
Когда цепенею при мысли о том,
Какие несчастья могут случиться
Со мной и с моими детьми —
Тогда я иду и ложусь у озера:
По глади его грациозно скользят дикие утки,
А на мелководье кормятся гордые цапли.
Меня окружает покой дикой природы.
Здесь никто не отягощает себя страхом
Перед завтрашним днем.
Я попадаю в мир тихих вод.
Я ощущаю над собой
Угашенные дневным светом звезды.
Они ждут своего часа.
Я затихаю, отдавшись на милость природы —
И вот я свободен!

Итак, Солнечная система, которая в нашей модели оказалась не больше кофейной чашки, вкуче с сотнями миллиардов других звезд со своими планетными системами составляют Млечный Путь. А сам Млечный Путь — лишь одна из ста миллиардов галактик Вселенной. Сообщение, летящее со скоростью света, достигнет противоположного конца Вселенной за пятнадцать миллиардов лет.

«Когда взираю я на небеса Твои — дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?» — спрашивает псалмопевец (Пс 8:4, 5). Превосходный вопрос. Он не дает забыть о том, каково мое место в громадной Вселенной. А я так часто об этом забываю! Люди —

шепотка пыли, рассеянная по поверхности не приметной планеты. И в центре всего — Бог, источник силы и любви, который невозможно охватить разумом. Перед лицом такой действительности мы можем либо слиться с поверхностью планеты, как и подобает ничтожному гуманоиду, либо поднять взгляд к небесам и произнести: «Господи, Боже наш! Как величественно имя Твое по всей земле!» (Пс 8:10).

Итак, после подобных размышлений, после воспоминаний о виденном в горах и в небесах я и приступаю к исследованию таинства молитвы. Оба взгляда — с высоты и с земли — позволяют уловить отблеск реальности, которую видит Бог. Словно вспышка молнии, молитва на доли секунды высвечивает то, на что я упорно закрываю глаза: я беспомощен и слаб. Дома копятся незавершенные дела, никак не разрешаются проблемы с семьей и родственниками, мучают соблазны, подводит здоровье, нужно строить планы на будущее. Но все свои заботы я несу в иную реальность — в ту, которая больше моей. И там они странным образом обретают иной смысл.

Молитва — лекарство от близорукости. Она напоминает мне то, о чем я постоянно забываю. Я упорно стремлюсь поменяться с Богом местами: хочу, чтобы Он служил мне, а не я Ему. Бог напоминал Иову, что у Господа Вселенной много дел. Неплохо было бы хоть на минуту перестать жаловаться на судьбу и взглянуть на происходящее глазами Бога:

«Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. Кто положил меру ей, если знаешь? Или кто протягивал по ней вервь? На чем утверждены основания ее, или кто положил краеугольный камень ее, при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божий восклицали от радости?» (Иов 38:4–7).

Молитва заставляет меня оторвать взгляд от рутины — или, как в случае Иова, от трагедии — и хотя бы краешком глаза взглянуть на высшую реальность. Я осознаю: я мал, а Бог — велик. Я начинаю понимать, каково соотношение между мной и Богом. В Божьем присутствии я чувствую себя маленьким, потому что я и есть маленький.

После того, как все жгучие богословские вопросы были заданы, Бог открыл несчастному Иову глаза, и бедняга склонился перед Богом. «Я раскаиваюсь, — вот что по сути сказал Иов. — Я и сам не понимал, о чем спрашиваю!» Иов не получил ни одного ответа на свои животрепещущие вопросы. Но это уже не имело значения. Иов признал, что Господь имеет полное право спросить о нем: «Кто сей, омрачающий Провидение, ничего не разумея?» И вот ответ Иова: «Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал» (Иов 42:3).

Я до сих пор, брыкаясь и визжа, пытаюсь усвоить уроки Иова. Бог не нуждается в напоминаниях о том, какова природа вещей. А я нуждаюсь.

Третья планета от Солнца — Земля — имеет, помимо всего прочего, и богословскую ось. Было время — об этом рассказывает книга Бытия, — когда Бог и Адам прогуливались по саду и вели дружеские беседы. Для Адама было самым естественным делом общение с Тем, Кто его создал, Кто вложил в него творческое начало, Кто дал ему помощника — прекрасную Еву. И молитва была для Адама столь же естественным поступком, как для нас — разговор с коллегой или любимым человеком. Но после грехопадения Божье присутствие утратило свою реальность и для Адама, и для всех его потомков. Бог отдалился — усомниться в Его существовании стало легче. И легче стало Его отвергнуть.

Мое зрение ухудшается с каждым днем: я не вижу ничего, кроме материального мира. Лишь усилием воли мне удастся вспомнить слова Павла, адресованные искушенным афинским слушателям: Бог — «Он и недалеко от каждого из нас: ибо мы Им живем и движемся и существуем» (Деян 17:27, 28). Молитва может показаться действием странным, неловким, оторванным от реальной жизни. Но, согласитесь, еще более странно, что молитва кажется глупым занятием тем людям, для которых ориентирами служат модные журналы, где описываются поступки, продиктованные суевериями, собственными инстинктами, игрой гормонов, нормами общественной морали или даже расположением звезд.

Чаще всего молитва не оставляет ощущения уверенности, что ты услышан. Мы молимся в надежде, что слова каким-то образом преодолеют пропасть между видимым и невидимым мирами, проникнут в запредельность, существование которой мы не в состоянии доказать. Мы вступаем в Божьи владения, в царство духа, которое для нас менее реально, чем для Адама.

Вниз от истока

Джейн, персонаж пьесы Торнтон Уайлдера «Городок», получает письмо. На конверте адрес: название ее фермы, город, округ, штат, все, как положено. Но дальше написано «Соединенные Штаты Америки; континент Северная Америка; Западное полушарие; Земля; Солнечная система; Вселенная; Разум Божий». Так вот, христианам следует вести отсчет в обратном порядке. Если взглянуть на собственную жизнь с позиций Божьего Разума и Замысла, то все ее составляющие расположатся в надлежащем порядке. Или, во всяком случае, по-другому.

Мой дом стоит в глубоком ущелье, в тени огромных гор. По дну ущелья протекает Медвежий Ручей. Во время весеннего таяния снегов или после сильных дождей ручей превращается в бурный пенистый поток, больше похожий на реку. Случалось, в нем даже тонули люди. Однажды высоко в горах я отыскал исток ручья. Я стоял на заснеженной площадке, испещренной лунками в тех местах, где снег уже подтаял. Из недр снежного настила доносилось тихое бульканье, и из-под кромки снега вытекали струйки воды. Вода с тихим журчанием собиралась в лужицы, образовывала озерцо, из которого и начиналось ее долгое путешествие вниз по склону горы. По дороге малые ручьи сливались в один — так и рождался ручей, протекавший мимо моего дома.

Когда я начинаю размышлять о молитве, то чаще всего сбиваюсь с мысли. Я начинаю с низовий ручья — со своих забот — и несу их к Богу. Я рассказываю о них Богу так, будто Ему ничего обо мне неизвестно. Я молю Бога, надеясь изменить Его решение, переломить Его волю. Но мне следовало бы начать путешествие от истока ручья — от самого начала течения вод.

Стоило мне пересмотреть свою позицию, как я понял: Богу мои заботы известны. Он знает и про раздирающие мир войны, и про рак моего дяди, и про разбитые семьи, и про непослушных подростков. У Него забот больше, чем у меня. Реки благодати стекают до самого низа. Потоки милости не иссякают. Бог несет ответственность за все, происходящее на Земле. Моя задача — выяснить у Бога, что делать мне, чтобы разделить с Ним ответственность, понести свою долю. «Пусть, как вода, течет суд, и правда — как сильный поток!» — восклицает пророк (Ам 5:24).

Что мне делать: стоять на берегу или отдаться течению потока?

Итак, изменился мой взгляд на молитву и на мир в целом. Я смотрю на природу и вижу не только полевые цветы, не только золото осин, но и руку великого Художника. Я смотрю на человека, и перед моими глазами предстает не «бедное, голое двуногое животное», которым внезапно увидел себя шекспировский король Лир, а личность, созданная по образу и подобию Божьему и предназначенная для вечности. Благодарность и хвала сами рвутся из груди.

Мне приходится все время напоминать себе, какой должна быть истинная молитва: за день мои представления о ней искажаются. Я включаю телевизор. На меня изливаются рекламные потоки с заверениями, что суть успеха — в богатстве и красоте. Я еду в центр города и из окна автомобиля вижу грязного попрошайку с листком в руке «Благослови вас Бог! Помогите, чем можете!». Я отвожу глаза. Я помню репортаж об одном африканском диктаторе. Он затеял кампанию за чистоту города и снес бульдозерами целый район лачуг, оставив без крова семьсот тысяч человек. Миру сложно смотреть на происходящее глазами Бога.

Молитва, и только молитва помогает мне вновь вернуться к Божьей системе ценностей.

Я прозреваю и вижу, что богатство — это капкан, а не цель всей жизни. Ценность каждого из нас не определяется происхождением или социальным статусом. Ценность — в образе Божьем, который мы носим в себе. Сколько бы мы ни пытались стать красивее, красота не пойдет в расчет в мире грядущем.

Протопресвитер Александр Шмеман, декан Свято-Владимирской семинарии, рассказал о случае, произошедшем с ним в парижском метро. Он — тогда еще молодой — ехал со своей невестой. На одной из остановок в вагон вошла уродливая старуха в форме Армии Спасения и села рядом с ними. Влюбленные перешептывались на русском, обсуждая ее безобразный вид. Через несколько остановок женщина встала и, проходя мимо них к выходу, произнесла на чистом русском языке: «Я не всегда была уродиной». Отец Александр любил повторять своим студентам, что та женщина была ангелом Божиим. Она открыла ему глаза. Она заставила его прозреть. Этот случай запомнился ему на всю жизнь.

Внимание, вошедшее в привычку

«Остановитесь и познайте, что Я — Бог!» (Пс 45:11). В этом хорошо знакомом стихе из Псалмов заключены две равновеликие заповеди. Во-первых, нужно остановиться и успокоиться. Но остановке ожесточенно противится вся наша жизнь. Десять лет назад люди были довольны, если я отвечал на их письма в течение двух недель. Пять лет назад, чтобы не обидеть человека, было принято отвечать через пару дней. Сегодня отвечать на электронное письмо следует в тот же день. Меня бранят, если я немедленно не перезваниваю по мобильнику или не посылаю sms⁴.

Таинство, ощущение мира иного, осознание того, что бытие важнее делания... Без специальных усилий в этом суетном мире не удастся выкроить даже несколько мгновений покоя. Мне приходится выцарапывать у жизни время, чтобы позволить Богу окормить мою душу.

Совершая паломничество в итальянский город Ассизи, где некогда жил и проповедовал один из великих католических святых — святой Франциск, поэтесса и писательница-эссеистка Патриция Хэмпл стала записывать свои мысли о том, что такое молитва. Хвала. Благодарение. Мольба. Попытка выторговать что-то у Бога. Хныканье и скулеж. Сосредоточенность. И на этом список закончился: Патриция вдруг осознала, что молитва лишь кажется вербальным действием, «но по сути своей, это мировоззрение, это позиция, это поиск своего места в мире». Она поняла, что «сосредоточенность в молитве — это способ отключиться от всего, что нас окружает. Это привычка проявлять внимание ко всему сущему».

Ах, где ты, привычка быть внимательным! Успокойся, душа. Внимательность позволяет нам навести резкость и увидеть, как все обстоит на самом деле. Прекратив суетиться, начинаешь видеть логику Вселенной.

Умиротворенность души готовит меня к принятию Божьего наказа: «Остановитесь и познайте, что Я — Бог: буду превознесен в народах, превознесен на земле» (Пс 45:11). Только молитва позволяет мне верить этой истине. Мне, живущему в мире, который не только не стремится прославить Бога, а упорно делает вид, что Его нет.

На слушаниях Комиссии по справедливости и примирению в ЮАР темнокожий человек рассказал, как взывал к Богу, когда белые полицейские пытали его электрошоком, предварительно избив дубинками. Они смеялись ему в лицо: «Здесь Бог — это мы!» Абсурдность этого дерзкого заявления была налицо: лишенные власти и полномочий полицейские сидели, понуриив головы, на скамье подсудимых, а их обвинители проходили

⁴ *Когда журналист попросил поэта, монаха и богослова Томаса Мертона диагностировать главное духовное заболевание нашего времени, тот ответил одним словом: стремление к эффективности. Почему? «И в монастыре, и в Пентагоне все должно работать как часы... После такого трудового дня редко остаются силы и время на что-то еще». — Прим. авт.

перед ними — один за другим.

Второй псалом рисует образ Бога, Который смеется на небесах над восставшими против Него царями и князьями. Узник в ЮАР, преследуемый китайский священник, гонимые северокорейские верующие... Им нужно приложить огромное внутреннее усилие, чтобы верить: Бог действительно царит над народами⁵. Я вспоминаю, как апостол Павел пел в темнице в Филиппах (Деян 16:19–25) и как Иисус резко ответил Пилату: «Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше» (Ин 19:11). Даже в минуту опасности Иисус смотрел на происходящее с позиций вечности, существовавшей до сотворения времени, Солнечной системы и всей Вселенной.

«Остановитесь и познайте, что Я — Бог!» В латинском тексте слову «остановитесь» соответствует «vacate» — «освободиться». Католический теолог Саймон Тагвелл предлагает такую интерпретацию этого стиха: «Бог предлагает нам отдохнуть, взять отпуск: перестать на время быть богами и позволить быть Богом Ему». Зачастую молитва кажется нам серьезной повседневной обязанностью, которую необходимо втиснуть в распорядок дня. Мы не понимаем сути, объясняет Тагвелл: «Бог предлагает нам сделать перерыв, побездельничать. Отложить те важные дела, которые мы делаем, принимая на себя роль Господа. Пусть Богом будет Бог». Молитва позволяет мне рассказать о своих неудачах, ошибках, недостатках Тому, Кто милостиво относится к слабостям человека.

Но чтобы позволить Богу быть Богом, мне нужно встать с директорского кресла. Мне придется «разсотворить», разрушить мирок, который я столь тщательно созидал, — мирок, выстроенный для достижения моих целей. Адам и Ева, строители Вавилонской башни, Навуходоносор, южноафриканские полицейские, все, кто борется с зависимостями или даже со своим эгоизмом, поймут, о чем идет речь. Суть первородного греха в том, что двое попытались стать подобными Богу. Поэтому первый шаг в молитве — «помянуть» Бога и восстановить тем вселенскую справедливость. «Так с Человеком Бог в одно сольются», — говорил Мильтон.

Чужие

В течение нескольких лет я пытался помочь членам японской семьи Йокото в их отчаянных попытках добиться справедливости. В 1977 году тринадцатилетняя дочь супругов Йокото, Мегуми, пропала по дороге с тренировки по бадминтону домой. Полицейские собаки взяли след. След привел на ближайший пляж и оборвался. Супруги Йокото и представить себе не могли, чем вызвано внезапное исчезновение дочери. Шестнадцать лет спустя, когда Йокото уже смирились с ее гибелью, северокорейский перебежчик рассказал: в разведшколе живет японка по имени Мегуми, которая хорошо играет в бадминтон. Он утверждал, что корейцы похитили много японцев, которых теперь заставляют преподавать японский язык и культуру в разведшколах. Перебежчик даже добавил некоторые душераздирающие детали похищения: Мегуми завернули в циновку и переправили на корабль-разведчик, где она всю ночь царапала люк окровавленными пальцами и кричала: «Мама! Мама!»

В течение многих лет Северная Корея отказывалась признавать истинность подобных слухов. Но под давлением мировой общественности Ким Чен Ир — «любимый вождь» Северной Кореи — подтвердил, наконец, что тринадцать японцев, в том числе и Мегуми,

⁵ *В Британской Палате Общин принято произносить молитву, сочиненную в семнадцатом веке. Она дает современному человеку очень правильный взгляд на мир, несмотря на то, что слова ее кажутся чуждыми миру политики: «Всемогущий Боже, дающий королям власть и позволяющий князьям вершить справедливость! Ты Один даешь совет, мудрость и разум. Мы, недостойные Твои слуги, собрались здесь сегодня во имя Твое, чтобы смиренно молить Тебя о ниспослании нам небесной мудрости. Направляй нас во всех решениях наших. Пусть страх Божий не покидает нас. Помогни нам забыть о личных интересах, мнениях и пристрастиях, чтобы принятые нами решения прославляли Твое благословенное имя». — Прим. авт.

были похищены. Пять из них были возвращены в Японию. Восемь — по утверждению северокорейских властей — умерли. Умерла, по их словам, и Мегуми: повесилась в 1993 году, разорвав на веревки свое кимоно. Определенные подробности, предоставленные корейскими властями, свидетельствовали о ее смерти. Но Йокото отказывались верить, что дочери больше нет. О похищенных молились группы христиан по всей Японии. Миссис Йокото ездила по свету в поисках справедливости. Ее лицо стало хорошо известно японским телезрителям. Наконец ей удалось посетить Овальный кабинет и рассказать свою историю президенту Джорджу Бушу, который решил оказать ей возможную помощь.

Через двадцать семь лет после похищения, в 2004 году, северокорейские власти выслали родителям Мегуми фотографии дочери. На первой — сделанной сразу после похищения — тринадцатилетняя девочка в японской школьной форме — жалкая и одинокая.

— Увидев эту фотографию, мы разрыдались, — говорила мать Мегуми. Две другие фотографии были сняты зимой — женщина лет тридцати в пальто.

Супруги Йокото снова и снова смотрели на фотографии. Они находили утешение в том, что на последних фотографиях дочь выглядела ухоженной и здоровой. Они попытались представить себе жизнь Мегуми. Встречалась ли она с другими похищенными, говорила ли с ними, чтобы не забыть родной язык? Что помогало ей помнить о том, кто она такая? Помнить, что она не иммигрантка, а похищенная корейцами против воли японка? Пыталась ли она передать весточку родителям? Пыталась ли бежать? Что она помнила о Японии? Что помнила о своей семье? Сколько раз Мегуми устремляла взор к японским островам? Сколько раз жадно пробежала глазами газету в поисках статей о Родине? Во время путешествия по Азии в 2004 году меня попросили выступить в Токио перед членами молитвенных групп. Я лихорадочно думал: что мне такого сказать, чтобы утешить членов семей похищенных и их друзей? Я открыл Библию. Мне нужно было найти эпизоды, которые подходили бы для этих случаев. Я нуждался в примерах, рассказывающих о людях, которые служили Богу в чужеземных странах. Авраам оставил свой дом и отправился в неизведанные земли — те, на которых стояли и Содом с Гоморрой. Иосифа похитили, отец счел его мертвым, но он достиг высокого положения в Египте. Даниил и другие пророки служили в Вавилоне (нынешнем Ираке) и в Персии (нынешнем Иране). Эсфирь рисковала жизнью, чтобы спасти своих соотечественников в Персии. Павел принес Благою Весть в Рим, будучи в узах. Он стал первым из сонма миссионеров, которые в чужих странах подверглись гонениям. Были мученики и в самой Японии.

И все они, как и Мегуми, страстно старались не забыть о том, кто они такие — чужаки, оказавшиеся в незнакомых землях. Пророк Даниил ослушался приказа царя-тирана. Он, как и раньше, трижды в день открывал окно, выходившее в сторону Иерусалима, и молился. И ему, и другим верующим, живущим в чужих странах и, наверное, Мегуми молитва напоминала о той реальности, которую пытались скрыть от них обстоятельства. Вера помогала им не забыть об истине, которую всячески отрицала действительность, окружающая оторванных от Родины людей.

И для нас молитва может сделаться источником истины. Мы живем на падшей планете, которая все более отдаляется от Бога. Нам приходится прилагать немало усилий, чтобы не забыть, кто мы такие. Но мы — Божьи твари. Однажды мы восторжествуем вместе с Богом.

Зачем нужно молиться? Я задавал себе этот вопрос практически каждый день своей сознательной жизни. Особенно остро он стоял в те дни, когда Бог казался далеким-далеким, а молитва представлялась лишь упражнением в набожности, разговором с самим собой. Читая богословские книги, я спрашивал себя: какой толк твердить Богу о том, что Он и Сам наверняка знает? Но прошли годы, и молитва стала для меня чем-то большим, нежели список просьб, обращенных к Богу. Во время молитвы я корректирую свой мир. Я молюсь для того, чтобы вернуть в мироздание истину и хотя бы на миг увидеть наш мир и самого себя глазами Бога.

Во время молитвы я перестаю думать о себе. Я смотрю на себя через увеличительное стекло. Я смотрю на звезды и вспоминаю о той роли, которую играю в непостижимой

Вселенной. Молитва — это возможность посмотреть на мир глазами Бога.

Благослови тебя Бог, дитя мое!

Рейнер

Я очень хорошо помню свою первую молитву. Священник разъяснял моему другу Удо, как стать христианином:

— Давай преклоним колени и помолимся, — сказал священник.

И добавил, повернувшись ко мне:

— А ты, Рейнер, ты тоже хочешь стать христианином?

Я, не задумываясь, ответил «да» и произнес вместе со священником молитву. Это был незабываемый миг, который изменил меня навсегда. После молитвы я поднял глаза и увидел в окне звезды. Я почувствовал, что теперь каким-то непостижимым образом связан с бескрайней Вселенной. Именно тогда, в двенадцать лет, я нашел свое место в мире, нашел себя.

Но уже через полчаса я вернулся с небес на землю: дома мама накричала на меня за то, что я поздно вернулся. Я пытался объяснить ей, что произошло, но она меня не поняла. В ее представлении молиться значило вслед за священником повторять заученную молитву, и ничего более. После того вечера я три дня ничего не ел.

— Ты только о Боге и думаешь! — кричала мама. И она была права.

Стеснительный и робкий по натуре, я научился молиться вслух: прислушиваясь к молитвам других прихожан церкви, я понял, как это делается. Я сообразил, когда нужно вступать в молитву, а когда молчать. Оказалось, что молитве — общению с Богом — нужно учиться так же, как и общению с людьми. Как ни странно, мне стало легче молиться после того, как я, немец, пожил в Америке. Там мне пришлось молиться на чужом языке — на английском. И в результате я научился, молясь, четче формулировать свои мысли, тщательнее подбирать слова. Тогда я ощутил, что мне уже недостаточно повторять заученные привычные слова.

В конце концов я стал священником. Выслушивая людей, которые изливают предо мной свои беды и трудности, я стараюсь нести им утешение. И порой меня посещает чувство, что слова, которые я говорю им в такие моменты, — это молитва. Я ощущаю, что рядом с нами присутствует Кто-то Третий.

А еще я стал отцом. У меня есть сын и дочь. Когда они маленькими лежали в кроватках, я заходил в детскую, совершал над малышами крестное знамение и молился об их будущем. Ведь родителям не дано прожить жизнь за своих детей! Поэтому приходится всецело полагаться на Бога.

У сына началась эпилепсия. Первый приступ привел меня в ужас. Мы вызвали «скорую помощь». Пока врачи спешили к нам на помощь, я держал сына в объятиях, поглаживал его лоб. Голова мальчика тряслась. Я старался утешить испуганного ребенка словами, но сам не находил ни малейшего утешения. Совершенно

осознанно я пытался передать ему частицу своего духа, забрать его боль. Никогда прежде я не чувствовал такой близости с сыном, как при этом первом приступе. Мы оба были совершенно беспомощны и страшно перепуганы.

Молитва стала для меня еще и своеобразным благословением⁶. «Благослови тебя Господь!» — так я говорю своим прихожанам после исповеди. «Благослови тебя Господь, дитя мое!» — говорю я дочери, стоя у ее кровати. «Благослови тебя Господь», — твердил я извивавшемуся в конвульсиях сыну. Мне так хочется передать Божье благословение людям! Мне и самому хочется ощутить его во время молитвы.

Молясь, я порой позволяю себе расслабиться в объятиях Божьей любви. А порой меня в молитве бьет и колотит, как сына во время приступа.

ГЛАВА 3. ТАКИЕ, КАК ЕСТЬ

Молитва, предваряющая всякую молитву, такова: Сделай так, чтобы мое истинное «я» говорило с Тобой! Сделай так, чтобы я обращался к Твоему истинному «Я»!

Клайв Стейплз Льюис

Порой я спрашиваю себя, не являются ли слова, с которыми я обращаюсь к Богу, наименее значительной частью самой молитвы. Кто есть я? И Кто Бог? Если я сумею ответить на эти два вопроса, то слова моей молитвы отойдут на второй план. Молитва дает мне возможность отказаться от защитных механизмов и явить свое «я», которого не знает до конца ни один человек, Богу, Который видит меня насквозь.

Несколько лет назад я получил письмо от читателя. Назову его Марком. Он начал так:

«Всю свою взрослую жизнь я страдал от серьезного эмоционального нарушения — пограничного психического состояния, — которое сопровождалось депрессией, повышенной тревожностью, а также физическими недомоганиями. Чтобы пояснить ситуацию скажу: первые годы своей жизни я испытывал жестокое сексуальное и психологическое насилие со стороны собственной матери. Но хватит об этом».

Далее Марк признавался, что мои рассказы о людях, пример которых должен был бы воодушевить его, лишь усугубили его страдания.

«Полагаю, здесь мне надо бы рассмотреть такой вопрос: какую небесную награду получают те из нас, кто не трудится на Божьей ниве в городских трущобах? Или те, кто ежедневно борется с пристрастием к порнографии и для кого великое достижение — хотя бы один день без посещения порносайтов? Или те, кто, выздоравливая от химической зависимости, смогли достичь нравственного уровня, который составляет всего лишь десять процентов от уровня среднестатистического неверующего? Только ли здоровые Божьи служители удостоиваются благодати?»

⁶ *Мэри Руфь Своуп. Ежедневно благословляйте своих детей. М.: Триада, 2008. — Прим. ред.

Евангелие несет утешение таким людям, как Марк. Я ответил ему, что Божья благодать изливается подобно водам, заполняя собой глубочайшие впадины. Да и как нам познать благодать, если не иметь недостатков? Во времена Иисуса мытари, проститутки, нечистые тянулись к Божьей благодати, жаждали ее, а «профессионалы» от религии сжимали руки в кулаки. Протянуть открытую ладонь Богу — вот что нужно для принятия дара.

Однако письмо Марка еще долго не давало мне покоя. Я процитировал ему слова царя Давида: «Сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» (Пс 50:19). Бывают моменты, когда я сам черпаю силу в этом стихе. Конечно, не все страдают от пограничных психических состояний, не все находятся в плену постоянных сомнений. Должны ли мы всю жизнь каяться перед Богом в собственной несостоятельности? С каким чувством каждый из нас предстает перед Богом в молитве? И, наконец, как быть уверенным, что молится мое истинное «я»?

Виноватые

В книгах о молитве делается упор на исповедь. Но есть люди, которые охотно самоуничижаются перед Богом. Замечательный английский писатель и критик Сирил Коннолли сравнил это чувство с желанием «простереться всем своим «я» у Божьих ног подобно тому, как щенок кладет к ногам хозяина облизанный мячик». Мне встречаются и люди, подобные Марку, — те, кто жаждет целительного бальзама благодати. Я с радостью говорю им о милостях Христовых: Иисус не отвернется от человека, Он принимает алчущих и жаждущих, скорбящих и страждущих, одним словом — всех отчаявшихся. Для других, и я возглавляю их ряды, невыносимо больно отказываться от иллюзий. Но без такого отказа невозможно допустить к себе яркий Божий свет, который обнажит мою истинную сущность. Почему же исповедь так важна?

Чтобы лучше понять, давайте вспомним, какими крошечными пятнышками кажутся люди с высоты горного хребта или каким зернышком представляется сама Земля, если смотреть на нее из туманности Андромеды. Для меня исповедь — возможность напомнить себе о той реальности, которой я часто не придаю значения. Лишь помня об этой истинной реальности, я осознаю, что стою перед совершенным Богом, и Вселенная приходит для меня в равновесие. Во время исповеди тварное существо вспоминает, какое место оно занимает по отношению к Творцу. Широко известный проповедник Хэддон Робинсон почти каждую проповедь начинает со слов: «Боже, если бы эти люди знали обо мне то, что знаешь Ты, то не стали бы меня слушать». Исповедь играет огромную роль не только в сфере духа, но и в психологии⁷.

Молитва — это еще и основа человеческих взаимоотношений. Подобно многим мужьям, я со временем усвоил: замалчивать семейные проблемы — не значит избавляться от них. Совсем наоборот. Бывало, я случайно заводил разговор о незначительном недопонимании или размолвке, произошедшей несколько недель или даже месяцев назад, и вдруг узнавал, что за время молчания проблема разрослась до невероятных размеров. Так же реагирует и тело: легко удалить впившуюся в кожу занозу, но запущенная инфекция

⁷ *Американский писатель Фредерик Бюхнер отмечает, что Бог задал Адаму и Еве два очень точных вопроса. Это случилось после того, как они впервые ослушались Бога. Он спросил: «Где ты?» и «Что ты сделал?» Психологи задают человеку те же самые два вопроса. «Где ты?» — этот вопрос заставляет человека задуматься о настоящем. Он прячется — нагой, терзаемый неведомым ранее чувством вины и стыда. «Что ты сделал?» — этот вопрос обращен к прошлому. Затем в разговоре с Адамом и Евой Бог сообщает им о последствиях их поступка. И, наконец, Он одевает людей, чтобы таким образом их подготовить к новой реальности — той, которую породил совершенный ими проступок. «У них нет пути назад, но они могут двигаться вперед, облекшись в новые одежды», — говорит Бюхнер. Такого же результата добивается и каждый хороший психолог. — Прим. авт.

подвергает опасности не только здоровье, но и саму жизнь человека.

Когда Иисус попытался вскрыть духовный нарыв — призвать к ответу фарисеев, наиболее религиозных людей Своего времени, — те решили избавиться от Божьего Сына. Слышать правду больно. Но все же человеку не видать исцеления, пока он не выслушает Божий диагноз, не узнает о своем нездоровье. Бог знает нас. Он понимает: каждому человеку необходимо примириться со своим истинным «я». Псалмопевец взывает: «Испытай меня, Боже... и зри, не на опасном ли я пути...» (Пс 138:23, 24). Сколько еще можно заниматься самообманом? Мне нужна помощь Бога, чтобы избавиться от скрытых в душе эгоизма, гордыни, лживости, жестокости.

Но всякий раз, когда я прихожу в отчаяние от отсутствия видимого прогресса в духовной жизни, я понимаю: отчаяние — уже есть показатель прогресса. В такие моменты у меня возникает чувство оторванности от Бога, и все потому, что я на самом-то деле совершенно ясно представляю себе, и чего хочет от меня Бог, и насколько я далек от Божьего идеала. Вот почему у меня хватило мудрости сказать Марку слово надежды. Марк (как, кстати, и любой выздоравливающий алкоголик), ощутив бессилие и отчаяние, пришел в то состояние, при котором Божья благодать и исцеление уже способны сделать свое дело. Марку не придется болезненно смирять себя — обстоятельства жизни уже его смирили.

Писатель Уолтер Вангерин рассказывает, как несправедлив был поначалу к своей жене Танни. В те годы он учился в семинарии и стремился стать священником. Но он стеснялся молиться вслух вместе с женой. Молитва представлялась ему слишком личным, слишком интимным актом. И вот, мучаясь чувством вины, которое пересилило-таки его робость, он согласился помолиться вместе с Танни. Какое-то время они бок о бок молча лежали в кровати. Каждый надеялся, что другой заговорит первым. Уолтер начал с похожей на гимн «официальной» молитвы, которой выучился в семинарии. После небольшой паузы он услышал, как Танни простыми словами, четко выражая свои мысли, стала смиренно говорить с Богом о нем, о своем муже. Слушая жену, Уолтер расплакался. Чувство вины растворилось: он понял, что смирение — необходимейший шаг на пути к исцелению.

Иисус повторял своим ученикам: не молитесь как лицемеры, которые любят красоваться перед людьми. Скройтесь от посторонних глаз и молитесь Отцу, Который Один видит тайное. Наставления Христа озадачили некоторых толкователей Библии. Известно, что в те времена в домах трудно было найти уголок для уединения. Должно быть, Иисус говорил о своеобразном святилище души — о том состоянии души, когда мы можем быть абсолютно честными с Богом. Даже если я неспособен уединиться физически, я все равно должен быть уверен в том, что мои молитвы искренние, а не показные. Быть искренним легче, когда ты один. Но и в переполненной народом церкви, и рядом с престарелыми родителями, и в постели с супругом вполне реально молиться честно.

Беспомощные

Норвежский теолог Оле Халлесби пришел к выводу, что точнее всего передают внутреннее состояние человека, которое угодно Богу во время молитвы, слова «беспомощность», «бессилие». «Облечен наш внутренний настрой в слова или нет — для Господа значения не имеет. Вербализация внутреннего состояния важна лишь для нас самих». Он добавляет: «По-настоящему молиться способен только не полагающийся на свои силы человек».

Вот беда! С самого детства нам внушают, что нужно верить в собственные силы. Каждый самостоятельный поступок ребенка — праздник для родителей. Вот он научился сам ходить в туалет, одеваться, чистить зубы, завязывать шнурки, кататься на велосипеде. Он один дошел до школы! Малыш упрямо твердит: «Я сам!», и родители втайне гордятся его независимостью, пусть даже ребенок делает ошибки.

Хранители секретов

Джон

Я уже двадцать пять лет работаю с бездомными. Мы открыли небольшую кофейню, куда они могут зайти. А в воскресенье на верхнем этаже мы проводим богослужение. Работая с такими подопечными, мы никогда не знаем, что может произойти в следующую минуту.

Очень многие из наших посетителей отвратительно воняют. Неуравновешенные люди склонны к очень длинным молитвам. Во время богослужения наши «прихожане» бродят туда-сюда. На прошлой неделе кто-то из них произнес такую молитву: «Благодарю Тебя, Боже, за таблетки от газов!» Другой воскликнул: «Наш Бог никогда не тупит!»

Меня удивил тот факт, что среди бездомных очень много фундаменталистов. По крайней мере, среди тех, кто считает себя верующим. Ничего удивительного: миссии, которые их кормят, склонны проповедовать крайне жесткие доктрины — крошечный ад и раскаленные сковородки. Много среди бездомных и людей, которые с детства сохранили неприятные воспоминания о Боге. Они стыдятся самих себя, ощущают бесполезность собственной жизни.

У меня есть такая теория: и наши бездомные, и служители-фундаменталисты страдают от нарушения привязанностей. В детстве они не ощутили близости с родителями и теперь не могут достичь близости с Богом. Довериться человеку для них немыслимо. И столь же немыслимо для них довериться Богу.

Мои друзья из Анонимных Алкоголиков любят говорить: «Мы больны настолько, насколько нездоровы секреты, которые мы храним». Я знаю много людей, хранящих мрачайшие тайны. И им некому их поведать. Порой они сходят с ума. Я серьезно. Они буквально сходят с ума, потому что не в состоянии больше оставаться один на один со своими темными мыслями и секретами. Или начинают пить. Или становятся наркоманами.

У меня был друг. Он тоже работал с бездомными, буквально в нескольких кварталах от меня. Его постоянно грызли секреты. Он никому не рассказывал о своих неудачах, о финансовых затруднениях. Секреты бурлили в нем, как раскаленная лава. Они сожгли его душу. Однажды его жена вошла в дом — а он болтается в петле. Даже передать не могу, какой это был удар для всех людей, кому он служил. Они и сами-то не жильцы были, а тут их пастор себя убил⁸.

Секреты есть у каждого. Если у кого есть жена или друг, то, значит, ему есть с кем поделиться секретом. Если нет рядом человека, которому доверяешь, то можно поговорить с Богом. Он знает все секреты и без наших рассказов. И если мы все еще живы,

⁸ *Подробно о семейных и индивидуальных секретах и о преодолении их пагубного влияния рассказано в книге Дэйва Кардера, Эрла Хенслина, Джона Таунсенда, Генри Клауда и Алисы Браванд «Семейные секреты, которые мешают жить». М.: Триада, 2008. — Прим. ред.

это значит, что Бог к нашим делишкам относится гораздо терпимее, чем нам представляется.

Если я не ошибаюсь относительно нарушения привязанностей, то основное в моем служении бездомным — это предложить им прочные отношения. Я говорю людям: «Я целые дни провожу с бедными, это мое главное дело». И за прошедшие годы, за прошедшие десятилетия люди привыкли мне доверять. Они знают, что я умею хранить секреты. И я очень надеюсь, что со временем это доверие распространится и на Бога. Я всегда говорю: когда встречаете бездомного, не бойтесь посмотреть ему в глаза, выслушать его. Это для него гораздо важнее, чем получить от вас еду или деньги. Даже важнее, чем услышать от вас стих из Библии. Любому обездоленному необходимо почувствовать близость с другим человеческим существом.

Один немецкий поэт написал стихотворение о бедных:
Давайте сделаем так, чтобы бедных
Не презирали, не выбрасывали из жизни.
Представьте себе, что они —
Полевые цветы, которым больше негде расти.

Взрослый человек хочет зарабатывать себе на жизнь, мечтает купить собственный дом, стремится принимать самостоятельные решения: ему неприятно полагаться на постороннюю помощь. Мы смотрим сверху вниз на тех, кто живет на пособие или за счет пожертвований. Натолкнувшись на неожиданное препятствие, мы тут же спешим купить книжку из серии «Помоги себе сам». Мы систематически давим в себе то самое внутреннее состояние, которое столь угодно Богу и очень точно отражает истинное положение человека во Вселенной. «Без Меня не можете делать ничего» (Ин 15:5) — сказал Иисус Своим ученикам. Очевидный факт, который все мы пытаемся молчаливо отрицать.

На самом деле я очень не уверен в собственных силах. В первом классе меня страшно раздражало то, что учительница поправляла мои ошибки. Я хотел читать сам, без посторонней помощи. Но если бы учительница не выполняла свои обязанности надлежащим образом, я так и не научился бы читать, да и писать тоже. Теперь я взрослый, и меня не раздражает некая зависимость от коммунальных служб, которые обеспечивают мой дом водой и теплом. Изготовление автомашины я, естественно, доверю автозаводу. Я не попытаюсь собирать ее сам. Я полагаюсь на фермеров, которые производят продукты питания, и на священников, которые питают меня пищей духовной. Я живу в системе, где все взаимозависимо, и в центре которой — Бог. Им держится все.

Молитва заставляет меня увидеть мое истинное место в жизни. Как сказал настоящий христианин, священник, писатель и богослов Генри Нувен: «Молиться — значит ходить в свете Божьем, обращаясь к Богу со словами: «Я человек, а Ты Бог». Таково примирение с Богом, восстановление истинных отношений с Ним. Ошибочно полагать, что человек — это тот, кто время от времени делает ошибки, а Бог — Тот, Кто время от времени прощает согрешившего. Нет, человек — это всегда грешник, а Бог — это всегда любовь».

Как часто мамы и папы, когда их дети выходят из возраста полной зависимости от взрослых, ощущают душевный дискомфорт — от легкого укола до тяжелого и длительного кризиса. Пусть даже родители осознают при этом, что подобный рост — явление вполне здоровое и естественное. Но наши отношения с Богом не таковы. Мне никогда не удастся вырасти из состояния зависимости от Бога. И если я думаю иначе, то лишь обманываю себя. Суть молитвы — просьба о помощи. Молитва — провозглашение зависимости от Бога.

Персонаж одного из романов американского писателя Генри Адамса разочарованно восклицает: «Почему церковь взывает лишь к слабым сторонам моего естества, и никогда — к сильным?» Мне на ум приходят несколько причин. Мир боготворит успех, но только

признание собственной слабости, нищеты своего духа укрощает гордыню и в то же время подготавливает нас к принятию благодати. Немощи подталкивают к молитве, они вызывают к Божьему состраданию и силе.

«Господь поддерживает всех падающих и восставляет всех низверженных» (Пс 144:14).
Какое приношение могу сложить я к ногам Великого Целителя? Только мои раны.

Смиренные

В одном из посланий апостола Петра есть слова, непосредственно относящиеся к молитве: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Итак смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время. Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас» (1 Пет 5:5–7). Обратите внимание на порядок действий: смирение, то есть шаг вниз, позволяет Господу вознести нас. Все мои попытки возвыситься, проявить силу — заслон для силы Божьей.

Притча Иисуса о фарисее и мытаре противопоставляет молитву человека самодовольного, которую Бог не принимает, молитве отчаявшегося: «Боже! Будь милостив ко мне грешнику!» (Лк 18:13). Именно такая молитва угодна Богу. И Христос делает из этой истории вывод: «Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк 18:14).

Раньше я не ценил смирение, путал его с низкой самооценкой. Мне казалось, что смирение христиан — это ложная скромность, нарочитое самоунижение или даже своего рода подхалимаж, мол: «Я вообще ни при чем — все сделал Господь». Однако с тех пор я встретил примеры подлинного смирения, и проявляли его люди, которыми я восхищаюсь. Для них смирение — это осознание факта: природные дары они получили от Бога, их собственных заслуг тут нет. А потому и используют они свои дары для служения Господу.

Мой первый работодатель — Гарольд Майра, президент журнального концерна «Христианство сегодня», проявил море смирения: он был терпелив и добр со мной — молодым писателем, у которого еще молоко на губах не обсохло. Он никогда не вносил редакторской правки без моего согласия, зато всеми силами пытался убедить меня, что предложенные им изменения сделают статью лучше. Гарольд видел свою задачу не только в том, чтобы улучшить текст, но и в том, чтобы писатель научился лучше писать. И для этого ему приходилось шаг за шагом показывать мне преимущества предложенной им правки.

Были в моей жизни и другие герои. Их смирение проявлялось в том, что они помогали презренным и отверженным. Я вспоминаю доктора Пола Брэнда, молодого перспективного английского врача. Он добровольно уехал в Индию и первым из хирургов-ортопедов начал работать с прокаженными, многие из которых принадлежали к касте неприкасаемых. Или вспомним Генри Нувена — профессора Йельского и Гарвардского университетов, который стал священником. Он работал среди людей, не обладающих и сотой долей того интеллекта, которым были наделены студенты оставленных Нувеном престижнейших университетов. Нувен трудился в международной организации «Лярш»⁹ — окормлял умственно отсталых во Франции и Канаде. Оба этих человека показали мне своим примером: готовность идти вниз может даровать тот успех, выше которого в жизни ничего нет.

Вся Америка наблюдала за унижением президента Джимми Картера: он проиграл выборы и был отвергнут собственной партией. Выйдя в отставку, этот некогда самый могущественный в мире человек решил, что не будет тратить время на игру в гольф и участие в ток-шоу, а станет помогать бедным в Африке и строить дома для малоимущих.

⁹ *Лярш (PArche, фр. «Ковчег») — международная организация христианских сообществ, участники которой работают с людьми, страдающими неврологическими и психиатрическими заболеваниями. — Прим. ред.

В Древней Греции и Риме смирение не ценилось. Восхищение вызывали те, кто многого достиг и был уверен в собственных силах.

И сегодня средства массовой информации, захлебываясь от восторга, освещают жизнь супермоделей, напыщенных рэп-музыкантов, хвастливых спортсменов и миллиардеров, которые получают удовольствие, выгоняя людей с работы. Богослов Дэниэл Хоук говорит об этом так: «Главная проблема человечества состоит в том, что каждый уверен: Бог существует, и Бог — это я». Нам приходится постоянно корректировать свое отношение к миру, и такая коррекция, на мой взгляд, происходит во время молитвы. Зачем в отношениях с Богом нужно смирение? Затем, чтобы увидеть истину. Факторы, которые в значительной степени определяют ход моей жизни — национальность, родной язык, внешность и фигура, умственные способности, век, в котором я родился, состояние здоровья и сама возможность все еще оставаться в живых, — частично или полностью не подвластны моему контролю. Можно подойти к вопросу и более масштабно: я не способен повлиять на скорость вращения планеты Земля или изменить форму ее орбиты. Но и без меня Земля расположена на оптимальном расстоянии от Солнца: мы и не замерзаем, и не поджариваемся. Мне неподвластно действие силы притяжения, благодаря которой все в вечно движущемся мироздании пребывает в идеальном равновесии. Есть Бог. И Бог — это не я. Смирение — это не пресмыкательство перед Богом. Мне не приходится, словно придворному на Востоке, извиваться перед владыкой на пузе. Наоборот. Предполагается, что в присутствии Бога я способен видеть свое истинное место во Вселенной. Я вижу и кроху-себя, и громаду-Бога.

Сомневающиеся

В одной из самых коротких Своих притч Иисус рассказывает о человеке, который нашел зарытое в поле сокровище: «Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то» (Мф 13:44). Я прежде не понимал эту притчу и сосредоточивал свое внимание на пустяках: как человек нашел клад или где на поле было спрятано сокровище. Очень многое в христианстве происходит под покровом тайны: Бог сокрыт во Младенце, лежащем в яслях. Он — в священных словах, которые записывали евреи на протяжении всей своей многострадальной истории. И — что самое невероятное — в Церкви, которая никак не может быть ни более святой, ни более сверхъестественной, чем ее члены — люди.

И вот я копаю и копаю, продолжаю искать объяснение загадочным доктринам, подобным учению о Пресвятой Троице. Объяснение же мне нужно такое, чтобы его поняли и мои друзья-евреи, и мои друзья-мусульмане. Я впадаю в сомнение: не слишком ли медленно разворачивается Божий план искупления мира? Оправдывает ли он столько мучений, включая и муки Божьего Сына? Почему у Бога есть план спасения для человека, а для падших ангелов — нет? Почему несколько десятилетий, которые я проведу на этой планете, определяют, какой будет для меня вечность?

Как-то раз во время поездки в Японию я допоздна задержался в кабинете у настоятеля одной из самых больших церквей Токио. (Слова «самая большая церковь» в стране, где лишь один процент населения называет себя христианами, могут ввести в заблуждение. Средний размер церкви здесь — тридцать человек.) Я прилетел в Японию утром. Позади остался трудный день, наполненный собраниями и встречами. Мне хотелось поскорее отправиться спать, но правила японского гостеприимства требовали от меня нанести этот визит вежливости.

0 пути на богомолье

Райнер Мария Рильке. Часослов. Книга вторая.

Я вновь молюсь, Благословенный, —

Ты вновь внимаешь на ветру.
В моей пучине сокровенной
Слова для песни собираю.
Был распылен, разбит, рассеян
На сотню спорщиков мой пыл.
Я каждым смехом был осмеян
И каждой жаждой выпит был.
Я собирал себя на свалке
У покосившихся лачуг,
Мои находки были жалки —
Обрывки губ, обрубки рук.
Казалось мне: еще немного...
Но Ты, Предвечный, был вдали,
И пару глаз — увидеть Бога —
Еще не поднял я с земли.
Я был тогда — сгоревший дом,
Где лишь убийца заночует,
Пока добычу не почует,
Спеша на свет в окне чужом.
Я был, как город, зачумлен,
Где замерли слова и звуки
И смерть проходит за кордон,
Ложась, как труп, ребенку в руки.
Я был собою поражен, как будто я — не я, а он
(О мама, сколько горькой муки Из-за него
С тех пор, как сердце в робком стуке
Забилось возле твоего).
Но я теперь уже не тот:
Из груди моего позора
Возникну заново — и скоро
Найдется Разум — тот, который
За вещь одну меня сочтет,
Найдется сердце и терпенье.
(Скорей бы этот миг настал).
О Боже!
Я пересчитал Себя — потратить по усмотрению!

Священник вытащил кучу бумаг и через переводчика поведал мне, что на протяжении всей жизни его волновал один вопрос — но он всегда боялся о нем говорить. Выслушаю ли я его? Я кивнул и потянулся за кружкой кофе, нарушая свое собственное правило — кофе вечером не пить. В течение следующих двадцати минут священник без остановки изливал мне свою боль. Он говорил о девяноста девяти процентах японцев, которые не обратились ко Христу. Будут ли все они гореть в аду из-за своего неведения? Он слышал, что некоторые богословы считают: людям после смерти будет дан второй шанс. Он знает загадочное место из Первого послания апостола Петра о том, что Иисус проповедовал находящимся в аду. Он читал богословские труды, авторы которых, похоже, верили во всемирное спасение, хотя в Библии есть отрывки, указывающие на обратное. Могу ли я его чем-то утешить? Или хотя бы обсудить этот вопрос?

Размышляя вслух, я вспомнил, что Бог повелевает Солнцу вставать над праведными и неправедными. Бог не желает, чтобы хоть кто-то на Земле погиб. Последние Свои силы перед смертью Божий Сын отдал молитве за Своих врагов. Мы обсудили точку зрения, представленную Клайвом Льюисом в его прелюбопытнейшей фантазии «Расторжение

брака». В ней показаны такие люди, как Наполеон, которым после смерти был дан второй шанс, но они от него отказались. «Да будет воля твоя», — с неохотой говорит Господь тем, кто лишил себя последней возможности.

«Я не знаю ответа на ваш вопрос, — произнес я наконец, — но твердо верю, что в конце времен никто не скажет Богу: «Ты был несправедлив!» Чем бы ни закончилась земная история, справедливость и милосердие восторжествуют».

Как и Иова, меня к этому выводу подвели не наблюдения и споры, а встреча с Богом. «Бог ведь способен понять мои сомнения, коль я живу в таком мире, как наш?» — спрашивали себя многие люди, брошенные в нацистские концлагеря. Я верю, что Он способен. И отчасти оттого, что данное нам Божье откровение красноречиво отражает наши сомнения.

Я бросаю вызов скептикам: пусть найдут хоть один аргумент, использованный против Бога великими агностиками — Вольтером, Дэвидом Юмом, Бертраном Расселом — который не был бы приведен в таких библейских Книгах, как Книга пророка Аввакума, Псалтырь, Екклесиаст, Плач Иеремии и, конечно же, в Книге Иова. Эти мощнейшие составляющие Писания отражают муки человека в мире, порядок в котором нарушен: боль, предательство, бессмысленность жизни, кажущееся равнодушие Бога или Его отсутствие. И самое важное: обвинения звучат со страниц Библии в форме молитв.

Молитва дает мне возможность излить Богу мои сомнения и жалобы — то есть, рассказать Ему о своем невежестве и обнажиться перед светом той реальности, которую я не понимаю, но робко ей учусь доверять. Молитва — дело очень личное. И, по мере того как я все глубже узнаю Личность, Которой я поверяю свои сомнения, они начинают рассеиваться.

В течение многих лет я упускал главную мысль притчи о сокровище. Да, человек в поте лица трудился для того, чтобы найти сокровище, но потом он «с радостью пошел и продал все, что имел, и купил поле». После своей находки он, как мне кажется, больше и не вспоминал о тех трудностях, которые ему пришлось преодолеть.

Честные

Однажды в Чикаго я проводил занятия в воскресной школе. Молоденькая девушка подняла руку, чтобы задать вопрос. Я знал ее. Она была застенчива, добросовестна, исправно посещала занятия, но никогда не высказывала своего мнения. Все остальные члены группы, похоже, были удивлены и внимательно вслушивались в слова девушки. «Во время молитвы я не всегда бываю искренна, — начала она. — Иногда мои слова вымучены, будто я просто повторяю заученное стихотворение. Слышит ли Бог такие молитвы? Продолжать ли мне молиться, если я не уверена, что делаю это правильно?»

Прежде чем ответить, я позволил тишине на некоторое время воцариться в аудитории. «Заметили, как здесь тихо? — спросил я. — Мы все ценим вашу честность. Вам потребовалось мужество, чтобы открыться перед остальными. Но вы каждого из нас задели за живое. Вы искренни. Продавец, которому платят за то, чтобы он сбывал товар, умеет говорить правильные слова. Но разве в его посулах чувствуется искренность? Зато вас все слушали внимательно, и каждый невольно начал уважать вас за честность. Представьте себе, что и Бог выслушивает вас с таким же вниманием. Более всего Бог желает видеть ваше подлинное лицо».

У японцев, нации загадочной, есть два слова, которые отражают некое раздвоение личности. Одно из них та-тэ-ма-э означает ту часть меня, которую я позволяю видеть посторонним, а второе — хонг-нэ — это происходящее внутри меня — то, что никто не видит. Людям европейского склада понадобились бы, я думаю, целых три таких слова. Одно — для своего внешнего «я», которое видят наши коллеги по работе, продавцы магазина и просто случайные люди. Еще одно — для ранимой части нашего естества, которую мы показываем лишь отдельным членам семьи и ближайшим друзьям. И третье — для тайных уголков души, которые не видит никто и никогда.

Именно эту третью сторону личности Господь и хочет видеть, когда мы предстаем перед Ним в молитве. Молитва существует, чтобы выразить неподвластное словам, обнажить свой тайный стыд, поведать о печалях, которые мы скрываем от внешнего мира. Я тщетно воздвигаю преграды между собой и Богом, упрямо закрывая глаза на тот факт, что Он глядит мне в сердце, проникая сквозь мое та-тэ-ма-э, достигая моего хонг-нэ. Он видит то, что не дано увидеть ни одному человеку. Ведь сказал же Господь Самуилу: «Я смотрю не так, как смотрит человек; ибо человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце» (1 Цар 16:7).

Мне порой даже кажется, что истинная молитва — это те мои мысли и чувства, которые во время молитвы возникают, а вовсе не произносимые мной слова. Ни одна моя мысль не ускользнет от Бога: «Еще нет слова на языке моем, — Ты, Господи, уже знаешь его совершенно... Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо — Ты там; сойду ли в преисподнюю — и там Ты» (Пс 138:4, 7–8). И по мере того как я учусь «озвучивать» свои тайные помыслы и ощущения, их власть надо мной ослабевает.

Я прекрасно знаю цену поверхностным отношениям с людьми. У меня есть множество знакомых, с которыми я обсуждаю погоду, спорт, концерты и фильмы, стараясь избегать разговоров о значимом: о подавленной боли и тайной зависти, о грубости их детей и о духовном неблагополучии. В результате такие отношения не развиваются. С другой стороны, если яверяю друзьям свои тайны, наши отношения углубляются.

Также и с Богом. Пока я не стану откровенно говорить с Ним о том, как горько не получать ответа на молитвы, как сильна боль утрат, как мне стыдно за то, что я никак не могу простить друга, как мучительно не чувствовать Божьего присутствия, наши отношения тоже не сдвинутся с места. Пусть я посещаю церковь, пою псалмы и вежливо обращаюсь к Богу с заученной молитвой! Без искренности с моей стороны близости с Богом не достичь. «Нужно раскрыть себя перед Богом таким, каков ты есть, а не представляться перед Ним таким, каким должен был бы быть», — писал Клайв Льюис. Другими словами, следует довериться Богу и не скрывать от Него то, что Он и так уже знает.

Моя канадская подруга написала мне, что большую часть жизни стыдилась своих отрицательных эмоций — грусти, страха и злости. Она пыталась их подавлять, но поняла: любая попытка превратить отрицательные эмоции в положительные выльется в чистой воды притворство. Ей придется лукавить, скрывая свои истинные чувства. И она пришла к выводу:

«Лукавить перед Богом — пустая трата времени. К чему стыд? К чему притворство? Не лучше ли признать наличие отрицательных чувств и честно рассказать о них Богу? Я поняла, что никогда не перестану испытывать сильные эмоции. Так уж я устроена. Я настолько эмоциональна, что чувства у меня никогда не иссякнут. Однако я должна научиться жить правильно, несмотря на свои изменчивые чувства. И я верю, что Бог способен научить меня этому».

Уязвимые

Однажды мне пришла в голову такая мысль: я часто беспокоюсь о том, ощущаю ли я Божье присутствие, но никогда не задумываюсь о том, ощущает ли мое присутствие Бог. Обнажаю ли я перед Ним в молитве сокрытые тайники моей души? Ведь только обнажив душу, я способен увидеть самого себя таким, какой я есть. Увидеть в свете Божьем. В этом свете я чувствую себя совершенно голым, вижу себя абсолютно не таким, каким стараюсь казаться самому себе и всем окружающим. Бог, и только Бог знает, какие сокрытые мотивы таятся за моими поступками. Змеинный клубок похоти и гордыни? Не-исцеленные раны, которые, как ни парадоксально, заставляют меня притворяться абсолютно цельным и здоровым? Молитва подвигает меня возложить к Божьим стопам всю мою жизнь, чтобы Он очистил все нечистое и исцелил все не исцеленное. Разоблачиться, полностью раскрыться — нелегко, но процесс «саморазоблачения» показывает мне: под слоями копоти и пыли сокрыт шедевр, который Господь готов отреставрировать.

«Мы не способны сделать Бога видимым, но мы способны сделаться видимыми для Бога», — сказал как-то иудейский теолог Авраам Джошуа Хешель. Неуверенно, со стыдом и страхом, я предпринимаю попытку стать видимым для Бога и... чувствую себя свободнее. Страх быть отвергнутым растворяется в Божьих объятьях. Я не понимаю этого умом, а лишь верю: Богу угодно и приятно знать любую мелочь о моей жизни.

«Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя. Вот, Я начертал тебя на дланях Моих» (Ис 49:15, 16).

Мне представляется мать. Она души не чает в своем малыше, который так мало дает ей взамен. Любой чих, любой поворот маленькой головки, движение глаз младенца, его улыбка, его крик — ничто не ускользает от внимания матери. Если уж человеческое дитя купается в материнской любви, то сколько же любви получает дитя Божье!

Человек — *Homo sapiens* — единственный биологический вид на земле, с которым Господь может вести диалог. Только человек способен членораздельно выражать благодарность или жалобу. Только человек способен описать словами увиденное чудо или трагическое происшествие. Как же можно обесценивать ту уникальную роль, которая отведена человеку во Вселенной? Человек рождает слова. Слова, обращенные к Творцу. И Господь с готовностью вслушивается в них¹⁰.

Профессор кафедры теологии Кембриджского университета Дэвид Форд однажды спросил католического священника о самой распространенной проблеме, с которой сталкиваются духовники. Падре, имевший за спиной двадцатилетний опыт принятия исповеди, без колебания ответил: «Искаженное представление о Боге». Очень немногие из прихожан, встречавшихся ему на исповеди, понимали, что Бог, в Которого они верят, есть Бог любви, прощения, милости и сострадания. Чаще же всего люди видели в Боге угрозу, но никак не достойного доверия Друга, каким является Иисус Христос. Профессор Форд комментирует: «Это, пожалуй, самая трудная для постижения истина. Просыпаемся ли мы каждое утро с чувством радости от того, что мы любимы Богом? Строим ли мы свои дневные планы с учетом того, что Бог жаждет общения с нами?»

Вчитываясь в вопросы Форда, я понимаю: именно мои представления о Боге определяют ту степень честности и открытости, которую я проявляю в молитве. Обнажу ли я перед Богом свое «я»? Но мне страшно оказаться неугодным Богу, и вот я — глупый! — прячусь от Него. Увы, именно моя скрытность как раз Ему и негодна. Для меня скрытность — это самозащита, а для Бога — знак недоверия к Нему. В любом случае, она так и будет разделять нас, пока я не признаю собственную нужду и не увижу Божье желание ее восполнить. И когда я, наконец, со страхом и трепетом приближусь к Господу, то найду в Нем не тирана, а любящего Отца.

Апостол Павел коленопреклоненно молился о том, «чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что есть широта и долгота, и глубина и высота и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову» (Еф 3:18, 19).

¹⁰ *В поэме Джона Мильтона «Потерянный рай» безутешные Адам и Ева после грехопадения бродят по земле. Они ужасаются содеянному: им кажется, что их проступок изменил направление вращения Земли. Утратившие родной дом люди пытаются понять, вернет ли им Бог Свое расположение. И вот перед Адамом блеснул луч надежды:

«...Стой поры,
Как Бога оскорбленного смягчить
Мольбой решил я, на колена пал
И сердце сокрушенное отверз,
Мне кажется — Он милосердно слух
Склонил и кротко внял. В моей душе
Мир воцарился вновь». — Прим. авт.

Сомневаюсь, что Павел произнес эту молитву лишь однажды в жизни. Мне приходится молиться о том же самом каждый день. Не в том ли заключается самая важная цель молитвы — чтобы позволить Богу явить Свою любовь моему истинному «я»?

«Не по беззакониям нашим сотворил нам, и не по грехам нашим воздал нам: ибо как высоко небо над землею, так велика милость Господа к боящимся Его; как далеко восток от запада, так удалил Он от нас беззакония наши; как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его. Ибо Он знает состав наш, помнит, что мы — персть» (Пс 102:10–14).

ГЛАВА 4. БОГ, КОТОРЫЙ ВСЕГДА РЯДОМ

Как я представляю себе Бога? Яснее всего это видно не из Символа Веры, а из того, как я говорю с Ним, когда меня никто не слышит.

Нэнси Мейрс

Из поездки в Непал я привез молитвенное колесо. Это полый цилиндр, похожий на скалку. Он насажен на ось и снабжен рукояткой, чтобы его вращать. Снаружи цилиндр украшен разноцветными камешками, а если вы открутите крышечку сверху, то внутри найдете паутину непальских букв. Это — подробный текст молитвы. Живущие в Непале буддисты считают, что с каждым поворотом колеса молитва возносится к небесам. Возле увенчанных золотыми куполами буддистских храмов можно увидеть гигантские молитвенные колеса — их с утра до вечера непрерывно вращают жрецы. (Технически подкованные буддисты записывают молитвы на жесткий диск компьютера, который вращается со скоростью 5400 оборотов в минуту.)

В Японии я как-то раз наблюдал за одной парой, пришедшей в синтоистский храм. Это были хорошо одетые мужчина и женщина. Сперва они подошли к автомату, чтобы оплатить услуги. Автомат принимал кредитные карты — немалое удобство, если учесть, что нужно заплатить не меньше пятидесяти долларов, чтобы священнослужитель за вас помолился. Сначала он бьет в барабан, привлекая внимание божества, а затем произносит молитву. Тут же стоят большие сосуды, в которых держат саке — рисовое вино, приготовленное для богов. Прежде чем уйти, паломники вешают полоски бумаги с записанными на них просьбами на «молитвенные деревья», окружающие храм. Когда дует ветерок, бумага колышется и шелестит, словно цвет вишни.

Проходя по горной дороге в Тайване, я поднял с земли нечто, вначале показавшееся мне мусором. Оказалось, что это — «денежка для духов». Такие денежки водители грузовиков на ходу выбрасывают из окон, чтобы задобрить духов дороги и избежать аварий. «Денежки» печатают на дешевой бумаге, продают в даосских храмах и сжигают целыми пачками в специальных больших печах. Считается, что таким образом можно ублажить живущих под землей духов, чтобы те вам не досаждали, или же материально помочь родственникам, переселившимся на небеса. В тех же храмах продаются миниатюрные модели машин и мотоциклов, чтобы снабдить умерших средствами передвижения, а также разнообразная еда для богов.

Тайвань — остров высоких технологий. Здесь производится большая часть продаваемых в мире компьютеров-ноутбуков. Однако для многих жителей этой страны религия — всего лишь источник заклинаний, приносящих удачу. Божество они рассматривают как безличную силу, в чьем ведении находятся их судьбы. Точно так же ублажают своих богов индуисты в Индии, принося им в жертву пищу, цветы и животных.

Честно говоря, нередко сходным образом относятся к молитве и христиане. Если я

выполняю свой долг, то и Бог «у меня в долгу». Такое поклонение больше похоже не на живое общение, а на своего рода сделку: я делаю что-то для Бога, а Он, в Свою очередь, обязан что-то сделать для меня. Однако при таком отношении молитва становится скорее обременительной обязанностью, а не радостью — чем-то вроде комплекса предписанных упражнений, не очень естественных и имеющих мало отношения к жизни. Похоже на то, как буддистский монах крутит молитвенное колесо, или как японская бизнес-леди выполняет положенный ритуал в синтоистском храме! Бывает, что христианин «творит молитву» перед сном и перед едой, механически повторяя знакомые с детства слова. Его жена, вероятно, чаще молится своими словами. Но ей удастся молиться лишь урывками в течение дня. Для нее Бог — тоже далекий и неприступный небожитель. Ни муж, ни жена не видят в Боге Того, Кто любит их и хочет участвовать в их жизни.

Джонатан Эйткен, бывший член парламента Великобритании, рассказывает, что раньше он относился к Богу как к менеджеру банка: «Я обращался к Нему вежливо, беспокоил не слишком часто, время от времени просил о небольших льготах или о дополнительном кредите, чтобы справиться с трудностями. Стремясь выглядеть хорошим клиентом, я снисходительно благодарил Его за помощь. Ну и старался поддерживать хотя бы поверхностный контакт, помня о том, что в один прекрасный день Он может мне пригодиться». Но, когда Эйткена обвинили в лжесвидетельстве и приговорили к тюремному заключению, он понял, что нуждается в более тесных взаимоотношениях с Господом.

Разные образы Бога

Стремясь к близкому общению с Богом, Эйткен очень скоро узнал, что на этом пути каждый человек встречается с неожиданностями и трудностями. Об этом обстоятельстве мне напомнило и письмо читателя из графства Корнуолл в Англии:

«Я вырос в любящей христианской семье. Мы были прихожанами маленькой деревенской церкви. Очень часто церковная служба становилась для меня источником радости и ободрения, глубоко затрагивала чувства. Однако мое воспитание было похоже на Ваше — в том смысле, что я привык считать Бога очень строгим. В юности страх перед Божьим судом был во мне сильнее, чем благодарность за Его любовь. Это подавляло меня. Я стал исследовать свою веру. Я спрашивал себя, во что же я верю на самом деле... Мучимый сомнениями, я потерял ощущение близости к Богу. Ушли уверенность и эмоциональная стабильность, которыми я обладал в детстве. В одном из наших церковных гимнов есть такие слова: «Где то блаженство, что прежде я знал, впервые встретив Господа?» Вот и у меня нет теперь такого, как раньше, ощущения близости Бога, нет теплых и простых отношений с Творцом».

Каждый из нас подходит к Богу с собственным набором предубеждений, почерпнутых из различных источников: в церкви, на уроках воскресной школы, из книг, кино, телевизионных проповедей и суждений, высказанных как верующими, так и скептиками. Все это оседает в сознании и подсознании, формируя некие образы. Как и читатель из Корнуолла, я тоже привык представлять себе Бога космическим Полисменом, непрерывно наблюдающим за нами. Такого Бога скорее боятся, чем любят.

Я знаю одну женщину, которая сжимается от страха всякий раз, когда кто-нибудь, молясь, называет Бога Отцом. Дело в том, что ее земной отец был жесток с ней, и теперь для нее это слово испорчено¹¹. Другая моя знакомая с детства представляла Бога седым

¹¹ *Английский сказочник Джордж Макдональд, которого Честертон, Льюис и Толкиен считали своим учителем, дал совет тем, у кого образ отца запятнан настолько, что само слово «отец» воспринимается негативно: «Пусть это слово означает для вас все то, чего вам в жизни не хватало». Отцовство Бога — это идеал. К сожалению, у многих из нас он сильно искажен. — Прим. авт.

стариком с большой белой бородой и огромными руками — властелином, который сидит наверху и следит за всеми ее промахами. Спустя годы она описала этот образ своему духовному наставнику. Тот посмотрел на нее с сочувствием и после долгой паузы спросил: «А тебе не приходило в голову уволить такого Бога?» Так она и сделала.

Лично у меня не было визуального образа Бога, может быть потому, что в моей церкви были жестко настроены против «сотворения кумиров». На ее стенах не имелось ни одного изображения религиозного содержания. Вместо этого мне рассказывали о разных ролях Бога — о роли Творца или Судьи, например. И я привык представлять себе Бога преимущественно в одной из этих ролей. Но я обнаружил, что мне чрезвычайно трудно увидеть Личность, характер Бога. Бог был скрыт от меня за Своими ролями. Точно так же в первом классе мне трудно было в учителе или в директоре школы увидеть личность — живого человека.

Во взрослой жизни мне приходится часто общаться с людьми, выполняющими некие полезные для меня роли: с менеджером ресторана «фаст-фуд», мойщиком автомобилей, сотрудником службы поддержки программного обеспечения из Индии (с ним я разговариваю только по телефону). Однако когда я выбираю друзей — то есть людей, которых я хочу узнать более глубоко, — я отбрасываю внешнее, чтобы добраться до глубин их личности. С близкими друзьями я провожу время не ради того, чтобы что-то от них получить, а ради удовольствия быть рядом с ними. Может ли и с Богом быть так же?

Огромная разница

Все мои друзья чем-то похожи на меня и чем-то от меня отличаются. Один из них так же, как и я, воспитывался в традициях фундаментализма, характерных для южных штатов. Но он считает мое пристрастие к чтению спортивных рубрик в газетах чудачеством. Другой с наслаждением читает тех же авторов, которыми увлекаюсь и я, но мою любовь к классической музыке находит старомодной. Отношения с любым человеком чем-то напоминают танец, в котором партнеры должны подстраиваться друг под друга. Насколько же глубже различие между мной и святым непостижимым Богом на небесах!

Величие Бога, несопоставимость Его с любым другим существом подавляют меня. Кажется, что в отношениях Бог-человек Бог неизбежно перевешивает. Блаженный Августин сказал: «Ты не понимаешь, о чем идет речь, поскольку мы говорим о Боге. Но если бы ты понимал, это был бы не Бог». Мы, которые с трудом способны понять самих себя, пытаемся подступить к Богу, Которого в принципе понять не можем! Неудивительно, что многие христиане на протяжении веков считали, что в молитве куда проще и надежнее прибегать к посредничеству святых.

Я журналист. Благодаря моей профессии мне приходилось общаться со знаменитыми людьми, в присутствии которых я чувствовал себя совсем маленьким. Я брал интервью у двух президентов США и лауреатов Нобелевской премии, у музыкантов рок-группы «Ш», звезд телеэкрана и олимпийских чемпионов. Я тщательно готовился к каждому разговору, заранее составлял вопросы, но почти всегда в ночь накануне перед такими беседами нервничал и страдал от бессонницы. Вряд ли я могу представить кого-то из этих людей своим другом. Иногда я думаю — если бы я оказался за одним столом, предположим, с Альбертом Эйнштейном? Или с Моцартом? Смог бы я поддерживать беседу? Или чувствовал бы себя дураком?

Но когда я молюсь, я обращаюсь к Тому, Кто создал всех этих людей, к Тому, по сравнению с Кем я неизмеримо мал. Что я могу в Его присутствии, кроме как склониться в молчании? Более того, возможно ли поверить, что мои слова хоть что-то значат для Бога? А если взглянуть шире, то непонятно даже, почему Великому, Несравненному Богу еще не надоел этот эксперимент с ничтожной планетой Земля¹².

¹² *Американский писатель Рейнолдз Прайс проводит такую аналогию: «Какое из чувств могло бы

Библия порой подчеркивает дистанцию между человеком и Богом (как между Царем и его подданными, между Судьей и обвиняемыми, между Хозяином и слугами), а иногда говорит о нашей с Богом близости (рисую образы Жениха и невесты, Пастуха и Его овец, возлюбленных детей Бога-Отца). Сам Иисус учил, что близость с Богом возможна. Обращаясь к Богу с молитвой, Он употреблял слово Авва. Это ласкательное, неформальное обращение, которое евреи никогда до того времени в молитвах не использовали. Немецкий теолог Иоахим Иеремияс, специализирующийся на изучении Нового Завета, считает, что таким образом Христос ввел новую форму молитвы: «Иисус общался с Отцом так естественно, так доверительно, с таким же чувством защищенности, какое ребенок испытывает по отношению к своему папе».

Этот доверительный тон молитвы у Иисуса переняли первые христиане. «А как вы сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего «Авва, Отче», — заверял их Павел (Гал 4:6). В другом послании он говорит о еще большей близости: «Мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (Рим 8:26).

Бог непостижимо велик. Это истина. Другая же истина состоит в том, что Он желает близких, доверительных отношений с нами. Великий поэт Данте писал о любви, «что движет солнце и светила». Я смотрю на звезды и поражаюсь, насколько незначителен по сравнению с ними весь этот эксперимент с человечеством. Потом я читаю в Библии о том, как Бог радовался, создавая Землю и людей. Прошло немало времени, прежде чем я понял: наши отношения с Богом возможны именно благодаря той огромной разнице, которая есть между нами. Бог существует иначе, чем мы: Он вне времени и пространства. И бесконечное величие Бога, которое, казалось бы, должно свести нас к нулю, на самом деле и делает возможной ту близость, которой мы в глубине души так жаждем.

У Бога, в отличие от нас, хватает времени на все. Поэтому Он способен помочь каждому человеку на земле. Более того, Бог может уделить все Свое время каждому из нас. «Пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний!» — восклицает псалмопевец (Пс 89:5), а апостол Петр добавляет, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день (2 Пет 3:8)¹³. Когда мы задаем вопрос: «Как может Бог одновременно слышать

побудить вас, меня или другого разумного человека решиться на крупномасштабный и длительный эксперимент, подобный созданию Вселенной? Скорее всего — любовь». Это сравнение (все равно слишком слабое) позволяет нам хотя бы отчасти понять Бога.

Что, например, заставляет родителей идти на усилия, жертвы и расходы, связанные с воспитанием детей? Любовь. О любви говорит и Иисус: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного...» (Ин 3:16) Бог создал людей, чтобы Ему было, кого любить, и чтобы кто-то, пусть слабо и несовершенно, мог отвечать на Его любовь. — Прим. авт.

¹³ *Современная физика дает нам представление об относительности времени. Согласно теории относительности Эйнштейна, если бы человек передвигался со скоростью света, то для него история Вселенной прошла бы за более короткий срок, чем для обычного жителя Земли. С другой стороны, Бог, Который вмещает в Себя всю Вселенную, может «видеть» одновременно и то, что происходит сейчас, и то, что случилось пятнадцать тысяч или миллиард лет назад (хотя слово «одновременно» на самом деле не подходит для Бога, Который существует вне времени). Наблюдая звезды, мы видим их такими, какими они были миллионы лет назад — столько времени их свет летит к нам. Датский писатель Гарри Мулич в фантастической повести «Открывая небеса» высказывает интересную идею. Если бы мы поместили огромное зеркало, повернутое к Земле, на каком-нибудь небесном теле, отстоящем от Земли на сорок световых лет, и через сверхмощный телескоп видели отражение в этом зеркале, то наблюдали бы земные события восьмидесятилетней давности — столько времени понадобилось бы световому лучу, чтобы долететь до зеркала и обратно. Прошлое и настоящее сливаются воедино. Вездесущий Бог, Который способен находится сразу и в Туманности Андромеды, и на Земле, воспринимает время совершенно иначе, чем мы. Он может сразу участвовать и в современной земной истории, и в истории Галактики, насчитывающей миллиарды лет, и в событиях всех промежуточных веков. Если в Туманности Андромеды взрывается звезда, Он узнает об этом немедленно, и тут же «видит» это событие так, как увидит его через много лет наблюдатель на Земле. Теологи говорят, что Бог существует вне времени, хотя мы едва можем себе это

миллиарды молитв?» — мы лишь демонстрируем неспособность человека мыслить вне временных рамок. Я не могу представить себе существо, которое было бы способно слышать одновременно миллиарды молитв на тысяче языков: я всего лишь человек и мой разум ограничен. Зажатый в тисках времени и пространства, я не способен представить себе бесконечность. Но вот парадокс: именно эта громадная, непостижимая разница между Богом и человеком и делает возможной глубокую близость между нами.

Когда Иисус жил на нашей планете, Он, как и мы, был ограничен жесткими рамками времени. Он понимал огромную разницу между Богом и людьми, как никто другой. Он знал, сколь велик Его Небесный Отец, и, вспоминая об этом величии, говорил: «И ныне прославь Меня ты Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира» (Ин 17:5). Но Он не сомневался, что Богу, видящему каждую ласточку в небе и каждый волос на голове человека, есть дело до каждого из нас.

И вот что еще: Иисус считал молитву очень важным делом, настолько важным, что проводил за этим занятием много часов. Если бы меня попросили одним предложением ответить на вопрос: «Почему надо молиться?», то я бы сказал: «Потому, что молился Христос». Он перекинул мост через пропасть, разделяющую Бога и людей. Живя на Земле, Он, подобно нам, был уязвим. Живя на Земле, Он, подобно нам, бывал отвергнут. Подобно нам, Он подвергался искушениям. Во всех этих случаях он молился.

Непредсказуемость

Что еще, кроме несоизмеримости Бога и человека, препятствует нашему общению с Творцом? Его невидимость. Несмотря на то, что апостол Павел писал: «Мы Им живем и движемся и существуем» (Деян 17:28), мое ощущение Божьего присутствия бывает переменчивым, как погода. Я вновь возвращаюсь к письму из Корнуолла, в котором читатель, утративший ощущение близости с Богом, вопрошает: «Где то блаженство, что я прежде знал?»

Вот что питает мою веру: исполненная Божьим присутствием красота природы, тепло благодати и прощения, образ Бога, который явлен мне в Иисусе Христе, люди, которые действительно живут по вере (встречи с ними заставляют меня пробудиться). А вот что дает пищу сомнениям: обескураживающая терпимость Бога к зверствам и ужасам, которыми изобилует история, мои молитвы, оставшиеся без ответа, затяжные периоды кажущегося отсутствия Бога. Встречи с Богом бывают наполнены радостью и восторгом или же ощущением близости и тишиной — но всегда в них присутствует тайна.

Чтобы примириться с неопределенностью, я говорю себе: в каждой дружбе есть место тайне: в отношениях с любым человеком мы что-то открываем, а что-то прячем. Когда в очередной раз всплывает вопрос: «А почему бы Богу не показаться людям?», я вспоминаю, что были случаи, когда Бог действительно являл Себя людям, особенно в ветхозаветные времена. Но это мало способствовало общению: как правило, люди падали ниц, пораженные слепящим светом. Я утешаю себя тем, что любые отношения переживают периоды подъема и охлаждения. Общение бывает вербальным и невербальным, иногда теплым, иногда формальным. Но чаще всего мне не удается себя убедить, и приходится с тревогой признавать, что в конечном счете мои отношения с Богом зависят не от меня, а от Него.

Итти Хилсам, молодая еврейская девушка, брошенная в Освенцим, вела дневник. Она писала о «непрестанном диалоге» с Богом. Даже в той невыносимой обстановке Итти чувствовала Божье присутствие. «Бывало, находясь в каком-нибудь углу в лагере, я чувствовала, что мои ноги стоят на Твоей земле, а мои глаза смотрят в Твои Небеса. И от полноты чувств, от глубокой благодарности из моих глаз катились слезы». Она понимала весь ужас своего положения. «И я хотела бы, чтобы даже здесь, среди всего того, что люди называют кошмаром, я могла сказать: жизнь прекрасна. Да, я лежу в углу, с пересохшими

губами, в лихорадке, не в силах пошевелиться. Но через окно я вижу куст жасмина и кусочек неба».

В конце концов Хилсам приходит к выводу: «Если ты решил однажды последовать за Господом, нельзя отставать от Него, и тогда вся жизнь станет бесконечным паломничеством. Это дивное переживание». Я читаю ее слова, исполненные дерзкой веры, и думаю: а что написал бы в дневнике я, если бы мне приходилось каждый день вдыхать дым из печей, в которых народ, «избранный» Гитлером, приносили в жертву всесожжения? Да, если следуешь за Господом, то жизнь превращается в бесконечное странствие, — но все ли испытывают при этом дивные переживания? И часто ли?

В нашем мире, который постоянно ставит веру под сомнение, молитва становится актом сопротивления. Не всегда во время молитвы я ощущаю, что Бог рядом со мной, но верую я продолжаю молиться и искать знаки Божьего присутствия. Я верю: если бы Бог на некоем субмолекулярном уровне не присутствовал во всем Творении, этот мир просто перестал бы существовать. Бог присутствует во всех красотах и чудесах Своего Творения, большинство из которых человек никогда не видел. Бог пребывал в Иисусе, Своем Сыне, Который жил на нашей планете, а теперь ходатайствует за нас, еще остающихся здесь. Бог — там, где голодные и бездомные, больные и томящиеся в заключении (Мф 25: 35–45). Когда мы служим нуждающимся, мы служим Ему. Бог — в нищих трущобах Латинской Америки и в убогих сараях Китая, где тайно собираются домашние церкви. Он присутствует там равно как в величественных соборах и храмах, выстроенных во славу Его. Бог присутствует Духом Своим, Который ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными и негромким голосом говорит каждому, чья совесть настроена на Его волну.

Я приучил себя относиться к молитве не как к способу добиться Божьего присутствия, а как к возможности ответить Богу, Который всегда рядом со мной, — вне зависимости от того, ощущаю я Его присутствие или нет. О том же писал Авраам Джошуа Хешель: «Взаимодействие с Богом — это не наше достижение. Это не ракета, которую мы запускаем вверх. Это дар, который падает с небес, как метеор. Прежде чем уста раскроются в молитве, разум должен поверить в то, что Господь желает быть ближе к нам, и что мы способны расчистить путь для Него. Именно такая вера и побуждает нас молиться».

Мое ощущение Божьего присутствия или отсутствия — не показатель Его присутствия или Его отсутствия. Когда я полностью сосредоточиваюсь на «технической» стороне молитвы или начинаю навязчиво винить себя в том, что моя молитва несовершенна, или разочаровываюсь от того, что молитвы остаются без ответа, я напоминаю себе: молиться — значит общаться с Богом, Который уже здесь¹⁴.

У меня есть замечательная знакомая. Это молодая привлекательная женщина, мулатка. Каждый день она посещает заключенных в одной из тюрем Южной Африки. Среди обитателей этой тюрьмы царили жестокость и насилие, но ее труд принес ощутимые плоды: тамошняя обстановка заметно смягчилась. Произошедшие изменения были настолько заметными, что Джоанну дважды снимали для БиБиСи. Пытаясь объяснить результаты своих трудов, она говорила мне: «Понимаешь, Филип, Бог, конечно, присутствует в тюрьме и без меня. Я просто хочу, чтобы Его увидели». Я пришел к выводу, что так же следует относиться и к молитве. Бог уже присутствует в моей жизни, во всем, что меня окружает. Я молюсь, чтобы уделить Ему внимание, чтобы откликнуться на Его присутствие.

Как услышать свою душу

¹⁴ *Англиканский богослов Остин Фаррер напоминает о важном обстоятельстве: «Молитва может казаться скучной или трудной, однако, если мы все же посвящаем ей себя, к концу нам обычно становится не так скучно и менее трудно, чем в начале. То, что кажется нам скучным, смутным или темным, в глазах Бога, Который радуется, когда мы по своей воле совершаем хотя бы малейшее движение, чтобы приблизиться к Нему, выглядит совершенно иначе. И там, где мы видим лишь след Божьего присутствия — там Он присутствует вполне, с херувимами, серафимами и со всем воинством небесным». — Прим. авт.

В сорок девять лет меня настиг кризис среднего возраста. Я с головой увяз в проблемах: развод, смерть отца, с которой мне трудно было примириться, множество более мелких бед. В результате я понял, что мне важно сосредоточиться на духовной жизни. Я пытался следовать кодексу настоящего мачо (не просить о помощи, не плакать, сохранять трезвый рассудок, держать все под контролем и так далее), но от этого становилось только хуже.

Тогда я решил открыться Богу и стал отводить для этого специальное время: молился, размышлял, совершал длительные прогулки, читал христианскую литературу. Фактически я каждый день задавал себе вопросы, которые помогали мне сосредоточиться на духовной стороне жизни. Я перестал искать опоры в материальном.

Вопросы я задавал себе примерно такие:

Как мне снизить темп жизни?

Как жить проще?

Как сделать, чтобы в моей жизни было больше тишины?

Как научиться ценить каждое мгновение?

Как говорить правду так, чтобы ее услышали?

Как устроить свою жизнь? (То есть, что взять за основу, какие правила установить?)

Как сбросить броню и маски, за которыми я прячусь?

Как усвоить более мягкий подход к жизни?

Чем я могу послужить обществу?

Эти вопросы помогали мне соприкоснуться с собственной душой, услышать ее. Они приближали меня к Богу. Я читал статьи Генриха Арнольда — норвежского писателя, сына священника. Мне очень близки его слова: «Быть учеником Христа — не значит делать что-то особенное. Надо просто расчистить место Богу, чтобы Он мог жить внутри нас».

Как услышать Бога?

Христианский писатель Бреннан Маннинг несколько раз в году проводит семинары, посвященные молчаливой молитве. Как-то раз он сказал мне, что еще не было случая, чтобы участник такой встречи, добросовестно выполняющий все рекомендации, не услышал Божьего голоса. Это заинтриговало меня, хотя и вызвало некоторые сомнения. Я записался на один из таких семинаров. Занятия продолжались пять дней. Каждый из участников ежедневно беседовал с Бреннаном на протяжении часа. Мы получали задания для размышлений и духовной работы. Кроме того, каждый день мы собирались для общей молитвы, но говорил при этом только Бреннан. Все остальное время мы могли использовать по своему усмотрению, но с одним условием: каждый день надо было два часа проводить в молитве.

Я участвовал во многих семинарах, но вряд ли хоть на одном из них я посвящал молитве больше тридцати минут. В первый день я отправился на лужайку, прихватив с собой задание Бреннана и записную книжку. Я сел, облокотившись о дерево, и поймал себя на

мысли: «Интересно, сколько времени мне удастся бодрствовать?»

На мое счастье, через луг, на краю которого я сидел, прошествовало стадо из ста сорока семи лосей. (У меня было достаточно времени, чтобы их сосчитать!) Увидеть одного лося — уже событие, а наблюдать сразу сто сорок семь лосей, пасущихся на воле — это захватывающее приключение. Однако я скоро обнаружил, что смотреть даже на сто сорок семь лосей в течение двух часов, мягко говоря, скучновато. Лоси опустили головы и щипали траву. Они синхронно, как по команде, поднимали головы, чтобы посмотреть на каркнувшую скрипучим голосом ворону. Потом они снова опускали головы и начинали жевать. Все два часа ничего больше не происходило. На них не нападали горные львы. Не боролись друг с другом, сцепившись рогами, лоси-самцы. Все животные, наклонив головы, мирно жевали траву.

Через какое-то время я проникся безмятежностью этой сцены. Лоси не замечали моего присутствия, я был для них просто частью окружающей среды. Я вписался в ритм их жизни. Я больше не думал ни о работе, которая осталась дома, ни о сроках, которые поджимали, ни о тексте, который я должен был прочитать по заданию Бреннана. Мое тело расслабилось. Разум успокоился в окружившей меня тишине.

«Чем спокойнее разум — говорил великий мистик, доминиканец Мейстер Экхарт, — тем сильнее, ценнее, глубже, содержательней и совершеннее молитва». Лосю не надо специально заботиться о том, чтобы успокоить свой разум. Он чувствует себя нормально, стоя на лугу бок о бок с другими лосями из своего стада и пережевывая траву. Любящему не надо напрягаться для того, чтобы сосредоточить свои помыслы на предмете обожания. Я молился, и мне было даровано несколько мгновений чистого, полного внимания к Богу.

В тот день за два часа молитвы я произнес очень мало слов, но понял одну важную истину. Из Книги Иова, из Псалтыри становится ясно, что Господу нужно общение не только с людьми. Он неравнодушен к любому из многочисленных и многообразных созданий, населяющих нашу планету. И я обрел новый взгляд на свое место во Вселенной — взгляд сверху.

Больше я не встречал лосей, хотя каждый день разыскивал их по лесам и полям. За несколько следующих дней я сказал Богу много слов. В тот год мне должно было исполниться пятьдесят, и я просил Его руководства на оставшуюся жизнь. Я записывал то, что следовало бы сделать, и мне в голову приходили мысли, которые никогда бы не пришли, не проводи я эти несколько часов на лугу с лосями. Та неделя стала для меня чем-то вроде духовной ревизии, в результате которой я увидел пути дальнейшего роста. Я осознал, сколько предрассудков о Боге я ношу в себе с детских лет, и как часто отвечаю Ему холодностью, даже недоверием. Мне не пришлось услышать звучания Его голоса. Однако к концу недели я должен был согласиться с Бреннаном — я слышал Бога.

Тверже, чем когда-либо, стало мое убеждение в том, что Господь всегда находит способ обратиться к тому, кто действительно Его ищет. Мы способны Его услышать, особенно если приглушим окружающие нас шумы. Я вспомнил рассказ одного бизнесмена, который ради духовного поиска решил прервать занятия нескончаемыми делами и несколько дней провести в монастыре. Монах отвел его в келью и сказал: «Надеюсь, твое пребывание здесь будет благословенным. Если тебе что-нибудь понадобится, скажи нам, и мы научим тебя обходиться без этого».

Чтобы научиться молитве, надо молиться. Два часа в день, посвященные молитве, научили меня многому. Для начала я понял, что во время молитвы надо больше думать о Боге, а не о себе. Даже Молитва Господня говорит прежде о том, чего Бог хочет от нас: «Да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя» (Мф 6:9, 10).

Бог желает, чтобы мы к этому стремились, чтобы смыслы, воплощенные в этих словах, стали нашими жизненными ориентирами.

Часто ли я прихожу к Богу не для того, чтобы попросить о чем-нибудь для себя, а чтобы просто побыть с Ним? Чтобы узнать, чего Он хочет от меня, а не наоборот? Когда я молился на лугу, где паслись лоси, я непостижимым образом понял: ответы на мои просьбы

о Божьем водительстве всегда были рядом. Ничего не изменилось. Изменилось только мое восприятие. Благодаря молитве, я стал открыт для Бога. «Все творенье поет о Тебе, — писал Рильке, — иногда это слышится ясно».

Богоцентричная молитва, молитва-размышление бывает самозабвенной. Некоторые назовут ее «бесполезным» занятием, потому что мы привыкли молиться прагматически, в надежде получить что-нибудь. Здесь же мы молимся столь спонтанно и «непрактично», как играет дитя. Когда я провожу с Богом достаточно времени, те неотложные просьбы, которые казались столь важными, вдруг предстают передо мной в ином свете. Я продолжаю просить о том же, но уже ради Бога, а не ради себя. Молиться меня заставляют именно мои повседневные нужды, но при этом я нахожу в молитве удовлетворение самой главной и самой большой моей нужды — быть с Господом.

Молитва, в основе которой лежит потребность в общении, а не желание заключить сделку, — это самый действенный способ приблизиться к Богу, Который настолько совершеннее нас, что мы не способны ни достичь Его степени совершенства, ни даже вообразить себе совершенство такого уровня. Апостол Петр, цитируя тридцать третий псалом, заверяет нас, что «очи Господа обращены к праведным и уши Его к молитве их» (1 Пет 3:12).

Нам не нужно бить в ритуальные барабаны или приносить в жертву животных, чтобы привлечь внимание Бога. Он всегда готов услышать нас.

ГЛАВА 5. БЫТЬ ВМЕСТЕ

Если человек не создан для Бога, то почему же он счастлив только в Боге? Если человек создан для Бога, то почему он так противится Богу?

Блез Паскаль

Главная цель молитвы состоит не в том, чтобы упростить себе жизнь или обрести магическую силу, а в том, чтобы познать Бога. Бог нужен мне больше, чем все, что я могу получить от Него. Но когда я пытаюсь в молитве познать Бога, у меня сразу же возникают вопросы.

Много лет назад, я, начинающий писатель и сотрудник журнала «Университетская жизнь», обсуждал эти вопросы с моим коллегой по перу Тимом Стаффордом. Вот что он написал об этом несколько лет спустя:

«Молча смотреть в глаза друг другу — возвышенней и романтичней, чем просто разговаривать. Но взаимоотношения строятся не в тишине, а во время общения. Не спорю, прекрасные глаза производят огромное впечатление. Но если я равнодушен к человеку, то буду с ним говорить — и слушать, что он или она скажет мне в ответ. Вряд ли мы сможем построить взаимоотношения, перебросившись лишь парой фраз. Настоящие друзья постоянно беседуют друг с другом.

У меня есть проблема в общении с Богом. Я никогда не беседовал с Ним. Я никогда не слышал Его голоса. Иногда я испытываю сильные религиозные чувства, но не спешу называть мои эмоции и порывы «словом Бога». Я не хочу поминать имя Господа всуе. Я не буду говорить: «Господь сказал мне», когда в действительности в моем сознании прозвучал голос моей матери. За все те часы, которые я провел в молитве, Бог ни разу не ответил мне так, чтобы Его голос был явственно слышен».

Далее Тим пишет, что он продолжает молиться Богу, обращается к Нему с просьбами, благодарит и славит Его, но у него по-прежнему остаются вопросы. Зачем прославлять Бога,

Который, в отличие от друзей, не нуждается в ободрении и похвале? Зачем говорить Богу о нуждах, о которых Ему и так известно? Зачем благодарить Бога, если Ему вряд ли нужна наша благодарность?

«Некоторые говорят, что молиться следует не потому, что это нужно Богу, а потому, что молитва необходима нам. Когда мы славим Господа, мы напоминаем себе о том, что чрезвычайно для нас важно. Когда мы Его благодарим, мы смиренно вспоминаем о том, насколько зависим от Его попечения. Когда мы молимся о нуждах людей, мы побуждаем себя пойти и что-то для них сделать. При таком подходе получается, что молитва — это упражнение по самосовершенствованию.

Несомненно, посредством молитвы я достигаю и этих, и других подобных целей. Но если я молюсь только ради того, чтобы стать лучше, то страдают мои личные отношения с Всевышним. Молитва не может быть разговором с Богом, если она — всего лишь полезное упражнение. Тогда ее следует скорее сравнить с ведением дневника — занятие полезное, но чисто одностороннее».

Зачем же молиться? Почему для Бога столь важно это странное и для многих — весьма трудное занятие?

Почему молился Иисус?

Сталкиваясь с загадками веры, я в первую очередь ищу ответ в жизни и служении Христа. Очевидно, у Него не было тех проблем с молитвой, что есть у меня. У Него не возникало вопросов: «Есть ли Бог? Слышит ли кто-нибудь мою молитву?» Он никогда не сомневался в том, что молитва важна и необходима. Он оставлял толпу нуждающихся и уединялся, чтобы провести время — иногда целую ночь — с Богом. Из слов Иисуса можно заключить: для того, кто молится, нет ничего невозможного.

Насколько напряженными были отношения Сына Божьего с людьми мира сего, настолько же непринужденным было Его общение с Отцом. Молитва давала Ему возможность «взглянуть на мир с высоты», набраться сил и вспомнить о высшей реальности бытия, которую так нелегко разглядеть, находясь на планете Земля. Иногда Иисус прямо говорил об этой сокровенной тайне. В последнюю ночь перед арестом Он молил Отца: «И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира» (Ин 17:5). Иногда пребывание на Земле настолько огорчало Христа, что Он позволял Себе горько вздохнуть: «О род неверный!.. Доколе буду терпеть вас?» (Мк 9:19). Там, откуда пришел Иисус, никто не противился Божьим заповедям! Он в точности знал, что значат слова: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе» (Мф 6:10).

Иисус вспоминал о славе небес, которую на время оставил, а Отец изредка напоминал Ему о том, Кто Он. Когда Иисус вышел из воды после крещения, раздался Божий глас: «Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мк 1:11). Подобные же слова достигли земли во время Преображения — ученики тогда очень испугались и пали лицом на землю. Еще раз голос Бога с небес прозвучал незадолго до смерти Иисуса. И каждый раз очевидцы, слышавшие Голос, бывали потрясены и испуганы. Для Иисуса же небеса были родным домом, поэтому Он не пугался, а лишь получал заряд бодрости.

За все тридцать с лишним лет земной жизни Иисуса Бог лишь трижды столь открыто поддержал Его. Все остальное время Христос, чтобы укрепиться духом, делал то же, что и мы: Он молился. Иисус считал молитву источником силы, с помощью которой Он мог совершить все, что задумал Бог-Отец. Иисус охотно признавал Свою зависимость от Отца: «Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также» (Ин5:19).

Однажды Иисус произнес удивительные слова: «Знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Мф 6:8). Конечно же, Христос не говорил о том, что молитва не нужна — вся Его жизнь опровергает такой вывод. Он имел в виду лишь то,

что нам не нужно лезть из кожи вон, чтобы упросить Бога позаботиться о нас. Отец и так о нас заботится — притом больше, чем нам дано знать. Смысл молитвы не в том, чтобы сообщить Богу неизвестную Ему информацию. Он знает о наших нуждах. Но мы все равно молим: «Боже, Ты знаешь, как сильно я в этом нуждаюсь!»

Вот каким образом Тим Стаффорд отчасти разрешил свои проблемы, связанные с молитвой:

«...Мы молимся не для того, чтобы сообщить Богу о том, чего Он не знает. Мы молимся не затем, чтобы напомнить Ему о том, что Он позабыл. Все, о чем мы молимся, — и так предмет Его заботы... Но Он ждет, чтобы и мы вместе с Ним позаботились о том же самом. Во время молитвы мы как бы начинаем смотреть в одном направлении с Богом. Мы смотрим Его глазами на тех людей и те проблемы, о которых молимся. Затем мы переводим взгляд с проблем на Него и с любовью воздаем Ему хвалу. Я уверен, что в этом — ключ к пониманию молитвы как личного общения с Богом. Ведь так же мы смотрим на испытанных близких друзей и говорим им, насколько ценим их дружбу, хотя они и сами не сомневаются в нашем к ним отношении... Мы обращаемся к Богу, как обращаемся к самым близким друзьям».

Дружба

Такое описание молитвы мне очень понятно, потому что мы с Тимом долгое время работали вместе и были большими друзьями. Мы молились в одной молитвенной группе, читали в основном одни и те же книги, редактировали статьи друг друга и сталкивались со сходными трудностями в работе. Нередко мы сидели рядом на теннисном корте, ожидая, когда освободится площадка, и обсуждали банальнейшие темы — спорт, погоду и тому подобное. Но мы находили время и для более серьезных разговоров: о планах на будущее, о любимых женщинах, о детях, о мечтах и разочарованиях.

Связь между молитвой и дружбой прослеживается и в Писании. Библия называет Авраама и Моисея друзьями Бога, а Давида — мужем по сердцу Божьему. Иисус сказал: «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам». Затем Он пояснил Свою мысль: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Ин 15:14, 15). Делясь с нами знанием, Иисус призывает нас стать полноправными участниками Божьего дела на земле. Если мы — Его сотрудники, то можем называть Бога своим Другом, а не просто Владыкой. Молитва — средство для поддержания такой дружбы.

Причин для общения с друзьями — множество. С некоторыми меня связывают общие ценности и интересы. Но нравятся мне и странные люди, которые заставляют меня увидеть привычное в неожиданном ракурсе. В любом случае я ищу такого друга, который оценит мою искренность и не осудит меня за мои слова. Я ищу того, кто поможет мне — интроверту — раскрыться. Я ищу того, кто станет попутчиком в поездке, кому я мог бы без колебаний позвонить, если заболею или если мне захочется повеселиться. Я ищу того, на кого можно положиться, а если он меня подведет, нужно, чтобы он был способен выдержать волну моей боли и негодования.

Дружба подразумевает разные уровни общения. Как-то я целый день играл в гольф с тремя приятелями. Вечером жена спросила меня:

«О чем вы разговаривали?» И мне нечего было ответить. «Видел, куда улетел мой мяч? Отличный удар! А как бы ты исправил этот промах?» Конечно, мы поговорили о детях, о работе, о планах на отпуск. Но на осмысленные разговоры у нас ушло не более пяти минут — пока мы переходили от одной лунки к другой. Зато за обедом в ресторанчике при гольф-клубе мы сказали друг другу больше, чем за пять часов на поле.

Есть друзья, с которыми мне интересно обсуждать разные идеи и мнения. «За кого ты намерен голосовать? Почему? Что ты думаешь о положении на Ближнем Востоке?» Третьим

— и этот круг гораздо уже — я рассказываю о своих чувствах, об уязвимой части моего «я». Мы говорим о женах, детях, престарелых родителях, о разочарованиях и проблемах, о борьбе со страстями и искушениями.

Самых близких друзей — тех, с кем можно поделиться буквально всем, — я могу пересчитать по пальцам. Думаю, что с ними запретных тем для разговора у меня нет. Мы достигли такой близости после того, как вместе съели пуд соли и плечом к плечу прошли через серьезные испытания. Если завтра доктор сообщит мне, что я смертельно болен, то в первую очередь я позвоню им.

Большая часть моих близких друзей живет в других городах, поэтому мы встречаемся только раз в год. Но во время этих встреч мы не занимаемся пустой болтовней, а сразу переходим к темам, которые нас больше всего волнуют. Я могу не бояться их осуждения или непонимания. Они никогда не станут сплетничать обо мне. Рядом с настоящими друзьями я чувствую себя в безопасности.

Дружба с Богом включает в себя общение на всех перечисленных выше уровнях. Бог заботится о наших повседневных нуждах. Он хранит нас и в самых серьезных испытаниях. Я открываю перед Ним свои грехи и поражения (покаяние, исповедь) и приношу Ему мои победы и радости (хвала, благодарение). Глупо было бы пытаться что-то скрыть от Бога. Он видит меня насквозь — и та-тэ-ма-э, и хонг-нэ. Ему известно все: и про мои гены, и про мое воспитание, и про дела, мысли и побуждения. Я могу молчать перед Богом, но все равно это будет общением, иногда даже более полноценным, чем словесное.

Раньше меня озадачивали слова Иисуса: «Знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Мф 6:8). Если так, то зачем молиться? Опыт близкой дружбы помог мне понять смысл этих слов. Чем лучше я знаю человека, тем меньше информации мне нужно ему сообщать. Когда я в первый раз попадаю на прием к незнакомому врачу, мне приходится заполнять подробные анкеты, рассказывать обо всех моих болезнях. Но если я прихожу к своему семейному доктору, которому хорошо известна история моих недугов, мы сразу сосредоточиваемся на том, что меня беспокоит в данный момент. Точно так же при встрече со случайными знакомыми мне нужно время, чтобы объяснить им, кто я такой, и понять, кто такие они. А с самыми близкими друзьями, которые все обо мне знают, можно сразу же затеять «разговор по душам».

В псалмах идет речь о разных гранях дружбы с Богом — Тем, Кто в чем-то похож на нас, а в чем-то разительно от нас отличается. В псалмах говорится об обыденном и запредельном, в них есть возмущение и хвала. Очевидно, Бог — это Друг, который ценит откровенность и честность. Иначе чем объяснить такое множество псалмов-плачей? Сам Иисус вспомнил один из них, когда почувствовал Себя оторванным от Бога и возопил: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Мф 27:46). Этот крик — цитата из двадцать первого псалма, произнесенная Иисусом, когда Тот ощущал Себя совершенно покинутым Богом.

Клайв Льюис полагает, что Бог видит нас насквозь — в точности так же, как видит дождевых червей, капусту и туманности: «Нравится нам это или нет — такова наша судьба. Меняется не само знание, а его свойство». Когда мы всей своей волей стремимся быть познанными Богом, то раскрываемся перед Ним, устраняя все, препятствующее Божьему взгляду. Таким образом мы приглашаем Бога войти в нашу жизнь, а нам открывается вход в жизнь Божью. Когда мы начинаем общаться с Богом как личность с личностью, наши отношения оживают — и перед нами разворачивается перспектива обрести дружбу, которая изменит всю нашу жизнь. Бог — Личность, и, хотя Он на меня не похож, в Нем я смогу постичь тот смысл мироздания, который без Него мне не понять никогда.

Время с Богом

Сара

Я обратилась к Богу в годы учебы в престижном университете. Единственной христианской общиной там была харизматическая молитвенная группа. Во время молитв я с особой силой ощущала присутствие Бога. Да и в последующие годы я в большей или меньшей степени чувствовала Его присутствие.

Я никогда не придерживалась убеждения, что Бог отвечает на конкретные молитвы. Должна сказать, что всякий раз, когда я слышала, как христиане молятся о местах на парковке и тому подобных мелочах, меня это раздражало. Но время шло, и мои дети-подростки поступили в колледж. Они уехали из дома и стали жить в общежитии, где оказались подвержены наипаснейшим влияниям. Вот тогда-то я, глубоко ощущая свое бессилие, в отчаянии стала обращаться к Богу с очень конкретными просьбами. Я молилась рано утром. Как и все родители, я читала в газетах статьи о пьяных кутежах и секс-вечеринках в студенческих общежитиях. Какую же беспомощность чувствуешь, когда не знаешь, что делают твои дети! Иногда я думаю о тех матерях, чьи дети покончили с собой. Они ведь тоже молились...

Я старалась не молиться «по-матерински», то есть не предписывать Богу, что Он должен делать. За симптомами бунта или опасного поведения я пыталась увидеть более глубокие проблемы. Просила Господа помочь моим детям найти смысл жизни и научиться справляться с трудностями.

У меня были и другие сложности с Богом. Иногда это касалось моих личных проблем, отношений с мужем. Иногда я говорила Богу о политике, терроризме, войне, о состоянии окружающей среды. Наверное, многие христиане сильно огорчаются, что Господь, казалось бы, не отвечает на молитвы столь многих людей, которые просят о мире и благополучии.

Я не молюсь стандартными фразами. Я никогда не посещала занятий по технике молитвы. Но каждые шесть недель я встречаюсь со своим духовным наставником. Это помогает мне быть более дисциплинированной и понимать, каких изменений ожидает от меня Господь. Но я всегда молюсь о том, что происходит в моей жизни в данный конкретный момент. Я стараюсь быть честной и просить о полезном, важном и даже о том, что доставляет мне радость. Я убеждена: Бог хочет, чтобы молитва была именно такой — искренней, привязанной к жизни и приносящей радость. Такое отношение Бога побуждает меня к молитве.

В университете я часто задавалась вопросом: «Как совместить учебные занятия и веру в Бога?» Мне попала на глаза цитата из Авраама Джошуа Хешеля, которую я повесила над своим столом: «Школа — это храм... Учеба — одна из форм поклонения Богу». Для меня молитва — не особый вид деятельности, а неотъемлемая часть жизни. Я молюсь во всякое время: во время трехминутной прогулки к дому подруги, в очереди, за рулем. Молитва чем-то похожа на физические упражнения. Я знаю, что она приносит пользу, и мне хочется молиться чаще, чтобы пользы было больше. Это в равной мере касается и молитвы, и физических упражнений, правда?

Непрестанный диалог

Я пишу эту главу вдали от дома. Зима. Уединенный домик в горах. Каждый вечер я беседую по телефону с женой. Мы говорим обо всем, что случилось за день. Я рассказываю Дженет, сколько я написал, и что мешало мне писать (физические нагрузки служат для меня либо лекарством от творческого бесплодия, либо наказанием за него). Я отчитываюсь, что съел на обед. Она рассказывает, как борется с простудой, о письмах, пришедших на мое имя, и о том, кого из соседей встретила по пути к почтовому ящику. Мы обсуждаем погоду, политику, новости из жизни родственников, мероприятия, которые нам предстоит посетить. В общем, мы вместе размышляем о прошедшем дне, и некоторые события предстают перед нами в новом свете.

То, что я сейчас описал, удивительно похоже на молитву. Древнее определение, приписываемое Клименту Александрийскому, гласит: «Молитва — общение с Богом». Мне нравится эта мысль. Такое определение включает все малые «богоявления», которые сопутствовали мне сегодня: серая лисица, промелькнувшая за поворотом лыжни, розовый отблеск горных вершин на закате, встреча со старым другом в магазине. Включая эти события в свою молитву, я продлеваю их действие, наслаждаюсь ими, чтобы они не слишком быстро переключались в тайники памяти и не затерялись в них.

«Молитва позволяет извлечь из увиденного нами максимум возможного, — пишет Алан Экклстоун, английский священник, известный своими трудами о молитве. — Вы размышляете о случившемся, будто вертите в руках подарок. Вы пытаетесь понять, как произошедшее связано с прошлым и как оно скажется на будущем. Вы раздумываете о том, какие возможности оно перед вами раскрывает. То есть, вы извлекаете на свет Божий все, сокрытое в этом событии». Дженет поделила со мной впечатления, о которых услышала в моем пересказе, во время телефонного разговора. А Бог ведь все время со мной.

С другой стороны, полноценное общение с Богом невозможно без излияния Ему горя и отчаяния. В фильме «Скрипач на крыше» молочник Тевье постоянно ведет диалог с Богом, благодарит за все хорошее, жалуется, когда случается плохое. Вот он понуро бредет по дороге рядом со своей захромавшей лошастью. «Я могу понять, — говорит он Богу, — если Ты наказываешь меня за дело. Или наказываешь мою жену. Ее-то есть за что наказать — она слишком много болтает. Могу понять, если Ты наказываешь мою дочь: она хочет уйти из дома и выйти замуж за гоя¹⁵. Но никак не пойму: что Ты имеешь против моей лошади?!»

Иисус дает нам образец молитвенной жизни, суть которой — поддержание дружеских отношений с Богом. В Ветхом Завете мы находим множество прекрасных, величественных молитв, большая часть которых исходила из уст царей или пророков: евреям было свойственно вслед за ведущим нараспев повторять текст молитвы. В Псалтире есть особые указания о том, как следует исполнять отдельные псалмы во время богослужения — но о личной молитве не сказано ничего. Некоторые богословы придерживаются мнения, что Иисус был, по существу, первооткрывателем личной молитвы. Никто из ветхозаветных персонажей не использовал по отношению к Богу обращение «Отец». Зато в речах Христа оно встречается сто семьдесят раз. Он оставил нам образец молитвы, в которой речь идет о насущном: исполнении воли Божьей, пище, долгах, прощении, искушениях. Его собственные молитвы — пример искренности и непосредственности. Его ученики, которые и сами не были новичками в молитве, не могли не уловить особенности молитв Иисуса. Не потому ли они попросили Его: «Научи нас молиться» (Лк 11:1)?

Для Христа молиться было столь же естественно, как и дышать. Однако для нас, Его последователей, это, увы, не так. Иисус в молитве восстанавливал силы, а для меня молитва — трудная работа. Я очень стараюсь относиться к молитве как к диалогу, а не монологу. Но как поддерживать живое общение с Богом, если Он, как правило, не отвечает внятыми,

¹⁵ *Гой — человек, исповедующего любую религию, кроме иудейской. — Прим. ред.

привычными для человеческого уха словами? Когда мы с женой обсуждаем по телефону прошедший день, она смеется вместе со мной или сочувствует мне. Бог этого не делает — или делает так, что я не в состоянии воспринять Его реакцию.

Для упражнений в молитве я читаю Псалмы, читаю молитвы Иисуса и Его учеников. Попутно я начинаю видеть непостижимость Божьих путей: Его странное благорасположение к людям вспыльчивым, бунтарям (это меня утешает); Его склонность подвергать нашу веру испытаниям; Его долготерпение, скромность и необъяснимое уважение к свободе воли человека. Еще я понял, что мы по-разному используем власть и по-разному воспринимаем время. И, наконец, Богу не нужно никому ничего доказывать.

Начиная молиться, я сперва обычно запинаюсь, «тяжело говорю и косноязычен» (Исх 4:10), как Моисей. Я по доброй воле рассказываю Богу то, что Он — Всеведущий — уже знает. Псалмопевцы описывают молящегося как человека, которому не хватает воздуха, который жаждет Бога живого, словно иссохшая земля жаждет воды (например, сорок первый и шестьдесят второй псалмы). Псалмы похожи на письма истосковавшегося влюбленного — по сути, таков всякий, ищущий Бога. Я убеждаю себя, что Бог прислушивается к моим молитвам; со временем я научился в это верить. Я понимаю, что Богу, как и большинству из нас, важно, чтобы Его любили, почитали, верили в Него и доверяли Ему.

Упорно продолжая молиться, я стал чувствовать своего Собеседника, ощущать Его как некое мое «второе я», которое излагает позицию Бога. Когда я жажду мести, «второе я» напоминает мне о прощении. Когда меня обуревают эгоистичные желания, «двойник» сообщает мне о нуждах других людей. И я вдруг осознаю, что веду внутренний диалог не с самим собой. Это Дух Божий молится во мне и доносит до меня волю Отца!

Мать Тереза Калькуттская, наша современница, которая действительно умела молиться, писала: «Мой секрет очень прост — я молюсь».

Молитва — это просто разговор с Богом.

Он говорит — мы слушаем.

Мы говорим — Он слушает.

Мы — собеседники,

Говорящие и слушающие друг друга.

Я учусь разговаривать с Богом, и конца этой учебе не будет, ибо мы — неравные партнеры. Признавая наше неравенство, я склоняюсь перед Ним — и лишь тогда обретаю способность Его слышать. Несмотря на разницу между нами, я стремлюсь к Богу — и лишь тогда открываются мои уста, а за ними и сердце.

Союз, скрепленный страстью

«Бог и человек — неравные партнеры?» Ну, это мягко сказано — до смешного мягко! Конечно, мы неравны, но Бог призывает нас трудиться для созидания Царствия Небесного. Это своего рода мезальянс. Поручая людям Свою работу, Бог приглашает нас творить историю совместно с Собой. Ясно, что в таком партнерстве один из участников играет роль ведущего. То же самое можно сказать, например, о союзе между США и государством Фиджи или о совместном предприятии корпорации «Майкрософт» и студента-программиста.

Мы знаем, что бывает, когда неравный союз заключают люди. Старший партнер всю распоряжается, а младший, как правило, помалкивает. Но Бог, Которому нет причин нас опасаться, почему-то хочет, чтобы мы постоянно и искренне с Ним говорили.

Иногда я изумляюсь тому, насколько высоко Бог ценит искренность. Ради нее Он готов терпеть даже незаслуженные упреки. Молитвы, которые я нахожу на страницах Библии, поражают меня своей дерзостью. Иеремия жалуется на несправедливость. Иов возмущается: «Что Вседержитель, чтобы нам служить Ему? И что пользы прибегать к Нему» (Иов 21:15). Аввакум обвиняет Бога в глухоте. Библия учит нас молиться с бескомпромиссной

честностью.

Американский богослов Вальтер Бруггеманн, посвятивший себя изучению Ветхого Завета, указывает на одну довольно очевидную причину искренности Псалмов: «Такова жизнь. И Псалмы должны показывать нам жизнь такой, как она есть, а не только ее приятные стороны». Бруггеманн возмущает, что во многих евангельских церквях создают излишне оптимистичную атмосферу, исполняя только радостные псалмы, в то время как половина псалмов библейских — это «песни плача, протеста и жалоб на царящую в мире несправедливость. В любом случае очевидно, что церковь, которая в этом несовершенном мире поет одни лишь «песни радости», не следует библейскому образцу».

Одно время я думал, что Псалтирь — это книга, предназначенная для того, чтобы давать утешение страждущим на похоронах или в больничных палатах. Но сегодня я понимаю, что псалмы для больных и скорбящих следует отбирать очень и очень тщательно. Как подчеркивает Бруггеманн, многие тексты псалмов полны гнева, жалоб, мелочных обид, упреков, дерзостей. Грешат они и отсутствием почтительного отношения к Богу. В общем, в псалмах содержится весь спектр человеческих чувств. Их можно сравнить с претензиями, которые младший партнер высказывает старшему, причем младший не считает нужным себя сдерживать и не выбирает выражений. (Божий ответ «младшему партнеру» — людям — содержится в Книгах пророков.) Бог заключает с нами, такими, какие мы есть, союз. А мы в ответ требуем в молитве, чтобы Бог с нами объяснился: это почему же мир не настолько хорош, как нам бы хотелось?

Одно время мы с женой участвовали в занятиях для супружеских пар по изучению книги известного американского психолога, лингвиста и социолога Деборы Таннен «Ты просто не понимаешь». Книга рассматривает разницу между стилями общения женщин и мужчин. Смелая женщина, Таннен приняла сторону тех, кто утверждает, что большинство представительниц прекрасного пола имеют привычку ворчать. Правда, Таннен предложила более мягкий и красивый термин — «ритуальные причитания».

Когда мы перешли к теме «причитаний», группа заметно оживилась. Встрепенулся и Грег, который обычно хранил молчание.

«Да, давайте-ка поговорим об этом! — заявил Грег. — Я помню, как однажды поехал покататься на лыжах в Джексон-Хоул. Там я встретился с приятелями. Мы провели вместе три дня, а затем к нам присоединились жены. Мы, мужчины, сперва были очень довольны. Но, как только приехали женщины, оказалось, что все не так. Погода слишком холодная, снег слишком жесткий, квартира, которую мы сняли, похожа на казарму, ванна грязная, а в магазине нет нужных товаров. Каждый вечер женщины жаловались на боль в мышцах и стертые ноги. Мы, мужчины, испытывали те же трудности уже в течение трех дней, но нас это не волновало — нам важно было получать удовольствие от катания на лыжах. Мы решили переводить все в шутку. Выслушав ворчание наших жен, мы переглядывались, недоуменно смотрели по сторонам, а затем дружно восклицали: "О, да тут женщины!"».

Таннен объясняет подобное поведение тем, что женщины обычно оказывают друг другу поддержку. Жалуясь и сплетничая, они подтверждают свою солидарность. Иными словами, посредством ритуала совместных причитаний женщины укрепляют свои ряды: «Мы объединяемся, чтобы вместе противостоять суровым стихиям». Женщинам далеко не всегда нужно, чтобы проблема была решена — например, причитай не причитай, а погоду все равно никто не изменит. Но им необходимо понимание и сочувствие. Напротив, мужчины, слыша жалобу, инстинктивно стремятся решить проблему. А иначе, считают они, незачем жаловаться!

Один мужчина из нашей группы не одобрял женского ритуала взаимной поддержки. «Вы ведь знаете молитву о душевном покое? — спросил он. — Боже, дай мне разум и душевный покой принять то, что я не в силах изменить, мужество изменить то, что могу, и мудрость отличить одно от другого». Ну, и где же разум и душевный покой в этих «ритуальных причитаниях»? Я вижу в них одно лишь загрязнение окружающей среды негативом. Вам плохо, вот вы и выплескиваете на меня свое плохое настроение, чтобы мне

тоже стало плохо. Спасибо, не надо!»

В то время я преподавал курс по изучению Библии. Меня поразило, что в библейских примерах общения человека с Богом «разум и душевный покой», мягко говоря, отсутствуют. Я бы даже сказал, что Бог поощряет «ритуальные причитания». Пророк Иеремия постоянно плачет и жалуется — целая книга так и называется — «Плач Иеремии». Иов, который обращался к Богу самым непочтительным образом, в конце концов оказывается героем и духовным наставником для своих же друзей, которых, кстати, Бог осудил. Что же касается проявления эмоций при общении с Богом, то здесь достаточно взглянуть на Сына Божьего Иисуса Христа, Который молился «с сильным воплем и со слезами» (Евр 5:7), а в Гефсимании упал на землю в глубокой тоске, заливаясь кровавым потом.

Дебора Таннен, отмечая, что женщины обычно живут дольше мужчин, задается вопросом: может быть, женское долголетие связано со склонностью представительниц прекрасного пола не прятать, а выражать свои чувства? Библия написана евреями. Еврейский народ принадлежит к восточной культуре, которая положительно воспринимает сильные чувства и взрывы эмоций. Даже в наши дни на ближневосточном базаре можно наблюдать, как продавец и покупатель десять минут громко и яростно торгуются из-за нескольких помидоров. Такой накал страстей был непривычен для древних греков и римлян с их стоическим идеалом умеренности: в чувствах они, как и во всем, тоже стремились к золотой середине.

То, что Бог не только допускает, но даже поощряет порывы страсти, свидетельствует о прочности нашего с Ним союза. Настоящие друзья и надежные партнеры требуют друг от друга отчета. В Ветхом Завете верующие пекутся о репутации Бога и даже вызывают к Его гордости: «Не позволяй Твоим врагам унижать Тебя!» Они указывают на свою роль в союзе с Богом: «Разве мертвые встанут и будут славить Тебя?» (Пс 87:11). Они напоминают о прежних проявлениях Божьей благодати, перечисляют Божьи обетования; говорят о своих заслугах, о своей «праведности». Если же все это не помогает, они вызывают к Божьему милосердию: «Будь милостив ко мне, Боже!»

Читая эти молитвы, я тоже чувствую себя вправе пожаловаться: не все в мире складывается в соответствии с моими верованиями. Я верю в Божью праведность и любовь, но вижу вокруг угнетение, насилие и бедность. Злые люди процветают, а с хорошими случаются несчастья. Жалобы, раздающиеся со страниц Библии, напоминают мне одновременно и о моих собственных верованиях, и о фактах, которые с этими верованиями никак не согласуются.

Из библейских молитв я понимаю: Бог хочет, чтобы с жалобами я обращался лично к Нему — это важный аспект нашего союза. Если я буду вышагивать по жизни с улыбкой на устах, скрывая от Бога свое раненое сердце, то на наши отношения ляжет пятно позора.

Среди хасидских притч есть рассказ о ребенке Давиде Дине из Иерусалима. К нему обратился некий человек, переживавший кризис веры. Ни один ответ, который давал ему ребенок Давид, его не устраивал. Поэтому учитель решил просто выслушать длинные и неистовые речи сомневающегося. Так он и слушал несколько часов, пока наконец не задал вопрос: «Почему ты так гневаешься на Бога?»

Вопрос этот ошеломил собеседника — ведь он до сих пор даже не упомянул Бога. Он затих, посмотрел на Давида Дина, а затем проговорил: «Всю жизнь я боялся сказать Богу о своем гневе, и направлял его на людей. Но до сей минуты я сам этого не понимал».

Тогда ребенку Давид встал, велел собеседнику следовать за ним и привел его к Стене Плача. Но не туда, где обычно молятся люди, а к развалинам Храма. И там Давид сказал, что теперь настало время поведать Богу о своем гневе. Сомневающийся человек целый час бил по Стене Плача кулаками и выкрикивал все, что было у него на сердце. Потом он безудержно заплакал, со временем его рыдания превратились во всхлипывания, а затем — в молитву. Так ребенок Давид Дин научил человека молиться.

Я все еще жду

Джоанна

Когда я была молодой христианкой, то на вопрос «Веришь ли ты, что Бог отвечает на молитву?» я без колебаний отвечала «Да». Я могла бы рассказать о том, как однажды, мчась на старом автомобиле, не вписалась в поворот и вылетела в сугроб. Отделалась легким испугом. Или о том, как потеряла в машине ключи и искала их несколько часов, пока не помолилась, а после молитвы тотчас же обнаружила пропажу. Возможно, Бог особенно внимателен к молитвам новообращенных. Не знаю, в чем тут дело. Но, похоже, Он не слишком заботится о христианах с большим стажем.

Я могла бы перечислить сотни молитв, на которые я не получила ответа. Я говорю не только об «эгоистичных» молитвах. Я молилась об очень важных вещах: «Боже, сохрани моих детей от зла, от дурной компании». В итоге все трое злоупотребляют алкоголем и наркотиками и имеют проблемы с полицией.

Притча Иисуса о настойчивой вдове, которая допекала судью непрерывными просьбами, меня просто злит. У священника рак, тысячи людей молятся за его исцеление, но он все равно умирает. И что же, согласно этой притче Иисуса, мы должны делать? Продолжать биться головой об стену?

Уже несколько лет я живу на краю пропасти. Да, порой я чувствовала близость Бога, Его присутствие. И только память об этом удерживает меня от того, чтобы не махнуть на все рукой. Я слышала Бога два, или, возможно, три раза. Однажды мне показалось, что я просто слышу Его голос. Я была молода, только что закончила колледж — и ехала из больницы, где мне сообщили, что у меня лейкемия. Внезапно мне пришли на ум слова из Книги пророка Исайи: «Не смущайся, ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей» (Ис 41:10). Но у меня есть только воспоминания и больше ничего — никаких новых свидетельств о том, что Бог меня слышит.

Я думаю, нечто похожее на желаемый ответ я получаю лишь на пятую часть моих молитв. Иногда я теряю всякую надежду и начинаю молиться только о том, что, как я уверена, должно произойти. Или просто перестаю молиться. Я перечитываю свой молитвенный дневник и вижу: Бог делает для меня все меньше и меньше. Тогда я сержусь. Я умолкаю, как обиженный ребенок. Мое отношение к Богу можно назвать пассивно-агрессивным. И я откладываю молитву «на потом».

Я была у духовника и излила перед ним душу, подробно описала все, что случилось за последние годы с моим здоровьем и особенно с моими детьми. «Что мне делать?» — спросила я.

Он долго молчал, а потом ответил: «Я не знаю, Джоанна». И вздохнул. Я ожидала, что он скажет мне какое-то мудрое слово, но он ничего не сказал. Вот как у меня обстоят дела с молитвой.

ЧАСТЬ 2. ТАЙНЫ МОЛИТВЫ

*Слышит Господь! Насадивший ухо не услышит ли?*¹⁶
Джордж Герберт

ГЛАВА 6. ЗАЧЕМ МОЛИТЬСЯ?

Молитвы похожи на камешки, которые мы бросаем в небесное окно, чтобы обратить внимание на Себя, Любимого.
Рональд Стюарт Томас

Есть ли Богу дело до наших житейских проблем — будь то продажа дома или поиски пропавшей кошки? И если мы ответим «да», то почему Он не предотвратил ураган, который снес с лица земли целый город, или цунами, погубившее четверть миллиона человек? Почему вмешательство Бога в хаос событий, происходящих на планете, выглядит как каприз?

Наши молитвенные просьбы чаще всего относятся к одной из двух категорий: «бедствие» или «житейские дела». Стоит приключиться беде, как мы сразу же взываем к Богу. Растерянные родители у постели больного ребенка, испуганные пассажиры самолета, моряк в страшную бурю — в минуту опасности все мы молимся, даже если способны произнести лишь: «О, Боже!»

В такие минуты никто не вспоминает о богословских теориях. Мне просто нужна помощь от Того, Кто сильнее меня.

Как любят повторять армейские капелланы, «в окопах атеистов не бывает».

Часто мы просим о пустяках. Лев Толстой в романе «Война и мир» описал, как во время охоты Николай Ростов отчаянно молится, страстно желая затравить матерого волка. «Несколько раз он обращался к Богу с мольбой о том, чтобы волк вышел на него; он молился с тем страстным и совестливым чувством, с которым молятся люди в минуты сильного волнения, зависящего от ничтожной причины. «Ну, что Тебе стоит, — говорил он Богу, — сделать это для меня! Знаю, что Ты велик и что грех Тебя просить об этом; но, ради Бога, сделай, чтобы на меня вылез матерый и чтобы Карай, на глазах дядюшки, который вон оттуда смотрит, влепился ему мертвой хваткой в горло».

Мой друг ездил в Южную Америку — отчасти ради того, чтобы прийти в себя после развода. Там он побывал в национальном парке. Он усердно (и, судя по его словам, с верными побуждениями) молился о том, чтобы увидеть некоторые редкие виды зверей и змей. Ради этого он не спал ночь и провел двадцать часов на помосте на верхушке дерева, где комары чуть не обглодали его до костей. И что? Другие участники тура то и дело натыкались на экзотических животных, а мой друг так никого из них и не увидел. Вернувшись, он задал себе вопрос: «А вмешивается ли Бог вообще в нашу жизнь?» Он не получил ответа ни на свои настоятельные мольбы о предотвращении развода, ни на невинную просьбу о том, чтобы увидеть чудеса природы.

Но если бы Бог ответил на его молитву — например, мой друг узрел бы со своего помоста целый ковчег экзотических тварей, — то возникла бы новая, более серьезная проблема. Вот как сформулировал ее некий профессор философии: «Допустим, что Бог способен влиять на ход событий. Но Бог, исцеляющий от простуды или берегающий для

¹⁶ «Насадивший ухо не услышит ли?» — Пс 93:9. — Прим. ред.

нас свободное место на парковке и не желающий предотвратить Освенцим и Хиросиму, не может не вызвать нравственного отвращения! Хиросима и Освенцим были. Это факт. Отсюда мы вынуждены сделать вывод: Бог не способен влиять на ход событий в мире или взял за правило никогда этого не делать».

Даже те, кто не согласны с радикальными выводами профессора, вынуждены задуматься над вопросом, который поставил сей ученый муж.

Суть вопроса

Мне не хотелось предаваться абстрактным рассуждениям о молитве, поэтому я достал из ящика стола письма моих читателей. Все они задают вопросы о молитве на основании личного опыта. И их вопросы очень острые.

Пишет заключенный из штата Индиана: «Писание ясно говорит о том, что Бог управляет всем творение. Но есть ли Ему дело до мелких житейских проблем человека? Станет ли Он вмешиваться в нашу жизнь? Или, может быть, Он обещал помогать нам лишь в достижении духовного роста? Или, может, Он помогает нам верно реагировать на происходящие события, а в ход событий не вмешивается?» Автор письма вкратце рассказывает о своей нелегкой судьбе — попал в тюрьму, подруга бросила, сестра разводится с мужем, — а затем пишет о хорошо знакомой ему семье из бедного квартала:

«Сын-подросток страдает хронической астмой, был частично парализован, подвергается физическому насилию со стороны отца. Его постоянно высмеивают за то, что он инвалид. И вот недавно его мать была убита. Есть что-то глубоко неправильное в том, что все это происходит с невинными детьми — особенно если вспомнить, как решительно Иисус говорил, что Он защищает кротких, что нужно делать добро «малым сим». Я снова и снова вспоминаю, как вез этого подростка на кладбище, на могилу матери. Там мы узнали, что родственники по бедности не смогли купить ей надгробие. Молить Бога о любой помощи для этой несчастной семьи — не легкомысленная просьба о чуде, а призыв к милосердию!»

Заключенный где-то вычитал, что режиссер Фрэнсис Коппола работает над своими фильмами в передвижном офисе. Он наблюдает за съемками через мониторы и общается с актерами, операторами и помощниками при помощи переговорных устройств. «Может быть, и Бог управляет миром подобным образом?» — спрашивал автор письма.

Другой читатель, из штата Айдахо, так описывает свои попытки молиться: это, мол, нытье типичного обывателя о долгах за обучение в колледже, о неудачном вложении денег, о семейных проблемах, о неудачах в бизнесе да плохом здоровье старика-отца. Но тон его письма меняется, когда он упоминает о сыне: у того из-за родовой травмы деформирована ступня и не двигается рука. «Мы каждый день молимся о его исцелении, — пишет отец. — Есть ли Богу дело до таких вот настоящих проблем? У большинства из нас имеются сокровенные желания — если не исцеление, то успех, счастье, безопасность, мир... Осмелимся ли мы просить Бога о сокровенном? Я охотнее учусь молиться. А научившись, хочу научить и сына».

Я получил письмо от женщины. Ей сорок один год. Она рассказывает, как она, еврейка по национальности, уверовала в Иисуса Христа. Затем ее постигло страшное несчастье — рак молочной железы, давший метастазы в легкие и печень. Порой она отворачивалась от Бога, но затем, позлившись на Него несколько дней, все равно к Нему возвращалась — медленно, нехотя, с недовольной гримасой на лице, отчетливо понимая, что не умеет жить без Бога. Во время суровых испытаний она мучительно пыталась понять, как ей молиться:

«Какой смысл молиться о том, чтобы что-то произошло? Допустимо молиться ради того, чтобы установить и поддерживать общение с Богом. Но зачем молиться об

исцелении? Или чтобы мой муж нашел работу? Или чтобы мои родители обрели спасение? Я часто молюсь за других людей, потому что не в силах ничего больше сделать для них. Я цепляюсь за надежду: а вдруг на этот раз молитва поможет.

Духовные наставники нашей церкви увещевают прихожан молиться по несколько часов, ходатайствовать за всех, кто в этом нуждается. Но, если у Бога есть определенный замысел, если Он знает, чего мы хотим, в чем нуждаемся и что для нас лучше, то зачем мне часами молить Его о том, чтобы Он изменил свои намерения? И как молиться с верой, если, судя по всему, те молитвы, которые я Ему возношу, почти всегда остаются без ответа?»

Она рассказала о том, что сотни верующих молились о ее исцелении от рака, а потом задала вопрос: «Имеет ли это хоть какое-то значение? Неужели у меня больше шансов на исцеление, чем у моей подруги, которая тоже больна раком, но за которую регулярно молится лишь горстка людей? Иногда я говорю в шутку, что Бог вынужден меня исцелить, потому что иначе Ему влетит за меня ото всех, кто за меня молился». Эта женщина преподает в христианской начальной школе, и как-то раз она дала детям такое задание: «Представь себе, что ты встретил на улице Иисуса. Какой вопрос ты бы Ему задал?» Многие ученики проявили большую любознательность: «На что похожи небеса?», «Как Тебе жилось, когда Ты был ребенком?». Но на одной из бумажек она прочла два вопроса: «Почему Ты не исцеляешь мою маму? Почему мой папа не может найти работу?» Почерк показался ей знакомым. Она с болью в сердце поняла: это писал ее сын.

Больше всего меня огорчило письмо от человека, который рассказал о ране, нанесенной ему безответной молитвой. Долгие годы отец и мать молились о сыне, у которого были серьезные психологические проблемы. И вот однажды раздался телефонный звонок. Звонила их дочь. Только что она обнаружила тело своего брата. Он наложил на себя руки — отравился выхлопными газами. А ему только-только исполнилось двадцать два года. В письме родители задавали свои вопросы Богу: «Господи, мы постоянно молились о трех наших детях — разве Ты не слышал?» Мать выписала несколько своих любимых стихов из Библии: «...Чего ни пожелаете, просите, и будет вам... (Ин 15:7); ...Не оставлю тебя и не покину тебя... Евр 13:5); ...Довольно для тебя благодати моей... (2 Кор 12:9); ...Любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим 8:28). Разве эти стихи могут объяснить самоубийство сына?

Молитва Иисуса

Я ответил на каждое из писем, но у меня все равно осталось больше вопросов, чем ответов. Все, что вы прочтете дальше, вся книга — результат моих попыток ответить на заданные мне вопросы. Я буду рассматривать разные грани молитвы. Моя задача — узнать о ней такое, что могло бы хоть как-то утешить авторов приведенных выше писем.

Исходной точкой для меня станут истории из реальной жизни — история заключенного, история человека из Айдахо, история больной раком молочной железы женщины и история семьи, потерявшей сына. За ответами я обратился к Учителю, жившему в первом веке нашей эры и изменившему мир. Конечно, Христос знал, какие возможности открывает молитва. Но знал Он и заложенные в молитву ограничения. Как я уже говорил, самый простой ответ на вопрос «Зачем молиться?» таков: «Потому что молился Иисус». Но чем молитвы Иисуса могут помочь моим корреспондентам?

В Евангелиях можно найти около дюжины примеров того, как молился Иисус. Есть в них и несколько притч и поучений о молитве. Подобно другим иудеям своего времени, Иисус регулярно посещал синагогу («дом молитвы»), молился не реже трех раз в день. Но мы с уверенностью можем утверждать, что Иисус вел уединенные молитвы-беседы с Богом, ведь учил же Он Своих учеников, чтобы они, молясь, закрывали дверь в свою комнату. Ученики Иисуса не могли не обратить внимания на эти особые молитвы Господа: пять раз в Евангелиях упоминается о том, что Иисус молился в одиночестве.

Как и большинство из нас, Иисус обращался к Богу в тяжелые для Себя времена. Он несомненно молился во время Своего сорокадневного поста в пустыне. Он громко молился незадолго до смерти, изливая перед Богом Свое великое смятение в Гефсиманском саду: «Душа Моя теперь возмутилась: и что Мне сказать? «Отче! Избавь Меня от часа сего!» Но на сей час Я пришел» (Ин 12:27). Молитва в Гефсиманском саду была изнурительной: Иисус трижды падал в изнеможении на землю, но ничто не могло остановить Его.

Две молитвы, произнесенные в самые трагические моменты Его жизни настолько тронули сердца учеников, что так и отпечатались в их памяти на родном языке Иисуса — арамейском («Авва» (Мк 14:36) в Гефсиманском саду и «Элои! Элои! ламма савахфани?» (Мк 15:34) на кресте). Из семи слов, произнесенных Иисусом на кресте по меньшей мере три были молитвами. Послание к Евреям свидетельствует: Иисус «с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти» (Евр 5:7) — но Он не был избавлен от смерти. Как и авторы полученных мною писем, Иисус знал, что значит — молиться и не получить желаемого ответа. В той или иной мере это состояние знакомо каждому из нас.

Другой тип молитвенной просьбы — о житейском — практически не звучал из уст Иисуса. От повседневных нужд не уйти, они важны: ведь недаром в молитве Господней упоминается о хлебе насущном, о борьбе с искушениями, о восстановлении разорванных отношений. Но такие просьбы вряд ли можно назвать банальными, обыденными. Молитвы Иисуса показывают, что Он практически не заботился о собственных нуждах. «Пронеси чашу сию мимо Меня» (Мк 14:36) — вероятно, единственный пример того, как Христос попросил о чем-то для Самого Себя.

О чем-то для Себя Христос просил крайне редко, зато за других Он молился очень часто. Он молился о детях, которых приносили к Нему матери. Молился ради «народа, здесь стоящего» (Ин 11:42) у гробницы Лазаря. И о Петре, которому предстояло пройти трудное испытание. Его предсмертная молитвенная просьба — о гонителях. Последнее Свое благодатное слово, которое Он, задыхаясь, произнес с креста, таково: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают» (Лк 23:34).

Молясь в уединении, Иисус укреплялся духом. После утомительного дня — служение людям, избрание учеников, проповедь перед толпой, исцеление больных — Он удалялся в уединенное место для молитвы. В пустыне искушитель соблазнял Иисуса популярностью и всеобщим восхищением — возможно, Иисус нуждался в уединении, которое помогало Ему утвердиться в сознании Своей миссии, в готовности твердо противостоять искушению популизма. Он заверял учеников, беспокоившихся, не голоден ли Он: «У Меня есть пища, которой вы не знаете» (Ин 4:32).

Молитвы Иисуса становились интенсивнее перед важными событиями. Примеры тому — Его крещение, ночь перед избранием двенадцати учеников, Преображение и особенно — приближение исхода Христа из мира. Однажды, когда большая группа Его последователей вернулась с рассказами о духовных победах — Иисус посылал их проповедовать, — Он возрадовался Духом и прославил Отца. Молил Он Отца и о пришествии Духа Святого, «Утешителя, да пребудет с вами вовек» (Ин 14:16). В главе 17 Евангелия от Иоанна есть долгая и величественная молитва Спасителя об учениках. Иисус просил не только о тех, кто был тогда рядом с Ним, но и об учениках всех веков — о нас, верующих в Него по слову апостолов.

Размахивая кулаками

Ди

Когда я думаю о молитве, то чувствую, насколько мне не хватает старого священника Пола, моего покойного друга. Когда он молился, я ловила на его лице отблески небесного света. А когда

мы молились вместе в последний раз, я открыла глаза и увидела его руки. Пол опустил на них голову, преклонившись перед своим Создателем. Я всегда чувствовала, что, когда Пол молится, Бог призывает небеса к тишине, склоняясь со Своего престола: «Тише, мой верный слуга Пол молится».

Теперь мне стали очень дороги молитвенные встречи с Маргарет, вдовой Пола. Я отправляюсь к ней домой в среду вечером, сразу после работы. Мы вместе ужинаем, затем идем на молитвенное собрание в церковь, а лотом молимся вдвоем. От ее молитвы тоже затихают небеса. И я задаю себе вопрос: «Может быть, молитвенная жизнь дается нам лишь с годами?». Если так, то, возможно, в восемьдесят лету меня будет такая же прекрасная, простая и твердая вера.

В моей прежней, далеко небезгрешной жизни был период, когда я пыталась с помощью психотерапевта простить отца. Однажды врач сказал мне: «Наверное, если бы вам предложили выбор — простить отца или отправиться в ад, то вы бы выбрали ад». Он был прав. В ад, без лишних слов.

Но в этой тьме настала минута, когда, все еще размахивая кулаками перед лицом Бога, я начала молиться, повторяя снова и снова: «...не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (2 Пет 3:9). Я напоминала Богу, что слово «все» должно включать также и меня. Других молитв у меня не было.

Однажды, сидя на работе, я внезапно почувствовала огромное желание, чтобы за меня помолились. Я подумала о Поле и Маргарет. Чудесным образом оказалось, что они дома, и вечер у них свободен. К нам присоединились мой священник и его жена. Мы сидели вместе в комнате у Пола и Маргарет, и я выплескивала гной из своего сердца. Пол почувствовал, что нужно молиться не только за меня, но и за моего отца. Я не была в этом уверена. Я хорошо запомнила первые слова священника, когда он стал молиться за моего отца: «Господи, я не хочу молиться за этого человека».

В человеческом языке нет слов, чтобы передать мое состояние в ту минуту, когда они кончили молиться за меня. Я испытывала все чувства сразу — мне казалось, что меня разорвет на части. Я протянула руку и положила ее на колено Пола — жест, для меня совсем не характерный. Он сразу же взял мою ладонь и держал ее, слегка поглаживая. Эта совместная молитва стала первой атакой на твердыню зла в моем сердце.

Очень часто во время молитвы я чувствую, что я либо размахиваю кулаками перед лицом Господа, бросая Ему вызов, либо в неутешном горе припадаю к Его груди. Но как бы я хотела положить руку Ему на колени, и чтобы Он взял мою ладонь в Свои руки!

Я видела в одном фильме, как огорченная и сердитая главная героиня упирается кулаками в грудь своего партнера. А он спокойно берет ее руки в свои, и камера крупным планом показывает, как он держит ее за руки. Именно такой я хотела бы видеть свою молитву.

Есть ли смысл молиться?

Поняв, как молился Иисус, я нашел ответ на очень важный вопрос: «Есть ли вообще смысл молиться?» Иногда в мою душу закрадываются сомнения: может быть, молитва — это всего лишь благочестивая форма разговора с самим собой? В такие моменты я напоминаю себе, что Сын Божий, Чьим словом сотворен мир, Сын Божий, держащий этот мир в Своей руке, чувствовал непреодолимую потребность в молитве. И Он молился, потому что молитва действительно имеет много значит. Время, проведенное в молитве, было для Него не менее важно, чем время, которое он посвящал непосредственному служению людям.

Один мой друг, врач по профессии, узнав, что я пишу о молитве, посоветовал мне начать с трех важных тезисов: (1) Бог существует; (2) Бог слышит наши молитвы; и (3) Богу наши молитвы не безразличны. «Ни одно из этих трех утверждений нельзя доказать, — сказал он. — В них можно либо верить, либо не верить». Конечно, он прав, хотя я считаю, что личный пример Иисуса Христа свидетельствует об истинности всех трех тезисов. Перечеркнуть молитву, сказать, что она лишена смысла, все равно, что утверждать, будто Иисус заблуждался.

Иисус, как и Его современники-иудеи, верил в действенность молитвы. Римляне молились своим богам «на всякий случай», как носят на всякий случай амулет, не очень-то веря его силу. Скептически настроенные греки высмеивали молитву. Древнегреческие драматурги включали в свои пьесы смешные, глупые и даже непристойные молитвы — лишь бы вызвать у зрителей взрыв хохота. Только упрямые иудеи, несмотря на все свои оставшиеся без ответа молитвы — а таких немало накопилось за всю многострадальную историю Израиля, — настаивали на том, что Всевышний и Любящий Бог, Который управляет Землей, их молитвы слышит и однажды ответит.

Иисус заявлял: Он и есть Ответ, Он — исполнение надежд евреев, жаждавших прихода Мессии. «Видевший Меня видел Отца» (Ин 14:9), — говорил Он. Он явил волю Отца: кормил голодных, исцелял больных, освобождал узников. Люди пишут мне о своих проблемах, неразрешимых человеческими усилиями, а я отвечаю, что у меня нет ответа на вопрос «Почему?». Зато я способен ответить на другой вопрос: «Что чувствует Бог, глядя на страдания человека?» Мы в состоянии понять чувства Бога, потому что видели лик Христов, на котором нередко были видны следы слез. В Евангелиях мы читаем о встречах Иисуса — со вдовой, потерявшей сына, с римским офицером, слуга которого был тяжело болен, с женщиной, страдавшей кровотечением. Участие и милосердие Иисуса — зримое проявление тех чувств, которые испытывает Бог-Отец, выслушивая наши молитвы.

Иисус учил молиться так: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе» (Мф 6:10). Ему лучше, чем любому другому человеку понятна разница между небесами и землей. Каждый день своей земной жизни Иисус видел, как люди противятся Божьей воле. Матери несли к Нему больных детей, рыдали вдовы, взывали к Нему нищие, Его высмеивали бесы, за Ним следили враги, Ему расставляли ловушки. В таком чужеродном для Бога окружении молитва была для Иисуса местом отдохновения от просителей, и она же напоминала Ему о Его истинном доме, где нет места злу, страданиям и смерти.

Молитва была спасательным кругом Иисуса, источником руководства и силы. Она нужна была, чтобы знать и исполнять волю Отца. Христос молился, чтобы не утратить веру в подлинный, вечный мир, откуда Он пришел, чтобы напитать память немеркнущим светом небес. Для этого Ему приходилось вставать на молитву до рассвета, иногда Он молился всю ночь. Но мил иногда не хватало: Он раздражался земному: «О род неверный! Доколе буду с вами? Доколе буду терпеть вас?» (Мк 9:19). Ему приходилось бороться с искушениями: «Не искушай Господа Бога Твоего» (Мф 4:7). Подчас — с сомнением: «Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Мф 27:46).

Скептики сомневаются в действенности молитвы: «Зачем молиться, если Бог все знает лучше нас?» Один пастор спросил меня: «Может, мне не стоит больше докучать Богу моими мелочными просьбами? Может, предоставить Ему управлять Вселенной, а самому как можно

лучше исполнять свой долг, заботясь о земных проблемах?»¹⁷ Я не знаю более верного ответа, чем пример Иисуса Христа. Он лучше любого из нас знал о мудрости Отца, но все-таки считал необходимым посылать в небеса одно прошение за другим.

Иисус не дал нам теоретических доказательств действенности и необходимости молитвы. Но Он молился — и уже одно это свидетельствует: молитва нужна, и она что-то изменяет в мире. Христос (обличив таким образом тех, кто считает прошение слишком примитивной формой молитвы) прямо сказал: «Просите и получите» (Ин 16:24). Когда ученики не сумели исцелить бесноватого мальчика, Иисус указал: одна из основных причин их бессилия — недостаток молитвы (Мф 17:21).

У молитвы есть пределы

Но, по-видимому, даже Иисусу молиться было не всегда легко. Однажды я написал статью «Оставшиеся без ответа молитвы Иисуса». Работа над ней принесла мне своеобразное утешение: я составил список всех молитв Иисуса и увидел, что в отношении молитвы Он был человеком, подобным нам. Как и мои корреспонденты, Он познал горечь безответной молитвы. Иисус просил о единстве христиан: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе» (Ин 17:21), но даже поверхностное знакомство с историей христианской церкви (которая в настоящее время насчитывает более тридцати тысяч различных деноминаций) ясно показывает, сколь далека от ответа эта молитва Спасителя.

В список молитв, которые, по-видимому, остались без ответа, я включил и ту, в которой Иисус ночью просил Отца о водительстве перед избранием двенадцати учеников — Ему нужны были те, кому Он мог доверить Свою миссию. «В те дни взошел Он на гору помолиться и пробыл всю ночь в молитве к Богу. Когда же настал день, призвал учеников Своих и избрал из них двенадцать, которых и наименовал Апостолами» (Лк 6:12, 13). Читая Евангелия, я в изумлении спрашиваю себя, как эта разношерстная, непредсказуемая дюжина может быть ответом на молитву? Евангелист подчеркивает: в числе апостолов был Иуда Искарот, «который потом сделался предателем» (Лк 6:16). А как не вспомнить честолобивых «сынов громовых» (Мк 3:17) и Симона, горячую голову, которому Иисус вскоре сделает выговор и назовет его «сатаной» (Мф 16:23). Позднее Христос, разгневавшись, скажет двенадцати избранникам: «Доколе буду терпеть вас?» (Мк 9:19). Вот я и спрашиваю себя: «Не усомнился ли Иисус на мгновение в том, что именно этих учеников указал Ему Отец в ответ на молитву?»

Богослов Рэй Андерсон в весьма дерзком труде «Евангелие от Иуды» размышляет о том, почему Иисус включил Иуду в число учеников. Знал ли Иисус, когда молился об избрании учеников, о том, как сложится судьба Иуды? Напомнил ли Он Своему Отцу о той молитве, когда Иуда ушел с Тайной Вечери, чтобы предать Его? Из истории Иуды Андерсон делает важный вывод: «Смысл молитвы не в том, чтобы устранить неизвестное или непредсказуемое. Смысл в том, что благодаря молитве, все неизвестное и непредсказуемое стало проводником Божьей благодати в нашу жизнь».

Иисус молился за учеников, но это не устранило «неизвестное и непредсказуемое». Двенадцать апостолов нередко удивляли и огорчали Учителя своей мелочностью и маловерием.

В час величайшей нужды практически все они подвели Спасителя. Правда, одиннадцать из них медленно, но верно менялись и стали в конечном итоге другими людьми. Итак, можно сказать, что в Христос все-таки получил ответ на Свою молитву. Иоанн, один

¹⁷ *Подобным же образом рассуждал французский философ-просветитель Жан-Жак Руссо, объясняя, почему он не молится: «Почему я должен просить Его, чтобы ради меня Он изменил ход событий? Я должен более всего любить порядок, установленный Им по Его великой мудрости и сохраняемый Его Провидением. Должен ли я просить, чтобы ради меня этот порядок был нарушен?» — Прим. авт.

из «сынов громовых», стал апостолом любви. Петр-Симон, заслуживший от Иисуса суровую отповедь за то, что не допускал и мысли о Его страданиях, позже сам показал, что значит идти «по следам Его» (1 Пет 2:21). Он пострадал за Христа. Единственным исключением стал Иуда, который предал Учителя. Но даже сам акт предательства стал неотъемлемым звеном причинно-следственной цепочки, приведшей к крестной смерти Иисуса — а следовательно, к спасению мира. Станным и таинственным образом молитва превращает непонятные, неоправданные и непредсказуемые поступки людей в русла Божьей воли и Божьей благодати.

В молитвах Иисуса нет надежной и универсальной формулы успеха. Но они дают нам понять, каким образом Бог действует (или не действует) на нашей планете. Нам, конечно, хотелось бы, чтобы Господь взялся за дело более решительно — особенно, когда мы страдаем. Но молитвы Иисуса ясно показывают: Бог уважает свободу человека и чаще всего не вмешивается в ход событий. Зачастую Он проявляет Свою власть, превращая зло в добро, а не предотвращая зло.

Ограниченность действия молитвы очень хорошо показывает один эпизод Евангелий. «Симон, Симон! Се, сатана просил, чтобы сеять вас, как пшеницу, — сообщил Иисус Петру, подчеркнуто используя его прежнее имя. — Но я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя» (Лк 22:31, 32). Петр с присущим ему хвастовством стал настаивать, что мол пойдет за Иисусом и в темницу, и на смерть — и лишь тогда Иисус открыл ему страшную правду: уже в эту ночь, прежде чем пропоет петух, Петр трижды отречется от Него. Меня поражает, почему Иисус прямо не отказал сатане, когда тот просил подвергнуть Симона искушению: «Нет, нельзя. Не смей его трогать!» Или почему Иисус не придал Петру сверхъестественную храбрость, чтобы ученик благополучно прошел испытание? Вместо этого Он попытался лишь чуть повлиять на ситуацию — помолится, чтобы вера Петра не оскудела.

Конечно, вера Петра оскудела, и это случилось трижды. Следует ли внести и эту просьбу Христа в перечень Его оставшихся без ответа молитв? Или по ней можно отследить схему, по которой Бог действует на земле? История Петра имеет удивительно много общего с рассказом об Иуде. Тот тоже был одним из ближайших учеников Иисуса и не выдержал испытания веры. Казалось, что его слабость и привела к катастрофе.

Потрясенный предательством Искарота евангелист Лука пишет: «Вошел же сатана в Иуду» (Лк 22:3). Действительно, чем еще можно объяснить подобный поступок?

Оба они, Иуда и Петр, оказались вовлеченными в духовную битву, смысла которой постичь были не в силах. И Иуда, и Петр подверглись непосредственному нападению сатаны. Но каждый из них нес личную ответственность за свои поступки — сатана не может поработить человека, если тот не поддастся проискам лукавого. Оба ученика не выдержали испытания, предали Учителя. Однако даже после падения каждый из них получил возможность покаяться, обрести прощение. Один понял свою ошибку — и повесился. Другой понял свою ошибку — и покался, стал столпом Церкви Христовой. Возможно ли, что именно благодаря молитве Иисуса Петр не превратился во второго Иуду? А мог ли Иисус помолиться за Иуду — ведь Он учил нас молиться за гонителей и Сам молился за них на кресте? Во время последней встречи, Иисус сказал Иуде: «Друг, делай то, для чего ты пришел!»¹⁸ (Мф 26:50).

А еще испытания Петра напоминают историю Иова: сатана просит у Бога разрешения навредить Иову. Бог разрешает и затем с удивительной пассивностью наблюдает, как поведет себя испытуемый. Петр, как Иов, как любой из нас, обладал свободой выбора — мог выдержать или не выдержать испытание.

В ситуации с Петром действует еще один фактор: Иисус усердно молится за ученика. Повороты сюжета — в случаях с Иовом, Иудой и Петром — проливают свет на великую

¹⁸ *Так в английском переводе Библии (New International Version). В русском синодальном переводе — «Друг, для чего ты пришел?» — Прим. пер.

загадку истории человечества. Почему Бог сидит сложа руки, когда сатана наносит людям вред, когда злые тираны угнетают хороших людей, когда предатель выдает врагам Его Сына?

Библия противопоставляет подавляющее зло добру, которое уважает свободу человека. В главе 9 Евангелия от Марка описан мальчик, одержимый злым духом. Он пускает пену изо рта, скрежещет зубами и бросается то в огонь, то в воду. Овладевший ребенком злой дух превращает его в недочеловека, грубо подавляя его человеческую свободу. Совсем иначе действует Дух Святой. Апостол Павел предупреждает верующих: «Духа не угашайте» (1 Фес 5:19) и «не оскорбляйте Святого Духа Божия» (Еф 4:30). Господь Вселенной из уважения к нашей свободе умалил Себя, в определенном смысле даже поставил Себя в зависимость от нашего милосердия.

Как описать самоумаление Всемогущего Бога, Который живет в нас и, по сути дела, говорит: «Не делай Мне больно. Не отталкивай Меня». Английский поэт и богослов Джон Донн молил: «Бог триединый, продолжай пытаться... Дабы воспрял я, сердце мне разбей...» Но Бог делает так очень редко. Он взывает к нам и ждет нашего ответа.

Молитва Иисуса о Петре — и, возможно, об Иуде — выражает непостижимое уважение Бога к свободе человека: даже предвидя предательство близкого друга, Иисус не совершает чуда, которое сокрушило бы свободу Иуды. Христос позволяет событиям идти своим чередом, зная, какую цену заплатит за это. Он молится о том, чтобы по благодати Божией даже предательство и смерть стали частью Божьего замысла спасения. И Бог ответил на молитву Своего Сына за Петра, за Иуду и за весь мир.

В поисках сокровищ

Гарольд

Сколько я себя помню, молитва всегда была частью моей жизни. В течение многих лет я совершал молитвенные прогулки по полотну заброшенной железной дороги, проходящей недалеко от моего дома — по одному часу каждый день. Я записывал ответы на молитвы в дневник. Иногда я на какое-то время прекращал молиться из-за огорчения и потери уверенности в том, что молитва имеет смысл. Но потом всегда возобновлял молитвы. Читая о таких людях как мать Тереза или Генри Нувен, я утешал себя тем, что им иногда тоже бывало трудно молиться.

Несколько дней назад я проснулся в состоянии депрессии — со мной это случается нередко. Я помолился: «Господь, мои чувства расстроены, мне нужна Твоя помощь, чтобы прийти в себя». В одиннадцать утра я понял, что Бог ответил на эту молитву, и прервал свои занятия, чтобы поблагодарить Его. Благодаря молитве я восстановил связь с Богом и был в общении с Ним в течение всего дня. Когда я осознанно приношу Богу свои проблемы, то меняется даже мое физическое состояние.

Мы на самом деле живем лишь в данную минуту, в этот день — сейчас, сегодня. Нет смысла беспокоиться о будущем, в котором мы не властны, или о прошлом, которое мы не можем изменить. Поэтому я прошу у Бога, чтобы Он сегодня помог мне сделать как можно больше из того, что Он Сам считает самым важным для меня. Каждый мой день — это поиски Божьих сокровищ, и я должен все время оставаться с Ним «на связи», чтобы не пропустить самое ценное.

Молитва делает мою жизнь похожей на приключение. В

эпопее Толкиена «Властелин Колец» бедный Фродо получает лишь те сведения, которые позволяют ему сделать лишь один следующий шаг — но не более того. В итоге все идет как надо, но большую часть пути он чувствует себя беспомощным и сбитым толку. Гэндальф помогает и подсказывает ему лишь изредка и незаметно.

Подобно Фродо, мы живем в мире, который противится Богу, в мире, пропитанном заблуждениями, полным злобы, насилия и бедности. И это — мир моего Отца? Я прихожу к Богу с жалобами и причитаниями. Я готов буквально сцепиться с Ним, требуя у Него отчета. И я верю, что Бог приветствует такое общение. Попутно я узнаю, кто я такой. Однажды доктора медицины, современного швейцарского мыслителя, автора книги «Медицина и Личность» Поля Турнье попросили: «Дайте определение, кто такой лицемер». Он ответил по-французски: «C'est moi» — «Это я». Молитва не дает мне забыть эту истину.

Кроме того, молитва помогает мне реально смотреть на мир. Мой сын, который ростом ниже, чем большинство его сверстников, любит играть в американский футбол. Он усердно тренируется, часто падает в грязь. Он заранее готов к тому, что во время игры защитники другой команды (они весят намного больше) будут сбивать его с ног. Футбол для сына — своего рода битва, в которой столкновения и боль — обычное дело. Для меня быть христианином на этой планете означает тоже участвовать в битве. Мы стараемся следовать за Богом, живя в мире, взбунтовавшемся против Него. Я не думаю, что благодаря молитве идти за Господом станет проще, и в моей жизни будет меньше проблем. Но я ожидаю, что молитва даст мне внутреннюю силу для продолжения борьбы. Для меня свидетельство о вере — это постоянство в молитве.

Молитвы, которых не было

Молитвы Иисуса помогают мне понять загадочный стиль работы Бога на земле. Но не менее интересно будет подумать о том, о чем Иисус никогда не молился. Помните, Его родственника, Иоанна, Ирод бросил в темницу. Иоанну грозила смерть, но Иисус не молился о его освобождении или чудесном спасении! Точно так же не молился Он и о том, чтобы сатана не смел искушать Петра или чтобы Иуда изменил свое решение.

Упрекая Петра за вооруженное сопротивление страже в Гефсиманском саду, Иисус вдруг упомянул о возможности, которой Он не воспользовался: «Или ты думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?» (Мф 26:53). Во времена Иисуса численность римского легиона составляла шесть тысяч человек. Значит, в момент ареста Иисус решил отказаться от семидесяти двух тысяч небесных воинов! Его смелое заявление слышали Иуда и Петр, но, очевидно, оба они не поверили: Иуда совершил предательство, а Петр сбежал.

Иисус не стал просить об ангельском воинстве, поэтому ничего, похожего с кадрами «Звездных войн», не произошло. Космической битвы с участием ангельских ратей не состоялось. Вместо Божьих легионов — одинокий Человек, чье тело в клочья раздирают бичи. А если бы Христос не выдержал и попросил Бога о помощи? Как изменился бы тогда ход истории? Иисус вполне мог положить конец всякому злу — и, если угодно, истории спасения человечества. Для этого Ему достаточно было вызвать спасателей с небес. Но Он решил иначе. Он отказался от триумфальной победы и избрал иной путь — путь искупления людей, путь более трудный и для Него, и для всех нас.

Всякому, кто предстоит Богу в молитвенном борении, вспоминается та темная ночь, когда Сам Божий Сын предстоял в молитве Отцу.

«Авва, Отче, — говорил Он, — все возможно Тебе». («Выход есть. В конце концов, зачем Мне терпеть боль и унижение? Да, действительно, все возможно. Легионы ангелов ожидают лишь Моего приказа».)

«Пронеси чашу сию мимо Меня». («Вот, Я сказал это. Молитва, которой Я никогда не молился, сорвалась у Меня с языка. Я отрекаюсь и сдаюсь. Я не в силах вынести ни будущее, ни настоящее. Ведь должен быть другой путь! Я умоляю Тебя, Отец, — если есть другой путь...»)

«Но не чего Я хочу, а чего Ты». («Больше всего Я хочу спасения и избавления от врага. Этого же хочешь Ты — но не только для Меня, а для всего мира. Другого пути нет: нам не спасти мир, не пожертвовав Мною, — ради этого Я и пришел на землю. Я принимаю Твою волю. Отныне Твоя воля становится и Моей волей, чего бы Мне это ни стоило») (Мк 14:36).

В тяжком борении, когда Иисус, взывая к небесам, лил кровавый пот, решила Его судьба — и это был Его собственный выбор. Поразительно, что после этого эпизода Он сохранял полное спокойствие духа. Он был спокоен во время судов Синедриона, Ирода и Пилата, спокоен, когда Его били и пытали, спокоен даже во время распятия. Евангелия ясно показывают: Он был сдержан, невозмутим, ничуть не испуган. Когда Он добровольно отдал Себя в руки стражников, они отступили и пали на землю. Он разговаривал с Пилатом как власть имеющий: «Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше» (Ин 19:11).

Мы ищем прибежища в молитве во время трудностей и испытаний. Для Иисуса молитва была сражением. После того, как в Гефсимании Он принял волю Отца, все дальнейшие события стали для Него лишь средством, чтобы ее исполнить. Вот что значила для Него молитва! Об этом пишет великолепный проповедник Хэддон Робинсон:

«Где Иисус лил кровавый пот? Не перед судом Пилата и не по пути на Голгофу. А в Гефсиманском саду. Там Он «с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти» (Евр 5:7). Окажись я там, то наблюдая за Его борением, я бы забеспокоился: «Он сломлен уже сейчас, когда всего лишь молится. А что будет потом, когда Он начнет самое страшное? Почему Он не способен встретить это суровое испытание с таким же спокойствием, как трое его спящих друзей?» Но вот испытание пришло — Иисус бесстрашно пошел на крест, а трое друзей покинули Его».

Боль родительского сердца

Итак, что я узнал на примере молитв Иисуса? Или, точнее, что мне сказать людям, о которых шла речь в начале главы? Я бы рад сказать им, что скоро — очень скоро мы получим ответ на молитву Господню, что свершится на земле воля Божья, как свершается она и на небе... Да, я и верю в чудеса. Но еще я верю в то, что чудеса — это редкие исключения из правил, некие нарушения законов, управляющих нашим миром. Я не могу — и никто не может — обещать, что молитва решит все проблемы и устранил страдание. В то же время я знаю, что Иисус заповедал Своим ученикам молиться. Он был уверен, что молитва способна изменить мир, в котором столь многое противоречит Божьей воле!

Почему Бог терпит мир, в котором отцы избивают детей-инвалидов, а дети рождаются с врожденными физическими недостатками, в котором рак молочной железы дает метастазы, а молодые люди в состоянии душевного расстройства совершают самоубийства. Почему так редко отвечает на наши молитвы Бог, так редко вмешивается в происходящее? Почему почти не совершает чудес? Почему страдание «распределяется» произвольно и несправедливо? Никто не даст исчерпывающего ответа на эти вопросы. Господь избрал определенный образ

действий и будет именно так взаимодействовать на протяжении определенного времени с нашей испорченной планетой — «снизу вверх», а не «сверху вниз». Он, как правило, позволяет событиям происходить «естественным образом» — во многом из уважения к свободе человека. Сам Сын Божий, когда жил на Земле, подчинился этому духовному закону.

Но Господь в то же время, несомненно, испытывает к людям такое же сострадание, какое явил Иисус. Глядя на Иерусалим и прекрасно зная, что замышляют сделать с Ним начальствующие, Иисус воскликнул: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (Мф 23:37). Не будучи отцом, Он тем не менее хорошо понимал, как беспомощны любящие родители, дети которых выбирали путь саморазрушения. Когда я молюсь, я стараюсь представить себе страдающий лик Иисуса.

Иисус знал, какую цену платит Бог за Свою сдержанность. Какую же боль Он испытывал, когда мир расправлялся со Его возлюбленным Сыном! Христос понимал, что путь к искуплению лежит через страдание. Уклониться было невозможно. И вот Он, «вместо подлежащей Ему радости, претерпел крест» (Евр 12:2). Значит, искупительные страдания лучше, чем отказ от страданий? Значит, лучше праздновать Пасху, чем раз и навсегда избежать Страстной Пятницы? Иисус знал все это — и открыл Свое знание ученикам. Представляете, какой далекой казалась Ему пасхальная радость и в Гефсиманском саду, и на Via Dolorosa!¹⁹ Когда проходишь через испытания, пасхальная радость представляется неизмеримо далекой.

В молитве Иисуса о Петре мы видим тот же путь — облегчение через острую боль. Сатана отчасти добился своего — Петр был просеян, словно пшеница. Но, в ответ на молитву Иисуса, это «отделение зерен от плевел» помогло Петру расстаться с его худшими качествами: хвастливостью, самоуверенностью, мальчишеской драчливостью, агрессивностью. Мы помним из Евангелий, как Петр уговаривал Иисуса не идти на крест, но когда Иисус был предан, Петр прятался, клялся, что не знает Его. В Первом послании Петра мы видим иного, преображенного апостола — он пишет о смирении и покорности и призывает прославлять Бога за страдания.

Бог не посадит силы зла на цепь — во всяком случае, не сейчас²⁰. Но Он дает нам возможность противостоять злу и даже преображать его. Как? Например через личное ходатайство Сына Божьего. И вот еще одно доказательство того, что молитва имеет смысл: оставив Землю, Иисус в первую очередь посвятил Себя молитве. Он «может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за них» (Евр 7:24–25). Как некогда за Петра, Иисус теперь молится за нас — в том числе и за тех, чьи письма я цитировал. Чем Христос занят сейчас? Из Нового Завета мы знаем лишь то, что Иисус, пребывая по правую руку Отца, ходатайствует за нас. За три года Своего земного служения Спаситель изменил нравственный климат на нашей горестной планете. А теперь — вот уже более двух тысяч лет — Он использует другой подход. Он молится.

Когда я предаю Бога, — несмотря на ту любовь и благодать, которые Он являет мне, — у меня остается лишь одна надежда: Иисус молится за меня, как когда-то молился за Петра. Он молится не о том, чтобы я избежал страданий и искушений. И даже не о том, чтобы я устоял в испытаниях. Христос молится о том, чтобы, благодаря всем испытаниям и падениям, Бог вылепил из меня в конце концов достойного гражданина Своего Царства,

¹⁹ *«Via Dolorosa» (лат. «скорбный путь») — традиционное название пути, которым Иисус прошел в Страстную Пятницу от дворца Пилата до Голгофы. — Прим. пер.

²⁰ **Библия обещает, что так будет лишь до определенного времени. Сравните молитву Иисуса о Петре с пророчеством о том, как Иисус расправится со злом в будущем: «И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего» (2 Фес 2:8). — Прим. авт.

сделал меня похожим на Иисуса Христа — совершенного Божьего Сына.

ГЛАВА 7. БОГОБОРЧЕСКАЯ МОЛИТВА

Молитва в Библии бывает дерзкой, настойчивой, бесстыдной, некрасивой. Ее тон напоминает скорее об уличном базаре, чем о чинном спокойствии храма.

Вальтер Винк

В моей церкви на каждом богослужении у прихожан бывает возможность помолиться вслух. За прошедшие годы я слышал сотни молитв, и — за редким исключением — их все можно было назвать вежливыми, корректными. Неудивительно, что в моей памяти накрепко засела одна молитва, полная необычайной силы чувств.

Молилась молодая женщина. Голос ее дрожал, но слова были слышны отчетливо: «Господи, когда меня изнасиловали, я возненавидела Тебя. Как Ты мог допустить такое?» Окружающие разом затихли. Прекратились разговоры, шуршание бумаги, скрип стульев. «Всех, кто пытался утешить меня, я тоже возненавидела. Я не желала утешения. Я хотела мести. Я стремилась отплатить болью за боль. Боже, я благодарю, что Ты не отвернулся от меня! Ты ни от кого не отворачиваешься.

Ты не покинул меня, и вот — я возвращаюсь к Тебе и прошу: исцели мою душу!»

Из множества молитв, которые я когда-либо слышал, молитва молодой прихожанки была больше всех похожа на библейскую. Молитвы, подобные этой, часто срывались с уст Божьих избранников — Авраама и Моисея.

Еще об одной типично библейской молитве я прочитал в автобиографии Нельсона Манделы, первого чернокожего президента ЮАР:

«...Все эти долгие годы я хранил в сердце молитву одного священника. В трудные времена она поддерживала меня, служила мне источником силы. Сначала священник поблагодарил Бога за Его щедрость и доброту, за милосердие и заботу обо всех людях. Но потом он смело напомнил Господу, что некоторые из Его чад испытывают на себе тяжкий гнет — настолько тяжкий, что порой им кажется, будто Бог не обращает на них никакого внимания. И если Господь ничего не сделает для того, чтобы привести бедного негра ко спасению, то негру придется самому взяться за дело. Аминь».

За сто лет до Нельсона Манделы чернокожая американка, Соджернер Труф, которая родилась рабыней, но впоследствии возглавила борьбу за отмену рабства и за избирательное право для женщин, без колебаний высказывала в молитвах все, что накопило у нее на сердце. Когда сын Соджернер тяжело болел, она взывала к Господу: «Боже, ты знаешь, как сильно я страдаю: я Тебе об этом только и твержу. Боже, помоги мне спасти сына! Если бы Ты оказался в беде, а у меня была бы возможность Тебе помочь, разве я не помогла бы Тебе? Боже, Ты ведь знаешь, что помогла бы!» Когда у нее случались финансовые затруднения, она молилась так: «Господи, Ты знаешь — у меня нет денег. Но Ты можешь сделать так, чтобы люди помогли мне, и Ты должен это сделать. Боже, я не отстану от Тебя, пока ты этого не сделаешь».

Ее дерзкие молитвы, родившиеся в девятнадцатом и двадцатом веках, звучат в унисон с древними молитвами из Библии.

Торг с Богом

Авраам — человек, славный прежде всего своей верой. Ангелы гостили в его шатре,

Сам Бог разговаривал с ним в видениях. Господь манил Авраама чудесными обещаниями, одно из которых особенно запало в душу библейского героя: Бог пообещал, что Авраам станет родоначальником великого народа. Аврааму было семьдесят пять лет, когда он услышал это обещание впервые. В последующие годы Господь несколько раз подтверждал Свои слова и напоминал Аврааму о потомстве, многочисленном, как морской песок и как звезды в небе.

Между тем жизнь шла своим чередом, а Авраам, достигший весьма преклонного возраста — пора бы правнуков на коленях качать, — все еще оставался бездетным. Он знал, что на обзаведение потомством у него осталось совсем немного времени. В одно из Божьих посещений Авраам намекнул, что готов уже произвести наследника — он возьмет служанку в наложницы. В восемьдесят семь лет он так и сделал, последовав совету своей бесплодной жены Сарры.

У служанки родился мальчик, Измаил. В отроческом возрасте Измаила, ставшего жертвой ревности Сарры, вместе с матерью изгнали в пустыню. Но Господь настойчиво повторял Аврааму, что у него будет потомство, причем именно от Сарры. На этот раз Авраам в ответ Господу лишь рассмеялся. Его слова, обращенные к самому себе, полны сарказма: «Неужели от столетнего будет сын? и Сарра, девяностолетняя, неужели родит?» (Быт 17:17). Горько усмехнулась и Сарра: «Мне ли, когда я состарилась, иметь сие утешение? И господин мой стар» (Быт 18:12).

Наверное, Божий ответ стал для Авраама одновременно и хорошей, и плохой новостью. Да, Авраам будет отцом — но лишь после того, как выполнит некую хирургическую операцию на органе, необходимом для продолжения рода. Так Авраам стал не только отцом Исаака, но и отцом всех обрезанных.

На фоне этих событий и волнений — Авраам то поднимался, то падал перед Господом: звучит замечательная молитва — развернутый диалог между Богом и Авраамом. «Утаю ли я от Авраама, раба Моего, что хочу делать!» (Быт 18:17) — говорит Господь, как бы давая понять, что хорошие партнеры при принятии важных решений должны советоваться друг с другом. И Бог открывает Аврааму Свой план, предусматривающий разрушение Содома и Гоморры — городов, известных своей развращенностью, тлетворно влиявших на живших там родственников Авраама.

Авраам понимает свою роль — роль Божьего соработника — и не скрывает возмущения: «Не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым, чтобы то же было с праведником, что с нечестивым; не может быть от Тебя! Судия всей земли поступит ли неправосудно?» (Быт 18:25).

Тут между Авраамом и Богом происходит настоящий торг, словно на ближневосточном базаре:

— Не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым, чтобы то же было с праведником, что с нечестивым; не может быть от Тебя! Судия всей земли поступит ли неправосудно?

— Будь по-твоему, если найду пятьдесят праведников, пощажу весь город.

Авраам вдруг вспомнил, с Кем он торгуется:

— Вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел... — но все же он уговаривает Бога снизить количество праведников, требующихся для спасения города, до сорока пяти.

— Сорок пять? Без проблем!

— Да не прогневается Владыка... вот, я решился говорить Владыке... — Авраам кланяется, расшаркивается, но продолжает гнуть свою линию. Сорок? Тридцать? Двадцать? Десять? Каждый раз Бог уступает без споров, и в конце концов соглашается: «Не истреблю ради десяти» (Быт 18:25–32).

И хотя в Содоме не нашлось даже десяти праведников, Авраам добился того, чего хотел: жизни Лота и его дочерей были спасены. Читатель остается в смущении: а что если бы Авраам продолжил торг и попросил пощадить весь город ради одного праведника — ради племянника Лота? И почему Господь так легко соглашался с Авраамом? Может быть, Он и

Сам хотел явить милость, и просто искал заступника, который осмелился бы просить Его о милосердии?

Вот что понял Авраам: когда мы взываем к Божьему милосердию и состраданию, страшный карающий Бог исчезает, и появляется Господь, который «долготерпелив и многомилостив, прощающий беззакония и преступления и грехи» (Чис 14:18). Бог милосерднее, чем мы можем себе представить, и Он хочет, чтобы мы взывали к Его милосердию.

Ты даешь больше, чем мне нужно

Дженни

Мой отец пил, пьет и, видимо, будет пить. Большую часть моего детства мама была в депрессии, и я росла с мучительным чувством душевной пустоты. Мне хотелось, чтобы кто-то защищал меня, нянчился со мной, заботился обо мне. Мне хотелось, чтобы меня любили, но дома на это надежды не было. Поэтому я шла в церковь, надеясь найти там то, чего мне так не хватало. Отец водил нас в церковь. Это было единственное время, когда я видела его трезвым. И вскоре я поняла, что в церкви я встречаюсь не только с протрезвевшим отцом, но с чем-то большим.

Однажды, когда субботним вечером я стояла во дворе храма и смотрела вверх, на крест, в моей голове вспыхнула мысль: «Ведь если Христос умер за меня, то значит, Он меня очень любит». Мне тогда было десять лет, и моя жизнь начала меняться, потому что я нашла Бога, а Он нашел меня.

Сейчас мне трудно смириться с тем, что я не замужем. Это мне совсем не нравится. Мне неловко говорить о своем одиночестве, особенно с людьми воцерковленными — ведь церковь всегда поддерживает семью и брак. Мне кажется, что люди думают: «Наверное, с ней что-то не так. Может быть, она слишком легкомысленная? Или слишком разборчивая? Или боится взять на себя ответственность? Вот бедняжка!»

Христианский композитор, поэт и исполнитель Крис Томлин поет в песне, звучащей, словно молитва:

О, Христос, мне довольно Тебя вполне!
Ты мне все даешь,
Ты мне все несешь,
Ты даруешь больше, чем нужно мне!

Слова песни соответствуют Писанию, которое обещает, что во Христе мы имеем все, что нам нужно: «Бог мой да восполнит всякую нужду вашу, по богатству Своему в славе, Христом Иисусом...» (Флп 4:19). Мы с Богом все время спорим об этих словах из Писания. В конце концов, если у меня нет мужа, с кем же еще мне спорить?

Эти противостояния происходят примерно так: «Господи, если Ты — это все, что мне нужно, почему Ты не поможешь мне решить проблему одиночества?» Бог не отвечает, и спор продолжается: «Хорошо, если Ты действительно даешь все, что мне нужно, почему сегодня мне еще труднее переносить одиночество, чем год назад? Почему становится тяжелее, а не легче?» Но Он по-

прежнему не отвечает, и противостояние не кончается.

Да, на самом деле бывают дни, когда Одного лишь незримого Бога мне недостаточно. И это больно. Тяжело каждый день приходить в пустой дом. Но значительную часть времени мне хватает Бога. Особенно когда я вполне ощущаю себя членом Божьей семьи, ощущаю сопричастность к Телу Христову — тогда пустота в душе заполняется. Но мы все-таки продолжаем спорить — Бог и я.

Спор с Господом

Из времен Авраама перенесемся на пятьсот лет вперед — в ту эпоху, когда на библейской сцене появился другой великий спорщик. Бог, Который «вспомнил Свой завет с Авраамом» (Исх 2:24), нашел человека, подходящего для выполнения важнейшего поручения. Моисей половину жизни провел во дворце правителя великой империи, где учился искусству управлять людьми. Вторую половину жизни он, спасаясь от преследования, жил в пустыне и там приобрел навыки выживания в экстремальных условиях. Кто успешнее Моисея сумел бы вывести освобожденных от рабства соплеменников в землю обетованную? Ведь путь лежал через дикие бесплодные места...

Чтобы у Моисея не осталось сомнений, Бог явил Себя сверхъестественным образом: Он заговорил из неопалимой купины — куста, который горел, не сгорая. Моисей, боясь воззреть на Бога, закрыл лицо. А Господь возвестил, какую задачу хочет возложить на Моисея: «И вот, уже вопль сынов Израилевых дошел до Меня, и Я вижу угнетение, каким угнетают их Египтяне. Итак, пойди: Я пошлю тебя к фараону, царю Египетскому; и выведи из Египта народ Мой, Сынов Израилевых» (Исх 3:9, 10).

В отличие от Авраама, Моисей сразу же начал спорить. Сначала он проявил ложную скромность: «Кто я, чтобы мне идти к фараону и вывести из Египта сынов Израилевых?» (Исх 3:11). Этот довод не прошел, он выдвинул другие: «Я не знаю Твоего Имени... А если сыны Израилевы не поверят мне?... Человек я не речистый, косноязычный...» (Исх 3:13, 4:1, 10). Бог последовательно отвечает на каждый аргумент Моисея. Чтобы окончательно убедить Своего избранника, сопровождает ответы чудесами. Но Моисей продолжает умолять: «Господи! Пошли другого, кого можешь послать» (Исх 4:13). Тут терпение у Бога лопается, возгорается Божий гнев. Но и в гневе Господь идет на компромисс: Он разделит поручение между Моисеем и его братом Аароном. Таким образом, знаменитый исход евреев из Египта состоялся лишь после продолжительного торга.

Талант переговорщика и некоторое нахальство еще пригодятся Моисею, когда Бог действительно устанет терпеть Свой непокорный народ. Богу было на что гневаться. Израильтяне стали свидетелями десяти казней египетских. Они освободились из рабства: не только остались невредимыми, но и унесли с собой трофеи. Они видели, как их преследователей поглотили воды Чермного моря. Днем им указывало путь облако, а ночью — огненный столп. Они чудесным образом получали воду и еду от Бога. И вот сыны Израилевы то ли испугались, то ли затосковали, то ли сделались «жестоковыми» (Исх 32:9, 33:3, 5, 34:9) и вдруг отвернулись о Господа, чтобы поклониться золотому тельцу. А идола сделал любимый брат и сподвижник Моисея, тот самый Аарон, которого Бог дал Моисею в помощь!

Чаша Божьего терпения переполнилась: «Не удерживай Меня, и Я истреблю их, и изглажу имя их из поднебесной, а от тебя произведу народ, который будет больше, сильнее и многочисленнее их» (Втор 9:14). Моисей знал, сколь разрушительна сила Господнего гнева: он видел это в Египте. Бог сказал: «Не удерживай Меня!», но Моисей воспринял эти слова не как приказ, а скорее как вопль Отца, Который готов взорваться, но все-таки в глубине души хочет, чтобы Его остановили. Другими словами, Моисей воспринял восклицание Бога как

сигнал к началу переговоров.

Моисей выдвигает свои аргументы: «Как же так, ведь Ты Сам вывел их из Египта! Что будет с Твоей репутацией! Как будут злорадствовать египтяне! Вспомни Свои обещания Аврааму!» Он напоминает Всемогущему обо всех Его обещаниях Своему народу²¹. Сорок дней и сорок ночей Моисей молился, повергшись перед Господом, отказываясь от хлеба и от воды. Наконец Господь предложил Моисею вести народ в землю, где течет молоко и мед, но — с одной оговоркой: «Сам не пойду среди вас, чтобы не погубить Мне вас на пути, потому что вы народ жестоковыйный» (Исх 33:3). Однако Моисей продолжает уговоры. В результате Бог, пусть неохотно, но соглашается и дальше сопровождать израильтян.

А потом настал момент, когда Моисей и Бог поменялись ролями. На сей раз Моисей готов был отказаться от затеи Бога. «Разве я носил во чреве весь народ сей, и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка, в землю, которую Ты с клятвой обещал отцам его?» (Чис 11:12). Господь с сочувствием выслушивает жалобы Моисея, успокаивает его и дает ему в помощь семьдесят старейшин (Чис 11:16, 17).

Но Моисею не всегда удавалось выпросить у Бога желаемое. Самая большая неудача Моисея — отказ Бога впустить его в обетованную землю (Чис 20:12). Хотя, нет, все-таки он побывал там много лет спустя — на горе Преображения (Мф 17:3). Таким образом, примеры Авраама и Моисея доказывают: Господь поощряет споры и противостояние. Зачастую Он уступает людям, особенно когда люди взывают к Его милосердию. А, может быть, во время споров с Богом мы перенимаем какие-то Его качества?

«Мы молимся не для того, чтобы уговорить Бога сделать то, чего Ему не хочется делать, — пишет английский богослов архиепископ Тренч. — Мы молимся для того, чтобы исполнилась Его высшая воля».

Странная близость

Будь Авраам и Моисей единственными библейскими персонажами, которые осмеливались возражать Богу, я не считал бы их споры образцом молитвы. Однако подобные примеры встречаются в Библии часто: свое несогласие с Господом проявляли не только Авраам и Моисей. (Порой мне кажется, что Бог избрал сих достойных мужей для выполнения особо важных задач именно за их бунтарский нрав.)

Однако по сравнению с тирадами Иова речи двух гигантов веры, споривших с Господом, кажутся робким лепетом. Друзья Иова твердят благочестивые банальности, их слова напоминают благопристойные прилюдные молитвы, которые мы часто слышим в церкви. Друзья оправдывают Бога, стараются притушить вспышки горьких чувств, переживаемых Иовом. Они растолковывают ему свои взгляды на реалии мира. Но Иов никак не хочет принять позицию друзей. Он с горечью протестует против случившегося — он стал жертвой жестокого Бога. Иов говорит с Богом искренне — он уязвлен. Он уже готов отказаться от молитвы: «И что пользы прибегать к Нему?» (Иов 21:15), — заявляет он своим бесчувственным друзьям. Однако в конце Книги Иова события принимают странный оборот: Господь лично отвечает Иову и с презрением отвергает многословие его друзей.

В псалмах тоже встречаются жалобы на якобы отсутствие Бога, на Его кажущуюся несправедливость. У меня, например, дух захватывает от слов Давида:

«Я изнемог от вопля, засохла гортань моя, истомились глаза мои от ожидания Бога моего» (Пс 68:4).

²¹ *Мартин Лютер образно описал молитву такого типа: «Господь Бог просто не мог меня не услышать. Я не отставал от Него. Я докучал Ему, напоминая Его же обещания внимать нашим молитвам». В другом месте Лютер пишет о своем борении с Богом за исцеление друга: «На этот раз я умолял Всемогущего изо всех сил. Я напал на Него с Его же оружием, призвав на помощь все, какие мог вспомнить, строки Писания, в которых Он обещает отвечать на наши молитвы, если мы будем молиться с верой». — Прим. авт.

Молитвы протеста — из Псалтири, из Книг Пророков — напоминают Богу, что мир несовершенен, многие Его обещания еще не исполнились, справедливость и милосердие еще не воцарились на земле.

Два пророка, написавших самые большие из пророческих книг, поначалу ответили на призыв Господа почти как Моисей. Вот первая реакция Исайи: «Горе мне! Погиб я! Ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа тоже с нечистыми устами» (Ис 6:5). А Иеремия сразу же ищет отговорки: «О, Господи Боже! я не умею говорить, ибо я еще молод» (Иер 1:6), — да и после, на протяжении всей своей долгой службы, он не раз пытался уклониться от Божьих поручений. Он жалуется: «О, Господи Боже! Неужели Ты обольщал только народ сей и Иерусалим, говоря «мир будет у вас»; а между тем меч доходит до души?» (Иер 4:10).

Авраам Хешель, крупный еврейский теолог и религиозный философ, исследователь пророческих книг Библии, особо отмечает их бунтарский дух. «Принять суровость пути, указанного Богом, во имя Его любви? Мало кто был к этому готов.

И многие истинные молитвы были молитвами протеста. Древние пророки не спешили соглашаться с суровым Божьим судом. Они редко кивали, восклицая: «Да будет воля Твоя!» Чаше они противились Богу, говоря: «Измени Свою волю».

Далее Хешель добавляет: «Человек никогда и никому не сдается — даже Богу».

Я уже говорил о борении в Гефсиманском саду. Иисус противился Божьей воле и принял ее лишь потому, что другого выхода не было. Прошло немного времени и Господь избрал для благовестия язычникам человека, который на первый взгляд был для этого совершенно негоден. Савл из Тарса, ревностный гонитель христиан. Узнав о Божьей милости к Савлу, один из членов местной церкви воспротивился: «Господи!

Молитва после цунами

Исаак (из Сингапура)

Господи, сегодня мы оплакиваем жертвы, особенно тех, кто не верил в Тебя. Помилуй всех нас. Нам так больно видеть страдания людей, попавших в эту катастрофу. Иногда мы не понимаем, есть ли Тебе вообще дело до всего этого. Я знаю, Ты не наказываешь нас за грехи, потому что Ты пришел, чтобы спасти грешников. Мы знаем, что Ты любишь нас, потому что ради нас Ты умирал. Но почему Ты молчишь сейчас?

Почему мир так несовершенен, почему в нем скрыто столько зла? А Тебе Самому разве не больно видеть, как распадаются семьи, как из жизни уходят молодые?

Мы знаем, что горшки не могут спрашивать отчета у Гончара. Мы знаем, что в Твоих руках истина. И к кому же нам обращаться, как не к Тебе? Но если даже человек способен простить и полюбить своего врага, то как же Источник нашей любви может позволить погибнуть тем, кто в Него не уверовал? Прости, что мы сомневаемся в Твоей любви — мы задаем эти вопросы, потому что верим — Ты есть любовь и ищем объяснения тому, что случилось. Мы знаем, что здесь, на земле, мы не получим ответа, мы просто молим Тебя — сохрани нашу веру. Аминь.

Я слышал от многих о сем человеке, сколько зла сделал он святым Твоим в Иерусалиме» (Деян 9:13). Но Господь оборвал его: «Иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми» (Деян 9:15).

Несколько лет спустя апостол Павел — бывший Савл — тоже спорил с Богом, многократно прося Его об избавлении от телесного недуга.

Почему Бог, Всемогущий Правитель Вселенной, допускает позволяет человеку так обращаться с Собой? Почему Он вступает в переговоры? Почему иногда торгуется людьми? Может быть, Он считает подобного рода взаимодействие своеобразным духовным упражнением, полезным для нас? А может быть, взрывы наших чувств, словно сигнал бедствия, дают Господу возможность вмешаться и помочь нам? Вспомните: до Бога дошел «воплъ сынов Израилевых» (Исх 3:9), и тогда Он призвал Моисея к служению.

Мне становится понятнее, какой молитвы хочет от нас Бог, когда я сравниваю свои отношения с Богом и с самыми близкими для меня людьми. Вот, к примеру, брат: ему одному известны секреты моего детства, он знает о моем стыде и о моей боли. А жена? Она знает обо мне больше, чем любой другой человек на свете, — с ней я обсуждаю все, от заказа в ресторане до выбора нового дома. Или мой редактор: мы идем с ним рука об руку через все этапы создания книги, он разделяет со мной все труды и тревоги на этом нелегком пути. Общение с близкими мне людьми напоминает мне взаимодействие библейских героев с Богом. Я о чем-то прошу, в чем-то уступаю, на чем-то настаиваю, принимаю чужую точку зрения или не соглашаюсь с ней. Чаще всего я в конце концов иду на компромисс — после каждого разговора во мне что-то меняется.

Как и Авраам, я сначала приближаюсь к Богу в страхе и трепете, но вдруг понимаю, что Божья воля — не в безоговорочном подчинении, а в том, чтобы вступить с Ним в переговоры. Я не в состоянии так вот просто взять и принять сегодняшний мир со всей его несправедливостью и нечестностью. Мне хочется призвать Бога к ответу, напомнить Ему о Его обещаниях и о Его совершенстве.

В фильме «Апостол», снятом американским актером и режиссером Робертом Дюваллом, есть прекрасный эпизод. Сон-ни, проповедник с горячим нравом, имевший в прошлом нелады с законом, топает ногами, пинает мебель в своей комнате и кричит. Сосед снизу жалуется на шум: «У вас там буйнопомешанный живет?» А мать Сонни с улыбкой отвечает, что это всего лишь Сонни. «Еще с той поры, когда мой сын был упрямым малышом, он привык разговаривать с Господом. Иногда разговаривает, а иногда — кричит на Бога. Вот как раз сейчас Сонни кричит на Него».

Они боролись с Богом

Одно время я очень беспокоился, что мне недостает веры. Я ожидал от молитвы немногого, а удовлетворялся еще меньшим. Мне казалось, что вера — это дар, который либо есть, либо его нет. Мне и в голову не приходило, что способность молиться можно развивать, накачивать ее, как мускулы. Однако моя точка зрения изменилась после того, как я понял: вера — это своего рода сретение с Богом. Пусть я не замахиwaюсь на многое, не слишком верю в чудеса, но я способен укрепить свою веру во время встреч с Богом — в молитве.

Я вспоминаю один случай, произошедший в начале моей супружеской жизни. Мы с женой приехали к друзьям. Они поселили нас в четырехкомнатном домике для гостей. Кроме нас, там никто не жил. За ужином прозвучали обидные слова, и разразилась семейная ссора. Мы выясняли отношения до поздней ночи, но разговор привел не к примирению, а к еще большему отчуждению. На следующий день у меня была назначена деловая встреча, поэтому я просто выбежал из комнаты — я хотел обосноваться в другой, надеясь, что сумею выспаться в тишине.

Но через несколько минут дверь моей комнаты открылась и на пороге появилась Дженет с новыми аргументами на устах.

Тогда я перебрался в третью комнату. Но и тут случилось то же самое. Дженет не собиралась оставлять меня в покое! Разыгрывалась некая комедия: угрюмый муж-интроверт убегает от своей настырной жены-экстраверта. На следующий день (но никак не раньше) мы

вместе посмеялись над вчерашней драмой, а я усвоил важный урок: отказ от общения хуже, чем конфликт: во время конфликта стороны не теряют контакта друг с другом.

Говоря о схватке, трудно не вспомнить один поразительный эпизод из Библии — прообраз всех последующих борений с Богом. Внук Авраама, Иаков, многократно лукавил и обманывал людей. И вот однажды над ним нависла угроза расплаты — ему предстояла встреча с братом Исавом, у которого Иаков хитростью отобрал право первородства. Исав отличался крутым нравом. Иаков был напуган и чувствовал свою вину. Поразмыслив, он, чтобы задобрить Исаву, отправил впереди себя свою семью, имущество и тщательно продуманные дары. Двадцать лет он провел вдали от дома. Как его встретит Исав — мечом или объятиями? Иаков пребывал один, в ночной темноте, в тревожном ожидании.

Вдруг кто-то ударил его — человек? ангел? Иаков поступил так, как он поступал всегда. Он вступил в борьбу и боролся так, будто от исхода зависела вся его жизнь. Схватка продолжалась всю ночь. До самой зари борцы не смогли одолеть друг друга. Тогда противник Иакова попросил: «Отпусти Меня» (Быт 32:26), и коснулся бедра Иакова с такой силой, что Иаков на всю жизнь остался хромым.

Поразительно, но избитый, перепуганный, ошеломленный Иаков упорствовал: «Не отпущу Тебя, пока не благословишь меня» (Быт 32:26). А таинственный противник, вместо того чтобы еще одним прикосновением свернуть Иакову шею, даровал ему вдруг новое имя — Израиль, что означает «борющийся с Богом». Тут Иаков наконец понял, с Кем он боролся.

Чуть позже Иаков увидел, что навстречу ему идет Исав и с ним еще четыреста человек. Прихрамывая, Иаков, бросился навстречу брату. Соперничество между братьями началось еще до их рождения, во чреве матери. Но вот наступил момент истины. Тот, кто только что боролся с Богом, не поднял руку на брата, а обнял его (Быт 32:13–28; 33:1–15).

Раввин Артур Басков вспомнил эту древнюю историю в разгар затяжной вражды со своим собственным братом. Артур жаждал примирения, и вот братья встретились в Мериленде, в занесенной снегом хижине. Там они в первый раз за всю свою сознательную жизнь поговорили по душам. В следующий раз они встретились в Орегоне. Брат холодно взглянул на Артура и процедил: «Все-таки я убью тебя». Васков написал потом книгу «Борьба с Богом» — о себе и о брате. И о других двух братьях — сыновьях Исаака.

«Борцы похожи на любовников, которые сплелись в экстазе», — писал он. Артур вспоминал, как они с братом в детстве боролись, перебрасывали друг друга через голову и успокаивались, только окончательно выбившись из сил.

Исав с трудом встал После борьбы.
С тяжелым вздохом он посмотрел за реку -
Там был его брат:
Похоже,
Там
Пахло
Войной.

Во время ночного столкновения с таинственным существом и днем, при встрече с косматым братом Исавом, в Иакове боролись два начала — ему хотелось и драться, и любить. Иногда трудно понять, обнимают тебя или душат.

Бог не уступает легко. Но Он, похоже, приветствует настойчивость и готовность продолжать борьбу, даже когда исход поединка предрешен. Может быть, той долгой ночью у реки Иаков впервые научился преобразовывать готовность к борьбе — в любовь. «Я увидел лицо твое, как бы кто увидел лицо Божье» (Быт 33:10), — сказал Иаков брату. Разве мог бы он сказать такие слова, если бы накануне ночью не встретился лицом к лицу с Богом?

Иаков совершил в своей жизни много ошибок, но его именем почему-то Бог назвал целый народ. Его имя носят все, борющиеся с Богом. Апостол Павел намекает, что детьми Израиля нужно считать и нас — тех, кто крепко держится за Бога во тьме, кто, попав в

безнадежное положение, заявляет Богу «я не отпущу Тебя». Нам принадлежит благословение, наследие и Царство.

Противоположность равнодушию — любовь

«Высшим формам и величайшим плодам молитвы всегда присущи элементы противоборства с Богом», — такой вывод делает Эдвард Баундс, автор восьми книг о молитве. Яростные вспышки человеческих чувств вряд ли пугают Бога, но иногда, кажется, они могут изменить Божьи намерения. Иаков охромел от легкого прикосновения Бога. Очевидно, Бог в любую минуту мог прекратить ночной поединок. Но Господь медлил: Он так же сильно желал, чтобы Его удержали, как и сам Иаков желал его удержать.

Мне посчастливилось работать в Англии вместе с членами Общества святого Колумбы²². Эта организация объединяет сотрудников хосписов, сестер милосердия и других людей, которые оказывают помощь умирающим. Иногда нас с женой приглашают участвовать в конференциях Общества.

На одной из таких встреч капеллан хосписа рассказал историю: его позвал пациент, пребывавший в крайнем отчаянии. Больного, у которого была последняя стадия рака, мучило сильнейшее чувство вины: всю прошлую ночь он неистово бранился с Богом. Наутро он ужаснулся: он был уверен, что теперь у него нет ни единого шанса обрести вечную жизнь — разве Бог простит ему оскорбления и проклятия?

Священник задал больному вопрос:

— Как вы думаете, что является полной противоположностью любви?

— Ненависть, — ответил пациент. Священник улыбнулся в ответ:

— Нет, вы ошибаетесь. Противоположность любви — равнодушие. Вы равнодушны к Богу, иначе вы не провели бы целую ночь, изливая Ему свою душу. Знаете, как называется то, что вы делали ночью? Это называется молитва. Вы всю ночь провели в молитве.

ГЛАВА 8. СОТРУДНИЧЕСТВО

Вселенная — завершенное творение. Но другой величайший шедевр еще не закончен. Это — история, сотворение которой все еще продолжается. Чтобы завершить этот великий проект, Богу нужна помощь человека.

Авраам Хешель

Священная история — это рассказ о том, как Бог делится с людьми Своей властью. Предоставив роду человеческому свободу выбора, Бог призвал нас к сотрудничеству. Более того, Он дал твари возможность спорить и бороться с Творцом. Однако практически все избранники, которым Господь позволял возглавить Свои важнейшие начинания — и Адам, и Авраам, и Моисей, и Давид, — все они в чем-то разочаровывали Создателя. Но очевидно Бог твердо решил сотрудничать с людьми — даже когда те проявляли себя не с лучшей стороны.

За время Своего земного служения Христос подготовил двенадцать последователей (которые тоже были небезупречны) и вручил им ключи от Царствия Божьего. Несмотря на все накладки и неувязки, начало было положено. С тех пор сотрудничество Бога с людьми больше не прерывается. «Мы соработники у Бога» (1 Кор 3:9), — сказал апостол Павел. Мы

²² *Святой Колумба (518–597) — апостол Шотландии, православный монах, основатель знаменитого монастыря на острове Айона. — Прим. пер.

трудимся вместе с Богом, творим Его дела в этом мире²³. Как Божьи сотрудники, мы имеем право высказывать свои жалобы, предложения, просьбы и пожелания. Для этого существует молитва.

Однако к сказанному выше следует относиться с определенной осторожностью. Дело в том, что с библейских времен многое изменилось. Адам беседовал с Богом, Авраам торговался с Ним, как на базаре, Моисей видел куст, который горел, но не сгорал, Самуил слышал голос Бога, ученики Христа видели Господа во плоти. Несомненно, Бог являл Себя в истории человечества, вмешивался в нее. Но так ли происходит сегодня?

Если один из партнеров обладает такой огромной силой, то почему бы не употреблять ее почаще на пользу другому партнеру? Этот вопрос беспокоит всех верующих. Каждого молодого человека, который ищет Божью волю, ищет свой путь в жизни. Каждого родителя, чей ребенок тяжело болен. Каждого гонимого христианина, живущего во враждебном христианству обществе.

Несколько лет назад я написал книгу «Разочарование в Боге»²⁴. Работая над ней, я пытался понять: чем обусловлены случаи явного вмешательства Бога в жизнь людей, и почему они столь редки. Например, десяти египетским казням, свершившимся при Моисее, предшествовали четыре века Божьего молчания. Пророк Самуил был призван на служение во времена, когда «слово Господне было редко... видения были не часты» (1 Цар 3:1). Пытаясь найти определенные закономерности, я исследовал каждое описанное в Библии чудо, каждый случай Богоявления, каждое сказанное Им слово.

Внимательно вчитываясь в Ветхий Завет, я обнаружил: Господь вмешивается в историю не слишком охотно. Он ждет, выбирает Себе помощника — причем, действует невыносимо медленно, — потом совершает несколько чудес — и снова ждет. В Евангелиях мы видим новый всплеск чудотворения. От Христа исходит чудотворная сила. Но и Иисус далеко не всегда вмешивается в происходящее: Его чудеса — не панацея от бед и болезней, а знамения данной Ему Богом власти.

Великая перемена

Иисус возвестил о великой перемене. В те времена иудеям положено было совершать паломничества к Храму. Они верили, что только в Храме можно поклоняться невидимому Богу, ибо в нем — средоточие Божьего присутствия. Но Христос, отвечая на вопрос самарянки, сказал: «Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе» (Ин 4:23). Местом обитания Бога Иисус назвал не Храм (Он предрекал, что Храм скоро будет разрушен), а обитель, казалось бы, совсем непригодную. Христос говорил, что Бог будет жить в обычных людях, таких, как сама самарянка.

Позже апостол Павел объяснит: Иисус примирил Бога с людьми, дал возможность устранить разрыв между ними. Благодаря Христу мы можем обращаться к Богу без посредства священника, без ритуальных жертвоприношений. Мы стали храмом Бога, обиталищем Святого Духа. Он живет в нас. Но для того чтобы это могло произойти, Иисусу пришлось покинуть землю: «Если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам» (Ин 16:7).

Господь создал нас не для того, чтобы продемонстрировать Свое превосходство, чтобы принудить Свою тварь к покорности. Это нам порой хочется диктата. А Бог жаждет личного

²³ *Английская мистическая писательница, отшельница Юлиана Норвичская на языке четырнадцатого столетия говорила о молитве как о главном средстве, позволяющем нам и сегодня сотрудничать с Богом: «Молитва посвящает душу Богу... Он пасет нас в любви и желает сделать участниками Своих добрых дел. Поэтому Он побуждает нас молиться о том, что Он по Своей благой воле хочет совершить». — Прим. авт.

²⁴ **Филипп Янси. Разочарование в Боге. М.: Триада, 2008. — Прим. ред.

общения с теми, кого сотворил. Он хочет любить и быть любимым. Отношения между Ним и нами восстанавливаются медленно, в них есть место пробам, ошибкам, потрясениям. Вспомните ветхозаветные истории о чудесах и победах. Может показаться, что новозаветная церковь сделала шаг назад в своих отношениях с Богом. Но в действительности все как раз наоборот: Новый Завет даровал нам возможность долгого, но уверенного и неуклонного приближения к Богу.

Я знаю христиан, тоскующих о ветхозаветном Боге, Который свергает фараонов, разрушает стены крепостей, уничтожает жрецов Ваала. Я не из их числа. Я верю, что Царствие Небесное создается благодатью и свободой, и Бог не хочет лишить нас ни того, ни другого. Я верю словам Иисуса о том, что Его уход из земного мира — к лучшему, ведь Он послал взамен Себя Духа-Утешителя.

А что делает утешитель? Хороший утешитель не отдает приказаний и не производит насильственных перемен. Он действует изнутри, стараясь разбудить внутренние источники духовного и душевного здоровья. Когда речь идет о столь неравных партнерах, как человек и Святой Дух, молитва становится идеальным средством общения.

Молитва — это сотрудничество с Богом: она открывает двери для действия благодати. Чаще всего Утешитель действует мягко, тактично и ненавязчиво. Он подсказывает мне мысли, подбрасывает новые идеи, позволяет увидеть, что замечание, которое я только что отпустил, было слишком едким. Он помогает сделать правильный выбор, высвечивает скрытую опасность искушения, делает меня чувствительным к нуждам ближнего. Божий Дух не кричит, а шепчет, вносит в душу мир, а не суету. Да, такое сотрудничество лишено драматического накала, которым были исполнены споры с Богом Авраама и Моисея. Но насколько ближе к Богу мы можем быть сегодня! Посмотрите, что пишет апостол Павел:

«Со страхом и трепетом совершайте свое спасение, потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению» (Флп 2:12, 13).

«Но я более всех их потрудился: не я впрочем, а благодать Божия, которая со мною» (1 Кор 15:10).

«И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2:20).

«Ибо мы — Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять» (Еф 2:10).

Сотрудничество связывает человека с Богом столь тесно, что становится трудно различить, кто действует: Бог или его помощник — человек. Вот как близок к нам Бог!

Соприкосновение с Богом

Мы соприкасаемся с Богом, созерцая природу, читая Библию, внимая Слову, ставшему плотью. Мы прикасаемся к Нему через таинства, через общение с другими людьми, через Церковь. А поскольку мы живем в материальном мире, то почти все наши соприкосновения с Богом в той или иной степени материальны. Но Бог есть Дух. Можно сказать иначе: Бог обитает преимущественно в духовных сферах.

Молитва выявляет эту разницу между Богом и человеком. Мы можем просить о прямом Божьем вмешательстве, но нам не следует удивляться, если Бог предпочтет действовать неявным образом, опираясь на собственный выбор человека. Предположим, алкоголик молится: «Господи, удержи меня сегодня от выпивки». Ответ на эту молитву скорее всего придет изнутри: или сам человек утвердится в решении не пить, чего бы это ему ни стоило, или позовет на помощь верного друга, чтобы тот поддержал его. Вряд ли стоит ожидать, что все вино в магазинах чудесным образом превратится в воду.

Божий промысел свершается в людях и через людей, а не вопреки людям — и это нормально. Именно поэтому, как правило, невозможно доказать, что некие события являются ответом на молитву. В «Письмах Баламута» Клайва Стейплза Льюиса бес-начальник так говорит о молитве, давая наставления бесенку-подчиненному:

«Однако ты можешь беспокоить его назойливым подозрением, что эта привычка абсолютно абсурдна и не приведет ни к какому объективному результату. И не забудь аргумента «голова вытацишь — хвост увязнет». Если то, о чем он молится, не исполняется, значит, просительные молитвы бесполезны: если же то, о чем он молится, исполняется, он, конечно, сможет найти какую-нибудь физическую причину и сказать себе: «Это и так бы случилось». Как видишь, исполнение и неисполнение просительной молитвы в равной степени хорошо доказывает, что молитвы неэффективны».

Мысль, которая в «Письмах Баламута» выражена юмористическим языком, более подробно разъяснена Льюисом в философском трактате «Чудо»:

«И очень хорошо, что опыт ничего не докажет. Человек, который знал бы точно, что событие вызвано его молитвой, почувствовал бы себя волшебником. Голова у него закружилась бы, а сердце стало бы хуже. Христианин не вправе даже спрашивать, не его ли молитва обусловила то или иное событие. Лучше ему сказать, что все события на свете — ответы на молитвы, в том смысле, что Господь учитывает все наши истинные нужды. Все молитвы услышаны, хотя и не все исполнены».

В «Письмах к Малькольму» Льюис подводит итог рассуждениям об исполнении молитвенных просьб: «Об этой связи говорит только вера. Никакие эмпирические доказательства здесь невозможны».

Мы уверены, что Бог ответил на нашу молитву не потому, что научно обосновали причинно-следственную связь. Мы знаем характер Господа. Мы доверяем Ему — и эта вера позволяет нам видеть в событиях, последовавших за нашей молитвой, не просто случайное совпадение. Это и есть настоящее сотрудничество, скрепленное тесной связью.

Участники групп, занимающихся по программе «Двенадцать Шагов»²⁵ любят говорить: «Совпадения — это маска. Прикрываясь ей, Бог сохраняет свою анонимность». Похоже, что члены АА правы. Благодаря вере мы осознаем, что за всеми событиями в мире стоит Бог. Размышляя об ответах на молитвы, я вынужден согласиться с Льюисом: с материалистической точки зрения почти все плоды молитв можно объяснить совпадениями или какими-то естественными причинами.

Месяц назад, после десятичасового перелета, я стоял, совершенно ошарашенный, в центре Будапешта. Прибыв в гостиницу, я обнаружил, что оставил в аэропорту сетевой провод от ноутбука. А в компьютере были материалы для лекций, которые мне предстояло читать. Магазины закрывались через час, на следующий день было воскресенье. Я понятия не имел, где в незнакомом городе продаются компьютерные принадлежности и как туда добраться общественным транспортом. Я прошептал короткую молитву и стал искать кого-нибудь, кто говорил бы по-английски, но безуспешно. Когда я совсем уже отчаялся, ко мне вдруг обратились двое, молодой человек и его мать. «Чем мы можем вам помочь?» — спросили они. Оказалось, что молодой человек только что сдал экзамен по английскому языку. Они с матерью направлялись на вокзал, рядом с которым был супермаркет с компьютерным отделом. Когда мы туда прибыли, оказалось, что нужную мне вещь можно было купить только там и еще в одном магазине города. Что это? Простое совпадение?

Год назад я участвовал в большой конференции — там было около тысячи двухсот человек. Обычно я обедал в компании знакомых, и лишь единственный раз вышло так, что я оказался в столовой один. Я прошел вдоль длинного ряда столиков и, не задумываясь, присел за один из них. За столом сидели еще пять человек. В разговоре выяснилось, что это

²⁵ *«Двенадцать Шагов» — программа помощи, которая успешно используется при работе над различными поведенческими и психологическими проблемами. Впервые была применена движением «Анонимные Алкоголики». — Прим. пер.

семья. Отец семейства остался дома, в Мичигане. У него была последняя стадия рака пищевода. Жить ему оставалось считанные дни. На конференцию приехали его жена и дочери. В последнюю минуту две его невестки согласились побыть с больным. Чтобы попасть на конференцию, дочерям пришлось ехать на машине двадцать часов — день и ночь без перерыва. Они привезли с собой мать, которая вот уже шесть месяцев не отходила от постели умирающего мужа. Она приехала на конференцию в надежде встретиться со мной и поговорить о страдании, так как знала, что моя жена работает в хосписе. У несчастной женщины был целый список вопросов ко мне, хотя она и не особенно надеялась на личную беседу. Итак, была ли «случайной» эта встреча за обеденным столом?

Францисканская молитва

Пусть Бог благословит тебя не довольствоваться
Легкими ответами, полуправдой и поверхностными
отношениями —
Чтобы ты жил из глубины своего сердца.

Пусть Бог благословит тебя возненавидеть Несправедливость,
угнетение и рабство — Чтобы ты трудился ради справедливости,
свободы и мира.

Пусть Бог благословит тебя слезами —
Чтобы ты плакал о тех, кто терпит боль, отвержение, голод и
войну, Чтобы ты мог протянуть им руку, утешить и обратить
страдания в радость.

И пусть Бог благословит тебя простодушием —
Чтобы ты верил, что способен изменить этот мир,
Чтобы ты мог сделать то, что другим кажется невозможным:
Принести всем детям и всем беднякам справедливость и
доброту.

«Когда я молюсь, случаются совпадения — писал в начале прошлого века Вильям Темпл, архиепископ Кентерберийский, — а когда перестаю молиться, они прекращаются».

Я стараюсь не тратить время на критический анализ этих «совпадений», а использовать их как кирпичики, из которых строится вера. И, вместо того чтобы называть такие случаи совпадениями, я называю их «прикосновениями Бога». Если я не забываю (а забываю я, к своему стыду, довольно часто), то обращаюсь к Богу, прежде чем принять важное или трудное решение — требуется ответить на письмо, которое сильно меня озадачило, пишу статью на сложную тему, борюсь с изматывающей хворью, нужно позвонить родственнику, с которым случилась беда, предстоит официальная встреча, которая меня пугает. Я высказываю Богу свои просьбы — и меняется ход моих мыслей. А когда дело сделано или событие уже свершилось, я нередко вижу в случившемся руку Божию. Но, чтобы увидеть ее, нужна вера, а не доказательства.

Один раввин учил, что момент соприкосновения с Богом невозможно ни запланировать, ни «организовать» собственными усилиями. «Это неожиданные, почти случайные моменты благодати», — говорил он. Кто-то из учеников спросил его: «Равви, но почему тогда мы тратим столько сил и времени на духовные упражнения?» «Чтобы стать более предрасположенными к этим случайностям», — ответил раввин.

Этапы возрастания в молитве

Я колебался перед тем, как написал в заголовке этого раздела слово «этапы». Я боялся создать ложное впечатление, будто бы бывают «молитвы для начинающих» и «для продвинутых». Речь пойдет не о наборе молитвенных навыков или способностей, а скорее о зрелом сотрудничестве с Богом. По собственному опыту я могу выделить по меньшей мере три этапа.

Первый этап — это просто детская просьба о желаемом. Наши друзья несколько раз присылали своих детей к нам — погостить в Колорадо. Не имея собственных детей, я каждый раз изумлялся, насколько односторонне воспринимает ребенок свои отношения со взрослыми. Ребенок не сомневается, что ты его разбудишь, застелишь его кровать, покормишь, отведишь в кино и за все заплатишь. Дети могут поблагодарить тебя, но, как правило, они не делятся своими впечатлениями и редко затевают беседы. По мнению ребенка, взрослые существуют для того, чтобы удовлетворять его потребности. Другими словами, дети — существа незрелые. Я тоже иногда кажусь себе незрелым, когда без конца прошу Бога решить мои проблемы и исполнить мои желания.

Но нельзя сбрасывать со счетов эти детские просьбы. Христос часто отзывался именно на такие мольбы, особенно когда они исходили от людей, которым и в голову-то не должно было прийти такие просьбы высказывать: от иноплеменной женщины, от римского сотника, от друзей паралитика, которые разобрали крышу дома. По моим наблюдениям, чаще всего осязаемые ответы на молитву получают новообращенные христиане, которые умеют молиться лишь о том, чего в данный момент хотят. Я поражаюсь их детской доверчивости. Мартин Лютер говорил, что нужно открыть пошире пустую суму и смело просить у Отца то, чего хочешь.

Христианин из Японии рассказывал мне: когда он впервые приехал в США, то был потрясен нашей манерой молиться. Молящийся американец, говорил он, напоминает человека, который пришел в ресторан и заказывает бифштекс: «Хорошо прожаренный, с пикантными, салатом и картофелем фри. И побольше кетчупа, пожалуйста». Молящийся японец похож скорее на туриста в чужой стране: он пришел в ресторан, но неспособен прочесть меню. С помощью жестов и разговорника он объясняет хозяину, что ему хотелось бы получить фирменное блюдо заведения. Мой японский друг пытался сказать, что жители Востока приступают к молитве с большей верой, но одновременно — и с большей тревогой. Они больше готовы к неожиданностям: никогда не знаешь, что подадут — это решает хозяин. Двум культурам — западной и восточной — есть что перенять друг у друга в плане молитвы.

Второй этап молитвы (напомню еще раз, что «второй» — не значит «более ценный») — это размышления в присутствии Бога и вместе с Ним. Мистики считают, что по мере духовного роста из нашей молитвы уходят просьбы, а главной целью становятся глубокие размышления (или созерцание). Не могу с этим полностью согласиться по той простой причине, что, когда Иисус учил молиться, Он особо подчеркивал именно роль просьбы. Разве молитва Господня не состоит из прошений?

Со временем, однако, я стал видеть, как меняются мои просьбы после молитвенного размышления. В конце концов, я хочу молиться о том, что угодно Богу, и если Бог чего-то для меня не желает, я тоже не должен к этому стремиться. Молитвенные размышления помогают лучше узнать Бога, согласовать свои желания с Божьими. Мне никогда не удастся вполне согласовать свою волю с волей Бога, потому что я не способен познать ее до конца. Однако то, что я знаю, влияет на мои молитвы²⁶.

²⁶ *Богослов Терренс Тиссен пишет: «Во многих случаях мы не знаем, чего в данной ситуации хочет Бог. Поэтому, высказывая свои просьбы, мы сопровождаем их словами «Если будет на то воля Твоя». Это не недостаток веры, а недостаток знания. Мы верим, что Бог желает для нас самого лучшего, но не знаем, чего именно, и поэтому молимся в меру своего понимания». Выдающийся датский философ и религиозный мыслитель Серен Кьеркегор говорит об этом так: «Истинная молитва — это не когда Бог слышит, о чем мы молимся, а когда мы молимся до тех пор, пока сами не начинаем слышать, чего хочет Бог». — Прим. авт.

Один священник сказал: «Молитвой можно достичь всего — кроме того, на что нет воли Божьей». Конечно, мы не вполне знаем Божью волю — поэтому мы и молимся.

Я давно знаю, что мудрый Бог часто отвечает на молитвы не так, как бы мне хотелось. Я молюсь о том, чтобы моя книга победила на конкурсе — но вместо победы получаю откровение: мне нужно еще работать и работать над своим литературным стилем. Я молюсь о том, чтобы сделаться богаче — но в результате понимаю: деньги станут проклятием, отвлекающим меня от более важных вещей. Я получил уже немало таких уроков.

Теперь я стараюсь рассматривать свои незрелые молитвы-просьбы в свете знаний, пришедших от Бога во время молитвы-размышления.

Сегодня потребителям предлагают множество курсов «медитации», иными словами — созерцания. При этом упор делается на расслабление, самосозерцание и самоусовершенствование. Но молитвенное созерцание — это другое. Молясь, я стараюсь сосредоточиться не на себе, а на Том, Кому я молюсь, — на Боге. Если я буду искать Бога, то я в конце концов пойму, чего Бог хочет от меня, и буду этим удовлетворен. Современная американская писательница Патриция Хэмпл говорит, что молитва лишь по форме похожа на речи, обращенные к Господу. При общении с Богом главное — внутреннее состояние молящегося. «Сосредоточьтесь. Найдите такое состояние, и слова придут сами».

В конце Своего молитвенного борения в Гефсиманском саду Иисус сказал: «Да будет воля Твоя» (Мф 6:10). И это — после прямой просьбы об ином исходе. Его слова словно подвели итог всему, сказанному ранее. Я все больше убеждаюсь: слова «Да будет воля Твоя» должны следовать в конце молитвы, а не в ее начале. Если я начинаю с этого уточнения, то подвергаюсь искушению «отредактировать» свои молитвы, подавить собственные желания и принять любой исход событий. Но тогда я не делаю того, чего хочет от меня Господь. А Он хочет, чтобы я открывал Ему свои просьбы и таким образом лучше познавал себя.

В Книге пророка Даниила есть прекрасный пример веры, сочетающей и человеческое желание избежать смерти, и готовность принять Божью волю, какой бы она ни была. Трое юношей объясняют царю, почему они отказываются поклониться истукану, невзирая на угрозу быть брошенными в раскаленную печь: «Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавит. Если же и не будет того, то, да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся» (Дан 3:17, 18).

Слова «если же и не будет того» относятся уже к третьему этапу молитвы: человек подчиняет себя воле Бога.

К этим словам Иисус пришел после долгой ночи борения в Гефсиманском саду: «Не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк 22:42). В конце концов я понял, что молитва — это средство исполнить не мою, а Божью волю. Да, Бог слышит наши просьбы и отвечает на них. Да, Бог определенным образом учитывает эти просьбы в Своих планах. Но и многим мученикам (в том числе христианам, гонимым за веру в наши дни), и даже Самому Сыну Божьему пришлось познать нехитрую истину: наши заветные желания не всегда исполняются.

«Не спешите молиться! — предостерегает Юджин Петерсон, выдающийся американский проповедник и писатель, известный своим переводом книг Ветхого и Нового Заветов на современный английский. — Весьма вероятно, что после молитвы вам придется принять условия Бога: чаще всего в результате молитвы мы получаем не то, чего хотим, а то, чего хочет Бог. И результат бывает совершенно неожиданный — такой, который никогда бы не выбрали мы сами. А когда мы, наконец, начинаем понимать, что происходит, обратной дороги уже нет».

Соработники Царствия Божьего

Иногда меня озадачивает устройство нашего мира, и тогда я даю волю воображению,

пытаюсь придумать какую-нибудь альтернативу. Ведь мог бы Господь сотворить мир, в котором действовали бы совсем иные правила. Ведь мог бы Бог почаще вмешиваться в события, совершать явные чудеса (хотя именно так и было, когда израильский народ странствовал по пустыне). Или же Он мог бы совершенно отстраниться и не вмешиваться в события. Именно отстраненным видят Его деисты: они сравнивают Господа с часовщиком, который собрал часы, завел их и ушел (в этом случае молитвы бесполезны).

Но в реальной жизни Бог с самого начала привлекает человека к участию в Своем творческом труде. Бог поручает Адаму возделывать землю и владычествовать над животными, то есть передает заботу о райском саде в руки человека. Подобным образом Бог действует на протяжении всей истории. Растения дают семена, семена падают на землю, небо исправно поливает посевы, но урожай вырастает лишь у тех, кто трудится в поле. В мире есть множество материалов, подходящих для изготовления самых разных вещей, но людям самим приходится думать, как использовать это сырье. Когда Бог пожелал выстроить Себе обиталище, ни скинии, ни храмы не спустились с небес на землю наподобие космического корабля. Тысячи архитекторов, строителей, художников и ремесленников трудились над их возведением.

«Я создам церковь Мою» (Мф 16:18), — провозглашает Христос, тем самым возвещая о новой власти Царства Божьего на земле. Церковь растет на протяжении вот уже двадцати столетий — растет медленно, трудно. Эпохи роста и подъема церкви чередуются с периодами упадка, вызывающими у нас глубокое недоумение. Я думаю о том, сколько скорби причинили Богу отдельные эпизоды церковной истории. Тем не менее апостол Павел подчеркивает единство церкви со Христом: «Не может глаз сказать руке: «ты мне не надобна»; или также голова ногам: «вы мне не нужны» (1 Кор 12:21). По воле Бога дело созидания Царствия Божьего на земле зависит от людей — несмотря на то, что люди, как всем прекрасно известно, существа ненадежные.

Однажды у Христа выдался особенно трудный день. Он воскресил умершую девочку, исцелил женщину, которую много лет мучила болезнь, вернул зрение двум слепым и дар речи немому... Наступил вечер оказалось, конца трудам не было видно. Иисус почувствовал глубочайшее сострадание к людям: «они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря» (Мф 9:36). Глядя на нескончаемый поток людских страданий и нужд, Иисус дал одно из немногих Своих прямых указаний, о чем нам следует молиться: «Итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою» (Мф 9:38).

Что за странная просьба! Если Ему нужно больше работников, почему бы не призвать их? Или почему Самому не попросить об этом Господина жатвы?

Этот эпизод, наряду со многими другими, показывает, какую роль Христос отводил Самому Себе. Да, в пределах небольшой страны, располагавшейся на территории нынешней Палестины, Он имел большое влияние на людей. Но для того чтобы донести благую весть до Рима и других, до отдаленных земель, Ему нужны были помощники. Сам Он уже воззвал к Господину жатвы: двенадцать учеников были избраны после того, как Он провел всю ночь в молитве. И теперь Он призывал учеников молиться о новых делателях, потому что знал: Отец прислушается к их молитвам. Христос обращался к ним как к своим сотрудникам, к соратникам на ниве Божьего Царства.

Однажды Вильям Кэрри, известный английский миссионер конца восемнадцатого — начала девятнадцатого века, почувствовал, что Бог призывает его отправиться в Индию, чтобы стать там делателем на ниве Господней. Священнослужители, услышав об этом плане, стали насмехаться над ним: «Молодой человек, если бы Бог хотел спасти индийских язычников, Он обошелся бы и без таких, как мы с вами». Они упустили из виду саму идею сотрудничества. Бог мало что делает на этой земле без таких, как мы с вами!

Мы, соратники Бога, настойчиво молимся о том, чтобы здесь, на земле, исполнилась Его воля, и в то же время стараемся сделать для этого все, что от нас зависит. Иисус учил нас молиться так: «Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе» (Мф 6:10). Это — не тихая просьба, а настойчивое требование, высказанное в повелительном

наклонении. Дай нам справедливость! Исправь этот мир! Бог призывает Своих земных сотрудников быть глашатаями грядущего исцеления и искупления.

У человека и Бога разные роли. Господь объяснял Иову, что человек не в состоянии понять пути Провидения и Высшую Справедливость, он не способен вместить в себя ответы на все свои вопросы. Наша роль — следовать по стопам Христа. Своими делами и молитвами мы приближаем наступление Царствия Божьего. Не стоит биться над вопросом: «Как свершается Божий промысел?» Лучше задаться другим: «Что делают в этом мире люди Божьи?» Апостол Павел неоднократно высказывает мысль о том, что на земле мы — тело Христово, что мы пребываем «во Христе» (последнее выражение встречается в Новом Завете 164 раза). Когда мы служим ближним, служит им и Христос. Когда мы кого-то прощаем, прощает и Он. Когда мы проявляем милость к падшим, Спаситель тоже протягивает им руку помощи.

За кого молимся мы, за тех молится и Сам Господь наш Иисус Христос. Апостол Павел сказал: «Как вы — сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче!» (Гал 4:6). Если же мы не знаем, за что молиться или как молиться, Святой Дух ходатайствует за нас: «Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией» (Рим 8:27).

Дух, посланный Христом, молится в нас, когда нам не хватает ни мудрости, ни слов. Бывает, что мы не знаем Божьей воли по конкретному вопросу, но ее, безусловно, ведает живущий в нас Дух. Другими словами, все наши молитвы, в том числе и самые незрелые, проходят своеобразный «внутренний контроль». Пусть мы чувствуем себя невеждами в молитвенной жизни — но Дух Святой не таков. Пусть у нас нет силы и уверенности — у Духа Святого они есть. Пусть нам недостает веры — у Духа Святого ее предостаточно. Бог близко, и нет нужды громко кричать, чтобы Он услышал. Порой достаточно вздоха или стона.

Сотрудничество ради справедливости

Гэри

Сразу после окончания колледжа я поехал в Южную Африку, чтобы вместе с епископом Десмондом Туту бороться с преступлениями режима апартеида. Потом я получил юридическое образование и участвовал в расследованиях геноцида в Руанде и случаев полицейского произвола в США. Я убежден, что христиане должны быть на переднем фронте борьбы за справедливость. Поэтому я создал организацию, которая называется «Международная Миссия Справедливости». Задача этой организации — выявлять случаи несправедливости, показывать их в свете Божьей истины и стараться исправить положение посредством широкой огласки в СМИ и юридических мер. Мы действуем в двенадцати странах и специализируемся на случаях торговли людьми, рабства, незаконных арестов и пыток. Кроме того, мы помогаем вдовам и сиротам.

С самого начала я знал, что нам необходимо постоянно напоминать себе: справедливость — это Божье дело, и в этой битве Бог — на нашей стороне. В противном случае мы сломались бы перед лицом непомерного зла, с которым нам приходится сталкиваться ежечасно. Я очень боялся, что мы скатимся к деятельности, которую я называю «борьбой без молитвы». Поэтому в начале каждого дня мы собираемся вместе, чтобы провести тридцать минут в молчаливой молитве и размышлении. В это время

мы не разговариваем и не работаем. Мы сидим на своих местах и молимся. Кроме того, мы собираемся каждый день в одиннадцать часов и полчаса молимся друг о друге и о делах, которыми мы занимаемся. Наши сотрудники часто говорят, что для них это — самая важная часть дня.

А еще нас поддерживают пять тысяч человек, согласившихся молиться за наше служение. Раз в год мы приглашаем всех, кто нам сочувствует, на молитвенную конференцию. Мы рассказываем о своей работе и молимся все вместе. Однажды сотрудник спросил меня: «Изменилось бы что-нибудь, если бы за нас молились не пять, а пятьдесят тысяч человек?» Я не знаю. Единственное, что мне доподлинно известно — это что Бог заботится о справедливости в этом мире и что Он радуется, когда многие из Его народа трудятся на этой ниве. Я уверен, что, согласно Библии, Он слышит наши молитвы и отвечает на них. К тому же, чем больше людей вовлекается в служение справедливости, тем больше работников Царства Божьего появляется на земле.

В молитвах мы стараемся просить о том, — чего желает Сам Бог: «Господи, ведь Ты же любишь этого ребенка, который попал в рабство в Таиланде». Я могу рассказать о множестве чудесных ответов на молитвы. Например, многие жертвы насилия свидетельствуют, что сразу после их молитв к ним приходил наш юрист или социальный работник и оказывал помощь.

Иногда наша вера подвергается испытаниям. Утром мы опять молились об освобождении девяти женщин, заключенных в тюрьму в юго-восточной Азии. Почти девять месяцев назад мы провели большой рейд и освободили из рабства в одном публичном доме почти сто женщин. Какая радость! Однако многие из этих женщин были нелегально привезены из других стран, и у них не было документов. Власти страны, в которой все это происходило, отнеслись к нашему рейду без особого восторга. Женщин, не имеющих документов, бросили в тюрьму. Месяц за месяцем мы боремся за то, чтобы освободить их и отправить на родину, к семьям. Мы будем молиться за них и завтра, и послезавтра, и еще много дней — до тех пор, пока все они не будут освобождены. Одновременно мы продолжим делать все возможное, чтобы добиться их освобождения.

Двусторонняя деятельность

Некоторые люди беспокоятся, что молитва располагает к пассивности — ведь мы можем подменять ею дела. Но для Иисуса не существовало противопоставления между молитвой и делами: долгие часы Он проводил в молитве, а потом так же долго помогал людям. В «Деяниях Апостолов» засвидетельствовано, что по примеру Христа действовала и Церковь. Стремясь понять, как надо заботиться о вдовах, христиане сначала помолились о Божьем водительстве, а потом назначили специальных людей, диаконов. Это позволило освободить других работников церкви от хозяйственных забот, они смогли посвятить себя жизненно важному делу — молитве. Если бы община перестала молиться, помощь вдовам тоже прекратилась бы. Или еще пример. Когда в ранней церкви возникли культурные разногласия между иудеями и язычниками, было решено собрать совет для выработки компромиссного решения. Но прежде верующие собрались на совместную молитву.

Апостол Павел прилежно молился о молодых церквях, но за молитвами следовали дела: он писал им Послания, посещал их. Павел молился и работал с равной самоотдачей. Помните, как Павла везли на корабле в Рим, где он должен был предстать перед судом? По дороге он получил во время молитвы откровение о неизбежном кораблекрушении и о том, что все пассажиры корабля спасутся. После этого апостол взял на себя ответственность за двести семьдесят шесть человек, находившихся на борту судна, организовал спасательные работы.

«Деяния Апостолов» повествуют о событиях, которые были результатом сотрудничества Бога и людей, и в них невозможно отделить труд Бога от труда христиан. Это и есть самое главное. Смотрите, как парадоксально звучит заповедь, которую Павел дает филиппийцам: «Со страхом и трепетом совершайте свое спасение, потому что Бог производит в вас хотение и действие по Своему благоволению» (Флп 2:12, 13).

Когда я сомневался в том, есть ли смысл в молитве, основным пунктом моих сомнений была «недостаточность» действий Бога. Почему Бог не вмешивается? Почему Он не делает того, о чем я прошу? Мое восприятие изменилось, когда я понял, что молитва — это сотрудничество, тонкое взаимодействие человеческого и божественного начал, в результате которого совершается Божье дело на земле²⁷. Бог просит, чтобы я открылся перед Ним в молитве, и открывает мне в молитве Свой замысел о моей жизни, который я — увы! — в состоянии понять лишь отчасти.

Юджин Петерсон, перу которого, как я уже упоминал, принадлежит современный перевод Библии на английский язык, рассказывает, что в греческой грамматике есть трудно постижимый средний, или медиальный, залог. Он представляет собой нечто промежуточное между активным и страдательным залогами.

Петерсон пишет: «В учебнике грамматики сказано: «Глагол в медиальном залоге описывает подлежащее, участвующее в результате действия». Я прочитал это определение и понял, что его смело можно отнести к христианской молитве: «Я участвую в результате действия». Я не в состоянии полностью контролировать результат. Это язычники своими обрядами и заклинаниями заставляют богов работать. Я не становлюсь бесправным рабом неподвластных мне сил. Это индуистская концепция молитвы — целиком отдаться во власть безличных и безжалостных богов и богинь. Я же присоединяюсь к действию, которое начато не мной, а Господом, моим Создателем и Спасителем. Таким образом я вношу свой вклад в результат этого действия. Нельзя сказать, что я совершаю это действие один, и также нельзя сказать, что кто-то единолично совершает через меня. Я участвую в том, на что есть не только моя воля».

Молодой священник Питер целый день выкладывал ступени из тяжелых камней на заднем дворе дома. Каждый камень весил от пятидесяти до ста килограммов, и чтобы уложить его на нужное место, требовалась и сила, и специальные приспособления. Пятилетняя дочка Бекки умоляла отца, чтобы он разрешил ей помочь. Тогда Бекки предложили просто петь, чтобы ободрить папу, но она отказалась. Она хотела приложить силу. Тогда, с большими предосторожностями, отец разрешил ей толкать вместе с ним каменную глыбу.

Потом Питер признался, что «помощь» Бекки лишь усложняла его работу. Без нее он справился бы быстрее. Однако результатом этого дня стали не только новые ступени, но и радость дочки, которая гордилась своим участием. «Мы с папой делали ступеньки!» — объявила она за ужином. И папа первым с ней согласился.

²⁷ *Герой одной из пьес ирландского драматурга Шона О'Кейси говорит так: «Обоих их слушать — мучение. Джерри не верит ни во что, а Бентам верит во все. Один говорит: все — от Бога и ничего — от человека, а другой — все от человека, и ничего — от Бога». — Прим. авт.

ГЛАВА 9. КАК МОЛИТВА ВЛИЯЕТ НА МИР

Земля зияет, и пылает ад, и дьяволы вопят, святые молят...
Вильям Шекспир

«Электричество заменит крестьянину Бога. Пусть крестьянин молится электричеству; он будет больше чувствовать силу центральной власти — вместо неба», — так говорил Ленин в дни Восьмого съезда советов, обсуждая с наркомом Леонидом Красиным проблему электрификации России. Черчилль вспоминал, что когда президент Рузвельт предложил Сталину посоветоваться по вопросам европейской политики с папой римским, вождем всех времен и народов презрительно усмехнулся: «Папа? А сколько у него дивизий?»

Влияет ли молитва на окружающий нас мир? Или же она остается лишь частной беседой между мной и Богом? Для меня этот вопрос — отнюдь не риторический. В России я посещал соборы, в которых более полувека размещались музеи атеизма. В Советском Союзе Ленин и его последователи за крыли девяносто восемь процентов церквей, хотя священники и прихожане горячо молились о том, чтобы их не закрывали. Гитлер уничтожил шесть миллионов евреев и несколько миллионов христиан. Молитвы безвинно убитых людей об избавлении растаяли, словно дым из труб крематориев, в которых были сожжены их тела.

Попытки проследить действие Бога в истории человечества неизменно терпят неудачу. Лев Толстой не сумел найти никакого богословского смысла в разрушительном и крайне неудачном походе Наполеона на Россию. Можно заявлять, что современное государство Израиль появилось в ответ на молитвы европейских евреев. Но ведь палестинские христиане, изгнанные из своих домов, тоже молились! Было ли «Дюнкеркское чудо» ответом на молитву?²⁸ И если было — что же тогда можно сказать о Хиросиме?

Пророки Ветхого Завета не могли понять, почему Бог использует народы языческих стран, например, Вавилонии и Ассирии, для достижения Своих целей. Подобно им, мы снова и снова задаем вопросы — и в недоумении качаем головой. Социологические исследования показывают: упадок веры в Европе — результат отчаяния, которое воцарилось на континенте после двух разрушительных мировых войн. Как такое могло случиться в христианской Европе?

Даже верующим нередко кажутся тщетными молитвы о текущих событиях: о войне с терроризмом, катастрофическом загрязнении окружающей среды, опасности распространения ядерного оружия. Я слышал историю об одном туристе, который увидел благочестивого еврея, молившегося у Западной Стены Иерусалима — ее еще называют Стеной Плача. Еврей, закрыв глаза, покачивался вперед и назад, бил себя в грудь, иногда воздевал руки к небу. Когда он закончил молиться, турист спросил:

— О чем вы молились?

Еврей ответил:

— Я молился о праведности. Я молился о здоровье моей семьи. Я молился о мире во всем мире и особенно в Иерусалиме.

— И ваши молитвы помогают? — спросил турист.

— Увы! С таким же успехом я мог бы разговаривать с этой стеной.

²⁸ *«Дюнкеркское чудо» — эпизод Второй мировой войны. В мае 1940 г. британский экспедиционный корпус оказался заблокированным в районе французского города Дюнкерк. Кабинет Черчилля и Британское Адмиралтейство решили вывезти сухопутные войска морем — через пролив Ламани. Операция была очень рискованной — немецкая авиация могла практически беспрепятственно разбомбить гражданские суда, мобилизованные для эвакуации. В те дни многие в Британии молились о спасении солдат. Погода внезапно изменилась, и на Ламани опустился густой туман, укрывший корабли. Все войска (численностью более трехсот тысяч человек) были эвакуированы без потерь. — Прим. пер.

Наше самое сильное оружие

Вскоре после выборов 2004 года, когда Джордж Буш был переизбран на пост президента, журнал «Тайм» поместил на обложку статью о двадцати пяти самых влиятельных в США лидерах евангельских церквей. Журналисты из всех сил старались разобраться в том, что же представляет собой новый политический блок. Президент Буш, безусловно, понимал стратегическое значение сотрудничества с христианскими лидерами, поэтому раз в неделю Белый Дом проводил видеоконференцию с их участием. Судя по всему, «Тайм» определял влиятельность лидеров именно по степени их приближенности к Белому Дому — кого пригласили на завтрак, кто участвует в видеоконференциях и так далее.

Я знаком с некоторыми из людей, чьи имена попали тогда на обложку журнала «Тайм». Мне известны также и соблазны власти. Я понимаю, что это такое — вернуться из Белого Дома с множеством книг и сувениров, раздуваясь от сознания собственной значимости, — а затем, молясь, попытаться увидеть эти же события с точки зрения Христа. Но Иисус никогда не бывал в резиденции императора в Риме. А дворец правителя провинции Он посетил лишь однажды — под конвоем, со связанными за спиной руками. Да, Христос не имел никакой видимой власти. Но Он предсказал и основал Царство, которое переживет все великие империи прошлого, настоящего и будущего, охватит весь мир и превзойдет все державы, созданные людьми, — ибо это Царство пребудет вовек.

Во время молитвы я напоминаю себе (особенно после кратковременной сопричастности власти), что Царство Божье — это не инструмент политики США, не избирательный блок и не улучшенная версия ООН, чья задача — кормить сирот и бурить артезианские скважины. Царство Божье охватывает всю историю и все человеческие организации. «Подобно небосводу, который держится на руках титана Атласа, шар земной держится на воздетых в молитве руках. Мир живет молитвами тех, в ком не охладела любовь — и ничем иным!» — провозгласил некогда немецкий богослов Гельмут Тилике. Это не слова монаха, удалившегося от мира. Их сказал священник, который вместе со своей общиной в немецком городе Штутгарт пережил идолопоклонническую тиранию Гитлера и бомбардировки англо-американской авиации.

Мне приходилось путешествовать по Мьянме (Бирме) и Китаю. Правители этих стран предпочитают не приглашать христианских лидеров в свои кабинеты, а отправляют их в тюрьмы. Я слышал ужасающие рассказы о гонениях, о двадцати годах, проведенных в холодной камере без одеяла, об угрозах, избиениях и пытках. Я брал интервью у китайского священника, который провел в тюрьме двадцать лет, но и теперь каждый год он приводит сотни новообращенных креститься в реке. (Всем известно, что каждому крестившемуся грозит тюрьма.) Я спрашивал: «Чем мы, христиане из других стран, можем вам помочь?» Каждый раз я слышал один и тот же ответ: «Молитесь. Пожалуйста, передайте церкви, что нам нужны ваши молитвы».

Первые несколько раз, когда я слышал этот ответ, мне хотелось сказать: «Да, конечно. Но мы действительно хотим помочь вам. Что еще мы можно сделать?» Но потом я понял: христиане, лишённые доступа к сильным мира сего, искренне верят, что молитва открывает им путь к Сильнейшему Владыке. Для них молитва — наиболее мощное оружие против зримых и незримых темных сил. Они безоговорочно верят словам апостола Павла: «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф 6:12).

Когда пророк Даниил не получил ответа на свою молитву, он недоумевал, почему Бог молчит. Три недели он провел в посте и духовных размышлениях. Наконец, ему явился некий муж с лицом, подобным молнии, и объяснил задержку так: «...Князь царства Персидского стоял против меня двадцать один день; но вот, Михаил, один из первых князей, пришел помочь мне, и я остался там при царях Персидских. А теперь я пришел...» (Дан

10:13). Молитва, которая, как показалось Даниилу, осталась безответной, стала без ведома и воли пророка искрой, зажегшей пламя битвы между невидимыми противниками в духовном мире.

Современных мыслителей мучает вопрос: «Почему в мире есть зло?» В Библии об этом сказано немного, ибо ее авторы были уверены, что знают ответ: наша планета находится под властью темных духовных сил, цель которых — препятствовать Богу и извращать Его волю. Согласно Новому Завету, сатана — «бог века сего» (2 Кор 4:4). Апостол Павел описывает лукавого как «князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления» (Еф 2:2). Неудивительно, что в мире есть зло! Если планетой правит враг рода человеческого, следует ожидать всего, что противно воле Бога, — включая насилие, обман и тяжкие болезни.

Мы молимся, потому что в битвах против сил зла у нас нет более мощного средства объединения с невидимыми Божьими ратями. Я могу, независимо от обстоятельств, пригласить Бога в свой материальный мир и попросить у Него помощи для борьбы со злом. Преследуемая церковь, подобно Даниилу, противостоит падшим духам, которые скрываются за враждебными правителями и жестокими гонителями. Европейская церковь тоже сталкивается с темными силами, но там они выступают под маской цинизма и равнодушия. А в США эти силы соблазняют Церковь надеждами на власть, богатство и политическое влияние. В развивающихся странах они действуют через болезни, голод, коррупцию.

Выдающийся швейцарский теолог Карл Барт писал: «Соединить руки в молитве — значит, поднять восстание против всемирного беспорядка». Пророк Даниил наверняка согласился бы со словами швейцарского богослова. Даниил молился три раза в день, и его молитва была актом гражданского неповиновения тираническому режиму, который запретил молиться. А события, развернувшиеся после того, как пророка арестовали и бросили в ров со львами, показали, Кто обладает реальной властью.

Наконец-то мы свободны

Сергей

Мы, жившие при социализме, хорошо знаем силу молитвы. Мой отец работал на советском ракетном заводе в Сибири. Я рос под аккомпанемент атеистической и коммунистической пропаганды. Нам постоянно внушали, что у нас система лучше, чем на Западе, хотя практически все знали, что это не так. Никто не мог даже представить, что однажды власть коммунистов падет, а Советский Союз развалится, как карточный домик. Но и сегодня лишь немногие понимают истинную причину перемен — а я убежден, что это произошло благодаря молитве.

По всей Восточной Европе церковь организовала мирные шествия — люди шли по улицам со свечами в руках. Никто не начал войну, и выстрелов было совсем немного. Тем не менее, могущественная советская империя рухнула. В это время наша семья уже жила на Украине. Здесь, в 2004 году, мы видели еще одну революцию, положившую конец правлению коррумпированного режима. В этой революции огромную роль сыграл обмен СМС по мобильным телефонам.

С того времени мы, христиане Украины, организовали общенациональную молитву за нашу страну — каждый день в десять часов вечера. Мы объединяемся в группы по три человека и в таких «тройках» учимся молиться. Дело в том, что многие из нас до сих пор знали только длинные, формальные и скучные молитвы,

которые мы слышим в церквях. Сейчас мы открыли для себя возможность говорить с Богом как со своим Другом!

Мне известны невероятные истории о верующих Украины и соседних республик советского периода. Мой друг из Молдавии обычно говорил своим родителям-атеистам, что идет в туалет — он у них во дворе. На самом деле он перелезал через забор и молился вместе с соседом. Иногда христиане принимали крещение в проруби на уединенном замерзшем озере. Зарубежные гости тайком привозили нам Библии и христианские книги, которые мы затем распространяли по сложным засекреченным каналам. Многие священнослужители отсидели в тюрьмах за свой труд в церкви.

Теперь, когда мы можем свободно исповедовать свою веру, нам угрожает другая опасность — самодовольное благодушие. Мы не дорожим свободой. Во многих регионах бывшего Советского Союза верующие даже голосовали за коммунистов, считая, что во время их правления церковь была чище. Похоже, нам легче справиться с гонениями, чем с процветанием. Что касается меня, то я молюсь, чтобы времена безбожного тоталитарного режима никогда не вернулись. Я молюсь, чтобы мы научились благодарить Бога за то, что имеем сегодня, — чтобы завтра нам не пришлось Его об этом просить.

Молитва и восстание

В наши дни мы стали свидетелями того, как молитва направляет восстание.

В восьмидесятые годы прошлого века этнический венгр Ласло Токеш стал пастором небольшой реформатской церкви в городе Тимишоара. Приход состоял преимущественно из румынских венгров. В тогдашней Румынии венгры были угнетаемым меньшинством. Предыдущий пастор открыто поддерживал румынское коммунистическое правительство и даже носил на облачении красную звезду. Токеш, напротив, выступал против несправедливости и протестовал против действий правительства. Вскоре в его церковь каждое воскресенье стало приходить все больше верующих и политически инакомыслящих — как венгров, так и румын. Число членов церкви выросло с сорока до пяти тысяч человек.

Отважный священник привлек внимание спецслужб. Токе-шу много раз угрожали, и вот однажды вечером полиция получила приказ о его высылке. Эта весть быстро распространилась, и сотни христиан — баптисты, православные, реформаты и католики — собрались вокруг дома Токеша и окружили его защитной стеной. Так они стояли день и ночь, держа в руках свечи и распевая гимны.

Несколько дней спустя полиция прорвалась сквозь ряды защитников к дому Токеша. Но люди, вместо того чтобы разойтись по домам, решили идти в центр города к полицейскому участку. Пока процессия с шумом шла по городу, к ней присоединялись все новые демонстранты. В результате на городской площади собралось двести тысяч человек — практически все взрослое население города и окрестностей. Против них выступили части румынской армии. Во время одного из столкновений военные открыли огонь по толпе, в результате чего погибло более ста человек и гораздо большее число было ранено. Но люди стояли на площади и отказывались разойтись.

Один из местных священников обратился к разгневанным демонстрантам, чтобы успокоить их и предотвратить перерастание мирного протеста в настоящий мятеж. Он произнес только два слова: «Давайте помолимся». И сразу же вся огромная масса людей — крестьяне, учителя, студенты, врачи, рабочие — все как один встали на колени и произнесли молитву «Отче наш». Это был коллективный акт гражданского неповиновения. Спустя

несколько дней демонстрации протеста начались в Бухаресте, и вскоре режим, который долгие годы железной рукой правил Румынией, был низвергнут.

В самые мрачные времена коммунистического правления поляки шутили, что есть два пути выхода из кризиса — реальный и чудесный. Реальный — на небесах появляется образ Ченстоховской Божьей Матери, и советские войска в ужасе покидают Польшу. Чудесный — советские войска уходят сами. Именно это чудо и произошло, хотя никто его не предвидел. Сколько дивизий у папы римского? Оказывается, кое-что у него есть. Когда Иоанн-Павел II посетил свою родину, Польшу, его приветствовали несколько миллионов поляков, которые наперекор коммунистическим лидерам кричали: «Мы хотим Бога! Мы хотим Бога!» Они скандировали тринадцать минут, и этот день историки считают началом польского сопротивления и движения «Солидарность».

Восточно-германский город Лейпциг в 1953 году стал ареной мятежа против коммунистического правления. Мятеж был подавлен силой. За сорок лет все попытки насильственного сопротивления людей, живущих за железным занавесом, ни к чему не приводили. Но в 1989 стали происходить молитвенные шествия со свечами. Начало этому движению положили христиане, собиравшиеся в церкви, где в свое время служил органистом Иоганн Себастьян Бах. Первоначально в шествиях участвовали десять тысяч человек, затем тридцать тысяч, пятьдесят тысяч, и, наконец, — полмиллиона в Лейпциге и миллион в Берлине. В итоге Берлинская стена, одиозный символ железного занавеса, рассыпалась на кусочки.

Пророк Исайя сказал о грядущем Мессии, что Он «жезлом уст Своих поразит землю, и духом уст Своих убьет нечестивого» (Ис 11:4). Казалось бы, явное противоречие. Разве уста могут поражать? И разве дух уст (то есть дыхание) способен убить? Но эти слова напоминают мне о жителях Восточной Европы, которые с пением гимнов шли по вымощенным булыжником улицам, ладонями прикрывая от ветра трепещущие огоньки свечей, — а за ними молча следили снайперы, притаившиеся на крышах домов. Я вспоминаю о музеях в Лейпциге и Будапеште. Они созданы в зданиях тех самых спецслужб, которые держали в тисках страха целые страны, — ныне по камерам для допросов снуют суетливые туристы.

Я вспоминаю, как однажды морозным утром я совершал утреннюю пробежку по московскому парку и вдруг обнаружил лежащие на земле огромные статуи Ленина, Сталина и Маркса. Идолы, которым еще вчера поклонялись, словно богам, лежали штабелями, как дрова в поленнице.

Умиротворяющая молитва

Может ли молитва изменить ход событий в мире? Давайте мысленно перенесемся в Южную Африку. В начале девяностых годов прошлого века всем было ясно, что расистский режим ЮАР близится к концу. Однако большинство обозревателей ожидали, что смена режима будет сопровождаться массовыми репрессиями и казнями. Я знаком с южноафриканским белым проповедником Реем Мак-Коли. У него удивительная биография и впечатляющая внешность (в свое время он был соперником Арнольда Шварценеггера на конкурсе «Мистер Вселенная»). В последние дни режима апартеида новые лидеры черного большинства, Нельсон Мандела и епископ Десмонд Туту стремились сделать Рея своим союзником — несомненно, из-за большой аудитории его еженедельных телепередач.

Однажды Мандела попросил, чтобы Рей помог ему. В небольшом городке убили сорок пять чернокожих, и Рей вместе с епископом Туту поехали туда, чтобы утешить семьи погибших. Спустя неделю после убийства они снова вернулись в этот город, чтобы присутствовать на заупокойной службе на стадионе. Там собрались пятнадцать тысяч человек, и к концу службы толпа была буквально наэлектризована гневом. Неожиданно появились ораторы, которые стали призывать собравшихся пойти маршем на город и отомстить. Рей заметил, что он — единственный белый среди огромной возбужденной

толпы, и немного занервничал. Епископ Туту повернулся к нему и сказал: «Рей, не волнуйся, я успокою этих любителей помаршировать!»

Рей вспоминает: «Затем я увидел самое впечатляющее зрелище в моей жизни. Десмонд Туту встал перед пятнадцатитысячной толпой, сделал знак рукой, чтобы они замолчали, и начал говорить.

— Я — ваш епископ, поставленный Богом.

— Правильно! Проповедуй нам!

— Я награжден Нобелевской премией Мира!

— Ты ее получил! Да, да! Аминь.

— И тем не менее — видите вон там полицейскую собаку? Эта собака может гулять по пляжам Южной Африки — там, куда меня не пустят!

Толпа взорвалась. Они кричали, топали ногами, размахивали носовыми платками. Туту продолжал нагнетать эмоции и вскоре полностью завладел вниманием аудитории. Затем произошло нечто из ряда вон выходящее. В течение тридцати минут, не используя ничего, кроме слов, «жезлом уст» этот выдающийся служитель Божий утихомирил толпу, «вынул фитиль из пороховой бочки» — и закончил свою речь молитвой. Пятнадцать тысяч демонстрантов, многие из которых жаждали крови, спокойно разошлись по домам».

Спустя несколько месяцев Туту и Мак-Коли стояли перед еще более внушительной толпой — на сей раз в ней было сто тысяч человек. Незадолго перед тем черные африканцы пошли маршем на один из хоумлендов (так в ЮАР называли территорию, отведенную для проживания белых африканцев). Жестокий лидер хоумленда приказал войскам открыть огонь по демонстрантам. Двадцать восемь человек было убито, двести ранено. Теперь у границы хоумленда волновалось необозримое людское море. И снова Туту вместе с другими служителями церкви прибыл, чтобы разрядить обстановку и не допустить кровопролития.

— Когда же это кончится? — спрашивал Туту у толпы.

— Наша страна готова взорваться. Мы только и делаем, что утираем людям слезы.

За спиной епископа стояла бронетехника, которая блокировала дорогу, и солдаты, направившие оружие на толпу. Рей был опытным проповедником, но новичком в политике. Он внезапно оказался в самом центре конфликта. На его глазах в муках рождалась новая нация.

— Я не знал, что делать, — вспоминал Рей. — И снова епископ Туту сказал мне: демонстрантов я успокою. А затем добавил: а ты лучше займись-ка вон теми солдатами.

Я подошел к ним. Сердце мое сжалось: это были мальчики. Стараясь не сгибаться под тяжестью ручных пулеметов, они опирались на танки. Ребята волновались, их глаза светились страхом — ведь перед ними стояли и скандировали сто тысяч чернокожих демонстрантов. Я знал, что большинство белых парней — прихожане кальвинистских церквей. Я предложил им помолиться. Они с уважением сняли фуражки и шлемы. В той молитве я сказал все, что у меня было на сердце — я был предельно искренен. Мы, священнослужители, пробыли там весь день, и я абсолютно уверен, что наши совместные молитвы — с солдатами и демонстрантами — помогли предотвратить ужасное кровопролитие.

Спустя два года, в самый канун смены власти в ЮАР, Мак-Коли побывал при дворе короля зулусов. Нельсон Мандела был разгневан и чувствовал себя обманутым: он вел переговоры с белым правительством и вдруг узнал, что оно, желая спровоцировать раздоры, тайно платит воинам-зулусам, чтобы те убивали жителей негритянских городов. Король зулусов склонялся к бойкотированию первых общенациональных всеобщих выборов, и это подорвало бы их легитимность. Судьба нации висела на волоске, и дипломаты из всех сил старались, чтобы хрупкий механизм переходного периода не развалился на ходу. По всей стране молитвенные группы молили Бога о чуде — о том, чтобы упрямые белые правители и бывший черный террорист Мандела сумели достичь компромисса.

За двенадцать дней до выборов Мак-Коли нашел самолет и вместе с епископом Туту прибыл ко двору короля зулусов. Священники беседовали с ним в течение шести часов. Рей

вспоминает: «Король сидел на переносном троне, покрытом шкурами леопардов. Вокруг стояли воины с копьями. Даже теперь я не могу поверить в то, что я тогда сделал, но в ту минуту я почувствовал сильное побуждение, исходящее, как я верю, от Духа Святого. И я сказал: «О король! Ты великий король, но, конечно, даже ты не откажешься преклонить колени перед Царем всех царей». Он немного помедлил, но затем сошел с трона и встал на колени. Я молился о мире в нашей стране — в этот день и в последующие дни. Я молился о прекращении насилия. Я молился о единстве. Я молился о Царствии Божьем».

После этой встречи король выступил с обращением ко всем зулусам. Он призвал свой народ прекратить боевые действия и сохранять мир и спокойствие. Выборы прошли в назначенный день, насилие прекратилось.

— С тех пор я не сомневаюсь в действенности молитвы, — говорил Рей. — Вы только представьте: каждая из многочисленных группировок думала, что Бог на их стороне. Но все-таки в разгар кризиса они были готовы вместе склониться перед Богом.

Угол покоя

Мак-Коли рассказал мне, что после смены власти в Южной Африке епископ Десмонд Туту обнаружил, что работа только-только начинается. Он принял на себя тяжелый труд — председательствовать на слушаниях Комиссии по справедливости и примирению. Ужасным рассказам не было конца. Он слышал страшные отчеты об избиениях, пытках электрическим током, жестоким обращении с беременными женщинами. Ему поведали о людях, которым на шею надевали «ожерелья» — горящие шины. День за днем в течение почти двух лет епископ должен был выслушивать рассказы о делах, достойных ада, которые совершались в его стране. В то время какой-то репортер спросил его: «Почему вы молитесь?» Вот что ответил Туту:

— Если я начну день неверно, день пропадет. Я уже давно понял: мне полезно вставать пораньше, чтобы провести час в тишине, в присутствии Бога, размышляя над Писанием. Этот час поддерживает меня в течение дня. Я стараюсь, чтобы в сутки у меня находилось два или три часа такого тихого времени. Даже занимаясь физическими упражнениями, например, полчаса на бегущей дорожке, я использую это время для молитвы.

Я мысленно представляю себе карту мира и путешествую по ней, перебирая в уме континент за континентом, разговаривая с Господом обо всем, что там происходит. Но об Африке я молюсь особо.

После молитвы Туту надевал судейскую мантию и садился на председательское место в комиссии, которая должна была принести истину и примирение в страну с пошатнувшимися нравственными устоями. Солист группы U2, известный ирландский рок-музыкант Боно однажды спросил Туту, как ему удастся находить время для молитвы и размышлений над Писанием. Туту ответил:

— Станный вопрос. Ведь иначе мы вообще были бы не способны делать то, что делаем!

В молитве мы ходатайствуем перед Богом о том, чтобы Он помогал нам преодолевать трудности и решать проблемы. И тогда уже сам акт молитвы придает нам смелость и силы, без которых невозможно трудиться над преобразованием окружающего мира. А ведь нам так нужно, чтобы Божья воля исполнялась на земле, как и на небе. Ибо мы — тело Христово. Его руки — это наши руки. Других у Него нет. Но для того чтобы тело Христово действовало полноценно, мы обязаны поддерживать надежную связь со своим Главой. Мы молимся о том, чтобы увидеть мир глазами Бога, а затем обрести силу для трудов праведных, черпая ее из потоков Его могущества.

В горах, где я живу, я узнал от геологов и шахтеров красивый термин — «угол

покая»²⁹. Это максимальный угол наклона осыпи, при котором камень не катится вниз, а остается лежать на склоне. Я думаю, что понятие «угол покая» дает нам верный образ истинной взаимосвязи между молитвой и действием. Случается, что один камень вдруг срывается с места, его энергия высвобождается, он толкает другие камни — и вот уже грохочущий обвал неузнаваемо меняет ландшафт. Нечто подобное бывает и при сходе снежной лавины, когда высвобождается энергия, накопленная маленькими, почти невесомыми снежинками.

Один немецкий исследователь сказал, что секрет успеха его соотечественника, священника и богослова Дитриха Бонхоффера заключается в том, что он умел творчески сочетать молитву и практичность, создавая духовную атмосферу, в которой было место и для благочестия, и для активной деятельности. Скрываясь в монастыре, где он ожидал приказов от руководства немецкого движения Сопротивления, Бонхоффер писал: «День без утренней и вечерней молитвы и без молитвенного ходатайства за других людей лишен всякого смысла и значения»³⁰. Когда Бонхоффера арестовали по обвинению в заговоре против Гитлера, он и продолжал ежедневно молиться в тюрьме.

Бонхоффер хорошо понимал, что молитва — это сотрудничество с Богом, совместное делание того, что Бог намерен совершить на земле. Он бранил немецких христиан, которые прятались под маской благочестия, лицемерно смиряясь с творящимся вокруг них злом, — мол, «так уж обстоят дела». Нельзя просто молиться и ожидать, что Бог сделает все за нас! В то же время Бонхоффер предостерегал против «самодостаточной» активности, когда человек пытается противостоять злу, не прибегая к силе молитвы. Для успешной битвы со злом нам нужно и молиться, и действовать. Действовать, как укажет молитва.

В шестидесятых-семидесятых годах прошлого века в ведущих протестантских семинариях, исповедовавших «социальное евангелие», практически никто не молился. Разговор о личной молитвенной жизни вызывал подозрения и нередко влек за собой отповедь об опасностях пиетизма³¹. В результате в поисках духовного наставления многие протестанты стали посещать католические монастыри. Там они узнавали, что социальное служение без молитвенной поддержки быстро приводит к отчаянию, изнеможению и выгоранию.

Во многих странах мира я своими глазами видел результаты действий, направляемых молитвой. Христиане твердо верят во всемогущего и благого Бога. Столь же твердо они осознают и свое призвание: на искалеченной грехом, страдающей и бунтующей планете они являют Божьи совершенства. Поэтому везде, где появляются христианские миссионеры, они оставляют о себе добрую память: больницы, амбулатории, школы, приюты для сирот. Проповедовать Бога и не строить Его Царство — не лучше, чем строить Царство и не говорить о Боге.

Не каждому из нас доведется пережить столь драматичные обстоятельства, как пастору Бонхоффер в нацистской Германии или епископу Туту в ЮАР. Но каждый из нас будет по-своему переживать внутреннее напряжение, связанное с необходимостью сочетать молитву и труд, созерцание и действие. Именно два этих слова — созерцание и действие — объясняют, что должны делать ученики Иисуса Христа. Я регулярно получаю информационный бюллетень Американского Центра действия и созерцания. Основатель Центра пишет: «Я часто говорю, что самое важное слово в нашем названии — не «действие» и не «созерцание». Самое важное слово — союз «и».

²⁹ *В русском языке обычно используется термин «угол естественного откоса». — Прим. пер.

³⁰ *Дитрих Бонхоффер. Жить вместе. М.: Триада, 2000. — Прим. ред.

³¹ *Пиетизм (лат. *pietas* — благочестие) — мистическое течение в протестантизме, ставившее религиозное чувство выше религиозных догм и рационализма. — Прим. ред.

Стимул к действию

Атеисты и скептики считают, что молитва — это пустая трата времени, бегство от жизни и ее реальных проблем. В романе Чарльза Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» есть одна пародия на молитву. Писатель вложил ее в уста мистера Пекснифа, чье имя давно уже стала синонимом елейного лицемера. «Мистер Пексниф произнес молитву — краткую и благочестивую молитву, призывая благословение свыше на аппетит присутствующих и поручая всех тех, кому нечего есть, заботам провидения, которое, как сказано было в молитве, обязано о них печься».

В послании апостола Иакова мы находим достойный ответ на вызов, брошенный прославленным романистом:

«Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им «идите с миром, грейтесь и питайтесь», но не даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» (Иак 2:15–17).

Я бы добавил: «Если кто-то скажет «я помолюсь за тебя», но ничем не поможет — какая от этого польза?» Я был прав, когда спрашивал христиан Китая и Мьянмы: «Что еще мы можем сделать?» — но прав лишь в том случае, если делал особое ударение на слове «еще». Томас Мор, писатель и мученик, знаменитый более всего своей «Утопией», в которой описано идеальное государство, выразил эту мысль так: «Господи, даруй нам по благодати Твоей сделать то, о чем мы просим Тебя в молитве».

Я убедился, что молитва бывает делом рискованным. Дух Святой часто обличает меня в молитве. «Господи, помоги моей соседке, одинокой матери, в ее нелегкой жизни». Гм, а я хоть раз пригласил ее сына покататься со мной на лыжах? «Отче, прошу Тебя о Брендоне и Лизе, о разрешении их семейных проблем». А что я делаю, чтобы поддержать супругов, помочь им остаться вместе?

Я пробовал выслушать их? Дал им возможность поделиться своими переживаниями? Молитва превращается во внутренний голос, который побуждает меня к действию, — подобно тому, как мозг управляет всеми движениями моего тела.

Эсфирь велела евреям Персии молиться и поститься три дня, а затем, вошла к царю и употребила все свое обаяние, чтобы предотвратить бедствие. Первые христиане помолились о том, чтобы Господь сохранил апостола Павла от опасности, а затем спустили его со стены в корзине, чтобы помочь ему бежать из города. Сам Павел в полной мере использовал возможности римской юридической системы для защиты своих прав — чтобы в конечном итоге исполнилась его искренняя молитва, он хотел проповедовать Евангелие в Риме.

Иногда мы ведем себя, как мальчишка, который просит родителей сделать за него домашнее задание по математике, пока он играет в компьютерные игры. Мы нередко просим Бога о том, что должны были бы сделать сами. Израиль взывал к Богу о спасении: «Восстань, восстань, оденься крепостью, мышца Господня! Восстань, как в дни древние, в роды давние!» (Ис 51:9). В следующей главе Господь отвечает: «Восстань, восстань, оденься в силу твою, Сион» (Ис 52:1).

В первом приближении молитва — состояние, свободное от забот, целиком наполненное созерцанием, стремлением увидеть мир таким, каким его видит Бог. Но, как только мы достигаем это состояние, у нас возникает желание трудиться для Царства Божьего, исполнять волю Господа. Мы — соработники Бога, и поэтому прибегаем к молитве, чтобы подготовиться к совместному труду с Ним. Уже упомянутый мною Карл Барт, который жил в годы всемирного кризиса, порожденного нацистским режимом, считал молитву «делом надлежащим и достойным христианина». Он отмечал: «Совершенно очевидно, что труженики, мыслители и борцы, больше всех послужившие делу Божьему, были и самыми усердными молитвенниками».

В наши дни в Лос-Анджелесе каждый день в бесплатной столовой, организованной католической миссией, начинается с молитвы: «Господи, сделай нас достойными послужить нашим братьям и сестрам, которые всю жизнь до самой смерти страдают от бедности и голода. Дай им нашими руками хлеб насущный на сей день, даруй им мир и радость через нашу любовь и понимание».

По свидетельству одного из волонтеров, ему не раз приходится повторять эту молитву в течение дня:

— Сразу после этой молитвы мы начинаем энергично шинковать овощи для супа и салата. Мы готовим тысячу с лишним порций, которые разу же раздаем нуждающимся. Иногда меня подавляет лежащая на нас ответственность. Тогда я прерываю работу и снова повторяю слова молитвы. Она напоминает мне о главном: «Ведь не я, а Бог отвечает за то, что мне поручено делать. Значит, нам хватит и продуктов, и времени на приготовление пищи. Нам хватит волонтеров, чтобы ее раздать. Сегодня мы справимся со всеми трудностями».

Во время приготовления пищи один из волонтеров обязательно молится. Через час его сменяет другой. Миссия строго придерживается этой практики, несмотря на то, что теряет пару рабочих рук: молящийся не шинкует овощи и не варит кофе. Но служение в бесплатной столовой не должно быть просто работой, это Божье дело. Пренебрегая молитвой, сотрудники столовой попались бы на удочку трудоголизма — бича нашего общества. Сверх того, раз в неделю все участники служения собираются утром на полчаса для созерцательной молитвы. Для тех, кто трудится на переднем крае, молитва — это оазис в пустыне, служба «скорой помощи».

Быть терпеливыми в невзгодах

Нил

Я работаю в международной организации «Зарубежное миссионерское братство» (ЗМБ), которая несет служение в Восточной Азии. Ее работа начиналась в Китае. Один из пионеров ЗМБ, Хадсон Тейлор, с самого начала подчеркивал жизненную необходимость молитвы как выражения нашего доверия Богу. Например, наша миссия никогда не просит денег; мы просто сообщаем о наших нуждах, а потом молимся о них.

Наша вера многократно подвергалась испытаниям. Самое тяжелое случилось в 1949 году, когда режим Мао потребовал, чтобы все иностранные миссионеры покинули Китай. В этой стране у нас было девятьсот сотрудников, и все они верили, что Бог призвал их на служение именно в Китай. Как они могли согласовать это с суровой реальностью изгнания?

Лидеры миссии встретились, чтобы обсудить планы на будущее. Первые два дня они провели в молитве. Некоторые из собравшихся предлагали прекратить деятельность миссии. Они говорили: «Разве Бог не направил Хадсона Тейлора и других миссионеров в Китай, а не в какое-то другое место?» Другие рекомендовали переезд миссионеров в соседние страны. В итоге именно это решение и было принято.

Сегодня некоторые сотрудники ЗМБ трудятся в странах, куда доступ миссионерам закрыт, а христианская проповедь запрещена или небезопасна. Мы не можем публично говорить об их служении.

Мы бы не сумели предложить им никакой поддержки, если бы не молитва. Я верю, что Бог предусмотрел в Своем замысле возможность влиять на историю посредством молитвы — чтобы мы могли совершать дела, для которых недостаточно одной лишь человеческой мудрости. До нас доходят вести о великих духовных прорывах — например, о духовном пробуждении в Южной Корее и в Китае. Задумайтесь о китайском парадоксе: после того как правительство выгнало всех миссионеров и приняло законы, ограничивающие свободу вероисповедания, в стране началось великое пробуждение с самым большим за всю историю христианства числом новообращенных!

Но до нас также доходят вести о великих поражениях, о жестоком противодействии, о гонимых миссионерах, многие из которых стали мучениками (семьдесят девять миссионеров ЗМБ и их детей погибли в 1900 году во время «восстания боксеров», направленного против присутствия в Китае иностранцев). Мы продолжаем молиться и отдаем все наши трудности в руки Господа. Мы не можем заставить других людей исполнять нашу волю. Не можем никого принудить пожертвовать деньги на наше служение или помогать нам в качестве сотрудников. И у нас нет такого желания. Мы открываем перед Богом свои нужды и молим, чтобы Он дал нам, как гласит Гейдельбергский Катехизис³², быть терпеливыми в невзгодах и благодарными в процветании.

До того как я перешел на работу в ЗМБ, я был хирургом в медицинской миссии в Таиланде. Для меня медицина — великолепный пример сотрудничества людей и Бога. Бог доверил нам исполнять Его волю на земле — в частности, нести исцеление и утешение туда, где люди страдают от ран и болезней. Наша хирургическая бригада всегда молилась вместе с пациентом перед тем, как дать ему наркоз. В то же время как хирург, я делал все от меня зависящее для исцеления больного. Много раз случалось, что во время сложных операций я вынужден был остановиться. Подавленный, ничего не понимающий, я поднимал голову, смотрел в окно и молился: «Боже, я не знаю, что мне делать. Мне нужна Твоя помощь, Твое водительство».

В прежние времена благовестив предшествовало социальному служению. Мы сперва проповедовали Благоую Весть и только потом начинали заботиться о физических нуждах людей, помогая им развивать сельское хозяйство, водоснабжение, здравоохранение. Сейчас мы чаще всего действуем в обратном порядке: социальная работа открывает для нас страны, в которые доступ миссионерам затруднен, и многие обращаются ко Христу благодаря нашему служению милосердия. В этом мы тоже сотрудничаем с Богом. Мы стремимся исполнять волю Божью на земле, как она исполняется на небе, чтобы имя Господа было известно и прославляемо во всех народах.

³² *Гейдельбергский Катехизис (*Catechisis Palatina*) — исповедание реформатской церкви XVI в., направленное против католического и отчасти — лютеранского учения о действии благодати. Позднее был включен в число символических книг реформатской церкви. — Прим. ред.

Духовная дисциплина в условиях чрезвычайной ситуации

Однажды я слушал радиопередачу, посвященную смертоносному цунами, обрушившемуся на побережье нескольких азиатских стран на Рождество 2004 года. Буддист, мусульманин и христианин высказывали каждый свою точку зрения об этой трагедии. Буддист объяснил, что он не верит в Бога-Личность и считает природные катастрофы неизбежными. В то же время он и многие другие буддисты оказывают помощь пострадавшим. Мусульманин предложил конкретный диагноз: вероятно, цунами было наказанием — или, по меньшей мере, предупреждением — для мусульман этого региона, которые несерьезно относились к вере.

Ведущий напомнил слушателям, что большинство жертв цунами были буддистами или мусульманами. Затем он передал микрофон христианину, сотруднику международной благотворительной организации.

— У меня нет объяснения таким катастрофам, и я не собираюсь делать вид, будто знаю о том, какова роль Бога в этом событии, — сказал христианин. — Почему мы здесь работаем? Потому, что мы — ученики Человека, который объяснил, что такое любовь. Он рассказал историю о милосердном самарянине, оказавшем помощь иноверцу, врагу. Христос явил нам такую же любовь, и мы верим, что, следуя Его примеру, мы исполняем Божью волю на Земле.

Спустя несколько дней я получил электронку от моего знакомого, который помогал организовать помощь пострадавшим от цунами в Шри Ланке. Его зовут Аджит Фернандо. Название, которое он дал своему посланию — «Духовная дисциплина в условиях чрезвычайной ситуации» — понятно любому, кто служит созиданию Царствия Божьего. Аджит заметил, что в экстремальных ситуациях мы склонны к поведению, губительному для нашего здоровья. Поэтому он рекомендовал тем, кто оказывает помощь пострадавшим от катастрофы, не пренебрегать сном, общением с семьей, заботиться о своих душевных нуждах. Для того чтобы помогать другим, мы должны быть сильными и здоровыми.

В конце письма Аджит написал о духовной дисциплине:

«Опыт матери Терезы и ее сотрудников показал: всем, кто долго служит в кризисных зонах, необходимо уделять должное время личной молитве. Бог задал нам определенный ритм жизни, в котором за вдохом следует выдох, работа сменяется отдыхом, а служение — молитвой. В жизни человека чередуются общественная деятельность, семейные дела и уединение. Нельзя нарушать этот ритм. В чрезвычайных ситуациях человеку свойственно пренебрегать всем, что не связано с активной деятельностью... Всякий раз, когда я молюсь или читаю Библию, мне кажется, что множество других неотложных дел борются за мое внимание».

Я живу далеко от берегов, опустошенных цунами. Я молюсь об Аджите и о других людях, которые трудятся в тех местах (с некоторыми из них я знаком лично). Я жертвую деньги на их служение. Я признаю, что молитва кажется занятием малозначительным, когда речь идет о восстановлении разрушенной страны. Но находящийся на передовой Аджит первым скажет:

— Нет, молитва очень важна. Ваши молитвы дают мне опору в жизни. Они дают мне силы преодолевать отчаяние и усталость.

Я знаю человека из Чикаго, который, поселился в заброшенном здании и целую неделю молился о том, чтобы Бог дал ему возможность устроить в этом здании приют для бездомных. После молитвы он шел собирать деньги и искать волонтеров. Благодаря его служению несколько сот бездомных сейчас имеют крышу над головой.

Я знаю супружескую пару из штата Нью-Джерси. Однажды они увидели на улице плакаты и объявления в местных газетах о том, что по соседству с ними поселился человек,

который только что отбыл тюремный срок за изнасилование. Супруги стали молиться за человека, чье фото видели на плакатах. Вскоре они встретили его на улице. Соседи обходили его дом стороной, писали на заборе оскорбительные надписи, велели детям держаться подальше от преступника. Помолившись, супружеская пара навестила его, а затем стала раз в неделю устраивать у себя завтрак для него и подобных ему отбывших срок осужденных. Супруги занимаются этим служением уже двадцать один год. Их дом — единственное место, куда могут прийти эти отверженные. Они знают, что здесь их примут и будут обращаться с ними по-человечески.

Что произойдет, если мы выполним заповедь Иисуса буквально — будем любить наших врагов и молиться за гонителей? Как изменится репутация американских христиан, если мы станем известны не тем, что наши лидеры вошли в Белый Дом, а тем, что наши молитвы доходят до небес — когда мы молимся обо всех, кто яростно и энергично нам противостоит?

В Откровении Иоанна Богослова есть эпизод, который указывает на прямую связь между видимым и невидимым миром. В критический момент мировой истории все на небесах затихает. Семь ангелов с семью трубами стоят и ждут примерно полчаса. Царит тишина, как будто все обитатели горных высот ходят на цыпочках, прислушиваясь, не раздастся ли какой звук. Затем ангел собирает все молитвы Божьего народа земли — все слова возмущения, скорби, одиночества, отчаяния, всякое прошение и всякую хвалу — и смешав с фимиамом, приносит их на жертвенник перед Божьим престолом. Небесная тишина нарушается лишь тогда, когда ангел швыряет на землю кадильницу: «И взял Ангел кадильницу, и наполнил ее огнем с жертвенника, и поверг на землю: и произошли голоса и громы, и молнии и землетрясение» (Отк 8:5).

«Смысл этого отрывка ясен, — говорит профессор богословия и писатель Вальтер Винк. — История принадлежит тем, кто молится: будущее создается их верой». Молящиеся люди приближают окончательную победу над злом, страданием и смертью.

ГЛАВА 10. МОЖЕТ ЛИ МОЛИТВА ИЗМЕНИТЬ БОГА?

Молитва — это сила, благодаря которой происходит то, чего иначе бы не случилось.

Эндрю Мюррей

«Ибо Я — Господь, Я не изменяюсь» (Мал 3:6).

«Повернулось во Мне сердце Мое, возгорелась вся жалость Моя!» (Ос 11:8)³³

Оба эти стиха взяты из Библии, и оба — прямая речь Самого Бога. В этом противоречии заключена какая-то тайна.

Я мог бы привести и другие стихи, в которых говорится о неизменности Бога, и в противовес им — те, в которых сказано о том, как Бог изменил Свои намерения. На самом деле мы хотим и того, и другого: с одной стороны — надежного Бога, на Которого можно положиться, а с другой — Бога внимательного и отзывчивого, на Которого можно повлиять.

Философское обоснование молитвы волнует далеко не всех верующих. Однако тем, кому этот вопрос безразличен, важно в нем разобраться: ведь от ответа зависит, будем ли мы считать молитву исполненной глубокого смысла — или, наоборот, бессмысленной.

Первым из известных нам христианских мыслителей, кто задумался над парадоксом неизменности Бога, был Ориген — греческий богослов и философ, наставник древней

³³ *В английском тексте использован глагол «изменяться» — «сердце Мое изменилось». Впрочем, фраза «повернулось во Мне сердце» также указывает на изменение. — Прим. пер.

христианской богословской школы в Александрии, в трудах которого отцы Церкви находили источники многих ересей. «Во-первых, если Бог знает наперед, что должно произойти, то молиться бесполезно. Во-вторых, если все происходит по Божьей воле, если все, чего Он желает, исполняется, и если ничего в Его воле изменить невозможно, молиться также бесполезно». Ориген пришел к твердому выводу, что Бог неизменен. Он говорил, что с начала творения Господь предвидел все наши помыслы и поступки, в том числе и содержание наших молитв. Нечто подобное утверждали многие философы. Так, например, выдающийся немецкий философ Иммануил Кант считал: думать, будто молитва одного человека может повлиять на планы Бога — «абсурдное и самонадеянное заблуждение».

Кальвинисты, которые всегда особо подчеркивали всемогущество Бога, предпочитали говорить о влиянии молитвы не на Бога, а на того, кто молится. Проповедник и миссионер из Массачусетса, один из наиболее известных богословов XVIII века и, возможно, самый знаменитый священник колониального периода истории США, благочестивый Джонатан Эдварде ставил под сомнение правомерность молитвенных прошений. «Не следует думать, что по нашим молитвам Бог изменяется или меняет Свою волю», — писал он. По мнению Эдвардса, Бог дарует Свою милость, «как если бы нам удалось убедить Его своей молитвой». (Необходимо отметить, что сам Жан Кальвин не был подвержен подобным сомнениям. Он призывал людей молиться и включил главу о молитве в свое главное сочинение — «Наставления в христианской вере» — сразу после главы о предопределении. О своих впавших в крайность последователях он отзывался так: «Отговаривать людей молиться, ссылаясь на то, что якобы нет никакого толку докучать своими мольбами Божественному Провидению, которое управляет всей Вселенной, — полный абсурд».)

Шло время, научные открытия объясняли одно за другим различные явления, которые раньше относились к сфере действия Провидения. В эпоху Просвещения люди стали видеть в молитве все меньше и меньше смысла. Чередование бурь, дождей и засух стало казаться им предсказуемым и потому менее зависимым от прихотей Бога или от молитв тех, кто к Нему обращается. Английский прозаик и поэт девятнадцатого — начала двадцатого века Томас Харди описывал Бога такими словами: «Сонное, темное, тупое Существо, которое поворачивает рычаги этого бессмысленного Спектакля». Современный американский писатель Курт Воннегут высмеивает молитву в романе «Бойня номер пять». Широко известная «Молитва о душевном покое» ставит в тупик главного героя романа Билли Пилигрима:

«БОЖЕ, ДАЙ МНЕ РАЗУМ И ДУШЕВНЫЙ ПОКОЙ ПРИНЯТЬ ТО, ЧТО Я НЕ В СИЛАХ ИЗМЕНИТЬ, МУЖЕСТВО ИЗМЕНИТЬ ТО, ЧТО МОГУ, И МУДРОСТЬ ОТЛИЧИТЬ ОДНО ОТ ДРУГОГО.

Чего же не мог изменить Билли Пилигрим? Многое, в том числе прошлое, настоящее и будущее».

Воннегут даже не счел нужным прямо указать на очевидный вывод: в мире, где все предопределено, нет смысла молиться.

Обратимся к Библии

Библия рисует нам другую картину. Библейский Бог — это Личность. Он внимательно прислушивается к молитвам и отвечает на них. Точный портрет Личности Бога явил Собой Иисус Христос. После того как Христос завершил Свое земное служение, Его ученики продолжали молиться. Они обращались к Богу с конкретными личными просьбами, чтобы побудить Его к действию.

Самая известная молитва — «Отче наш», или молитва Господня (Мф 6:9-13). Отвечая на просьбу учеников, Иисус произнес ее без подготовки, в качестве примера, как нужно

молиться. При этом Он подчеркивал, что Бог заранее знает обо всех наших нуждах:

«А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо **знает Отец ваш, в нем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него**. Молитесь же так...»³⁴

Немало людей полагает, что всеведение Бога отвращает людей от молитвы: «Зачем молиться, если Богу и так все уже известно?» Иисус же, напротив, считает всеведение не препятствием, а стимулом к молитве. Нам нет нужды пыжиться, чтобы привлечь внимание Господа многословными речами или нарочитыми телодвижениями. Нам не надо убеждать Бога в своей искренности или растолковывать Ему, в чем мы действительно нуждаемся. Отец всегда готов выслушать нас. Бог знает о нас все — и все равно слушает нас. Приступая к молитве, мы можем сразу же перейти к сути дела.

«Молитва скрепляет осколки разбитого вдребезги творения. Благодаря молитве свершается история», — писал современный французский философ и социолог Жак Эллюль. Ученый не мог пройти мимо ясных свидетельств Библии о том, что Бог действует в ответ на молитву. Действительно, величайшие события библейской истории — появление потомства у Авраама, возвышение Иосифа в Египте, Исход, странствия по пустыне, победы Иисуса Навина и царя Давида, избавление от ассирийского завоевания, окончание вавилонского плена, восстановление Храма, пришествие Мессии — происходили не раньше, чем Божьи люди начинали в молитве взывать к Богу.

В Писании есть множество эпизодов, которые показывают, как люди влияют на Бога — располагая Его к милосердию или провоцируя Его гнев. «Благоволит Господь к боящимся Его, к уповающим на милость Его» (Пс 146:11). В то же время, по свидетельству пророков, Бог иногда бывает настолько утомлен нашим непослушанием, что в конце концов Его терпение приходит к концу: «Долго молчал Я, терпел, удерживался; теперь буду кричать, как рождающая, буду разрушать и поглощать все» (Ис 42:14).

Новый Завет со всей определенностью подчеркивает, что молитва имеет значение для Бога и влияет на мир:

«Просите и дано будет вам» (Мф 7:7). «И молитва веры исцелит болящего» (Иак 5:15). «Много может усиленная молитва праведного» (Иак 5:16). «Очи Господа обращены к праведным, и уши Его к молитве их» (1 Пет 3:12).

«Не имеете, потому что не просите» (Иак 4:2).

Иллюстрируя эти щедрые обещания конкретными примерами, Библия говорит об апостолах и пророках, по молитве которых исцелялись больные и воскресли мертвые. Сарра, Ревекка, Рахиль, Анна и Елизавета, будучи бесплодными, молились о рождении детей. Даниил молился во львином рву, а трое его друзей — в огненной печи. Когда Бог через Своего величайшего вестника, пророка Исаяю, дал знать царю Езекии, что тот вскоре умрет, Езекия стал молиться. И не успел еще Исаяя выйти за дворцовую ограду, как Бог изменил Свое решение и даровал Езекии еще пятнадцать лет жизни.

В Библии есть и своеобразное доказательство силы молитвы «от противного»: Бог трижды велел пророку Иеремии прекратить молиться. Господь намеревался наказать непокорный народ и не хотел изменять Свои планы. До этого уже был случай, когда молитва склонила Бога к милости. Пророк Иона провозгласил в языческой столице: «Еще сорок дней и Ниневия будет разрушена» (Иона 3:4). Однако «увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел» (Иона 3:10). В Ветхом Завете четырежды сказано о том, как Господь в ответ на

³⁴ *Курсив мой. — Прим. автора.

молитву изменил Свое решение: «отменил», «раскаивался», «пожалел» (Исх 32:14; Пс 105:45; Ам 7:3, 6). Всякий раз речь идет об отмене обещанного наказания.

Молитва созидательная

Как же возможно совместить два образа Бога — Бога неизменного и Бога, отвечающего на молитвы, — притом, что оба образа основаны на библейских текстах? Чарльз Финни, американский евангелист, видный участник движения духовного возрождения, был в юности строгим кальвинистом, но затем изменил свою позицию. Он парадоксальным образом считал неизменность Божьего характера основанием для веры в силу молитвы: «Если вы спросите, почему Он вообще отвечает на молитву, я отвечу: «Потому что Он неизменен». Так, например, мы знаем, что Бог милосерден и Бог есть любовь. В силу этих неизменных качеств Господь всегда прощает грешника, когда тот покаянно молит Его о прощении. Грешник «ложится на другой курс», и в ответ на это Бог, вследствие Своих вечных качеств, тоже «меняет курс».

Письменное доказательство

Гейл

Если я когда-нибудь стану сомневаться в том, что Бог отвечает на молитвы, мне достаточно будет перечитать свой молитвенный дневник. В последнее время моим «алтарем» стал компьютерный стол. Я каждый день сажусь за него, открываю Библию, читаю и делаю записи в электронном духовном дневнике. Это помогает мне сосредоточиться для молитвенного размышления.

Я спрашиваю Бога, что мне нужно сегодня сделать, и в моем сознании всплывают имена — одно за другим. В конце молитвы я понимаю, что мне предстоит три или четыре часа работы. Я верю: Бог часто полагается на нас, поручая участвовать в Его ответе на наши же молитвы.

Каждый день я перечитываю дневник, напоминая себе о том, что узнала. Раз в год я составляю краткий конспект дневника. Я распределяю все записи по категориям: открытия, стихи, важные события в семье, исповедание грехов, смешные случаи, печальные события и — ответы на мои молитвы. Конспект дневника за прошлый год — это пятьдесят шесть страниц мелким шрифтом. Перечитывая его, я поражаюсь тому, что совершил Господь в ответ на мои молитвы. Я вижу, что атеистически настроенный муж моей племянницы стал более открытым и терпимым по отношению к вере. Я вижу духовный рост членов моей малой группы и духовное пробуждение моих соседей. Я вижу перемены к лучшему в моих отношениях с мужем.

Раньше я думала, что если я постараюсь быть хорошей, то Господь ответит на мои молитвы так, как это угодно мне. Теперь я научилась склоняться перед Его волей. Я всего лишь служитель, орудие в Его руках. Я ведь и в самом деле не знаю, что для меня лучше. Я не однажды прошла через трудные времена. Этот опыт научил меня, что для Своих целей Бог может использовать все. Иногда мы с мужем чего-то очень сильно желали, а потом понимали, что осуществление желаемого стало бы для нас катастрофой. Я научилась смирению в молитве. Ведь это Он —

Господь, а не я. И если мне по какой-то причине приходится склониться перед Его волей, это полезно для меня. Очевидно, Бог радуется всякий раз, когда мы духовно растем.

Мы с мужем молимся вместе, и это большое благословение для меня. Почему многим мужьям трудно молиться вместе с женами (а женам — с мужьями), хотя они свободно молятся в группах вместе с незнакомыми людьми? Наверное, потому, что при молитве в супружеской паре сразу заметна поверхностная и неискренняя молитва. Притвориться невозможно. И это тоже учит меня смирению.

Подобной же логике следует современный богослов Кларк Пиннок (США). Он рассуждает так: поскольку Бог есть любовь, Он постоянно проявляет сочувствие к людям и восприимчив к их мольбам. «Божья любовь никогда не изменяется, поэтому в конкретных случаях должны меняться Его действия». Пиннок противопоставляет две модели Божьего всемогущества. Можно представить себе Бога надменным Монархом, которого не интересуют подробности происходящего в этом мире. А можно представить Его заботливым Родителем — исполненным любви, чуткости и щедрости, бесконечным Существом, Которое лично взаимодействует с творением и отвечает на его просьбы. Бог прислушивается к нашим молитвам столь же внимательно, как мудрый родитель выслушивает просьбы ребенка.

Кальвинист Эндрю Мюррей (слова этого священника, миссионера, теолога и духовного писателя взяты в качестве эпиграфа к данной главе), пришел к такому выводу: «Бог действительно оставляет за Собой право принимать решение на основании наших молитв и делать то, что иначе Он бы не сделал». Мюррей указывает на ведущее значение догмата о Троице в вопросе об изменении Богом Своих решений. Мы уже говорили, что во время земной жизни Иисус обращался к Отцу в молитве — причем не все Его просьбы исполнялись. Оказавшись одесную Отца, Христос стал нашим адвокатом. В Пресвятой Троице Он, если можно так выразиться, представляет интересы людей. А вот апостол Павел подчеркивает особую роль Духа Святого в молитвенной жизни человека: «Мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (Рим 8:26). В одном из немногих библейских стихов, где упомянуты все Божественные Ипостаси, Павел показывает совместное действие Троицы: «Потому что через Него³⁵ и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе» (Еф 2:18). Отец, Сын и Дух Святой ведут между Собой своего рода беседу, тем самым показывая, что Бог любит дискуссии и совещания.

Похоже, что Клайв Льюис был буквально зачарован проблемами молитвы. Его в особенности интересовало, каким образом всемогущий Бог выслушивает наши молитвы и отвечает на них. Будучи еще новообращенным, Льюис, услышав о нападении Японии на Шанхай, стеснялся молиться о своем брате Уоррене (Клайв жил в Англии, а Уоррен, находясь за границей, мог оказаться в опасности). В то время Льюис думал: «Что может изменить одна незначительная молитва на фоне неизбежной судьбы и воли Провидения?» Позже он подробно исследовал эту тему в нескольких книгах. Он поднимал ее во многих статьях и письмах.

Вот как Клайв Льюис излагает взгляд скептика на эту проблему (взгляд, во многом

³⁵ *Христа. — Прим автора.

близкий точке зрения Курта Воннегута) в сборнике «Бог под судом»:

«Не думаю, что Богу нужны невежественные, противоречивые советы людей, как именно управлять миром. Если Он, как вы утверждаете, всеведущ — то разве Ему неизвестно, что для нас лучше? А если Он всеблаг, то разве Он не сделает так, как лучше для нас, независимо от того, молимся мы или нет?»

В ответ Льюис указывает, что те же самые аргументы можно выдвинуть против любой деятельности человека, а не только против молитвы. Зачем мыть руки? Если Бог намерен сделать их чистыми, они станут чистыми независимо от того, моем мы их или нет. Зачем просить передать соль? Зачем надевать ботинки? Зачем вообще что-то делать? Бог мог бы устроить мир иначе. И тогда наши тела получали бы питание чудом, без длительных процедур приготовления и приема пищи. Ум приобретал бы знания без учебы, а в случае дождя у нас в руках сами собой появлялись бы зонты. Но Господь избрал другой стиль управления этим миром — Он действует в сотрудничестве с человеком, доверяя нам самостоятельно принимать решения и поступать по нашему усмотрению. Бог даровал роду человеческому «высокую честь быть причиной» (эта формулировка принадлежит великому французскому естествоиспытателю Блезу Паскалю).

Таким образом, скептик возражает не против молитвы, но против основных законов мироздания. Бог сотворил материю таким образом, что мы можем воздействовать на нее в своих целях: например, рубить деревья и строить из них дома или перегораживать плотинами реки, создавая водохранилища. Бог даровал нам свободу столь неограниченную, что для нас стало возможным угнетать друг друга, бунтовать против своего Творца и даже убить Единородного Божьего Сына. Льюис предлагает нам представить себе мир не как государство, где правит некий властелин, а как произведение искусства, наподобие пьесы, которое находится в процессе созидания. Драматург позволяет действующим лицам влиять на развитие сюжета пьесы, а затем включает все их поступки в окончательный сценарий.

Если считать молитву одним из способов созидания Царства Божьего, то можно сказать, что она ничем принципиально не отличается от других видов деятельности. Иисус повелел ученикам идти и проповедовать Благою Весть всем народам. Этим Он положил начало миссионерскому движению — и всем мукам и страданиям, сопутствовавшим этому служению на протяжении всей его истории. Разве нельзя было достичь тех же результатов, повесив на небесах огромную растяжку? Исцеляйте больных, посещайте заключенных, кормите голодных, принимайте странников — это тоже заповеди Христовы. Он поручил нам выполнять их. А ведь Он мог бы Сам расширить Свое служение в Галилее до всемирных масштабов! Но нет, Бог последовательно избирает такой подход к делу, при котором мы, Его партнеры, оказываемся максимально вовлеченными в работу.

Льюис описывает драму человеческой истории: «Место действия и общий план пьесы определены Автором, но во всем остальном актерам дана свобода импровизации. Наверное, причина, по которой Он позволил нам влиять на происходящее, скрыта от нас. Но то, что мы способны влиять на события посредством молитвы — не более странно, чем возможность повлиять на них любым другим способом». Молитва — это законный «инструмент» Божьего владычества, столь же реальный и естественный, как и другие средства, к которым Он прибегает.

Вечная сложность

Я действительно завидую тем, кто молится в простоте, не беспокоясь о том, как действует молитва и каким образом Бог управляет нашей планетой. Но я почему-то не могу удержаться от размышлений об этих тонкостях. Впрочем, то небольшое, что мне известно о разработках современной физики и космологии, привело меня к убеждению: пребывая в пространстве и времени, мы можем лишь догадываться о принципах устройства Вселенной.

Например, ярчайший физик-теоретик современности Стивен Хокинг (сейчас в Кембриджском университете он занимает должность, которая три столетия назад принадлежала Исааку Ньютону) согласен с утверждением блаженного Августина о том, что Бог пребывает вне времени. Мы, люди, вынуждены находиться в пространстве и времени — во Вселенной, которая когда-то начала существовать. Бог этим не ограничен. Эксперименты доказывают относительность времени. По мере того как скорость движущегося объекта приближается к скорости света, происходит замедление времени. Космонавт, перемещающийся в пространстве с субсветовой скоростью, по возвращении из длительного путешествия будет заметно моложе, чем его брат-близнец, который оставался на земле. Специалисты всерьез обсуждают возможное существование «обратного вектора времени», который позволил бы нам путешествовать в прошлое. Пока это возможно лишь в фильмах наподобие «Машины времени» и «Назад в будущее», где герои влияют на события прошлого еще до того, как они произошли.

Какое значение для молитвы имеет то обстоятельство, что Бог пребывает вне времени? Клайв Льюис считал вполне разумным молиться в полдень о результатах медицинского обследования, которое завершилось в десять утра, если к двенадцати часам мы еще не знаем окончательных результатов. «Конечно, дело решено, как и все, до основания мира. Но в решении его учитывается, быть может, и эта наша молитва». Далее Льюис замечает, что эти рассуждения легче понять ученым, чем людям, далеким от науки.

Прежние физические модели предполагали однозначную цепочку причинно-следственных связей. При столкновении бильярдных шаров происходит передача энергии, и оба шара движутся дальше по четко определенным траекториям, которые можно предсказать. Нынешние модели мироздания немыслимы без теории сложности и теории информации. В комплексных системах простую цепь причин и следствий выделить невозможно. Этого нельзя сделать даже для одной человеческой клетки, тем более — для всего организма человека, тем более — для общества, состоящего из личностей, наделенных свободой выбора. На каждой ступени лестницы — от материи к разумной личности и от личности к сообществу личностей — появляются все новые уровни поистине потрясающей сложности и неопределенности. Если мы хотим объяснить, почему происходит то, что происходит, и какую роль во всем этом играет молитва, то нам нужны принципиально новые модели мира: сложные, тонкие и — да! — даже мистические. Сэру Исааку Ньютону ничего подобного и во сне не снилось.

Ученые утверждают, что при некоторых условиях спин (момент количества движения) одной элементарной частицы способен повлиять на спин другой частицы, находящейся на расстоянии миллиардов километров. Теория, известная как «эффект бабочки», утверждает: взмах крыльев одного насекомого в Айове может стать причиной лавины эффектов, которые приведут к урагану в Мексиканском заливе или к торнадо в Техасе. А кто возьмет на себя смелость с уверенностью утверждать, что именно явилось причиной данного конкретного события — будь то в природе или в человеке?³⁶

Что стало причиной разрушительных ураганов, которые в 2004 году опустошили Флориду, а в 2005 — Новый Орлеан? Что повлияло на выбор подростка, который в выходной день напился пьяным — гены, биохимия мозга, воспитание в семье или своенравная

³⁶ *Разговоры современных космологов напоминают загадочные дискуссии средневековых схоластов. Стремясь совместить идею свободы с идеей всемогущества Бога, испанский иезуит Луис де Молина, выдающийся философ и богослов шестнадцатого века, предложил концепцию «среднего знания» (*scientia media*). Так он назвал способность Бога предвидеть заранее, какой свободный выбор могло бы сделать любое творение в данных обстоятельствах, и какие последствия для мира имел бы этот выбор. В наши дни Стивен Хокинг и несколько лауреатов Нобелевской премии поддержали теорию множества миров, согласно которой любой сделанный мною выбор вызывает определенные последствия в различных альтернативных вселенных, хотя я всегда воспринимаю только одну из вселенных — ту, в которой присутствует мое сознание. (Заметим, что эта теория предполагает наличие, помимо пространства и времени, еще восьми дополнительных измерений, которые мы не в состоянии воспринимать.) — Прим. автора.

свободная воля? Какова роль Бога в таких явлениях, как погодные аномалии или врожденные уродства? Почему люди страдают от стихийных бедствий? Почему страдание и удовольствие распределены столь произвольно и несправедливо?

Когда Иов, о котором повествует одноименная Книга Ветхого Завета, поставил перед Богом серию подобных вопросов, Бог в ответ преподал ему урок на тему «Устройство мироздания и биосферы». Бедный Иов раскаялся в прахе и пепле. Божий вариант теории сложности заставил его признать свое невежество, устыдиться и замолчать. (Примечательная деталь — друзья Иова думали, что им известны все причины и следствия трагедии Иова, но Бог сказал, что будет иметь с ними дело не потому, что согласен с их нелепыми мыслями, а потому, что Иов помолится о них.)

Согласно Писанию, Бог время от времени действительно непосредственно вмешивался в естественный ход событий: вызывал засуху или нашествие саранчи, обращал вспять развитие болезни, исцелял физические недостатки и даже воскрешал мертвых. Но такие события происходят редко — поэтому они и называются чудесами. В остальном Библия подчеркивает непрерывность и методичность действия Божьего провидения. Божья воля совершается при помощи обычных явлений природы, поступков человека. Дождь идет, семена дают всходы, крестьяне сеют и жнут, сильные заботятся о слабых, имущие жертвуют неимущим, здоровые служат больным. Мы склонны считать, что действие Бога должно нарушать естественные явления или каким-то образом врывать в повседневную деятельность человека. Библия же, напротив, постоянно сближает категорию Божественного и естественно-природного — Бог определенным образом проявляет Себя в творении и в человеческой истории, добиваясь исполнения Своих конечных целей.

В молитве происходит встреча Творца и творения, вечности и времени. Такое единение указывает на некую непостижимую тайну. Молитва для меня это возможность попросить о чем-то Вечного, иными словами — существующего вне времени, Бога о прямом вмешательстве в жизнь, которая протекает в пространстве и времени на планете Земля. Да, молясь об исцелении больных, о помощи жертвам стихийных бедствий, о защите гонимой церкви, я прошу именно об этом. В то же время я усматриваю в молитве возможность настроить свою душу на ритмы вечности, вместе с Господом «посмотреть на мир сверху» и найти гармонию между моими желаниями и волей Бога, чтобы содействовать Его вечному промыслу своей земной жизнью. Я только учусь такому подходу к молитве.

В молитве я прошу, чтобы Бог укрепил мою веру в Его любовь, справедливость, милосердие и святость — несмотря на то, что многое, очень многое побуждает меня усомниться в этом. Как правило, я получаю то, о чем прошу. Я погружаюсь духом в неизменные и совершенные качества Бога, а затем возвращаюсь к вопросу о том, как мне сделать свою часть работы, чтобы Божье совершенство было явлено на земле. «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе» (Мф 6:10).

В начале молитвы, я зачастую чувствую себя абсолютно беспомощным. Выпуски новостей напоминали мне о бедности и несправедливости, о жестокости и терроре, об угрозе ядерной войны, давали и сотни других поводов для беспокойства. Еще больше огорчился, когда размышлял о своих близких — родственниках, друзьях, соседях. Многие из них страдают от болезней, вынуждены пройти через развод, мучаются от нехватки денег, переживают из-за детей. К стыду своему должен признать: мои мелкие заботы — непослушный компьютер, предстоящий ремонт дома, неисправность в автомобиле, бесконечный список срочных дел — часто заставляют меня забывать о тех людях, которым нужна моя помощь. Я исповедую Богу свои грехи и замечаю: в том же самом я каялся и вчера, и на прошлой, и на позапрошлой неделе. Неужели в моей жизни ничего не изменится? Неужели я не изменюсь?

Иисус сказал: «...войди в комнату твою, и, затворив дверь твою, помолись...» (Мф 6:6). Именно так я представляю себе молитву: войти в комнату вместе со своими неотложными делами и проблемами и просить Бога, чтобы Он обновил мою душу, напомнил мне о

главном. Другими словами я прошу Его поделиться со мной вечностью. Я стараюсь хоть ненадолго отвлечься от забот и открыть свой разум перед Господом.

Не могу не вспомнить о монахинях ордена милосердия, основанного матерью Терезой. Они встают задолго до рассвета и молятся в часовне, просят Бога дать им силы и чистоту помыслов для служения умирающим беднякам Калькутты. Сестры просят милости на день: чтобы они сумели утешить несчастных, облегчить их страдания. А служители хосписов! А армейские священники! А другие Божьи служители, которые каждый день сталкиваются с такими страданиями, по сравнению с которыми все мои тревоги — всего лишь болотная кочка на фоне Гималаев! А еще я думаю об Иисусе, Который на пороге самого мрачного дня в истории человечества нашел время для молитвы — самой длинной из всех, что записаны в Евангелиях, — первосвященнической молитвы из главы 17 Евангелия от Иоанна.

Теперь я не пытаюсь управлять

Джим

Хоть я и вырос в христианской семье и в детстве посещал церковь, но долгие годы просто не обращал внимания на Бога. Я никогда не сомневался в том, что Бог есть, но, видимо, был недоволен Им из-за некоторых событий, случившихся со мной. Я обратился к Богу на стадионе во время собрания организации «Хранители Обета». Тысячи мужчин пели старые гимны, а я сидел и плакал, понимая, что из-за моего эгоизма ни я, ни члены моей семьи не были в церкви более двадцати лет.

Некоторое время я был ненасытным читателем христианской литературы. Я читал все, что попадало мне в руки. У меня часто случается бессонница, и я, просыпаясь среди ночи, читал несколько часов подряд. В те дни я составил для Бога список моих жалоб и просьб. Сказать по правде, долгое время мое общение с Богом состояло из нытья и жалоб.

Затем я решил провести время с Богом в тишине. Целую неделю я просто слушал Его. Бог говорил со мной, и я впервые в жизни стал вести духовный дневник. Я полюбил близкое общение с Богом — маленькое подобие той непрестанной молитвы, к которой мы призваны. Апостол Павел говорит о том, что Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Я стал, наконец, понимать, что это значит.

Теперь я не беспокоюсь о том, слышит меня Бог или нет. Я уверен, что Он всегда рядом со мной. Я не уделяю слишком много времени просительным молитвам. Для меня конкретная просьба к Богу звучит почти как шутка. Главное, что мне нужно, — снова и снова удостовериться в том, что Господь любит меня и понимает, что именно меня тревожит.

Я научился доверять Богу. Если я доверяю Ему, все остальное уже не так важно. Иногда я испытывал Бога, молясь: «Коль ты действительно слышишь меня, пусть олень пройдет рядом со мной в течение ближайших десяти минут». Иногда это случалось! Но потом я понял, сколь поверхностны и пусты такие молитвы. Я пытался управлять Богом. Таковы же были мои конкретные просьбы: я желал, чтобы Господь заставил моих детей вести себя так, как хотелось мне.

Теперь уже я так не молюсь. Я понял: то, за что я держусь и к

чему стремлюсь, часто оборачивается разочарованием и горечью. Самое лучшее, что есть в жизни — неожиданные дары, которые я иногда получаю. Мой друг называет их «знаками благодати». Именно так действует молитва. Павел учил нас: ни о чем не заботьтесь, обо всем молитесь. Только так можно обрести мир Божий. Я гораздо больше дорожу временем, которое я провожу в общении с Богом, чем Его ответами на мои молитвенные просьбы.

Вечная любовь

Вот он, наглядный образ истории человечества: Иисус укрылся в запертой комнате вместе с двенадцатью учениками, один из которых — предатель. Снаружи храмовая стража и римские легионеры заканчивают приготовления к ночной работе — готовят мечи, плети и орудия пыток. В тишине звучит печальное пророчество, а затем искренняя молитва, полная покорности вечному замыслу Отца. А силы зла уже готовы нанести удар.

Предвидя смерть, Иисус молится Отцу о Своих учениках: «Ныне же к Тебе иду, и сие говорю в мире... Они не от мира, как и Я не от мира» (Ин 17:13, 14). Как бы подчеркивая эту мысль, Иисус повторяет Свои слова: «Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла. Они не от мира, как и Я не от мира» (Ин 17:15, 16). Христос видел в учениках, собравшихся за столом, наглядное воплощение конфликта, который Он принес в мир.

В течение тридцати трех лет Иисус добровольно отказывался от исключительных возможностей, принадлежавших Ему как Богу, в том числе от всеведения и способности мгновенно видеть прошлое, настоящее и будущее. (Однажды Он признал, что не знает времени последнего суда и окончательного исцеления земли — сроки известны только Отцу (Мк 13:32).) Но в молитве Он соединяет время и вечность, упоминая о Своем непостижимом бытии, когда Он пребывал с Богом, когда еще не пришел на нашу жестокую планету, чтобы добровольно выполнить Свою миссию: «И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира» (Ин 17:5).

Иисус говорит о том, что было до создания планеты Земля, о вечности, о безвременьи. В долгой молитве Он проливает свет на все «Зачем?» и «Почему?», дает окончательные ответы на эти вопросы. Почему людям дана свободная воля? Зачем нужны бег времени и история? С самого начала, и даже прежде всякого начала, Бог желал поделиться любовью со Своим творением, общаться со Своими тварями. Бог хотел поделиться с нами жизнью. Той жизнью, которая никогда не иссякнет в Пресвятой Троице, которая существовала прежде творения, существует сейчас и пребудет вовеки. Несмотря на все, что случилось и еще случится, Бог твердо намерен вернуть Свое творение в исходное состояние — чтобы снова общаться с людьми. Бог хочет вернуть ту утраченную, первозданную взаимную любовь. Молитва Иисуса напоминает нам об этой цели Бога.

В Новом Завете есть еще несколько мест, в которых речь идет о том, что Бог избрал нас «прежде основания мира» (Ин 17:24). Апостол Павел говорит, что Бог спас нас «по Своему изволению и благодати, данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен» (2 Тим 1:9). Апостол Петр пишет про Христа, «предназначенного еще прежде создания мира, но явившегося в последние времена для вас» (1 Пет 1:20). Вечная жизнь обещана нам «прежде вековых времен» (Тит 1:2). Итак, все самое главное, что составляет наше упование — Божья любовь, небеса, благодать, воскресение — все это берет начало за пределами времени и творения. Авторы Нового Завета провозгласили эти истины вечными — то есть в буквальном смысле не зависящими от времени — задолго до того, как Эйнштейн оповестил человечество об относительности пространства и времени задолго до того, как появилась гипотеза о происхождении Вселенной в результате «большого взрыва».

Наше Солнце — это звезда среднего возраста, которая погаснет в течение ближайших

четырёх-пяти миллиардов лет. Рано или поздно придет конец и всей Вселенной. Но слово Творца дает нам уверенность в том, что мы останемся вместе с Ним. Вселенная — не холодная безликая пустошь. У блудных сыновей и дочерей есть дом.

Из всего, что сказал Иисус в ту ночь в освещенной свечами иерусалимской горнице, одна фраза должна была озадачить учеников сильнее других. Иисус знал, в какое уныние пришли ученики, услышав о предстоящей смерти Учителя: «Но оттого, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше» (Ин 16:6). И Он, желая ободрить учеников, объясняет им: «Но я истину говорю вам: *лучше для вас*, чтобы Я пошел»³⁷ (Ин 16:7).

Эти слова озадачивали и меня. Я не мог не думать о всевозможных путях, какими Бог мог бы исполнить Свою волю на земле. Он мог бы послать манну с небес, чтобы решить проблему голода. Он мог бы немедленно уничтожать всякую опасную мутацию вирусов и бактерий, чтобы избежать появления новых заболеваний. Он мог бы ограничить людям свободу выбора, чтобы не допустить появления таких диктаторов, как Гитлер и Пол Пот. Вместо этого Бог послал в мир Своего Сына, Который некоторое время жил в одном из удаленных уголков Земли. Сын Божий лично сообщил важную весть, которую следовало распространить по всему миру, и отправился обратно, утверждая, что по какой-то причине это будет лучше для нас.

Итак, ученики, которые привыкли лично обращаться к Иисусу с вопросами, жалобами и просьбами, должны были прибегнуть к другому способу общения — к молитве. Из всего арсенала средств и способов, которые мог бы использовать Бог, молитва кажется самым неподходящим и самым ненадежным. Кроме того, молитвой очень легко пренебречь. Да, все это так. И, тем не менее, Иисус был прав в Своем поразительном утверждении. Он ушел и сделал это ради нас. Он избрал именно такой способ, чтобы поделиться с нами властью, дать нам возможность напрямую общаться с Богом и бороться с силами зла

Открывайте свои желания

Карл Барт, богослов, к идеям которого я уже не раз обращался в предыдущей главе, уделял много внимания всемогуществу Бога. Барт не видел противоречия между всемогуществом Бога и тем, что Он реагирует на молитвы. «Он не глухой. Он слушает. Более того — Он действует. И Его действия как-то зависят от того, молимся мы или нет. Молитвы влияют на действия Бога и даже на Его присутствие. Слова «ответ на молитву» несут в себе именно такой смысл». Далее Барт продолжает: «То, что Господь уступает просьбам людей и в ответ на их молитвы изменяет Свои намерения — вовсе не знак слабости. Он сам, во славе Своей силы и величия, пожелал так поступать».

Почему нужно молиться? Очевидно потому, что Богу нравится, когда Его о чем-то просят. Безусловно, Богу не нужны ни наша мудрость, ни наши знания. Не нужна Ему и та информация, которая содержится в наших молитвах («знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Мф 6:8)). Но Бог, приглашая нас быть Его соработниками, желает, чтобы мы развивали отношения с Ним. Апостол Иоанн писал: «Бог есть любовь». Бог не просто любит или чувствует любовь. Он есть любовь, и потому Он не может не любить. По этой причине Бог стремится поддерживать отношения с теми, кого Он сотворил по образу Своему.

«Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом» (Флп 4:6), — учит апостол Павел. Но как, каким образом мы можем открыть свое желание Тому, Кто и так все уже знает? Ответ заключается в одном слове — отношения.

Время от времени я получаю от незнакомых людей письма с просьбами о помощи — как правило, от заключенных или от иностранцев. Иногда я посылаю им деньги без особых

³⁷ *Курсив мой. — Прим автора.

колебаний, иногда проверяю факты с помощью тех, кто живет по соседству с авторами писем. Бывает, что я вообще никак не вмешиваюсь в ситуацию, опасаясь, что мое участие вызовет шквал писем с подобными же просьбами. Но когда с просьбой обращается мой сосед или племянник — словом, человек, которого я хорошо знаю, я предпринимаю все, что в моих силах, чтобы оказать ему необходимую помощь. Отношения придают особую значимость любой информации. Одно дело — увидеть в новостях репортаж о стихийном бедствии в тридесятom королевстве, и совсем другое — увидеть тот же репортаж, зная, что в пострадавших от стихии местах находится ваш сын или невеста.

Это относится и к исповеданию грехов. Когда я перечисляю свои грехи Богу, я говорю о том, что Ему известно. Однако сам акт исповедания укрепляет наши отношения и создает близость, которой в противном случае не было бы. Я предстою перед Богом беззащитным, в полной зависимости от Него — и это сближает нас. Подобная близость наступает, когда я (реже, чем следовало бы) прошу прощения у жены за проступок, который известен нам обоим. Я не сообщаю ей ничего нового. Но я смиренно прихожу сам и искренне каюсь.

Я никогда не узнаю, как именно повлияла молитва на траекторию движения урагана или на падение коммунистических режимов. Такой способности нет ни у кого, кто пребывает в пространстве и времени. Но несмотря на эту перспективу, я прихожу к Богу со всеми своими заботами, как ребенок приходит к любящему Отцу. Я признаю свою полную зависимость от Него и открываю перед Ним свои желания. При этом я в полной мере сознаю, что окончательное решение принадлежит Богу, а не мне. Я провожу время с Богом и обретаю новый взгляд на мир или, по меньшей мере, новое понимание конкретной ситуации. А Господь получает мое внимание, мои обеты, мою душу.

В качестве способа воздействовать на мир Бог избрал молитву, а не другие, на первый взгляд, более прямые методы.

Бог снова и снова обращается к тем путям, которые поощряют человеческую свободу. Он ждет, чтобы мы Его попросили. И потому оказывается, что действия Бога на земле непостижимым образом зависят от нас. Можно ли сказать, что из-за такого Божьего установления Царствие Небесное станет расти медленнее? Или медленнее будет исполняться Божья воля?³⁸ Да, наверное, можно: ведь родители вынуждены замедлять шаг, гуляя с маленьким ребенком, который еще только учится ходить. Цель мамы и папы — не быстрая ходьба, а воспитание сына.

ГЛАВА 11. ПРОСИТЕ, ИЩИТЕ, СТУЧИТЕ

*Когда б я, неотвязчиво молясь, Надеялся вельня изменить Того,
Кто может все, — я день и ночь Вопил бы...*

Джон Мильтон. «Потерянный Рай»

Наверное, притча Иисуса о человеке, который ночью стучится в дверь к другу, чтобы попросить хлеба, вызвала понимающие улыбки слушателей. Нежданный гость, нагрянувший

³⁸ *В эссе «Сила молитвы» К. С. Льюис пишет: «Мне кажется, Бог не делает Сам того, что может порекомендовать нам, людям. Он велит делать неуклюже и медленно то, что Он сделал бы блистательно и быстро. Он попускает нам пренебрегать Его велениями и терпит, если мы не в состоянии их исполнить. Вероятно, мы очень слабо представляем себе, как сотрудничает наша свободная, но все-таки имеющая пределы воля с волею Всемогущего. Так и кажется, что Господь непрестанно сдерживает Себя, словно отрекаясь всякий миг от престола». В «Письмах к Малькольму» Льюис дополняет свою мысль: «По-видимому, творение неразрывно связано с передачей полномочий. То, что могут сделать Его создания, Бог никогда не делает Сам. Ему свойственно давать...» — Прим. авт.

к вам ночью, — не такое уж редкое событие в местах, где сухой и жаркий климат заставляет людей вести активную жизнь после захода солнца. И вот — гость на пороге, а в кладовой у вас пусто. В стране, известной своим гостеприимством, ни один порядочный человек не откажет страннику в ночлеге и не уложит его спать без угощения. Поэтому хозяин дома, которого гость застал врасплох, бежит к другу, чтобы взять взаймы хлеба.

Кеннет Бейли, миссионер-пресвитерианин, сорок лет проживший в Ливане, проливает свет на некоторые особенности культуры, относящиеся к этой истории. Палестинцы используют хлеб вместо столовых приборов: кусочки хлеба обмакивают в общее блюдо с мясом и овощами. Очень возможно, что герой притчи просил у своего соседа не только хлеба, но и другой еды. Односельчане часто выручают друг друга, если кому-то надо принять нежданного гостя. Вот что еще рассказывает Бейли: «Живя в ближневосточных деревушках, сохранивших традиционную культуру, мы с изумлением обнаружили, что на нас тоже распространялся обычай. У нас тоже по-соседски одалживали что-нибудь нужное для приема гостей — даже если гостями были мы. Нередко, приняв приглашение на ужин от кого-нибудь из жителей деревни, мы ели из нашей собственной посуды, которую хозяева на время взяли у нашего же повара».

Однако в притче Иисуса владелец хлеба упрямо отказывается удовлетворить просьбу человека, который должен принять гостя. Он уже лег спать, и вся семья расположилась на ночлег рядом с ним в однокомнатном домике на циновке, покрывающей пол. Да и дверь заперта сложным запором. «Отстань от меня! — кричит хозяин соседу. — Не дам тебе ничего, не вставать же мне из-за тебя!»

На Ближнем Востоке слушатели от души посмеются над такой хилой отговоркой. На самом деле Иисус спрашивает: «Можете ли вы представить себе такого соседа?» «Конечно, нет! — ответит Ему любой. — В нашей деревне никто так по-свински не поступит. А если бы поступил, на утро об этом знала бы вся округа».

И в таком вот контексте Иисус проводит Свою главную мысль: «Если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит». По неотступности — то есть по настойчивости, по дерзости. А дальше Господь сразу делает вывод о том, как надо молиться: «И Я скажу вам: просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (Лк 11:5–9).

В Евангелии от Луки Иисус рассказывает эту притчу сразу после того, как Он научил молитве Господней: Он словно проводит смелую параллель между ленивым человеком и Богом-Отцом. Если даже капризный хозяин хлебов, больше всего желающий, чтобы ты убрался прочь, и твердо решивший не обращать на тебя внимания, — если даже такой человек в конце концов встанет и даст тебе то, что ты хочешь, — то насколько же более отзывчивым к твоим упорным молитвам будет любящий Бог! И в конце концов, кто из земных, грешных отцов, когда сын или дочь «попросит у него хлеба, подаст ему камень? или, когда попросит рыбы, подаст ему змею вместо рыбы? Или, если попросит яйца, подаст ему скорпиона?» (Лк 11:11, 12).

Молитва Господня (которую мы так часто превращаем в ритуал, воспринимая ее почти как заклинание) в соседстве с этой притчей видится в новом свете. Мы должны быть так же настойчивы в молитве, как торговый агент, который просовывает ногу в приоткрытую дверь, чтобы ее не захлопнули. Или как борец, который взял противника в захват и не намерен его отпускать.

«Не воздремлет хранящий тебя» Господь», — таким обещанием утешает нас псалмопевец (Пс 120:3). Но все равно иногда, когда мы молимся, нам кажется, что Бог отмахивается от нас. Говорите громче, учит нас притча, рассказанная Христом. Не отступайте, как настырный сосед под дверью в полночь. Продолжайте стучаться в дверь!

Стучите в ворота изо всех сил!

В Евангелии от Луки записана и другая история — про настойчивую вдову-

просительницу. Некоторые рассказы Христа заставляли учеников долго чесать в затылке, но смысл этой притчи раскрыт в самом начале: «Должно всегда молиться и не унывать» (Лк 18:1). Тут проводится еще более рискованная параллель: Бог сравнивается с черствым, коррумпированным судьей, которому приходится выслушивать громкие причитания вдовы.

Сегодня во многих городах США есть службы, которые безвозмездно помогают нуждающимся в юридической помощи беднякам ориентироваться в сложной системе судопроизводства. В дни, когда Иисус ходил по земле, все было по-другому. Вот как Кеннет Бейли описывает сцену, которую наблюдал западный путешественник в девятнадцатом веке в Ираке:

«На небольшом возвышении, весь обложенный подушками, восседал Кади, или судья. Вокруг него на корточках расположились разнообразны секретари и прочие чиновники. Перед ним теснился простой народ. Не менее дюжины голосов вопили одновременно, каждый настаивал, что его дело — самое неотложное. Более разумные поступали иначе: не ввязываясь в свару, перешептывались с секретарями, давали взятки, с помощью иносказаний называли размеры мзды для передачи в те или иные руки. Когда нижестоящие удовлетворяли свою алчность, один из них подходил к Кади, что-то шептал ему на ухо, и судья незамедлительно объявлял о решении такого-то дела. Казалось, все воспринимают как должное, что первым будут слушать дело того, кто предложил большую мзду. Однако время от времени процесс прерывался громкими возгласами бедно одетой женщины, которая топталась с краю толпы и зывала к правосудию. Ей строго велели молчать и укоряли, что она приходит сюда каждый день. «Я не перестану приходить, — всхлипнула она, — пока Кади меня не выслушает». Спустя долгое время, уже в конце дня, судья нетерпеливо потребовал: «Спросите, что ей надо». Скоро ему передали короткую историю вдовы. Ее единственного сына забрали в солдаты, а сама она не могла обрабатывать свой клочок земли. К тому же сборщики налогов принуждали ее платить подать, от которой она, как вдова, могла быть освобождена. Судья задал несколько вопросов и бросил: «Освободите ее от податей». Таким образом, настойчивость женщины была вознаграждена. Очевидно, если бы у нее имелись деньги, чтобы подкупить чиновников, ее дело могло бы решиться гораздо быстрее».

В притче, которую рассказал Иисус, гораздо меньше подробностей и только два действующих лица, но во всем остальном истории очень похожи. Судья в конце концов отвечает на жалобы истицы: «Хотя я Бога не боюсь и людей не стыжусь, но, как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне» (Лк 18:4–5). (Греческое слово, переведенное как «докучать» — это спортивный термин. В кулачном бою он означает «бить в одно и то же место».)

Эта притча также построена на контрасте. Во время молитвы мы вполне можем чувствовать себя как бедная вдова — одинокая, беспомощная, всеми обманутая и никем не почитаемая — в общем, с какой стороны ни взгляни, последний человек. Но истинная ситуация абсолютно противоположна описанной: наш любящий Отец не имеет ничего общего с черствым судьей из притчи. У нас есть прямой доступ к Нему и есть Заступник, Который ходатайствует за нас. Когда Господь медлит с ответом, нам может показаться, что Ему нет до нас никакого дела. И вот Иисус, желая поправить нас, заверяет: что бы нам ни чудилось, Божья милость — с нами. Если бедной вдове удалось добиться правосудия даже от бессердечного судьи, то «Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь?» (Лк 18:7).

И вот как только слушатели расслабились, исполнившись уверенности в Божьей милости, Христос делает резкий выпад: «Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк 18:8). Ученики должны были сразу понять, о чем идет речь: накануне они как раз говорили о Его втором пришествии. Несомненно придет день, когда воцарится справедливость. Сын Человеческий вернется, на сей раз — в силе и славе. И тогда Он все

изменит, уничтожит все зло, царящее на этой жестокой планете, и сделает мир таким, каким его задумал Бог: без неправедных судей и обиженных вдов, без нищеты, болезни, смерти, страданий и бунтов. Но пока этот день не настал, мы подвержены искушениям: кто-то может усомниться или вовсе отпасть от веры, а кто-то — увидеть Бога бессердечным судьей.

Апостол Петр, лично слышавший эту притчу из уст Христа, напишет спустя много лет, что в последние дни некоторые будут смеяться над пророчествами о втором пришествии: «Где обетование пришествия Его? Ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения, все остается так же» (2 Пет 3:4).

И сегодня, после двадцати веков ожидания, обстановка на грешной земле такова, что можно опустить руки и потерять веру во Всемогущего Любящего Бога. Иисус рассказал притчу о вдове, дабы мы продолжали «всегда молиться и не унывать» (Лк 18:1). История человечества — это испытание веры. Выдержит испытание тот, кто будет постоянно молиться.

В притче о вдове судья говорит: «...защиту ее, чтобы она не приходила больше **докучать** мне» (Лк 18:5)³⁹. Действительно, иногда кажется, что своими надоедливыми просьбами мы докучаем Господу. Но давайте вспомним о том, как два столетия назад член британского парламента Уильям Уилберфос, настойчиво добиваясь отмены работорговли, год за годом выдвигал один и тот же законопроект. Или о том, как наш современник, сенатор-демократ Уильям Проксмайр (США) каждый день выступал в сенате с речью на одну и ту же тему — за девятнадцать лет он сказал 3211 речей — пока, наконец, его коллеги не приняли закон против геноцида. Я вспоминаю о католической монахини, сестре Хелене Преджан, которая без устали ездит по Соединенным Штатам, добиваясь отмены смертной казни. О Хелене был снят фильм «Мертвец идет».

И разве забудешь о чернокожем американском священнике, борце за гражданские права негров, Мартине Лютере Кинге, который, требуя справедливости, снова и снова взывал от имени манифестантов, пришедших к ступеням Капитолия: «Доколе?... Доколе?... Доколе нам еще ждать?..»

Да, есть подвижники, которые не хотят закрывать глаза на язвы этого мира — такие, как финансовые долги развивающихся стран, СПИД, бродяжничество, аборт, сексуальное рабство, расизм, преступления на почве ненависти, пьянство, несправедливые войны, загрязнение окружающей среды, порнография, жестокость в тюрьмах, терроризм, нарушения прав человека. В этот список можно включить еще сотню проблем. Несомненно, люди устают от борьбы. Может быть, иногда им хочется все бросить. Вероятно, Бог напоминает им черствого судью или капризного соню-соседа из притч, рассказанных Иисусом. Но Христос говорит, что Господь не такой. В отличие от судьи и соседа Бог с бесконечным терпением относится к нашим просьбам и требованиям, особенно когда мы выступаем на стороне Его Царства. Иначе почему в Библии так много псалмов-плачей и причитаний пророков?

Немецкий священник Хельмут Тилике в проповеди, посвященной притче о настойчивой вдове, подчеркивает: «Бог отводит Своей Церкви — Церкви, которая молится, — важную роль в управлении миром». Тилике утверждает, что гиганты истории (под ними он подразумевает своих современников — Гитлера и Сталина) стоят на авансцене, уверенные в том, что от них зависит исход спектакля. Но на самом деле они — лишь статисты, которым дозволено на пару минут предстать перед публикой. Подлинная сила — с теми, кто знает, что сценарий истории написан Богом. Сила даруется тем, кто просит, ищет и стучит. Молитвы открывают путь для Бога. Если мы молитвой и делом восстаем против мировой несправедливости, если отрекаемся от зла, мы доказываем этим, что, говоря словами Иисуса, еще осталась «вера на земле».

Бывает, что ответ на настойчивую молитву приходит лишь через несколько поколений.

39 *Курсив мой. — Прим. автора.

Сколько солдат погибло, прежде чем Бог ответил на молитвы Тилике о мире и справедливости на его родине, в Германии? Сколько евреев умерло с молитвой — с молитвой о будущем — в те периоды истории, когда, казалось, что весь этот древний народ близок к истреблению? Филиппинцы молились упорно и долго, прежде чем Народная Сила⁴⁰ сбросила коррумпированный режим. Миллионы невинных жертв десятилетиями гнили в тюрьмах, прежде чем под напором мирных демонстрантов рухнул железный занавес. А сколько христиан в Китае по сей день томятся в заключении и терпят пытки, в то время как за стенами тюрем набирает силу небывалое духовное возрождение?

Если же говорить об отдельных людях, то сколько жертв насилия молят об исцелении душевных ран, но день за днем просыпаются с чувством боли и стыда? Алкоголики и наркоманы молятся об избавлении от зависимости, но каждый день им приходится продолжать свою жестокую борьбу. Родители, чьи дети избрали путь саморазрушения, молятся со слезами на глазах, но не видят перемен к лучшему.

Не забуду, как мой друг, больной алкоголизмом, жаловался мне, что каждый вечер молит Бога избавить его от тяги к спиртному, но на следующее утро все равно просыпается с мыслями о бутылке виски «Джек Дэниэлс». Слышит ли его Бог? И вот однажды этот человек вдруг осознал: именно тяга к алкоголю была главной причиной, заставлявшей его прилежно молиться. Постоянное искушение побуждало к постоянной молитве.

Зло стоит перед нами, как гигантские стальные ворота, — Иисус назвал их «вратами ада» — а молитвы ударяют в них, подобно ударам молота. Ворота не угрожают и даже не наступают на нас. Они стоят, ожидая атаки. Кажется, наши молитвы со звоном отскакивают от них, словно дробинки от листа брони. Но с нами твердое обетование Христа, что «врата ада не одолеют» Церковь (Мф 16:18). Нет сомнения — однажды стальные ворота падут, рассыплются на куски, как Берлинская стена, разделявшая Германию, или как железный занавес, перегородивший Европу.

Мне есть с Кем поговорить

Сьюзен

Чтобы построить любые отношения — с супругом, с родителями, с детьми, с друзьями — нужны усилия. Неудивительно, что отношения с Богом тоже требуют определенного труда. Когда мне трудно, я, по примеру Иисуса, обращаюсь к Богу как к Отцу.

Мой муж полетел в Китай, чтобы забрать оттуда девочку, которую мы собирались удочерить. Оставшись дома, я почувствовала себя совершенно бессильной. Единственное, что мне оставалось — молиться о маленьком человечке, которому предстояло так круто изменить нашу жизнь. Вернувшись, муж рассказал мне, как он плакал в автобусе по дороге в сиротский приют. Он уже чувствовал связь с этой девочкой, хотя видел ее только на фотографии. Если мы, люди, чувствуем такого рода связь, то как же чувствует ее Бог...

Я научилась молиться вместе с мужем поздними вечерами. Путь нашего супружества был тернист, и нам было не к кому обратиться за помощью, кроме Бога. Сначала я была словно немая.

⁴⁰ *Народная Сила (People Power) — массовое политическое движение на Филиппинах против режима Фердинанда Маркоса, правившего более 20 лет. Его режим пал в 1986 году, и Маркос бежал в США, где и умер. — Прим. пер.

Я никогда не молилась вслух на молитвенных группах, это меня страшно пугало. Но если рядом со мной был только муж, я могла просто сказать Богу о своих нуждах. Я думала о людях, которые занимаются в группах по программе «Двенадцать Шагов» — таких, как «Анонимные Алкоголики» и других, им подобных. Они молятся совсем просто, например «Боже, удержи меня от выпивки!», часто почти ничего не зная о Боге. Но, похоже, Бог отвечает на их молитвы.

Часто молитва помогает мне заснуть. Иногда я просто стараюсь успокоиться, говорю себе: «Я засыпаю... Я засыпаю...» Ничего, конечно, не происходит. Но теперь мне есть с Кем поговорить, когда не спится. Мне не нужно самой управлять своей жизнью. Бог не дает моему сердцу выскочить из груди.

Раньше я волновалась, как бы не уснуть во время молитвы. Но теперь, когда у меня есть ребенок, я кое-что понимаю. Какая мать не хочет, чтобы ребенок уснул у нее на руках?

Одного раза недостаточно

Христианский писатель Джерри Ситцер рассуждает о настойчивости отца. «Мои дети просили у меня множество разных вещей — CD-плеер, велосипед, лодку, кошку, экзотическую поездку на каникулы... Легче сказать, чего они у меня еще не попросили. Чаще всего я не отвечаю на их просьбы. Когда они начинают приставать ко мне, я бываю тверд как скала и бессердечен. Однако если какая-то просьба повторяется долго, раз за разом, я наостряю уши. Если дети просят о чем-то особенно упорно, значит это им действительно нужно».

В отличие от нас, земных родителей, Бог с самого начала знает наши истинные побуждения — чисты они или лукавы, благородны или эгоистичны. Размышляя над притчами Христа, я никак не мог понять, почему Бог так ценит упорство. Если уж мне надоедает повторять снова и снова одну и ту же просьбу, то, наверно, и Ему скучно меня слушать. Почему я должен часами колотить в дверь или проталкиваться локтями, чтобы пробиться к судье? Почему недостаточно одной искренней просьбы?

В поисках ответа я обратился к евангельским рассказам о жизни Христа. Некоторые из них показали мне, чем ценна настойчивость. Когда умер Лазарь, обе его сестры, трудолюбивая Марфа и задумчивая Мария, горько сетовали: «Господи! если бы ты был здесь, не умер бы брат мой» (Ин 11:21). Они так сокрушались, что Иисус, глядя на сестер, тоже опечалился, — а потом совершил одно из Своих величайших чудес, исполнив их сокровенное желание.

Героиня другого рассказа — женщина-хананеянка, которая упрямо просила Иисуса исцелить ее больную дочь. Даже ученики Иисуса устали от ее стенаний и «попросили Его: отпусти ее, потому что кричит за нами» (Мф 15:23). Христос сначала отмахивается от просительницы, а потом ставит под сомнение ее право просить Его о чем-либо. Однако женщина-иноплеменница продолжает настаивать, и тогда Иисус исполняет просьбу хананеянки, а ее веру ставит в пример израильтянам.

У колодца в Самарии Иисус ведет беседу с самаритянкой о ее образе жизни и религиозных взглядах. По пути в Иерусалим Он вовлекает богатого юношу в дискуссию об опасности богатства. Самаритянка проявляет упорство — и ее жизнь изменяется. Богатый юноша сдается — и уходит опечаленный.

Обдумывая эти истории, я понял: Богу важен путь, которым я иду. Он уважает свободу человека и не выкручивает нам руки. Мое упорство — знак того, что я действительно хочу измениться. А это — хорошая предпосылка для духовного роста. Когда я действительно хочу

чего-то, я стараюсь и настаиваю.

Если я хочу покорить одну из вершин Скалистых гор, хочу прогнать дятлов с крыши или провести в дом интернет, то я делаю все необходимое для достижения цели. Буду ли я столь же упорен в молитве?

«Молитва не меняет Бога, но меняет того, кто молится». Кажется, это замечание принадлежит философу Кьеркегору, но я встречал его в разных книгах и статьях не меньше десятка раз. В предыдущей главе я уже говорил о том, почему не могу полностью согласиться с первой частью этого высказывания (прежде всего потому, что это не соответствует свидетельству Писания). Бог хочет, чтобы мы высказывали свои просьбы смело и без утайки. В противном случае мы, вероятно, лишаем себя удивительных сюрпризов. Что если бы десять прокаженных у дороги не закричали, не попросили Христа об исцелении? Что если бы хананейка робко замолчала, вместо того чтобы и дальше просить об исцелении дочери?

Слишком часто тезис о неизменности Бога служит оправданием для нашего собственного непостоянства в молитве. «Если будущее предрешено Богом, зачем надоедать Ему?» Однако поддавшись подобному фатализму, мы лишаем силы и вторую часть формулировки Кьеркегора. Ведь яростно стучась в небеса своими молитвами, мы действительно изменяемся. Если я перестану верить в то, что Бог слышит мои просьбы — а это главный смысл двух притч Иисуса — я, скорей всего, перестану молиться и тем самым перекрою основной канал связи с Богом.

Постоянная молитва снова и снова вводит меня в Божье присутствие. Это дает мне несколько важных преимуществ. Изливая душу перед Господом, я снимаю тяжесть с сердца, перекладываю часть своего бремени на плечи Бога, Который лучше меня знает, что делать. Мало-помалу я узнаю Бога все лучше и понимаю, что Он вовсе не похож на несправедливого судью или на капризного соседа, хотя так иногда может показаться. Проводя время с Богом, я начинаю глубже понимать, чего Он хочет, и видеть свою роль в Его планах.

Ради чего древние язычники молились своим богам? Цицерон ответил на этот вопрос грубо и откровенно: «Мы молимся не о том, чтобы Юпитер сделал нас лучше, а о том, чтобы он дал нам материальные блага». Христианский подход к молитве противоположен. Мы, конечно, можем обращаться к Богу с просьбой о материальных благах. Иногда по милости Божьей мы их получаем. Но процесс молитвы открывает для нас канал связи с Богом, дает Богу возможность изменить нас к лучшему. Постоянная молитва меняет меня, потому что помогает мне увидеть мир и мою собственную жизнь глазами Бога. Развивая свои отношения с Богом, я осознаю: Он намного лучше меня знает, что мне нужно.

Общаясь с человеком, я обычно хочу, чтобы он принял мою точку зрения. Я хочу, чтобы продавец машин согласился с моей ценой, чтобы сосед голосовал за того же кандидата, что и я. В молитве, особенно на первом ее этапе, я, вероятно, точно так же подхожу и к Богу. Но потом я неизбежно убеждаюсь в том, что Он мудрее меня. Я начинаю понимать: Господь тоже просит, ищет и стучит, но так деликатно, что я порой этого не замечаю.

«Не верю, что Бог оставляет без внимания хотя бы одну молитву, какой бы дурной или немошной она ни была. Но если бы Бог удовлетворял каждую просьбу каждого человека или каждой группы людей, это был бы не Бог, а бес», — сказал знаменитый английский писатель XIX века Джордж Макдональд. Молитва — это не монолог, а диалог, в котором обе стороны подстраиваются друг к другу. Я честно приношу Богу свои тревоги и заботы, но после общения с Ним я зачастую исполняюсь совсем другими заботами и тревогами. Когда апостол Петр «взошел на верх дома», чтобы помолиться, он думал главным образом о пище. Апостол еще не знал: прежде чем он спустится с крыши, Бог обличит его в национализме и законничестве (Деян 10). Если мы постоянны в молитве, то наши планы и желания приходят в согласие с волей Бога.

Что мы теряем — и что находим

«Зачем целый час молиться, если в это время я бездействую и лишь думаю о людях, на которых злюсь я и которые злятся на меня, о книгах, которые нужно прочитать, и о книгах, которые нужно написать, о тысяче других дурацких вещей, от которых раскалывается голова?» Генри Нувен, о духовном подвижничестве которого я упоминал в третьей главе, любит ставить этот вопрос то в одной, то в другой форме и искать все новые ответы на него. Иногда он делает упор на необходимость духовной дисциплины: нужно сохранять верность даже тогда, когда она, на первый взгляд, никак не вознаграждается. «Молиться надо не потому, что молитва помогает или вызывает духовный подъем, а потому, что Бог любит нас и хочет нашего внимания».

В конце концов Нувен приходит к такому выводу: «Если каждое утро в течении часа я нахожусь в присутствии Господа — день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем, пусть даже испытывая состояние полного смятения и отвлекаясь на миллион посторонних мыслей — это радикально меняет мою жизнь». Научившись смирению и послушанию, проведя многие часы в молитве, но не увидев при этом очевидных плодов, Нувен понял: все это время он все-таки слышал тихий и кроткий голос.

«Молитва не меняет Бога, но меняет того, кто молится»? Может быть, молитва производит в человеке такие изменения, которые наделяют его способностью услышать и принять ответ на свою молитву — ответ, которого он так долго искал. При желании это можно счесть «переменой» в Боге: постоянная молитва изменяет наше внутреннее состояние, наш дух, и тогда у Бога появляется возможность обращаться с нами по-другому. Может быть, именно из-за этого Авраам, Моисей, Иаков и другие герои веры вступали в столь яростные схватки с Богом. В сражениях, которые выглядели как богоборчество, у библейских героев развивались Божьи качества. В них происходили те перемены, которых как раз и хотел Господь.

«Когда ты борешься с Богом, то разве не самое большое несчастье — не быть побежденным?» — спрашивает Симона Вейль — глубокий религиозный мыслитель, француженка, которую Альбер Камю называл «несравненным правдолюбом нашего времени». Другими словами, то, что сейчас кажется поражением, в свое время может обернуться безусловной победой. Обманщик Иаков бодро шагал по жизни на двух здоровых ногах, а хромой Израиль вошел в историю как отец великого народа. Главная ценность постоянной молитвы не в том, что ты получишь желаемое. Самое ценное — ты становишься тем, кем призван стать.

Карабкаюсь ли я в гору, пишу ли книгу — у меня есть цель, к которой я стремлюсь, задача, которую намереваюсь выполнить. А молитва заставляет меня сделать остановку в пути.

Я уже понял, что не могу «исправить» тех людей, о которых молюсь. Я также не могу получить все, чего хочу, и тогда, когда хочу. Я должен снизить скорость и ждать. Когда я приношу свои просьбы к Господу, на первый взгляд это выглядит как капитуляция. Я «сдаю» их Богу с готовностью принять Его волю. И благодаря такому послушанию Он начинает растить во мне «плод», то есть многие из тех качеств, которые перечисляет апостол Павел и которые мне нужнее всего: мир, долготерпение, доброту, милосердие, верность, кротость, самообладание и другие (Гал 5:22–23).

Блаженный Августин говорил, что человек молится, «чтобы созидать себя, а не для того, чтобы наставлять Бога». Оглядываясь на свою переменчивую молитвенную жизнь, я вижу, как Господь работал надо мной, как Он стесывал ненужные выступы и шлифовал шероховатости. Я вижу победы и поражения. Как ребенок, который долго выклянчивал у родителей желаемое, я иногда получаю ответ на свои настойчивые просьбы — после того как научусь обходиться без того, о чем просил. В таких случаях ответ Бога бывает сюрпризом, неожиданным и благодатным подарком. Я жажду подарка, а нахожу Дарителя — и получаю от Него подарок, на который уже не надеялся.

В Евангелии от Луки притча о капризном соседе заканчивается так: «Итак, если вы,

будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, то тем более Отец Небесный даст Духа **Святого** просящим у Него» (Лк 11:13). Матфей повторяет эти слова с одним изменением: «Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, то тем более Отец ваш Небесный даст **блага** просящим у Него» (Мф 7:11)⁴¹.

Мы, часто — по многу раз, высказываем в молитве свои просьбы, после чего ждем ответа и готовимся принять его. Мы молимся, чтобы Бог дал нам то, что Он Сам захочет дать. Это могут быть какие-то блага или Святой Дух. (С точки зрения Бога нет лучше ответа на настойчивые молитвы, чем дар Святого Духа. Так Господь дарит нам Самого Себя.) Мы можем, как Петр, молиться о пище, чтобы в итоге освободиться от националистических предрассудков. Мы можем, как Павел, молиться об исцелении, а в результате научиться смирению. Мы можем молиться об облегчении испытаний, а в ответ обрести терпение, чтобы выдержать их. Мы можем молиться об освобождении из тюрьмы и получить силу, чтобы плодотворно использовать время, проводимое в заключении. Просите, ищите, стучите, учил Иисус, — такое поведение влияет на Бога. А еще оно сильно влияет на самого человека, который просит, ищет и стучит.

«Ибо мы — Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела» (Еф 2:10), — писал Павел Ефесянам. В греческом тексте Послания стоит слово *poiēta*, переведенное на русский язык как «творение», но совсем неслучайно созвучное другому слову — «поэма». Апостол подчеркивает, что мы — созданное Богом произведение искусства. В жизни Павла были тюрьмы и побои, мятеж и кораблекрушение. Он, как никто другой, знал, сколь упорно Господь трудится над нами — и какую роль в этом труде играет молитва. Молясь, мы даем Богу возможность изменять нас: отсекают лишнее, как скульптор отсекает лишние куски мрамора, наносить краски, подобно художнику, подбирать нужные слова, как подбирает их поэт. Пока мы живем на этой земле, мы еще несовершенны, не завершены. Поэтому Божья работа над нами продолжается до самой смерти.

ЧАСТЬ 3. ЯЗЫК МОЛИТВЫ

Ты умоляешь. Ты стенаешь. Ты обременяешь Бога пустой хвалой. Ты твердишь о своих грехах, которые Ему уже прекрасно известны. Ты желаешь изменить Его неизменную волю... И иногда, по благодати Божьей, молитва бывает услышана.

Фредерик Бюхнер

ГЛАВА 12. Я ЖАЖДУ МОЛИТЬСЯ В СОВЕРШЕНСТВЕ

Вот парадокс: молитва требует серьезных усилий, хотя она — не что иное, как дар. Не в нашей власти планировать, управлять или решать за Бога. Но без строгой дисциплины мы тем более не сумеем обрести этот дар.

Генри Нувен

Я не помню времени, когда бы не молился. В детстве я читал молитву перед сном и всегда молился перед едой. Я исправно посещал вечерние молитвенные собрания по средам и ночные службы в сочельник, хотя ребенку трудно было на них не заснуть. Я молился с таким детским доверием, что часто друзья нашей семьи — если терялось оброчальное

⁴¹ *В обеих цитатах курсив мой. — Прим. авт.

кольцо или пропадал щенок — звонили и просили моих молитв. Нередко они потом звонили снова, чтобы сообщить о том, как замечательно Бог ответил на мою молитву. (Между тем, мои собственные щенки могли потеряться, умереть от чумки или подвергнуться нападению соседского бульдога, невзирая на мои самые горячие молитвы.)

Несколько лет я проучился в библейском колледже. К молитве там относились строго, как к строевой подготовке в военной академии. В шесть утра звенел звонок, а в полседьмого начиналось «тихое время» — мы должны были уделить полчаса молитве и чтению Библии. Декан время от времени проводил неожиданные проверки. По колледжу ходили рассказы о том, как он, открыв дверь в одну из комнат общежития, включил свет и обнаружил, что двое ее обитателей спят крепким сном: один — стоя на коленях возле кровати, а другой — сидя с открытой Библией в руках.

В колледже иногда устраивали «дни молитвы», когда мы вместо учебных занятий должны были молиться поодиночке и в группах. Затем вечером все собирались на торжественное богослужение — молились и свидетельствовали. Студенты рассказывали о чудесных ответах на молитвы, например, о вовремя подоспевшей финансовой помощи, которая позволяла им продолжить учебу. Один раз мой сосед по комнате со слезами исповедался в совершении нескольких дерзких проказ, причем я точно знал, что он изрядно приукрасил свои подвиги. Как преступники хвастаются совершенными преступлениями, так и юные грешники порой стремились прославиться, драматизируя свои проступки, выступая с ярким публичным покаянием. Один студент попросил молиться за свою девушку, которая ехала навестить его и по дороге попала в автокатастрофу. Этот печальный одинокий мальчик был родом из моего городка. На самом деле у него не было никакой девушки, он был гомосексуалистом и впоследствии умер от СПИДа. Он придумал грустную историю, чтобы привлечь к себе внимание и вызвать сочувствие.

С тех пор прошло много лет. Я сотрудничал с различными христианскими организациями и участвовал во множестве молитвенных встреч. Бывало, что молитвенная группа на время становилась как бы одним целым, и эти совместные молитвы глубоко трогали меня. Другие встречи напоминали какую-то странную спортивную игру, и я испытывал искушение прорваться в тройку лидеров, продемонстрировав свое красноречие, — тогда мои слова бывали адресованы не столько Богу, сколько остальным участникам группы.

Не раз случалось, что от молитвы не оставалось почти никакого впечатления. Вопросы, о которых я писал в предыдущих главах, сбивали меня с толку. Зачем что-то говорить Богу, если Он и так все знает? Зачем просить Бога о милости, если Он и так милостив по сути Своей? Зачем вообще молиться? Как-то я совсем не мог молиться своими словами в течение целого года, а только читал тексты из католического часослова (богослужбные тексты для общинной или личной молитвы в течение дня). Я просил Бога зачесть мне эти прочитанные по бумажке слова, даже когда произносил их не вполне искренне. Но в один прекрасный день тучи рассеялись. Я так и не понял, что же препятствовало моей молитве все это время.

Но с той поры, хотя я и не переживал больше таких периодов отчуждения, молитва была связана для меня с борьбой. Когда я слышу о людях, которые каждый день по часу проводят в молитвенном размышлении, мне хочется спросить, как им это удастся. Я едва выдерживаю пятнадцать минут, дальше мысли неудержимо разбегаются, внимание рассеивается. Вот обычное ощущение, сопровождающее это состояние: мой суматошный, суетный мирок с недоделанными делами и с письмами, на которые нужно срочно ответить, вторгается в тот отрезок времени, который я желаю провести в общении с Богом. Однако я учусь разрушать барьеры, отделяющие молитву от остальных дел, и прошу Господа, чтобы Он Сам вторгнулся в мою повседневную жизнь.

Чего мы ждем от молитвы

Даже когда молитва воспринимается как обязанность, вроде школьного домашнего

задания, мы не теряем надежды на то, что она способна перерасти в нечто большее. Где-то поблизости спрятаны сокровища — надо только отыскать их. Нас ждет новая страна, нужно лишь изучить язык, на котором в ней говорят. А пока мы лепечем, как младенцы, и жаждем когда-нибудь заговорить свободно. «Я не молился, а скорее старался быть человеком, который молится», — вспоминает современный американский писатель Фредерик Бюхнер о времени, когда, молясь, он чувствовал себя скованно и неловко.

Некоторые люди совсем не ощущают во время молитвы, что Бог слушает их. И они винят себя: им кажется, что они что-то делают неправильно. Один мой читатель из Австралии писал о своем беспокойстве за тех, кто чувствует себя «аутично», отчужденно во время молитвы. Он, конечно, говорил не о людях, на самом деле страдающих аутизмом, депрессиями или другими психическими расстройствами, а о вполне нормальных скромных прихожанах с задней скамьи, чувствующих себя недостойными Божьего внимания.

Моя хорошая знакомая, которая тоже исследовала тему молитвы, сообщила мне, что, судя по ее опыту, очень немногим людям молитва дается легко, чаще она не оправдывает их ожиданий. Создается впечатление, что молитва не стоит потраченных усилий. Вот что она пишет:

«Мне кажется, что молитва во многом напоминает секс. (Когда я говорю об этом, все навостряют уши.) Большинство людей недовольны своей половой жизнью. У немногих дела в этой области действительно идут хорошо. И секс, и молитва — это отношения, во-первых, интимные, а во-вторых — окруженные неким таинственным ореолом. Нас убеждают, что занимаясь сексом или молитвой, мы должны воспарять к седьмому небу. Результат — ложные ожидания и разрушенная близость».

Эта женщина провела несколько месяцев в Африке и была вынуждена освоить более медленный темп жизни. Там ее окружала тишина, поэтому она нашла новый способ молиться. «И снова тут все похоже на секс. Когда мы заняты или вовлечены в гонку, суету окружающего мира, постоянно слышим какофонию бессмысленных звуков, очень трудно расслабиться и общаться».

Обдумывая эту неожиданную аналогию, я прихожу к выводу: чтение книг о молитве сродни чтению книг по технике секса. То, что на бумаге выглядит столь захватывающим, мало похоже на происходящее между двумя ранимыми людьми, ожидания которых сильно разнятся. Так же как и в сексе, в молитве на первом месте стоят отношения, а не техника. Однако участники молитвы — Бог и человек — отличаются друг от друга гораздо существеннее, чем мужчина от женщины. Стоит ли удивляться, что возникают проблемы?

Стереотипы нашей культуры во многом обусловлены средствами массовой информации, которые создали у нас установку, будто любую проблему можно быстро решить. Однако проблемы взаимоотношений далеко не всегда решаются быстро, как в кино. Кроме того, я не замечал, чтобы стеллажи, набитые книгами на тему «Как сохранить семью», заметно повлияли бы на статистику разводов. Если хорошие правильные советы мало помогают нам в налаживании отношений с другими людьми, то насколько же меньше пользы от советов, когда речь идет об отношениях с Богом? Вряд ли вам удастся открыть секрет дружбы с Богом, прослушав очередную партию кассет, прочитав новую книгу, побеседовав с еще одним священником или посетив двухдневный семинар.

Я прочитал не один десяток книг о молитве, я задавал вопросы множеству разных людей. Кажется, я мог бы ожидать заметного продвижения в собственной молитвенной жизни. Если бы я приложил столько же усилий, скажем, обучаясь играть в гольф или изучая иностранный язык, то наверняка достиг бы великолепных результатов. Но я по-прежнему чувствую: для меня молитва требует напряжения воли. Иногда она приносит плоды, иногда — нет... Вернее, не приносит ощутимых плодов сразу. Молясь, необходимо верить, что Бог слышит тебя, что молитва способна что-то изменить — хотя твердых оснований для такой уверенности нет. Вера дается мне нелегко.

Когда я соприкасаюсь с иной культурой, я должен ориентироваться на ее правила. Иными словами, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Путешествуя по южной Индии, я усвоил, что помотать головой из стороны в сторону — знак согласия, а не наоборот. Женившись, я узнал, что мужчины — с Марса, а женщины — с Венеры. Я и теперь, после тридцати пяти лет брака, открываю все новые различия между мною и моей женой. И если я хочу ближе узнать Бога, мне нужно осваивать новые способы общения с Ним. Ведь я хочу дружить не с кем-нибудь, а с Самим Богом, Которого даже нельзя увидеть!

Недавно я получил весточку от врача-миссионера, три последних года прожившего в Эквадоре. Среди прочего он пишет о том, как много огорчений доставляет ему изучение испанского языка. Проведя в Эквадоре три года, он все еще делает детские ошибки в грамматике. Общаясь с носителями языка, он нередко попадает в неловкое положение и лишь с трудом, запинаясь, способен выражать те мысли, которые так легко рождаются у него в голове. Он утверждает, что для него беседа на испанском языке — это непрерывный урок смирения. Да, конечно, определенный прогресс есть, но каждый день ему приходится констатировать: он опять выразился неточно, он в очередной раз не смог различить тонких оттенков речи собеседника.

В изучении чужого языка я вижу определенную параллель с молитвой. Чтобы научиться бегло говорить на иностранном языке, я должен выделить время для занятий, и, несомненно, ради этого мне придется от чего-то отказаться. Сперва обучение будет трудным, но, несмотря на это, нужно продолжать работу. Я не бросаю начатого если хочу достичь поставленной цели. И ведь почти все сколько-нибудь стоящее — спортивные занятия, обучение игре на гитаре, приобретение навыков работы на компьютере — требует такого же отношения.

Моя молитвенная жизнь по-прежнему связана с борьбой. То же самое я могу сказать и о прощении. И о любви к ближнему. И о помощи нуждающимся. Я не отступаю, потому что все это — Божьи заповеди, и я верю: исполнять их — благо для меня, даже если я его не всегда ощущаю. Более того, я верю, что моя настойчивость каким-то непостижимым образом приятна Богу. Мы должны всегда молиться и не унывать — так учил Христос.

Вот в чем еще я нахожу некоторое ободрение. Ученики Иисуса тоже не знали, как надо молиться, и даже после нескольких месяцев следования за Ним просили: «Господи! Научи нас молиться» (Лк 11:1). Поддерживает меня и пример христиан, которые, весьма продвинувшись в духовной дисциплине, все равно ведут подобную борьбу. (Если вы сомневаетесь, почитайте жизнеописания католических монахов-траппистов, вся жизнь которых посвящена исключительно общению с Богом. Они сталкиваются с теми же препятствиями, что и мы, мирские люди, уделяющие богообщению лишь часть своего времени.) Как научиться молитве? «Молитесь... — отвечала на этот вопрос мать Тереза. — Если вы хотите молиться лучше, молитесь больше».

Великий английский проповедник Лесли Узерхед, прозванный «врачевателем душ человеческих», испытывал то же, что и многие:

«Мне всегда было трудно молиться. Часто молитва напоминает мне бесплодную игру в прятки — Бог прячется, а мы его ищем. Я знаю, Господь очень терпелив со мной. Если бы не Его терпение, я бы давно отпал от веры. Но, честно говоря, мне тоже приходится быть терпеливым с Ним. Я перестал бы общаться с любым из друзей, если бы он отвечал мне так тихо и так скудно. Однако долго обходиться без молитвы я не могу. Мои нужды побуждают меня молиться. И еще у меня есть ощущение, что Бог имеет веские причины, чтобы прятаться, и что мои поиски в конце концов обернутся бесконечно ценной находкой... Я хотел бы получать от молитвы больше удовлетворения, но поисков мне не избежать. Иисусу тоже порой бывало нелегко молиться. Самые отчаянные Его молитвы остались без ответа. Тем не менее, молиться Он не переставал. Честно говоря, мне трудно рассказать что-нибудь впечатляющее о своих молитвах, но я не перестаю молиться, потому что «жаждет душа моя к Богу крепкому, живому» (Пс 41:3), и я твердо знаю, что вне Бога нет ничего, кроме

смерти».

Маленькое оконце

Немецкий богослов, иезуит Карл Ранер, способствовавший обновлению католической теологии в двадцатом веке, в работе «Молитва: необходимость и благословение» воспел повседневную молитву:

«О, ежедневная молитва! Ты скудна и слегка потрепана, как сами будни. Для тебя трудны великие мысли и сильные чувства. Ты — не торжественная симфония, звучащая под высокими сводами собора, а скорее задушевная песня, льющаяся из сердца, добрая, немного монотонная и наивная. Но ты, молитва каждого дня, — оплот верности, надежды и бескорыстия. Ты служишь Великому Богу, не ожидая награды. Ты приносишь свет в самые серые наши дни и делаешь великими обыденные мгновения. И ты — человек, молящийся каждый день, — творишь молитву не для себя, а для славы Господа. Ты молишься не ради результата, а ради веры. Порой ты движешься устало, но все же продолжаешь путь. Подчас твоя молитва исходит не из сердца, а лишь из уст. Но не лучше ли славить Господа хотя бы устами, чем вовсе оставаться немым? И разве нет надежды, что слова, сошедшие с уст, не откликнутся в сердце? И в дни, бедные молитвой, когда мы ругаем себя или других за то, что молимся одними лишь устами, очень часто наши молитвы — это все же голос сердца, нищего, но верного сердца. В молитве сердце, несмотря на слабость и усталость, на потаенную досаду и недовольство, упрямо стремится вверх. Оно старается пробить хотя бы маленькое оконце, чтобы сквозь него в душу, заваленную будничными заботами, упал тонкий лучик вечного света».

Какое молитвенное правило выбрать?

В середине самого сложного и смутного периода своей жизни Генри Нувен, который тогда преподавал в Йельском университете, взял годичный отпуск и провел семь месяцев в траппистском⁴² монастыре на севере штата Нью-Йорк. Там он задал вопрос своему духовнику: как достичь глубины в молитве, если ты постоянно занят? Нувен жаловался на то, что когда он пытается молиться, его мысли постоянно отвлекаются на множество вещей, которые представляются более важными и срочными, чем молитва. Наставник порекомендовал Нувену составить расписание для молитвы, и в отведенное время считать ее делом более важным, чем все остальное. Он предложил молиться один час утром, перед работой, и полчаса перед сном — правило гораздо менее жесткое, чем у самого наставника-монаха.

Нувен выбрал более реалистичный вариант — полчаса в день. Сначала его мысли разбегались, словно дикие звери. Но он не отступал, говоря себе: «Раз уж я отвел эти полчаса для молитвы, я буду молиться». Со временем ему стало легче: иногда он чувствовал, что его

⁴² *Трапписты — католический монашеский орден строгого устава. Монахи обязаны молиться одиннадцать часов в сутки, трудиться, а также соблюдать строгий пост, облегчаемый только для больных, и молчание, прерываемое лишь для молитв и песнопений. — Прим. ред.

душа настраивается на более спокойный лад. «Вначале кажется, что когда молишься, ничего не происходит, — замечает Нувен. — Но по мере того как молитва входит в привычку, начинаешь понимать: изменения все-таки есть».

Как и Нувен, я тоже чаще всего оцениваю действие молитвы, оглядываясь назад. Сам процесс молитвы воспринимается как работа. Хочется сделать себе послабление, взгляд все время падает на часы. Однако позже в течение дня меня посещают мысли и чувства, источником которых стала моя утренняя молитва. После молитвы мне легче увидеть в происходящих событиях и в людях, с которыми я встречаюсь, то, что видит в них Бог. Утренняя молитва, как стойкий аромат, остается со мной в течение всего дня.

Когда я читаю наставления прославленных молитвенников о молитвенной дисциплине, я, честно говоря, испытываю огромное внутреннее сопротивление. Мать Тереза предписывала всем сестрам своего ордена каждое утро отводить час для молитвенных размышлений (монахини должны были вставать в половине пятого и перед утренней молитвой обливаться холодной водой). Некоторые средневековые авторы рекомендовали делать паузу перед каждой молитвой и говорить самому себе: «Кто знает, может быть эта молитва — последняя в моей жизни». По их мнению, такое напоминание помогает полностью сосредоточиться на молитве. Когда я читаю подобные чить. Но оно нам кажется более полезными, более возделенными, чем тишина и общение с Богом.

Давайте скажем честно: электронные устройства стали сегодня конкурентами молитвы. В некоторых книгах о молитве присутствует утверждение, что время, проведенное с Богом, — это апогей каждого дня верующего человека, а на любую искреннюю молитву, слетевшую с уст, движимых Духом Святым, придет немедленный чудесный ответ. Но вместо этого молящемуся приходится бороться со скукой, усталостью и навязчивым ощущением того, что он тратит время впустую. «Что же не так?» — спрашивает он.

Проницательный социолог Даниэль Янкелович указывает на радикальные изменения, произошедшие в западной культуре в 70-х годах двадцатого века. Раньше в обществе ценилось самоотречение, умение «отложить вознаграждение». Ради достижения долговременных целей каждый из супругов готов был работать на двух работах или переехать в другой город. Родители часто оставались вместе ради детей, даже если брак не удовлетворял их. В семидесятые годы все изменилось. Этика самоотречения трансформировалась в этику самоудовлетворения. Мы вслушиваемся в свои внутренние потребности и жаждем немедленно их удовлетворить — без жертв, без ожидания. Все, что нам хочется иметь, мы покупаем в кредит. Ото всего, что нам кажется сложным или утомительным (как, например, проблемный брак), мы стремимся как можно скорее избавиться.

Молитва сильно страдает от такого подхода. Молитвенная жизнь требует дисциплины и постоянства, умения переносить обыденность и временное окаменение сердца. Результаты молитвы с трудом поддаются измерению, и, как правило, молитва не утоляет душевный голод молящегося немедленно и с гарантией.

Новый Завет рисует нам молитву как некое стратегическое оружие в затяжной войне. Рассуждая о молитве, Иисус ставит нам в пример вдову, которая надоедает судье, и человека, стучащегося ночью в дверь соседа. Павел сперва описывает образ христианина-воина, облаченного «во всеоружие Божие» (Еф 6:11), а затем четырежды повелевает верующим молиться. В другом послании он убеждает своего ученика Тимофея переносить тяготы, подобно воину, трудиться, подобно земледельцу, и стремиться к победе, подобно атлету (2 Тим 2:4–7)⁴³.

⁴³ *В синодальном переводе Библии слов об атлете нет. Приводим перевод «Радостная Весть», РБО: «Воин в походе не отвлекается ни на какие житейские дела, он думает лишь о том, как угодить призвавшему его на службу командиру. И атлета не увенчают победным венком, если он будет бороться не по правилам. Так и земледelec, который трудился в поте лица, первым должен получить свою долю урожая. Обдумай мои слова. Господь поможет тебе во всем разобратъся». — Прим. переводчика.

Я никогда не занимался земледелием и не служил в армии, но в течение тридцати лет занимался бегом и часто принимал участие в благотворительных состязаниях. Я помню, как начались мои занятия бегом. На писательской конференции я встретил молодого человека по имени Питер Дженкинс. В то время он работал над книгой «Пешком через всю Америку», которая впоследствии стала национальным бестселлером. Рассказывая о своих дорожных приключениях, он, между прочим, сказал: «До чего же мне надоели репортеры! Они прилетают из Нью-Йорка, арендуют автомобиль, подъезжают ко мне. Потом, не вылезая из авто с кондиционером, нажимают на кнопку, чтобы опустить оконное стекло, высовывают голову и спрашивают: «Ну, и каково тебе, Питер, идти пешком по Америке?» Я предпочел бы, чтобы они некоторое время прошли рядом со мной!» И я, без особых размышлений, вызвался пойти с ним.

Назначенное время приближалось, и я все отчетливее понимал, что для похода через Техас — в июле, с двадцати пяти килограммовым рюкзаком за спиной — мне следует набрать спортивную форму. Поэтому в один прекрасный день я купил дешевые кеды, вышел из дверей дома и рванул вдоль дороги, намереваясь пробежать несколько миль. Пробежав квартал, я остановился, хрипя и задыхаясь. Так я получил суровый урок физической культуры: стоит прервать упражнения лет на десять или больше, и тело уже не повинуетеся вам, как прежде.

В этот день я пробежал, сколько смог — один квартал, потом квартал прошел, пробежал еще один и униженно поплелся домой. На следующий день я пробежал два квартала, потом немного прошел, потом еще немного пробежал. За шесть недель, как раз к назначенному сроку, я пробегал семь миль без остановки. Так я начал регулярно упражняться и по сей день продолжаю это занятие. Мой организм настолько привык к такому режиму, что когда я пропускаю несколько дней из-за травмы или болезни, то чувствую себя усталым и раздраженным.

Я сразу взял за правило никогда не задавать себе вопрос: «Хочется ли мне сегодня бегать?» Я просто поднимаюсь и бегу. Зачем? Я могу привести множество причин. Регулярные нагрузки позволяют мне есть, что хочу, не боясь набрать лишний вес. Я могу рассчитывать, что мое сердце и легкие еще долго будут в порядке. Бег делает доступными для меня и другие занятия, связанные с физическими нагрузками, — например, катание на лыжах и скалолазание. Все эти преимущества — пример «отложенного вознаграждения».

Для молитвы верно то же самое, что и для физических упражнений: вознаграждение, как правило, приходит в результате постоянного соблюдения принятого распорядка. Писательница Нэнси Мейерс говорит, что она ходит в церковь регулярно и так же регулярно садится каждый день за письменный стол: вдруг в голову придет хорошая мысль, а Нэнси не будет на месте, чтобы эту мысль записать. Подобным образом я подхожу к молитве. Мне трудно бывает сказать что-либо конкретное о плодах молитвы — они становятся видны не сразу. Но независимо от того, приносит ли молитва видимую пользу или нет, я продолжаю молиться. Я регулярно встаю на молитву — в надежде ближе узнать Господа и, может быть, услышать от Него слова, которые можно уловить лишь в тишине и уединении.

На протяжении многих лет я сопротивлялся любым молитвенным правилам. Я верил, что общение с Богом должно быть добровольным и произвольным. В результате я молился нерегулярно и не чувствовал удовлетворения. Но в конце концов я понял, что свобода вырастает из дисциплины. Леонардо да Винчи десять лет рисовал в разных ракурсах уши, локти, руки и другие части человеческого тела. И в один прекрасный день он закончил упражнения и стал писать свои шедевры. Точно так же нельзя стать великим спортсменом или великим музыкантом без регулярных тренировок. Я открыл, что и в молитве мне нужна дисциплина и регулярность — только тогда будут возможны редкие минуты свободного общения с Богом.

Английское слово «meditation», которое мы переводим как «медитация», «созерцание», «молитвенное размышление», происходит от латинского слова, означающего «упражнение». Римский поэт Вергилий писал о пастушке, который «медитировал» (то есть разучивал

мелодию) на флейте. Моя молитва часто напоминает упражнение или репетицию. Я повторяю гамму (это молитва Господня), исполняю знакомые пьесы (псалмы) и разучиваю несколько новых мелодий. Репетиций я, как правило, не пропускаю.

Два мира

В средние века был такой обычай (а в монастырях он действует и поныне): заслышав звон церковного колокола, все останавливались и произносили положенную для такого случая молитву. Молитвенный ответ на колокольный звон заставлял вспомнить о Боге. Там, где я живу, звон церковных колоколов не слышен, и потому, чтобы вспомнить о Боге, мне приходится прилагать специальные усилия. В противном случае мои мысли всегда будут заняты сугубо земными вещами: образами с телеэкрана, деталями предстоящих путешествий, видом кучи нестиранного белья, беспокойством за больного друга — и так до бесконечности.

Когда я молюсь, мне иногда кажется, что я покидаю большой мир, а мое пространство сужается до размеров комнаты. На самом же деле я вхожу в другой мир, живой и реальный, хоть и невидимый. Он имеет силу изменить и меня, и мир, в котором я обычно живу — тот, что, как мне представляется, я покинул ради молитвы. Регулярная молитва помогает мне защитить свою душу от вторжения внешнего мира. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф 5:8), — сказал Христос. Зная, как долго способен держаться в моем сознании эротический образ, сконструированный голливудскими режиссерами — мастерами возбуждать в человеке похоть, я понимаю, что имел в виду Христос. Как часто мои мысли заполнены образами, вытесняющими Бога! Молитва же способствует «обновлению ума» (Рим 12:2). Это двухступенчатый процесс. Сначала надо вычистить все, что может не понравиться Богу и повредить мне (оказывается, это одно и то же), а потом дать Богу возможность заполнить мой разум более важными мыслями.

Контакт с Богом — этот не просто миг, позволяющий мне воспарить духом: в это время я запасаюсь тем, что нужно мне для дальнейшей жизни. Я стараюсь урвать для молитвы хотя бы несколько минут тишины по утрам — в надежде, что частица этого спокойствия останется со мной в течение всего дня. Когда я молюсь добросовестно, я чувствую себя свободным, сильным и готовым встретить все тяготы и искушения предстоящего дня. Как ясно видно из псалмов, молиться — не значит отрываться от жизни. В молитве мы приносим Богу все, чем живем в земном мире — ритмы природы, изматывающие проблемы, терзающие душу чувства, личные конфликты — и просим у Него дать нам новый взгляд на жизнь и новую энергию для жизни на земле.

Короче говоря, в молитве я предстаю перед Богом и приглашаю Его в свою жизнь. Иисус проводил много часов в уединении и молитве, но неизменно возвращался в наполненный делами мир людей, с их хлопотами, обедами, свадьбами и толпами бедных и больных. Он отказался от предложения Петра поставить шатер и остаться на вершине горы Преображения (Лк 9:28–37). Вместо этого Он вернулся к народу, ожидающему Его внизу. Я хочу, следуя примеру Спасителя, сблизить два мира — мой мир и мир Бога, — чтобы они стали одним целым.

Утренняя молитва — это возможность в присутствии Бога обдумать планы на день грядущий, перебрать в памяти все намеченные встречи и телефонные звонки. Это также возможность попросить Бога, чтобы Он обострил мое внимание к любым знакам свыше. Мы не знаем, что ждет нас сегодня. И поэтому, как мне кажется, полезно просить Господа о чуткости ко всему, что может произойти. Просить о том, чтобы мне настроиться на волну Господа, Который неизменно выводит Свою партию за сценой. Мой духовный наставник молится так: «Господи, покажи мне, что Ты делаешь сегодня, и как я могу участвовать в этом». Когда я начинаю свой день с молитвы, в течение дня мои приоритеты удивительным образом перестраиваются. Неожиданный телефонный звонок оказывается более важным, чем запланированное заполнение налоговых деклараций.

А вечерняя молитва — это своего рода эпилог дня. Она дает возможность оглянуться на минувшие события, подвести итог всему понятому и узнанному за день, покаяться во грехах и доверить Богу то, что я не смог сделать, и то, что меня тревожит. Как часто я ложился спать, не зная, как справиться с забарахлившим компьютером или преодолеть творческий кризис, а утром просыпался с готовым решением или со свежими идеями. Но вот что существенно: если я специально не планирую время для молитвы — неважно, на утро или на вечер, — молитва, скорее всего, не состоится. Для молитвы необходимо выделять время — так же, как для спорта, для просмотра новостей и для приема пищи.

Мне, как и многим другим людям, важно иметь постоянное место для молитвы. Это помогает настроить дух. Президент США Джимми Картер отвел для личной молитвы специальную комнату рядом с Овальным Кабинетом. Я знаю женщину, которая организовала уголок для молитвы в своей просторной ванной комнате. Она поставила там свечи и несколько раз в день заходит туда с единственной целью — помолиться.

Когда Генри Нувен преподавал в Йельском университете, он превратил свою гардеробную в комнату для молитвы. «Если я в молитвенной комнате — значит, я молюсь. — говорил он. — Находясь там, я могу думать о тысяче разных вещей, но сам факт, что я там нахожусь, означает, что я молюсь. Я заставляю себя пробыть там пятнадцать минут. Я изо всех сил стараюсь сосредоточиться, очистить ум ото всего, что меня отвлекает, и погрузиться в молитву. Но если в течение пятнадцати минут мне так и не удастся должным образом сосредоточиться, я говорю: «Господи, вот это и была моя молитва — вся эта сумятица. А теперь я возвращаюсь в мир».

Мой день начинается на террасе, окна которой обращены к роще. К кормушке прилетают ранние птички. Проснувшиеся белки потягиваются и соскальзывают вниз к рассыпанному птичьему корму. Сквозь причудливую линию холмов прорезаются первые лучи солнца. У меня возникает ощущение, что Господь уже начал сегодня Свою работу. Я знаю, что Он трудился и ночью. И все мои проблемы, явленные на фоне ритмов огромного Божьего мира, на фоне вечности, предстают передо мной в совершенно ином свете.

Бен Паттерсон, священник Вестмонтского колледжа в штате Калифорния, рассказывает о том, как однажды повредил позвоночный диск. Врачи велели ему шесть недель не вставать с постели. Оказалось, что в таком состоянии — лежа на спине и находясь под действием сильных лекарств — он практически не может читать. Сделавшись столь беспомощным, Бен понял нечто очень важное о молитве.

«Я был беспомощен. Более того, я был напуган. Почему несчастье произошло именно со мной? Сумею ли я теперь заботиться о своей семье? А что будет с церковью? Я был там единственным священником и теперь не мог делать ровным счетом ничего. В полном отчаянии я решил молиться за церковь. Ежедневно я брал список членов общины и молился за каждого. Это занимало около двух часов, но я считал, что раз я больше ни на что не способен, то надо хотя бы молиться. К молитве меня побуждала не набожность, а скорее тоска и скука. Но прошло несколько недель, и я полюбил молиться. Однажды незадолго до окончания срока вынужденной неподвижности я сказал Господу: «Как прекрасно, что у нас с Тобой была возможность провести так много времени в общении. Жалко, что когда я здоров, времени у меня гораздо меньше».

Бог ответил быстро и определенно. Он сказал: «Бен, когда ты здоров, у тебя ровно столько же времени. Те же двадцать четыре часа в сутки. Беда в том, что когда ты здоров, ты думаешь, будто ты здесь главный и от тебя многое зависит. А когда ты болен, ты знаешь, что это не так».

Молитва урывками

Дебора Риенстра, христианская писательница

Недавно одна знакомая писательница попросила меня принять участие в написании статьи для христианского журнала. Статья называлась «Отдавайте Богу первые плоды». В ней моя знакомая с энтузиазмом рассказывала о том, что перенесла время молитвы с вечера на утро: в результате она пережила скачок в духовном росте и ее жизнь преобразилась. Она искала другие похожие истории, чтобы подтвердить пользу утренней молитвы. Я попробовала откликнуться на эту просьбу, но в результате поняла лишь одно: как только я вышла на работу при трех маленьких детях и муже, работающем по вечерам, моя молитвенная жизнь покатилась под откос. Я молюсь несколько минут с утра. Я уделяю молитве несколько минут сразу после прихода в офис — пока не закипит чайник. Я молюсь урывками, стоя в пробке на дороге, или разогревая еду, или дожидаясь окончания загрузки компьютера. В особо удачные дни я молюсь несколько минут вечером — перед тем как без сил свалиться в кровать. В конце концов я отказалась от попыток найти новый, вдохновляющий поворот предложенной темы. Ведь автор статьи не искала рассказа о том, как приходится бороться за каждую минуту молитвы. Ее интересовали триумфы и победители.

ГЛАВА 13. ГРАММАТИКА МОЛИТВЫ

*Не священник, не учитель -
Это я перед Тобой. Боже! Мне нужна молитва,
Дар бесценный, дар святой.*
Христианский гимн

Читает ли маленький ребенок, осваивающий родной язык, словари и учебники грамматики? Нет! Он просто лепечет, его губки и гибкий язычок подражают звукам, которые слышит ухо. Большинство детей сначала произносят отдельные слова — Баба. Мама. Дай! Папа. Пока-пока! — а потом овладевают простыми предложениями. Иногда в их речи случаются смешные ошибки, как у иностранцев: «Я ходил играй».

Удивительно, что в определенном возрасте лепечут даже глухие дети, но не получая обратной связи через слух, они вскоре перестают произносить звуки. Чтобы научиться говорить, необходима помощь. Ребенок не способен выучить родной язык, находясь в полной изоляции. Это подтверждают ужасные случаи жестокого обращения с детьми, которых долгие годы держали взаперти — на чердаках и в чуланах.

Чтобы научиться читать, тоже нужна помощь. Я помню, как любил разглядывать картинки в огромном букваре. А наглядевшись вдоволь, я волок его к матери, которая в это время гладила белье, и снова и снова спрашивал: «Это что?» Мама научила меня буквам, потом слогам. Она помогла мне увидеть связь между подписью под картинкой и нарисованной на ней собачкой или кошечкой. Я узнавал все больше букв и слов, а потом наконец освоил искусство складывать слова в осмысленные предложения. Позже в школе я изучал грамматику, то есть правила, которые помогают строить из слов предложения. Теперь при чтении я даже не замечаю отдельных букв — процесс, посредством которого мозг извлекает смысл из черных закорючек, начертанных на бумаге, целиком переместился в подсознание.

Обучение молитве — как и обучение речи, чтению или ходьбе — требует времени и

происходит путем проб и ошибок. При этом практически никогда не удастся избежать растерянности и неудач. «Правила» молитвы, как и правила грамматики, должны в итоге стать для нас чем-то естественным, закрепиться в подсознании. К счастью, у нас есть много наставников и учебных пособий. Люди молятся с очень давних пор.

Библейские молитвы

Предположим, вы вдохновились возвышенной надеждой и решили регулярно молиться. Вы выделили для этого специальное время утром и решили начинать с чтения Писания. Разве Божье Слово не помогает «прочистить» каналы связи с Богом? Вы открываете Библию наугад и читаете несколько стихов. Нет, попало что-то неподходящее: длинный список разных племен, вроде итогов переписи населения. Надо выбрать другое место, например, книгу кого-нибудь из пророков. Но и тут много непонятных имен! Затем вы перелистываете еще несколько страниц и читаете описание голода и резни. Молитвенное настроение прошло, оно сменилось беспокойством и растерянностью: «Наверно, я сделал что-то не так?»

Новичок, читающий Библию, скорее всего, найдет в ней совсем немного мест, побуждающих к молитве и поклонению Богу. Между нашим миром и миром Библии лежит пропасть в несколько тысячелетий. Такой разрыв сильно уменьшает вероятность того, что вам будет понятно все прочитанное. Пока вы не ознакомитесь с общим планом Библии, случайный выбор текста будет давать сомнительные результаты. Поэтому лучше начинать с текстов, посвященных молитве. Библия содержит примерно шестьсот пятьдесят молитв, коротких и длинных, отражающих самые разные настроения и обстоятельства. Если собрать эти фрагменты вместе, получится прекрасное руководство для тех, кто учится молиться.

Молитва Господня

Поговорим сначала о молитве Господней, то есть об «Отче наш» (Мф 6:9-13). Иисус учил этой молитве апостолов, которые хорошо знали традиционные иудейские молитвы той эпохи. Но ученики заметили, что Иисус как-то по-новому подходит к молитве, и стали расспрашивать об этом наставника. В ответ Христос дал им образец.

Как и большинство людей, регулярно посещающих церковь, я молился молитвой Господней сотни раз, так что могу повторить ее, не задумываясь. Мне не трудно остановиться, поразмышлять над какой-то ее фразой, высказать свои мысли.

Отче наш, Сущий на Небесах

Я начинаю с ласкового родственного обращения — «Отче». Напоминай мне сегодня, что Ты живешь и правишь не только на небесах. Ты рядом со мной, Ты присутствуешь в моей жизни. Не дай мне забыть о Своем присутствии и участии, что бы я сегодня ни делал и кого бы ни встретил.

Да святится Имя Твое

Как мне узнать Тебя — в великолепии природы, в пестрой череде людей, с которыми я встречаюсь, в тихом голосе* призывающем меня стать более похожим на Тебя? Дай мне «святить» то, что вижу перед собой, памятуя о том, что все вокруг — дело Твоих рук. Дай мне славить Твое совершенство и Твою святость, стараясь, насколько возможно, уподобляться Тебе.

Да приидет Царствие Твое

Да! И позволь мне быть посланником Твоего Царства, принося мир встревоженным, милость нуждающимся и Твою любовь всем, с кем я соприкасаюсь. Помогите мне сегодня жить так, чтобы люди поверили в Твое благое Царство.

Да будет воля Твоя и на Земле, как на небе

Исполнение Твоей воли на земле я отчетливо вижу во Иисусе Христе, Который исцелял больных, утешал несчастных, поддерживал униженных. Он всегда был на стороне жизни, а не смерти, надежды, а не отчаяния, свободы, а не рабства. Он жил на земле по воле небес. Помоги мне жить, как Он.

Хлеб наш насущный дай нам на сей день

Мы не знаем, что случится завтра. Я хочу верить, что сегодня Ты пошлешь мне все необходимое для тела и души. Я не желаю беспокоиться о том, что понадобится в будущем. Помоги мне быть чутким к тем, кто сегодня не имеет насущного хлеба.

И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим

Не дай мне забыть о моем истинном положении: о том, что я — Твой должник, и никогда не смогу выплатить свой долг. Благодарю тебя, что я и не должен его платить. Помоги мне прощать тех, кто в долгу передо мной, тех, кто согрешил против меня, — так же, как Ты простил меня.

И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого

Не дай мне сегодня оступиться, по недомыслию впасть во искушение и совершить зло. Но пошли мне внимание, чтобы замечать соблазны, и силу, чтобы без страха и сожаления им противостоять.

Псалмы

Книга Псалмов — это практический курс молитвы. «Я называю эту книгу «Анатомией души», — писал Кальвин, — потому среди человеческих чувств нет такого, которое не отразилось бы в Книге Псалмов, как в зеркале». Страх, хвала, тревога, гнев, любовь, сожаление, отчаяние, благодарность, горе, сомнение, страдание, радость, жажда мести, раскаяние — все человеческие чувства, весь опыт души бурлит и волнуется в молитвенной поэзии Псалмов.

Христианская церковь переняла эти иудейские тексты с первых дней своего существования. Их поют хором во время богослужений. Сам Иисус вместе с учениками пел псалмы во время Тайной Вечери. Умирая на кресте, Он произнес слова псалмов. Гитлеровская цензура пыталась наказать Дитриха Бонхоффера за то, что он издал книгу о Псалмах. Обвинение было основано на том, что Псалтирь — это часть еврейского Ветхого Завета. Бонхоффер подал апелляцию и добился оправдания на том основании, что Псалмы были молитвенником Христа.

Этот молитвенник по сей день используют христиане, иудеи, а кое-где — и мусульмане. Молитвы из сборника псалмов помогают человеку открыть душу перед Богом, они затрагивают сердца самых разных людей. «Эта книга учит всему, что может побудить нас к молитве», — говорил Кальвин.

В жизни мы часто видим те же картины и сталкиваемся с теми же событиями, что описаны в Псалмах: звездное небо, стадо овец на склоне холма, проблемы в семье, войны или слухи о войне, депрессия или душевный подъем. Начните читать Псалтирь — и вы вместе с псалмопевцем будете то сетовать на Бога, то восхвалять Его за верность, то желать собственной смерти, то восторгаться красотой природы, то молить о лучшей жизни, то проклинать своих врагов⁴⁴.

⁴⁴ *Проклятия в псалмах ставят в тупик многих читателей. Приведу здесь краткий обзор моих рассуждений на эту тему в книге «Библия, которую читал Иисус» (Филипп Янси. Библия, которую читал Иисус. М.: Триада, 2007):

Всех людей посещают адские мысли, но главное — какие действия рождаются из этих мыслей. Одно дело — написать детектив об убийстве, и совсем другое — совершить убийство. Если кто-то навредил мне, поступил

Псалмы помогают мне быть честным, подсказывают такие слова для молитвы, которые я иначе не решился бы использовать. Я читаю псалмы, они становятся моими молитвами — таким образом я учусь молиться, как подобает человеку. Псалмы, исполненные гнева и жажды мести, учат меня честности: мне приходится сознаться в том, что я тоже испытываю эти чувства. Псалмы обнажают обиды и раны, которые я долго скрывал. Но теперь я чувствую себя свободным, понимая, что Бог разрешил мне открыть в молитве темные стороны моей души и даже побуждает меня к этому. Я могу доверить свои тайны Богу.

Иногда после многократных падений я обращаюсь к пятидесятому псалму. Эту молитву Давид написал, пережив публичное унижение: тогда об его нравственном падении стало известно всему народу. (На память сразу приходит недавняя история, когда были преданы огласке скандальные подробности отношений президента США Билла Клинтона и Моника Левински.) Нелицеприятные дела Давида обсуждали все. Все сплетничали и насмехались над царем. Тогда-то и был написан пятидесятый псалом.

В нем показано разрушительное действие греха. Давида преследует чувство вины: «...грех мой всегда предо мною» (Пс 50:5). Он утратил чувство Божьего присутствия. Ему хочется укрыться от Бога — но где от Него спрячешься? Грех Давида обернулся трагедией для многих людей, но Давид знает, что прежде всего он виноват перед Богом: «Тебе, Тебе единому согрешил я» (Пс 50:6). Он нарушил последние пять из десяти Божьих заповедей. И хотя Давиду удастся восстановить отношения с Богом, прежней радости и силы у него уже не будет никогда.

После каждого своего падения я прохожу через каждую из описанных в этом псалме стадий. И я крепко держусь за истину, которая принесла утешение царю, виновному в прелюбодеянии и убийстве:

«Жертва Богу — дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» (Пс 50:19).

В пятидесятом псалме я нахожу образец исповедания вины, покаяния и восстановления отношений с Богом. И провинившись в очередной раз перед Господом, я следую этому образцу. Слова псалма становятся моими словами.

Однажды я взял десять идущих подряд псалмов (с тридцать четвертого по сорок третий) и выписал те принципы молитвы, которые увидел в них. Псалмы расширили мое представление о молитве. Я понял, что могу быть более дерзким, более страстным, сильнее жаждать общения с Богом. Короче говоря, я увидел, насколько поверхностны были мои прежние молитвы, и ощутил потребность в более глубоких отношениях с Господом.

со мной несправедливо, я могу реагировать на это по-разному. Могу попробовать отомстить обидчику — такой ответ осуждается Библией. Могу отрицать или подавлять свою боль или гнев. И могу выразить эти чувства перед Богом, доверяя Ему справедливое возмездие за причиненное мне зло. Проклинающие псалмы — пример такого выражения чувств. Псалмопевец не обрушивает свой гнев на врага, а открывает его перед Богом.

Мы инстинктивно стараемся убрать из своей молитвы негативные чувства, но не исключено, что в итоге они к нам вернуться. Может быть, наоборот, надо стараться открыть свои худшие чувства перед Богом. В конце концов, слова, которые при обращении к другому человеку были бы сплетней, при обращении к Богу становятся прошением. И мстительный клич («Будьте прокляты!»), если он звучит перед лицом Бога («Только Ты можешь наказать этих людей — только Твой суд справедлив»), превращается в вопль о защите беспомощных,

Мне кажется, псалмы-проклятия — это пример того, как реагировать на зло и несправедливость. Не надо пытаться подавить ужас и гнев. Не надо пытаться брать на себя восстановление справедливости. Лучше открыть, обнажить самые отталкивающие свои чувства и принести их Богу. Как показывают книги Иова, Иеремии и Аввакума, у Господа высокий порог терпимости к тому, что мы можем сказать в молитвах. Бог сумеет справиться с моим неуправляемым гневом. Кроме того, обратившись к Богу, я увижу, что мне необходимо исправить мстительные чувства. Однако для того, чтобы Он исправил и исцелил меня, я должен сперва открыться перед Ним. — Прим. авт.

Вот что я тогда понял:

- Допустим, ты зол на кого-то. Но вместо того чтобы злиться или сплетничать, надо рассказать Богу о том, как несправедливо с тобой поступили, и попросить Его навести порядок.

- Во время молитвы допустимо выражать свое нетерпение, просить скорого ответа на молитву и даже указывать на то, что удовлетворение твоей просьбы — в интересах Самого Бога.

- Во время молитвы допустимо обращаться к самому с собой («Не завидуй делающим беззаконие... Уповай на Бога ... Гневаясь, не согрешайте»). Я знаю, что приносит мне пользу, но мне трудно поступать правильно — и я наставляю себя в молитве.

- Не следует сосредотачиваться только на несправедливостях и проблемах. Надо помнить и о хорошем. Вспоминай то хорошее, что было раньше. В темные времена не забывай о том, что узнал в светлые дни.

- Очень полезно представлять себя новым, изменившимся к лучшему человеком. Психологи формулируют этот принцип так: «Веди себя так, как будто желаемое уже совершилось».

Кроме того, благодаря псалмам я научился разговаривать с Богом — так же, как я разговариваю с коллегой, с другом, с женой. Иными словами, я стал относиться к Богу как к Личности во всех смыслах этого слова. Прежде личная молитва была для меня обязанностью, а не свободным излиянием мыслей и чувств. Теперь мои молитвы стали шире и глубже.

Многие находят полезным такое упражнение: переписать один или несколько псалмов своими словами, вставляя подробности своих личных обстоятельств в те места, где автор выражает благодарность или боль или о чем-то просит Бога. Как-то Юджин Петерсон пересказал несколько псалмов современным языком. Когда он опубликовал свой пересказ в журнале, читатели завалили его письмами: они просили перевести таким же образом всю Библию. Так появился широко известный перевод — «Весть» (The Message). Сам Петерсон нашел в Книге Псалмов ясный ответ на вопрос: «Как молиться?» Псалмопевцы были людьми страстными, все человеческое было им не чуждо. Но при этом центром их жизни был Бог. В итоге в псалмы вместили в себя весь опыт человеческих чувств. Петерсон пишет:

«Итак, открывайте Псалтирь и молитесь словами псалмов — последовательно, регулярно, неотступно, всю жизнь. Множество христиан почти во все века после Рождества Христова достигали зрелости, благодаря именно такой молитве. Тут нет ничего необычного. Просто следуйте их примеру».

Что делать с похотью?

Я переехала в Бразилию, чтобы изучать медицину, после того как не смогла поступить в медицинский институт у себя дома, в Испании. Жизнь вдали от дома, огромные учебные нагрузки и языковой барьер — неудивительно, что тот год стал для меня очень трудным. Получилось так, что я стала искать утешения в похоти. Бразильская культура пропитана сексом, и он стал для меня отдушиной.

Похоть почти разрушила мою духовную жизнь. Я чувствовала себя полной неудачницей, не приспособленной к жизни в Бразилии. Казалось, все пути к Богу были для меня закрыты. Я думала, что теперь я нечиста изнутри, и не стблю того, чтобы предстать перед Господом. Я чувствовала себя обломком того человека, которым когда-то была. В конце концов я решила поделиться своей проблемой с другом-христианином. Он отнесся ко мне по-доброму, без осуждения, и заверил меня, что не одной мне приходится сражаться с похотью. Он посоветовал читать пятидесятый

псалом, чтобы понять, как обрести прощение и исцеление.

И действительно, лучшие пятидесятого псалма мне ничего бы не помогло. Псалмопевец просит Бога «отвернуть лицо» от его грехов, а не от него самого. Читая эти стихи первый раз, я плакала от стыда. Я думала, что Бог видит во мне одни лишь грехи. Я и сама себя чувствовала одним сплошным грехом — настолько безобразным, что Господь не станет смотреть на меня и не протянет мне Своей руки.

Потом я дошла до слов «Избавь меня от кровей, Боже, Боже спасения моего». Я стала читать этот псалом как молитву, мою личную молитву. «Множественно омой меня от беззакония моего и от греха моего очисти меня». Я старалась произносить этот псалом каждый день, в тишине, как моление к Богу.

Я отсекала все, что порождало во мне похотливые мысли. Я попросила Бога послать мне друзей и начала изучение Библии в группе бразильцев. Одна девушка помолилась надо мной и обняла меня. Она сказала, что любит меня... Я поразились, как много может сделать настоящее объятие. Оглядываясь назад я думаю, что моей главной проблемой было одиночество, а похоть — только ее симптомом.

Я не думаю, что когда-нибудь мне удастся полностью освободиться от похоти, но сейчас я свободна от дурных привычек и сладострастия. Сначала меня пугала мысль, что, когда я освобожусь от своих сексуальных устремлений, наступит одиночество. Но это оказалось ложью. Истина же — в том, что сейчас я менее одинока, чем раньше. И, что еще лучше — я живу теперь без постоянного чувства вины. Однако я чувствую, что чем ближе я к вершине горы, тем больше опасность быть сбитой неожиданно упавшим сверху обломком скалы. Старая ложь может прокрасться обратно. Я чувствую себя абсолютно бессильной, и потому молюсь о помощи.

Хуанита

Молитвы апостола Павла

В каждом из посланий Павла, за исключением Послания к Титу, есть хотя бы одна молитва. Апостол молится о возрастании любви между фессалоникийцами, о более зрелом поведении коринфян. В молитвах он просит о силе, послушании и единстве читателей, которые еще только учатся противостоять злу. В благодарственной молитве из Послания к филиппийцам выражена самая суть его желаний: «...начавший в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа» (Флп 1:6).

Для меня эти молитвы тоже оказались полезными — на их примере я научился выходить за рамки своих эгоистических интересов. Павел расширил поле моего зрения до космических масштабов. То, что произошло с будущим апостолом по дороге в Дамаск, в один миг убедило его, что Христос — это центр Вселенной, что здесь на земле надо действовать заодно с Ним. Наша борьба — «против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф 6:12). Так написал Павел христианам Эфеса, и его молитвы подтверждают, что он в это верил.

В начале своих молитв Павел часто благодарит Бога за духовный рост адресатов письма. Он молится как человек, которому действительно важно, будут ли его подопечные возрастать в вере. Когда я читаю послания Павла, меня не покидает ощущение, что он беспокоится о духовном благополучии других больше, чем о своем собственном. А я — проявляю ли я такую же горячую заинтересованность в духовном состоянии своих друзей и домочадцев? Я нередко слышу в церкви — и произношу сам — молитвы, тема которых — телесное и финансовое благополучие. Насколько же они незрелые в сравнении с молитвами

апостола Павла!

Но Павел молится и о практических вопросах: о заболевших друзьях, о будущих путешествиях, о смелости и безопасности. Иногда он будто размышляет о жизни, и его мысль вдруг внезапно воспаряет до уровня молитвы. Помыслы Павла никогда не отдаляются от Бога, поэтому он воздаёт хвалу и к благодарность Богу сразу же, как только случается что-то хорошее. Он никогда не забывает о присутствии Бога и поэтому воздаёт честь и славу Ему, а не себе.

Молитвы Павла стали для меня образцом наряду с псалмами. В молитву Павла об ефесянах я могу смело вставить имя какого-нибудь студента колледжа, который сегодня борется с сомнениями. Читая возвышенные апостольские молитвы о церкви или жесткие обличительные молитвы о верующих, которые сбились с пути, я направляю луч обличения на себя: «Возрастает ли моя любовь в познании и всяком чувстве, как просил этого Павел в молитве о филиппийцах? Утешаю ли я скорбящих, как учит апостол в молитве из Послания к коринфянам?»

Благодаря молитвам Павла я учусь молиться в первую очередь не о себе: я стараюсь не забывать о вселенской борьбе против сил зла и, памятуя об этой борьбе, молюсь о своей семье, друзьях, церкви, о всей своей жизни и всей истории человечества.

Другие библейские молитвы

Работая над изданием Библии с комментариями, мы с коллегой составили список из четырнадцати великих молитв, запечатленных в Писании. Этот перечень можно использовать как молитвенную программу на две недели — по одной молитве в день. Некоторые из этих молитв очень личные, другие же произнесены перед огромными собраниями. За каждой молитвой стоит образ человека, который говорит Богу о чем-то очень важном. И каждая молитва чему-то учит нас:

Бытие 18: Прощение Авраама о Содоме.
Исход 15: Песнь Моисея Господу.
Исход 33: Диалог Моисея с Богом.
2-я Царств 7: Ответ Давида на Божьи обетования.
3-я Царств 8: Молитва Соломона на освящение храма.
2-я Паралипоменон 20: Молитва Иосафата о даровании победы.
Ездра 9: Молитва Ездры о грехах народа.
Псалом 21: Вопль к Богу о помощи.
Псалом 103: Молитва хвалы.
Данииил 9: Молитва Даниила об Иерусалиме.
Аввакум 3: Молитва пророка Аввакума.
Матфей 6: Молитва Господня.
Иоанн 17: Молитва Иисуса об учениках.
Колоссянам 1: Молитва благодарения апостола Павла.

Изучая Библию, мы не только осваиваем грамматику молитвы, но и окидываем мысленным взором панораму всей истории человечества и Божьего промысла. В результате мы перестаём считать себя и свою жизнь центром мироздания. Я научился видеть всю картину в целом, воспринимать свою маленькую историю в контексте Божьей истории. Я узнал, что не мне одному приходилось спорить с Богом и переживать периоды духовного истощения и тягостных испытаний. Я научился склоняться перед Богом, и это было для меня совсем непросто. Молитвы из Библии помогают мне распознавать голос Бога.

Некоторые авторы рекомендуют не только читать библейские молитвы, но и заучивать их наизусть, чтобы можно было к ним прибегнуть в любой момент.

Дебора Риенстра говорит, что «запасаясь» Словом Божьим, мы даём Святому Духу

больше возможностей обращаться к нам. Заучивая стихи из Писания, мы помогаем словам Бога постоянно звучать в нашем разуме. Одна моя знакомая каждый день учила наизусть псалмы в метро по дороге в медицинский колледж. Она заметила, что это занятие способствует снятию стресса: она стала гораздо меньше беспокоиться о том, успеет или нет выполнить все домашние задания. Священник Бен Паттерсон тоже пишет о заучивании стихов из Библии:

«Особенно хороши для этого молитвы апостола Павла. Возьмем, например, молитву о христианах Эфеса: «...чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы... просветил очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его, и какое богатство славного наследия Его для святых» (Еф 1:17, 18). Или «...дабы вам исполниться всею полнотою Божиею» (Еф 3:19). Идея заучивать молитвы наизусть может показаться неестественной и высокопарной. Разве нет более простого способа утолить духовный голод? Но послушайте, что сказал равви Авраам Хешель прихожанам своей синагоги, когда те стали жаловаться, что слова богослужебных молитв не отражают их истинных чувств. Он сказал: молитва и не должна отражать их чувства, это верующие должны учиться чувствовать то, что выражают слова молитвы. Великие мысли, облеченные в великие слова, которые мы произносим вслух с верой и постоянством, способны дать нам новые чувствования... Заучивание молитв так же полезно для нашего общения с Богом, как для музыканта — ежедневные упражнения. Как певцу полезно петь гаммы, так нашей душе полезно заучить молитву».

Молитвы написанные и произнесенные

В церкви, где я вырос, чтение молитв из молитвенников считалось занятием недуховным. Как молитва, прочитанная по бумажке, может быть искренней и сердечной? Вероятно, эта инстинктивная реакция исторически восходит к восстанию «низкой церкви»⁴⁵ против государственной англиканской церкви. Столетиями христиане доверяли тщательно выверенным каноническим молитвам. Но вот великий английский поэт, пуританин Джон Мильтон высмеял эти высокопарные молитвы, назвав англиканские молитвенники «кукушкиными шпаргалками». Такие уважаемые христиане, как писатель Джон Беньян и религиозный лидер Джордж Фокс, тоже предостерегали от напечатанных молитв. Английские индипенденты⁴⁶ презирали даже тех, кто использовал на богослужениях Молитву Господню.

Однако со временем чрезмерная реакция протестантов смягчилась. Клайв Льюис в своих личных молитвах предпочитал пользоваться текстами из молитвенников, потому что они помогали ему сосредоточиться на вечном, отойти от текущих проблем. По этой же причине он возражал против пересмотра молитвенника. Льюис утверждал, что чем книга «современнее», тем быстрее она устаревает. Ему трудно было воспринимать молитву-импровизацию и свободный молитвенный стиль, принятый в евангельских церквях. «Как

⁴⁵ *«Низкая церковь» (Low Church) — течение внутри англиканской церкви, исторически связанное с пуританами шестнадцатого и семнадцатого веков. В настоящее время этот термин обозначает определенный подход к богослужению, при котором священству, жесткому распорядку службы, таинствам и обрядам придается минимальное значение, а все внимание уделяется проповеди Евангелия и изучению Библии. Противоположный шпаргалками». подход, при котором англиканское богослужение во многом походит на католическую мессу, называется «высокой церковью» (High Church). — Прим. пер.

⁴⁶ *Индипенденты («независимые») — радикальное крыло английских пуритан, которые являлись принципиальными противниками государственной церкви и отстаивали принцип независимости каждой поместной общины. Спасаясь от гонений, многие индипенденты в семнадцатом веке переселились в Северную Америку. — Прим. пер.

можем мы мысленно присоединиться к молитве — раньше, чем выслушаем ее до конца? — спрашивал он. — Вдруг в ней содержится ересь?» Льюис предпочитал канонические молитвы, здоровое богословие которых отточено и выверено церковью.

Для себя я обнаружил, что молитвы из молитвенников служат очень важной цели. Они бывают необходимы в периоды духовного окаменения, когда искренняя свободная молитва кажется невозможной. Если своих слов нет, я опираюсь на чужие слова, и даже, может быть, на чужую веру. В такие периоды я вижу для себя только две возможности — перестать молиться совсем и тогда еще больше отдалиться от Бога, или все-таки идти по пути веры, опираясь на чужие молитвы и прося Бога не оставить меня.

Как я уже говорил, в моей жизни был год, когда я, будучи не в состоянии молиться своими словами, читал часослов. Еще я использовал молитвенник Англиканской Церкви. Обе эти книги предназначены для совместной молитвы под руководством священника и потому сначала могут показаться не вполне подходящими для личной молитвы. Но у этих сборников есть свои преимущества — они были составлены людьми, чуткими как к духовным вопросам, так и к литературному стилю. Кроме того, эти книги выдержали проверку временем.

Однако должен признаться, что, за исключением самых тяжелых периодов, я, как правило, не полагаюсь на записанные молитвы. Нет, я не отношусь к ним с презрением. Просто я, писатель, начинаю отвлекаться на литературный стиль. Я замечаю отдельные слова и образы, и мой редакторский инстинкт подзуживает: «Гм... Лучше бы закончить предложение не здесь, а вот здесь... А тут можно было бы использовать метафору, а не прямое утверждение...» В силу профессиональной деформации я всегда стараюсь выразить уже не раз прочитанные мысли другими словами: мне трудно читать знакомые слова снова и снова. Я понимаю, что это мой личный недостаток, и надеюсь со временем исправить его.

Примечательно, что редактор во мне не просыпается, когда я читаю Библию (во всяком случае, если перевод хороший). Если я читаю действительно великих творцов — таких, как поэты Джон Донн или Джордж Герберт — желания подредактировать их у меня тоже не возникает. Вообще, сама по себе настоящая литература, и особенно — поэзия, чем-то сродни молитвенному размышлению. В поэзии мы имеем дело с концентрированным языком — смысл передается посредством точных метафор, которые при чтении нужно раскрыть, как запечатанную упаковку. Так же мы поступаем при чтении Библии. То же самое можно сказать и про хорошие христианские гимны.

Для тех, кто предпочитает свободную молитву, недостатка в практических советах нет. Многие известные пособия предлагают такую последовательность: поклонение, исповедание грехов, благодарности и просьбы. Миссионер и писательница Розалинда Ринкер составила свою молитвенную схему, снабдив каждый ее пункт библейской ссылкой:

1. Иисус с нами (Мф 18:19–20).
2. Помоги мне, Господи (Иак 5:13–16).
3. Благодарю Тебя, Господи (Флп 4:4–7).
4. Помоги брату моему (Мк 1:22–25).

Католические подвижники, проводившие в молитве по несколько часов в день, разработали поистине ошеломляющую поэтапную молитвенную «методику». Основатель иезуитского ордена Игнатий Лойола перечисляет девять стадий одной лишь подготовки к молитве. Католический святой Франциск Сальский (кстати, покровитель писателей и журналистов) упростил этот метод. Предложенный им подход оказался полезным как для католиков, так и для протестантов. Методика Франциска Сальского включает в себя четыре этапа:

1. *Подготовка.* Призовите воображение, постарайтесь ощутить присутствие Бога. Осознайте, что Бог вездесущ — значит, Он сейчас здесь. Представьте себе, что Бог стоит рядом с вами и знает, что вы испытываете. Начните с молитвы исповедания. Попросите Божьего водительства в предстоящем молитвенном размышлении.

2. *Размышление.* Выберите тему. Может быть, ее подскажет вам библейский текст, который вы только что прочитали. Сосредоточьтесь на этой теме. Будьте, «как пчела, которая не улетает с цветка, пока не найдет там капельку меда».

3. *Решение:* Подключите чувства и волю. Какие изменения вы должны внести в свою жизнь? Каков результат ваших размышлений? Положитесь на Божью помощь и решитесь на эти изменения.

4. *Заключение:* Представьте себе, что вы гуляли по саду и захотели сорвать несколько цветков, чтобы осталась память о саде. Подобным образом вы можете выбрать несколько мыслей и образов, чтобы размышлять над ними до конца дня. Поблагодарите Бога за то, что вы узнали. В молитве скажите Ему о том, что вы решили изменить в своей жизни, и попросите у Него благодати и силы, чтобы выполнить свое решение.

Я пробовал разные методы и нашел, что все они хороши, если рассматривать их как некие ступеньки для роста, а не как жесткую формулу, которой я обязан следовать. Цель молитвы — сретение верующего с Богом. Она не должна превращаться в формальную процедуру.

Если выбранный метод помогает мне достичь этой цели — прекрасно. Если нет, то я перехожу к другому. В жизни бывают разные периоды, настроение человека меняется. Меняется и сам человек. Каждый молящийся должен найти свой ритм и свой способ подарить любовь и внимание Тому, Кто создал нас и Кто держит нас в Своих руках.

Есть множество способов изучить грамматику молитвы, и многие из них я испробовал как во времена слабости, так и во времена силы. В итоге я научился верить, что благодаря Святому Духу, Который ходатайствует за нас, Бог слышит наши молитвы — неважно, будут ли они облечены в красивые пышные фразы или сказаны простыми словами.

Напоминания о молитве

Во времена Иисуса не было часов со стрелками — даже на римском форуме. Но там пять раз в день раздавались удары колокола — в шесть и в девять часов утра, в полдень, в три и в шесть часов пополудни. Набожные иудеи приурочили к этим часам свои ежедневные молитвы. Ранние христиане продолжали следовать этому обычаю. В Книге Деяний есть рассказ о том, как Петр и Иоанн исцелили хромого у ворот храма. Тексте упоминается, что они «шли вместе в храм в час молитвы девятый» (Деян 3:1) (то есть в три часа пополудни). Петру было дано видение от Бога во время полуденной молитвы на крыше дома — «около шестого часа» (Деян 10:9).

В течение многих лет христианские общины использовали молитвы, приуроченные к определенному часу. Именно поэтому церковь издавала такие сборники, как «Литургия часов» и «Книгу общих молитв» или «Часослов», где на каждый час дня была своя молитва и определенный библейский текст для чтения. В последние годы христиане протестантских церквей, знакомые в основном со свободным стилем молитвы, открыли вдруг, какую ценность несет в себе молитва по часам, увидели пользу молитвенника. Приобщение к молитвам, вобравшим в себя мудрость более ста поколений верующих, можно сравнить с передачей эстафетной палочки.

Христианская писательница Филлис Тикль говорит о том, что испытывает огромную радость, сознавая свою принадлежность ко всемирному братству верующих. Ее безмерно радует, что слова молитвы, которые она сейчас говорит Господу, час назад звучали в соседнем часовом поясе на востоке. Через час они зазвучат в следующем поясе, расположенном к западу от нее, и так молитва обойдет весь земной шар. В своих произведениях Тикль упростила молитву по часам, сведя ее к троекратному обращению к Богу: утром, в полдень и вечером. При этом писательница, следуя старым молитвенникам, опирается главным образом на Библию и древние источники. «Это песни отцов и матерей церкви, дошедшие до нас с тех времен, когда Бог призвал Авраама. Радостно присоединяясь

к этому хору, каждый мужчина и каждая женщина становятся звеном в цепочке жизни, соединяющей святых всех времен».

Далее Тикль добавляет, что канонические молитвы не вытесняют молитв о личных нуждах. Она совмещает то и другое, и часто после проверенной временем схемы (Поклонение — Исповедание — Благодарение — Просьба) следует свободная молитва. Один приверженец молитвы по часам и Часослову утверждает: «Я думаю, что многие евангельские христиане исчерпали возможности свободной индивидуальной молитвы и найдут облегчение в молитве литургической. А люди, выросшие в строгой литургической традиции, найдут облегчение в теплой и неформальной молитве евангельских христиан».

Филлис Тикль полагает, что сочетание свободного и литургического стиля молитвы помогает нам поддерживать духовную форму.

Не все молитвенные правила ориентированы на определенные часы дня. Не всем людям подойдет такая схема. Однако всем нам грозит опасность погрузиться в повседневную суету столь глубоко, что мы уже не сможем найти времени, чтобы обратиться к Богу. Каждый, кто побывал в мусульманской стране, видел порядок, отсутствующий в странах с христианской культурой. Пять раз в день там звучит сигнал к молитве, и тотчас прекращается всякая работа, закрываются магазины, останавливаются поезда и автобусы. Верные мусульмане разворачивают специальные коврики, становятся на колени, сгибаются в низком поклоне и произносят свои молитвы. В христианском мире нет такого ритуала — остановиться и вспомнить Бога. Но все зависит от нас.

Виктора Гюго в романе «Отверженные» пишет о том, как в монастырской церкви каждый час звонил колокол, и все обитательницы монастыря — будь то настоятельница, матушка, монахиня или послушница — должны были прервать свои занятия, что бы они в эту минуту ни делали, и мысленно обратиться к Богу. Одно время я пытался поступать же. Я настроил свои часы так, чтобы каждый час они издавали мелодичный звук, побуждая меня вспомнить о Боге. (Я часто забывал отключать звонок. Поэтому мне пришлось отказаться от этой практики — сигнал часов раздражал моих соседей во время собраний и будил меня по ночам.) Оказывается, нужно прилагать усилие для того, чтобы просто вспомнить о Боге.

Набожный еврей, которому полагается благословлять Бога больше ста раз в день, все время ищет повод, чтобы произнести «браху» (благодарственная молитва у иудеев). Христиане и иудеи, следуя примеру Неемии, запускают в небеса «молитвенные стрелы», то есть издают короткие возгласы, такие, как «Господи, помоги!», «Боже, дай мне силы!» или «Слава Богу!». Тот, кто вынужден бороться с зависимостью, может выпускать «молитвенные стрелы» каждый раз, когда сталкивается с искушением, — например, проходя мимо бара, бродя по интернету или увидев, как кто-то курит. Американская писательница Анна Ламотт свидетельствует, что у нее есть две любимые молитвы: «Благодарю, благодарю, благодарю» и «Помоги, помоги, помоги».

Иногда я выбираю фразу из библейской молитвы и повторяю их в течение дня. Они для меня не заклинание, а напоминание. Когда я согрешаю, то повторяю снова и снова: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже!» (Пс 50:12). В состоянии духовного уныния я непрестанно молюсь: «Возврати мне радость спасения Твоего» (Пс 50:14). Повторение этих слов в течение дня благотворно действует на мою подавленную душу. Я прошу Бога, чтобы Он помог мне верить в слова, которыми я молюсь.

Для меня даже не столь важны слова молитвы, сколько сам факт, что я вспомнил о Боге. Поэтому я ищу в течение дня свободные минуты, чтобы заполнить их молитвой: во время бессонницы, лежа в ванне, за рулем автомобиля, при перезагрузке компьютера, в кресле горнолыжного подъемника, в очереди, в ожидании тех, кто опаздывает на встречу, в автобусе или в вагоне поезда, во время занятий спортом. Затянувшаяся служба в церкви тоже, как я заметил, дает отличную возможность для молитвы. Вместо того чтобы переминаться с ноги на ногу и смотреть на часы, я молюсь.

Помня о возможности непрестанной молитвы, я стараюсь заполнить ею моменты вынужденного простоя. Результаты бывают потрясающими. То я вдруг обнаруживаю, что

мне небезразлична судьба старушки, которая стоит передо мной в очереди, перебирая содержимое своего кошелька. Или я начинаю молиться о тех, кто сейчас находится рядом со мной — дома или в церкви — или далеко от меня — в баре или в клинике для больных СПИДом. Иногда я молюсь о людях, которые живут в домах, мимо которого я прохожу. Я молюсь, когда смотрю новости по телевизору и во время рекламных пауз. (Представляете, во сколько обходятся рекламодателям пятнадцать секунд моего времени!)

«Дух дышит, где хочет, — говорил Иисус Никодиму, — и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит» (Ин 3:8). Я обнаружил, что слова Спасителя истинны, если я ищу Бога во всякое время. Моменты изумления (когда я чувствую — вот оно!) неожиданно настигают меня, и на меня вдруг накатывает волна благодарности, или сердце мое пронзает боль сочувствия. Но так бывает лишь тогда, когда я сознательно ищу встреч с Богом.

ГЛАВА 14. «ЧЕЛОВЕК Я НЕ РЕЧИСТЫЙ...»

Тот, кто молится постоянно и неустанно, в конце концов понимает, что общаться с Богом важнее, чем видеть исполнение молитвенных просьб. Ведь конечная цель каждой молитвы — общение с Богом.

Джордж Макдональд

Эти события происходят так часто. Я не склонен усматривать в них происки сатаны. Но бывает, что как только я склоняю голову для молитвы, звонит телефон. «Кому это не спится в такую рань?» Или вдруг слышу журчание воды в туалете и бегу туда бороться с взбунтовавшимся бачком унитаза. Прошло полчаса, а я все еще занят: меняю прокладки, подтягиваю гайки, у меня ничего не получается — и весь день идет кувыркком.

На следующий день мне вроде бы ничего не мешает. Я начинаю молиться и вскоре понимаю: мои мысли — в полном беспорядке, никак не могу сосредоточиться на чем-то одном. Я думаю сразу обо всем и ни о чем — о вчерашнем трудном разговоре с братом, о репортаже, обещанном мною Си-эн-эн, о статье, которую я должен завтра сдать — о чем угодно, но только не о Боге.

Великая молитвенница Тереза Авильская признавалась, что порой встряхивала песочные часы — большие, рассчитанные на целый час песочные часы шестнадцатого века, — лишь бы только время молитвы поскорее закончилось. Мартин Лютер тоже не избегал трудностей такого рода:

«Когда я начинаю молиться Богу своими словами, сразу возникает сто тысяч препятствий. Сатана подбрасывает мне всевозможные причины, по которым мне лучше отложить молитву. В результате я принимаюсь за дела и о молитве больше не вспоминаю. Если вы ничего подобного не испытывали, попробуйте усердно помолиться. Вне всякого сомнения, вас будут отвлекать самые разные мысли, так что вы просто не сможете сосредоточиться на молитве».

Чувство собственного достоинства

Более всего Лютеру мешало молиться ощущение, что он не достоин общаться с Богом. Подобно людям, которые в детстве пережили насилие, он не мог избавиться от чувства стыда. Будучи молодым монахом, Лютер часами отслеживал у себя недостойные мысли, старался подмечать каждый свой грех. Но даже после полной подробной исповеди он, преклоняя колени для молитвы, чувствовал себя отвергнутым праведным Богом. И вот

однажды Лютер осознал, что Христос, даром предлагавший благодать и прощение любому, даже самому омерзительному и самому недостойному грешнику, явил в Себе характер Бога. Так произошел духовный прорыв. С тех пор всякий раз когда ему досаждало чувство неполноценности, Лютер считал это делом сатаны и яростно противостоял ему.

Я убежден, что главное требование к молитве — искренность. Я должен приходить к Богу таким, какой я есть. Однако многие молящиеся страдают, подобно Лютеру, от ощущения своей неполноценности. Мы чувствуем себя виноватыми, или недостаточно сосредоточенными, или раздраженными. И думаем, что эти недостатки делают нас недостойными Божьего внимания — словно Бог слушает только совершенных людей. Кажется, будто я недостойн обратиться к Богу с молитвой до тех пор, пока не помирюсь со злобным одноклассником (или не стану хорошим мужем, не перестану кричать на детей, не избавлюсь от вредных привычек, которые держат меня в рабстве, — и так далее). В результате мы отворачиваемся от единственного источника исцеления и прощения.

Библия решительно опровергает эту ошибочную точку зрения. В Писании мы находим множество примеров, показывающих: Бог слышит молитвы людей явно недостойных. Он слышал и вспыльчивого Моисея, и легкомысленного Самсона, и грубых моряков, которые выбросили за борт угрюмого и упрямого пророка Иону, и самого Иону. После того как царь Давид совершил прелюбодеяние и убийство, Бог ответил на его покаянную молитву. Ответил он и на молитву злого царя Манассии, который в отчаянных обстоятельствах воззвал к Богу. Иисус похвалил молитву недостойного мытаря, поставив ее выше молитвы сверх-добродетельного фарисея.

Ощущение собственной греховности не должно мешать молитве. Напротив оно может и должно побуждать к молитве. Ведь если я совершенен и считаю себя достойным, то тогда чего ради я буду взывать к Богу? Осознание человеком своих недостатков задает определенный тон отношениям между совершенным Богом и Его падшим созданием. Я считаю так: то, что я ощущаю себя недостойным — это не препятствие для молитвы, а стимул к молитве.

Монах, живший в четырнадцатом веке (его имя нам не известно), написал классическое произведение об общении с Богом, великолепный духовный путеводитель — трактат «Облако неведения». Автор говорит, что прежде чем вознестись через клубящееся над нами облако неведения, нужно представить у себя под ногами облако забвения. Забудьте прежние неудачи, забудьте грехи, которые повторяются снова и снова, забудьте чувство неполноценности — и откройтесь Богу. Когда выбросите из головы все лишнее, Бог наполнит ваш разум Собою.

Что отвлекает внимание?

Начните регулярно молиться, и вы заметите: ваше внимание постоянно отвлекается на самые разные события. Экспресс-почта доставит вам посылку. Ребенок разбросает по ковру крупу. На пол хлынет вода из стиральной машины. Дождевальная установка начнет поливать соседский двор. Собака ворвется в дом и наследит грязными лапами во всех комнатах. Частота такого рода событий резко возрастает именно во время молитвы.

Фома Кемпийский, автор знаменитой книги «О подражании Христу», сообщает, что всякий раз, когда он пытался думать о Боге и о небесах, на него обрушивался шквал плотских искушений. В семнадцатом веке, задолго до появления механических и электрических приборов, умело отвлекающих наше внимание, выдающийся английский поэт и проповедник Джон Донн писал о других помехах:

«Я становлюсь на колени в своей комнате, взываю к Богу, призываю Его вместе и Его ангельское воинство. Но стоит им появиться, я выказываю Богу и ангелам пренебрежение, отвлекаясь на жужжание мухи, шум проехавшей мимо кареты, скрип дверей. Буквально все мне мешает молиться: воспоминания о вчерашних удовольствиях, боязнь завтрашних

опасностей, соломинка под коленом, шум в ушах, свет, бьющий в глаза, любая фантазия, возникающая в мозгу».

Всю жизнь, сколько себя помню, я боролся с бессонницей. Я использовал разные средства — пытался расслабить все мышцы тела, освободить разум от лишних мыслей, я включал записи звуков природы — мне ничто не помогало. Я старался перестать думать, но мысли только умножались, жужжа, как пчелиный рой. Я пытался расслабиться, но лишь еще сильнее напрягался. Я записи шума водопада и летнего дождя — но мне сразу же хотелось в туалет. Нечто подобное происходит со мной, когда я молюсь.

Преподобный Иоанн Дамаскин, знаменитый византийский богослов и отец восточной церкви, философ и поэт, писал, что молитва — это «вознесение ума к Богу». Отталкиваясь от его определения, можно сказать так: «Молиться — значит закрыть свой разум для всего, кроме Бога». Я пытаюсь сосредоточиться на ветхозаветном тексте или поразмышлять над эпизодом из Евангелия — и вдруг вспоминаю о слесаре, которого я забыл вчера вызвать. «Ой, надо позвонить ему, пока его не вызвал кто-то другой». Десять минут спустя от молитвенного настроения не остается и следа.

Я знаю много рецептов борьбы с помехами во время молитвы. Большинство из них не более эффективны, чем методы борьбы с бессонницей. Один духовный наставник советует воспринимать посторонние мысли, как миражам, фантомам: «Наблюдайте, как они входят в ваш разум и выходят из него, но не уделяйте им излишнего внимания». Легко сказать, но трудно сделать! Другой советует относиться к неуместным мыслям, как к неугомонным детям, — то есть вовсе не замечать их! «Дети не могут оценить важность разговора взрослых. Они будут бегать по комнате, чтобы обратить на себя внимание — не отвлекайтесь на них». Замечательно, но иногда эти «дети» со всего размаха врезаются в кофейный столик и разбивают вдребезги всю посуду. Что тогда прикажете делать?

Я использую несколько методов, которые реально помогают мне сосредоточиться на молитве. Прежде всего, я исключаю всякое вмешательство электронных устройств. В комнате, где я молюсь, нет компьютера, на телефонные звонки во время молитвы отвечает автоответчик. Далее, рядом со мной всегда лежат блокнот и ручка. Если приходит побочная мысль («Нужно позвонить мастеру, поменять масло в автомобиле»), я просто записываю ее. Со всеми этими записями я разберусь потом. Иногда на бумаге остается одна или две записи. Иногда — семь или восемь. Записав свою мысль, я добиваюсь того, что она не всплывает больше во время молитвы.

Еще я стараюсь — если это уместно — включать в молитву некоторые свои мысли. Если за завтраком я видел в новостях репортаж о катастрофическом землетрясении, картины которого запечатлелись у меня в памяти, я молюсь о пострадавших, о семьях погибших и раненых, о спасателях и обо всех, кто оказывает помощь в зоне бедствия. На прошлой неделе меня сильно огорчили два письма. Одно написал ультракальвинист из нашей церкви, который подверг меня суровой критике за мои слова о том, что Господь не является непосредственной причиной всех страданий. Автор другого письма, политик-консерватор, обвинил меня в недостатке патриотизма. Я молился об этих письмах, размышляя перед Богом о том, как реагировать на подобную критику. Исследуя свои мотивы, я пытался извлечь для себя урок.

Я довольно часто включаю в свою молитву такие вот посторонние мысли. Ведь когда я общаюсь с женой или близким другом, я не следую жесткой повестке дня, а говорю обо всем, что мне приходит в голову. Так и неуместные на первый взгляд мысли способны стать темой для общения с Богом. Молитва — это общение двух личностей, одна из которых — Бог. Цель молитвы — искренние отношения, а не соблюдение формального этикета.

Стремясь сосредоточиться во время молитвы, я стараюсь следовать совету британского богослова Герберта Маккейба:

«Многие люди жалуются на то, что отвлекаются во время молитвы — их ум заполняют

посторонние мысли. Отвлекаетесь же вы почти всегда по одной простой причине: вы молитесь не о том, чего действительно хотите. Вы полагаете, что предмет вашей молитвы должен быть правильным, достойным и «благочестивым». И вы начинаете произносить возвышенные молитвы о важных, но далеких от вас проблемах — например, о мире в Северной Ирландии. Или молитесь о скорейшем выздоровлении вашей тети, которая заболела гриппом, хотя на самом деле вас это не особенно волнует (но, наверное, должно волновать). И тогда в вашу молитву вторгаются посторонние мысли о том, чего вы на самом деле желаете — например, о продвижении по службе. Именно наши истинные желания чаще всего и отвлекают нас от молитвы, вытесняя собой «душеспасительные», но неподлинные нужды. Если вы отвлекаетесь, выясните, какие именно желания мешают вашей молитве — и молитесь о них. Если вы молитесь о том, чего действительно хотите, ничто не сможет вас отвлечь. Ведь когда молятся пассажиры тонущего корабля, они не отвлекаются на посторонние мысли, не так ли?»

Правильно ли я молюсь?

Начинающие молитвенники часто беспокоятся о том, правильно ли они молятся (вероятно, они читали в книгах или слышали во время богослужения красноречивые и выразительные молитвы). Такие робкие верующие никогда не молятся вслух в малых группах и даже в своих личных молитвах часто не способны произнести ни звука, опасаясь неверными словами оскорбить совершенного Бога. Что ж, многие из нас становятся косноязычными даже при встрече со знаменитостью местного масштаба — а уж тем более при встрече с Богом («Разве мои слова стоят Его времени и внимания?»). Могу посоветовать одно: успокойтесь.

Вряд ли можно дать единый рецепт «единственно правильной молитвы». Я слышал благостные молитвы благочестивых душ и яростные вопли жертв несправедливости, отчаянные мольбы гонимых и возносящуюся к небесам литургию англиканской церкви, механическое повторение зазубренной молитвы и глубоко личную молитву на языке, которого не знает никто. Молитва может быть монотонной или страстной, спокойной или экзальтированной, экстатической хвалой или смиренным покаянием, просьбой о победе или жалобой на поражение. Искреннее прощение или жажда возмездия, хвалебная ода Великому Царю или теплые слова, обращенные к любящему Отцу — все это можно услышать в молитвах.

Мы очень разные. У нас разные характеры, по-разному складываются наши жизни. Кому-то комфортно молиться в поезде по дороге на работу, кому-то — во время кормления ребенка. Один молится на рассвете, едва проснувшись и посвящая наступающий день Господу. Другой сделает перерыв в полдень, чтобы обсудить с Богом прошедшие часы и помолиться о том, что еще предстоит сегодня. Мы не вправе сравнивать молитвы и решать, какая из них лучше, а какая хуже. Малообразованные и никому не известные верующие имеют не меньше (а иногда даже больше) шансов стать великими молитвенниками, чем профессиональные служители церкви.

Мартин Лютер, который проводил в молитве в среднем два часа в день, утверждал: «Чем меньше слов, тем лучше молитва». Действительно, самыми действенными молитвами в Библии оказались две самые короткие: молитва мытаря и молитва благоразумного разбойника (Лк 18:13–14, 23:40–43). Совет Лютера был реакцией на присущие той эпохе долгие показные и неискренние молитвы, которые делали людей лицемерами. По сути дела Лютер призывал: «Молитесь искренне. Думайте о Боге, к Которому вы обращаетесь, а не о людях, которые могут вас услышать».

Кто-то скажет: «Я никогда не смогу молиться, как Мартин Лютер... Мне никогда не достичь той духовной высоты, которую покорила мать Тереза». Согласен. Никто из нас не обязан стать копией другого человека. Но каждый призван стать самим собой — неповторимой личностью, которую замыслил Господь. Томас Мертон, американский поэт,

крупнейший католический писатель XX века, монах-траппист и богослов, различал ложное «я» — маску, которую мы показываем миру, — и истинное «я», о котором известно только Богу. Он утверждал: «Для меня быть святым — значит быть самим собой».

Я уже давно понял, что мне никогда не сравняться с моей женой в ее природных навыках социального работника и сотрудника хосписа. Когда я встречаю человека в отчаянном положении, я начинаю его расспрашивать, мысленно делая заметки и стараясь представить себе картину в целом. А когда с таким человеком беседует Дженет, она сразу же настраивается на его проблемы. Наш подход к молитве тоже разный: я склонен молиться по расписанию, а она — внезапно, по вдохновению, в любое время дня.

Как бы люди ни молились, существует лишь одно непереносимое требование — быть искренним перед Богом. Что касается всего остального, то здесь никаких рецептов нет. Каждый из нас несет в себе уникальное сочетание личных качеств, мировоззрения, подготовки, талантов, слабостей, опыта взаимоотношений с церковью и с Богом. Как выразилась профессор теологии Роберта Бонди: «Если вы молитесь, то это уже правильно».

На протяжении веков Церковь многократно переставляла акценты в молитвенной жизни верующих. Первые христиане были крохотным меньшинством, горсткой людей, которые вместе противостояли могучей враждебной империи. Они молились прежде всего о даровании стойкости и мужества. Когда государство и общество признали Церковь, родились величественные молитвы прославления. В эту же эпоху религиозные диссиденты начали уходить молиться в пустыню ради личного освящения. Затем наступило раннее средневековье, трудное время бедности и эпидемий. Упор стали делать на покаянные молитвы и мольбы о милости Божьей. Позже Ансельм Кентерберийский и Бернард Клервосский заново открыли для Церкви Божью любовь и милосердие, а Франциск Ассизский призвал к беззаботной радости, которой некогда учил Иисус. Доминиканец Мейстер Экхарт, кармелитка Тереза Авильская и первый квакер Джон Фокс погружались во внутреннее мистическое молчание сердца, а французский монах-кармелит брат Лоран практиковал хождение в присутствии Бога во время самых обыденных занятий. Лютер отвергал мистицизм ради практического поклонения Богу, а Кальвин особо подчеркивал Божье всемогущество.

Разнообразие сохраняется и в наше время. В России во время богослужения в православном соборе я слышал безутешный плач старушек, которые, как мне показалось, едва ли понимали хоть одно слово из молитвенных песнопений на церковнославянском языке. В Чикаго я был на собрании корейской пресвитерианской церкви — громкие молитвы и пение гимнов продолжались всю ночь. В некоторых афроамериканских церквях с трудом можно расслышать слова молитвы из-за непрерывных восклицаний «Аминь!» или «Господи, услышь!». Когда в Японии пастор призывает собрание к молитве, все начинают молиться организованно — одновременно и вслух. Члены китайских домашних церквей в Германии перенесли в эмиграцию строгие правила, которым следовали у себя на родине: нередко они постятся и молятся по трое суток подряд. В англиканской церкви молящиеся во время молитвы встают, в Африке — пляшут.

Иисус дал нам образец молитвы — Молитву Господню — и всего лишь несколько правил. Его учение сводится к трем главным принципам: молитва должна быть искренней, простой и постоянной. Иисус подчеркивал, что в молитве мы приходим к Богу, как дети к любящему Отцу, Который от всего сердца о нас заботится. Он полюбил нас прежде, чем мы обрели способность ответить на Его любовь. Спросите у молодых родителей: «Как правильно должен к вам обращаться ваш годовалый ребенок?» Вероятно, они посмотрят на вас с недоумением: «В каком смысле — правильно?» Родители делают все, от них зависящее, чтобы постоянно быть рядом с ребенком и откликаться на его нужды. Иисус сказал, что если уж земной отец отвечает на просьбы детей не с враждебностью, а с сочувствием — то тем более Бог откликнется на мольбы Своих детей.

«Посему да приступаем с **дерзновением** к престолу благодати, — призывает нас автор

Послания к Евреям, — чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи» (Евр 4:16)⁴⁷.

Остаюсь на связи

Рои

Я посетил более ста стран в качестве директора международного тюремного служения. Во время этих поездок я слышал самые разные молитвы. У многих верующих в тюрьмах проявляется склонность к харизматическому поклонению. Уровень громкости, измеряемый многими децибелам, и бесконечные повторения буквально сводят меня с ума. Сам я принадлежу к англиканской церкви, где принят более сдержанный и строгий стиль.

Тем не менее, самый удивительный опыт молитвы я получил на собрании двадцати тысяч католиков-харизматов в Италии. Они молились все вместе, журчащие звуки итальянской речи то затихали, то вновь взмывали ввысь музыкальным крещендо. Многие молились на языках, и среди этого поклонения я со всей ясностью ощущал присутствие Духа Святого.

Я посетил также общину католического движения «Беатитюд» во Франции. Христиане этой общины несут служение бездомным и проституткам. Они молятся, затем идут на работу, после работы снова молятся: половину дня занимает работа, а другую половину — молитва. Еще у меня есть друг в Торонто, который предоставил специальное молитвенное помещение топ-менеджерам большого бизнеса. Он называет это помещение «молитвенной башней» и выдает всем посетителям прекрасные образчики прикладного искусства — тексты молитв о жизни и труде.

Мы с женой часто используем записанные молитвы. Мы вместе читаем серию книг с похожими названиями: «Молитва с Хильдегардой Бингенской»⁴⁸, «Молитва с матерью Терезой», «Молитва с К. С. Льюисом» — всего в этой серии, изданной в США, двадцать четыре книги. Я часто обнаруживаю, что записанные молитвы помогают мне выразить то, что я хочу сказать Богу, намного яснее, чем я сам смог бы это сделать. Иногда, чтобы глубже сосредоточиться на молитве, я десять раз подряд читаю «Отче наш».

Я верю, что Бог отвечает на молитвы, но не знаю, как, когда и почему. Однажды Господь исцелил меня по молитве одной австралийской монахини. Она помолилась о моей лодыжке, которая болела, несмотря на консервативное лечение и хирургическую операцию. Я получил от нее письмо, где она сообщала, что молилась об исцелении — письмо шло десять дней. А боль в

⁴⁷ *Курсив мой. — Прим. автора.

⁴⁸ *Хильдегарда Бингенская (1098–1179) — немецкая монахиня-бенедиктинка, аббатиса основанного ею монастыря, которую римский папа Евгений III признал пророчицей; христианский мистик и писатель. — Прим. переводчика.

лодыжке исчезла именно в тот день, когда монахиня помолилась, и с тех пор нога никогда не болела.

Я по опыту знаю, насколько важно заранее добросовестно молиться о каждой поездке, которая мне предстоит, — о каждой назначенной встрече и о каждой пересадке в аэропорту. Если я пренебрегаю такой молитвой, непременно случается какая-нибудь задержка или неприятность. В одном путешествии меня сопровождал врач, который ежедневно молился обо всем, что нам предстояло в течение наступающего дня. Никогда больше я не чувствовал себя столь уверенным и спокойным. Это была одна из моих самых плодотворных поездок.

Молитва входит в распорядок моего дня. Я веду молитвенный дневник, причем делаю все записи от руки — записываю, за что я благодарен Богу, провожу духовную самопроверку, делаю заметки, как я молюсь о семье и о друзьях, а затем о нуждах нашего служения и о глобальных проблемах. Священник моего прихода советует: «Когда вы молитесь за какого-то человека, старайтесь представить себе, что вы берете его за руку и приводите пред лицо Господа». Замечательный совет! Во время молитвы я стараюсь ему следовать.

Я стремлюсь соблюдать молитвенный распорядок вне зависимости от того, хочется мне молиться или нет. Когда мне это удастся, я чувствую себя хорошо — если не во время молитвы, то после нее. Если я пропущу один день, то, скорее всего, не замечу особой разницы. Но если я пропущу несколько дней подряд, то наверняка буду чувствовать себя хуже. Не уделяя времени молитве, я сам себе причиняю ущерб.

Молитва и тип личности

Некоторых молитвенников смущает вопрос о жестах и позе во время молитвы. Нужно ли становиться на колени? Закрывать глаза? Что одевать на молитву — строгий костюм или повседневную одежду? Какой стиль молитвы следует избрать?⁴⁹

В Библии описано много разных стилей молитвы. Петр молился на коленях, Иеремия — стоя, Неемия — сидя, Авраам падал ниц, Илия клал свое лицо между коленями. Во дни Иисуса Христа иудеи, как правило, молились стоя, с открытыми глазами, поднимая взор к небесам. Дева Мария молилась стихами. Апостол Павел чередовал молитву с пением.

В целом можно сказать, что в первые века христианства Церковь предпочитала использовать во время богослужения записанные, а не свободные молитвы. Только так, вопреки обилию ересей, можно было сохранить подлинное учение. Прошли столетия,

⁴⁹ *Видный немецкий богослов Юрген Мольтманн заметил, что если человек в молитве падает ниц, то он уподобляется вассалу перед всемогущим азиатским деспотом. «Вассал падает ниц перед властелином, открывая свою незащищенную шею. Его могут казнить, могут и помиловать. Он старается стать по возможности маленьким и незаметным». Человек, стоящий на коленях, также показывает свое смирение и незащищенность. Сложенные руки — знак, что в них нет оружия. Такое положение перед Богом можно признать нормальным. Однако первые христиане на молитве стояли прямо, с поднятой головой и открытыми глазами — поза ожидания и внимания свободных мужчин и женщин. Мольтманн обращает наше внимание на то, что Иисус поднимал всех, кто приходил к Нему сломленным, изувеченным и униженным. Люди смотрели Ему в глаза, вставали на ноги, они снова могли любить. Мольтманн добавляет: «Исцеление совершается лишь тогда, когда мы стоим в полный рост, дышим свободно, поднимаем руки над головой и с открытыми глазами ощущаем присутствие Духа, который дает нам жизнь». — Прим. автора.

прежде чем получили широкое распространение молитвы в тишине и уединении — те, которые сегодня большинство верующих считают нормой. Но до тринадцатого века люди читали вслух любые тексты — и молились тоже вслух, даже находясь в одиночестве у себя дома. (Блаженный Августин изумлялся, что епископ Амвросий Медиоланский умел читать про себя, в полной тишине водя глазами по строчкам. Августин не понимал, зачем епископ так делает: «Может быть, для того, чтобы не перенапрягать голос?») Затем, по мере роста количества грамотных людей, все шире распространялась уединенная молитва, вытесняя обычаи предыдущей эпохи, когда верующие считали, что молиться и читать Библию можно лишь совместно и под руководством священнослужителей.

Недавно психологи предприняли попытку изучить зависимость стиля молитвы от психологического типа личности. Участники одного такого проекта предварительно прошли тестирование для определения психологического типа. (Исследование проводили с применением метода Майерс-Бриггс, в котором используют четыре пары взаимоисключающих признаков: «экстравертность — интровертность», «ощущения — интуиция», «мышление — чувства», «оценка — восприятие».)

Затем ученые выясняли, как испытуемые предпочитают молиться. Как и предполагалось, среди добровольных участников исследования (они же — участники молитвенных конференций, на базе которых осуществлялся проект) преобладали люди определенного типа, а именно, «интуиция — чувство». Кроме того, было выявлено достоверное различие в типах личности между теми, кто в молитвенной практике предпочитает дисциплину, и теми, для кого важнее свобода.

Ученые пришли к разумному выводу: каждому человеку следует избрать ту форму молитвы, которая представляется наиболее естественной для его типа личности. «Вольная душа» не должна чувствовать себя виноватой из-за того, что для нее не подходит тщательно разработанная система. Человек, способный думать одновременно над несколькими заданиями, возможно, обнаружит, что длительное и сосредоточенное молитвенное размышление является для него бременем, а не поддержкой в духовном росте. Английская религиозная писательница прошлого столетия Эвелин Андерхилл, глубоко изучившая феномен мистической духовности, написала: «Люди, для которых естественно выражать себя посредством слов и представлять себе конкретный образ, отчаянно и безрезультатно стараются «уйти в тишину» — лишь потому, что в какой-то никудышной книжке написано, будто это необходимо».

Молитва — это общение с Богом, а не система наподобие принципов бухгалтерского учета, которую жизненно необходимо освоить. Мы общаемся с другими людьми не по сборнику строгих правил, а свободно. Мы понимаем, что каждый из нас — личность, обладающая уникальным набором внешних и внутренних качеств: лицом, телом, разумом и чувствами. Бог знает, кто мы есть и почему мы стали такими. И Он не удивится, если мы будем общаться с Ним в соответствии с нашей истинной сущностью.

«Господи! Ты испытал меня и знаешь... Ты разумеешь помышления мои издали... все пути мои известны Тебе. Еще нет слова на языке моем, — Ты, Господи, уже знаешь его совершенно» (Пс 138:1–4).

Помощники

Если жизнь идет наперекосяк, все валится из рук, и уже нет ни сил, ни слов, чтобы молиться, вспомните обещание апостола Павла: «Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (Рим 8:26). Во время публичных выступлений за границей я убедился, как много зависит от переводчика. Плохой переводчик превращает плоды моих усилий в бессмыслицу. Я вижу замешательство на лицах слушателей и осознаю свою полную беспомощность. И напротив, хороший переводчик способен даже неуклюжую речь превратить в триумф ораторского искусства. Павел твердо обещает, что в молитве у нас есть

совершенный Переводчик и Проводник, Который даже бессловесных приводит к источнику благодати Божьей.

А кроме Переводчика у нас есть еще и Адвокат, представляющий наши интересы перед Богом. На закрытой встрече, ныне известной как Тайная Вечеря, Христос четыре раза обещал Своим ученикам: Отец сделает все, о чем они попросят «во имя Мое» (Ин 14:13). Само пришествие Иисуса на землю — потрясающее доказательство желания Бога поддерживать общение с нами. Тот, Кто пребывал среди нас и знает условия жизни людей в этом мире не понаслышке, теперь представляет нас перед Отцом. Молясь во имя Его, мы надеемся на Его содействие и заступничество, благодаря которым произойдет то, чего мы сами добиться не можем.

Мы, живущие в эпоху подделок, отлично знаем, какой силой обладает имя. Клерк из автомобильного департамента Чикаго состоял в шайке преступников. Он скопировал водительские права моей жены и сделал фальшивое удостоверение личности. На нем было ее имя — Дженет Янси. Женщина, которая вооружилась этим удостоверением, была совсем не похожа на мою жену — у нее был другой цвет кожи и крашенные волосы. Однако, используя имя Дженет, мошенница сумела за одно утро приобрести в кредит семь видеомagneтофонов.

Я, журналист, тоже знаю, какую силу имеет имя. Однажды я договорился об интервью с Биллом Клинтоном (это было во время его первого президентского срока). Меня предупредили, что я должен прийти на политический митинг в местной школе, а по его окончании вручить письмо с подписью Клинтона любому сотруднику президентской охраны. После митинга я стоял за оградением вместе с другими журналистами, которые, держа в руках микрофоны, выкрикивали вопросы: «Мистер президент, что вы могли бы сказать по поводу...»

Клинтон шел к своему лимузину, улыбаясь и приветливо маша рукой, но на вопросы не реагировал. Он уже садился в автомобиль, когда я протиснулся к ограждению и обратился к охраннику. Увидев письмо с именем и подписью президента, он пропустил меня за ограждение и проводил прямо к лимузину, приведя в изумление остальных журналистов: «Эй, что там такое есть у него, а у нас нет?» Да, на письме, которое я держал в руках, стояло имя президента — и лишь по этой причине сотрудники охраны отнеслись ко мне иначе, чем ко всем остальным.

Мы ссылаемся на человека, называем его имя, если он может повлиять на авторитетное лицо, к которому мы обращаемся. Стоит произнести нужное имя — и перед вами распахнутся двери лимузина важной персоны. Или вдруг окажется, что вам предоставят кредит, который раньше не давали. Иисус сказал, что обращаясь к Отцу, мы можем использовать Его имя. Мы можем пользоваться авторитетом Спасителя, Его репутацией, Его влиянием. Я получил возможность использовать имя президента для визита в Белый Дом, но через полтора часа действие этой привилегии закончилось. А в молитве у нас есть исключительное и неотъемлемое право — использовать имя Иисуса Христа в любое время и для любой просьбы.

Гимнастический зал для каждой души

Я называю Псалтирь практическим руководством для молящихся. Когда я чувствую, что неспособен обращаться к Богу своими словами, я беру в руки молитвенник, в котором можно найти молитву, подходящую для любого душевного состояния. Псалтирь содержит полторы сотни псалмов, и, судя по всему, ее составители не стремились избегать резких контрастов. За двадцать первым псалмом, полным безысходного отчаяния (стих из этого псалма прокричал с креста Иисус), следует псалом двадцать второй — прекраснейшая молитва для успокоения души. Псалму сто тридцать седьмому, исполненному мира и покоя, предшествует псалом, призывающий к возмездию.

Однажды я побывал в траппистском монастыре и был свидетелем того, как монахи за две недели прочли хором все сто пятьдесят псалмов — в среднем по одиннадцать псалмов в

день. (В некоторых монастырях есть монахи, которые прочитывают все псалмы за одни сутки.) За годы пребывания в монастыре трапписты выучили псалмы наизусть и помнят их дословно, подобно тому, как большинство людей знают наизусть национальный гимн своей страны. Выражение лица монаха безошибочно указывает на то, какой именно псалом близок сегодня его сердцу.

Полный бородатый монах в первом ряду оживлялся всякий раз, когда звучали слова хвалы и благодарения. Его сосед, с виду — типичный аскет, обладал удивительно высоким голосом. И голос его становился слышнее всякий раз, когда псалом говорил о смятении чувств. Борьба за власть? Болезнь? Смерть близкого человека? Пошатнувшаяся вера, сомнения? Беспокойство о финансовом положении монастыря? Что бы ни случилось в монашеской общине, всегда есть вероятность того, что один из сегодняшних псалмов откликается на это событие.

Святитель Амвросий Медиоланский называл Псалтирь «своего рода гимнастическим залом, где найдутся упражнения для каждой души». Мне очень нравится этот образ. Я живо представляю себе большой спортивный зал, где найдется духовный тренажер для любого атлета-молитвенника.

Мартин Марти, лютеранин, профессор богословия и истории религии, стал читать Псалтирь подряд вместе с женой, когда та боролась с тяжелой формой рака. Ей приходилось просыпаться по ночам и принимать лекарства от тошноты, вызванной химиотерапией. После этого супруги никак не могли заснуть, и муж читал жене псалмы. Однажды она заметила, что муж перескочил с восьмьдесят шестого псалма сразу на девяностый. Марти пропустил слова, полные печали («жизнь моя приблизилась к преисподней, я сравнялся с нисходящими в могилу»), и сразу перешел к утешительным образам: «Перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен».

«Почему ты пропустил эти псалмы?» — спросила жена. Марти ответил, что не уверен, сможет ли она в такую ночь спокойно их выслушать. Жена сказала: «Вернись назад и прочитай их. Если я не пройду через мрак, то не увижу света».

Позднее Мартин Марти написал книгу об этих трудных днях. В ней он оценил Псалтирь, самый известный христианский молитвенник, следующим образом: половина псалмов несет дыхание зимы, и лишь одна треть — атмосферу яркого летнего дня. По словам Марти, псалмы помогают «укротить ужас и скорбь» в обстоятельствах, подобных тем, с которыми столкнулись он и его жена. Когда у супругов уже не оставалось своих слов, они говорили словами молитв, написанных другими.

Марти признается, что, несмотря на приложенные им огромные усилия, у него за всю его христианскую жизнь почти не возникало чувства непосредственного общения с Богом. Лишь несколько раз он пережил ощущение «открытости Богу». Поэтому Марти научился в общении с Богом прибегать к другим способам, в том числе к псалмам — подобно тому, как влюбленные пишут друг другу письма, продолжая общаться даже в разлуке.

Всякий, кто поддерживает отношения с Богом, переживает разные периоды. Бывают яркие, радостные дни, но порой наступают и темные, унылые, мрачные времена. Но ведь и земная жизнь подчинена этой же закономерности. Издатель одного из самых популярных журналов «Христианство сегодня» и преподаватель теологической школы в Кентукки Терри Мак отмечает, как по-разному относятся к жизни фермеры и горожане. Он цитирует слова старого крестьянина, который сменил профессию и работает в городе на фабрике:

«Самая большая разница — в том, что горожане думают, будто нынешний год должен непременно быть лучше предыдущего. Если они не получают прибавку к зарплате, не приобретают новых вещей, не видят улучшений в своем благосостоянии, то считают себя неудачниками. Фермеры рассуждают иначе. Мы знаем, что бывает хороший год и бывает плохой год. Мы не можем управлять погодой. Мы не всегда способны предотвратить неурожай или болезнь. Поэтому мы приучились усердно работать, принимать правильные

решения и быть довольными тем, что в итоге получим»⁵⁰.

Что я помню о пройденном пути, о переменах в моей духовной и — прежде всего — в молитвенной жизни? Ребенком и подростком я верил всему, что мне говорили в церкви. А церковь побуждала меня уделять время молитве, чтению Библии и другим духовным упражнениям — в рамках принятых правил. В библейском колледже я сидел в часовне во время «дней молитвы» и пытался разобраться в самом себе: действительно ли я молюсь или только делаю вид. В итоге я стал подвергать сомнению любой духовный опыт. Мне казалось, что монастырская атмосфера колледжа полностью оторвана от бурной общественной жизни конца шестидесятых годов, кипевшей за его стенами, — и что только я один остаюсь за бортом этой жизни.

С тех пор я, подобно старому фермеру, пережил в молитвенной жизни плохие и хорошие годы. У меня были времена радости и благодарности, и были времена, когда я тосковал, мучился и пренебрегал молитвой. Я ожидал, что мой духовный уровень будет расти, как котировки паевых инвестиционных фондов на Уолл-стрит, которые каждый год прибавляют в цене. Но график моей молитвы скорее напоминает кардиограмму, линия которой скачет то вверх, то вниз. Лишь по прошествии времени я убеждаюсь: в самые мрачные дни моя вера укреплялась, и через строки, которые я тогда написал, Бог коснулся сердец других людей.

Такие обстоятельства знакомы многим священникам: вы возвращаетесь домой после воскресного богослужения, чувствуя себя обессиленным неудачником, и вдруг слышите от одного из прихожан, что сегодняшняя проповедь сказала ему больше, чем любая другая. Вероятно, Господь оценивает наши молитвы столь же парадоксальным образом. Вот что сказал об этом Клайв Льюис в «Письмах к Малькольму»: «Молитвы, которые мы считаем худшими, в очах Божьих, быть может, лучшие. Я имею в виду молитвы, которым меньше всего сопутствует восторженность, которые не идут гладко. Ведь они — почти целиком наша воля, они идут из большей глубины, чем чувства».

Молитва и темперамент

Кэти Каллахан-Хоуэлл, журналистка и писательница

Есть ли у меня возможность пребывать в молитве у ног Христа так, чтобы это не противоречило, а соответствовало моему типу личности и темпераменту, данному мне Богом?

Этот вопрос побудил меня выбрать для чтения во время отпуска книгу Честера Майкла и Мари Норриса «Молитва и темперамент». В ней описаны четыре формы молитвенных размышлений над словом Божьим. Каждая из них предназначена для одного из типов личности, определяемых по методу Майерс-Бриггс.

- Первый стиль молитвенных размышлений предназначен для людей моего типа — «чувства — интуиция». При таком стиле особое внимание следует уделять творческому подходу, который включает воображение и образное мышление. Существенное

⁵⁰ *Мак также цитирует слова Мартина Ллойд-Джонса из книги «Духовная депрессия» о том, как Псалтирь учит нас справляться с этим недугом. Ллойд-Джонс утверждает, что главная причина духовной депрессии — «в том, что вы слушаете себя, вместо того чтобы беседовать с собой», ссылаясь на сорок первый псалом, где псалмопевец говорит себе: «Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься?» После такого внутреннего диалога, утверждает Мак, «мы в какой-то момент должны взять себя в руки и действовать». — Прим. авт.

значение имеет также ведение духовного дневника.

Например, одно из творческих упражнений при работе с Писанием заключается в том, чтобы применить прочитанный отрывок к себе. Практически это означает, что нужно вставить свое имя в текст и размышлять, делая конкретные личные выводы. Например, вот как я читаю известные слова Иисуса: «Приди ко мне, Кэти, и я успокою тебя». Принимая установку, что библейские обетования и заповеди относятся лично ко мне, я открываю в своем сердце глубокие чувства, которые обычно остаются скрытыми под завалами ежедневных забот, связанных со служением.

- Людям с научным складом ума, относящимся к типу «мышление — интуиция», больше подходит другой стиль. Прочитайте отрывок из Библии и задайте основные вопросы по исследованию текста: «Кто? Что? Когда? Где? Почему? Как?» Затем задайте себе другой вопрос: «В какой сфере моей жизни я могу применить то, что узнал сегодня?» Такие размышления помогут «ученым» понять истинный смысл текста и применить его в жизни.

- У тех, кто движим чувством долга, то есть относится к типу «оценка — ощущение», конкретная, упорядоченная система размышлений питает дух эффективнее, чем абстрактные представления о мире, благодати и радости. Людям этого типа полезно наглядно представлять себе библейские события — словно они сами их видели, слышали, обоняли и осязали.

Такой подход поможет им найти современное применение древних истин.

В этом году на Страстной Неделе я использовала «конкретный» подход к размышлениям над Писанием. Я сосредоточилась на страданиях Христа и представила себе двух разбойников, Иисуса с надписью над головой: «Сей есть Иисус, Царь Иудейский». Я представляла себе насмешки толпы, тяжесть греха, запах пота и крови. Потом я представила себе табличку над моей головой: «Возлюбленная дочь Бога» — и заново, до глубины души, осознала, как дорого пришлось заплатить Иисусу за то, чтобы я могла носить этот высокий титул. Четвертый стиль предполагает сочетание молитвы с активной деятельностью. Рыбная ловля, пешие прогулки и плавание способствуют молитвенным размышлениям людей, принадлежащим к типу «восприятие — ощущение». Такого рода молитвы обрадуют любителей свежего воздуха, однако главное здесь — не само по себе пребывание на природе, а сочетание движения или даже работы с молитвой. Мой друг Ким, подобно брату Лорану, любит молиться за мытьем посуды. Какой замечательный способ быть одновременно Марфой и Марией, трудиться и сидеть у ног Христа!

ГЛАВА 15. ГОЛОС ТИШИНЫ

В тот миг я нуждался в молитве, как в глотке свежего воздуха, который наполнил бы мою кровь кислородом... Позади меня была

Почти все, кто регулярно молится, рано или поздно «упираются в стену» — этот термин я позаимствовал у бегунов-марафонцев. Чувства замораживаются, слова не идут на ум, исчезает ясность, мысли приходят в смятение. В какой-то момент даже сама молитва начинает казаться глупостью, абсурдом. «Я сижу в пустой комнате и что-то бормочу. Но если человек говорит сам с собой — разве это не признак помешательства?»

Появляется ощущение, будто меня предали. Неужели молитва — всего-навсего самообман? Или Бог решил меня разыграть? Слова падают на пол, отскакивают от стен и потолка и, наконец, умирают на устах прежде, чем я их произнесу. Бог удалился. Он бросил меня, оставил в одиночестве.

Недалеко от меня живет подполковник авиации в отставке, Карл. Он служит капелланом в доме престарелых. Когда-то, стремясь сохранить хорошую форму, как у молодых летчиков-новобранцев, он усердно занимался спортом. Сейчас бывший ас ездит в инвалидной коляске по коридорам, посещая пожилых людей, среди которых немало лежачих больных. Некоторые страдают старческим слабоумием. Каждые полчаса звонит будильник, заведенный Карлом. По звонку Карл приподнимается на руках и снова опускается в коляску, изменяя положение парализованной нижней половины тела. Это нужно, чтобы не возникали пролежни. Я встречался с Карлом дважды: один раз — у него на работе, потом посетил его дома. Оба раза наша беседа возвращалась к одной теме — молчанию Бога.

Во время первой встречи Карл рассказал, как он стал инвалидом. «Это случилось, когда я мчался на велосипеде по шоссе в штате Нью-Мексико. Я вдруг увидел впереди решетку дождевого стока — слишком поздно, чтобы успеть ее объехать. Переднее колесо застряло в решетке, а я полетел через руль головой вперед. Очнулся я от крика: «Не шевелись! Не шевелись!» Кричавший человек держал надо мной оранжевую шляпу, прикрывая меня от яркого солнца. Вскоре прибыли спасатели. Они упаковали меня в специальный корсет. Мне объяснили, что я ударился шлемом об асфальт, сломал позвоночник и повредил спинной мозг. С этого момента я был парализован от грудной клетки и ниже. Моя военная карьера закончилась. Вместо спортивных тренировок мне пришлось заниматься физиотерапией. Но я все еще не до конца смирился со своей инвалидностью».

Мы говорили о том, как Карл приспосабливался к новой реальности. Ему пришлось переехать в другой, более подходящий дом и уволиться из армии. Он не имеет возможности контролировать мочеиспускание и дефекацию, страдает от инфекций и мышечных спазмов. Ему имплантировали стальные стержни, поддерживающие позвоночник. Мы детально обсудили все эти невзгоды, и я был поражен, когда Карл сказал: «Но я должен сказать, что самой болезненной оказалась для меня не физическая, а другая, незримая перемена. Она была намного хуже, чем бесконечные «Почему?», которые я задавал себе снова и снова. Я перестал ощущать присутствие Бога. Именно тогда, когда Господь был мне нужнее всего, — Он удалился. Я продолжаю молиться и верить — но сейчас моя молитва Богу ничем не отличается от слов, брошенных в потолок. Я не получаю никакого ответа».

Потом я посетил дом Карла, специально приспособленный для человека, прикованного к инвалидной коляске: широкие двери, просторные холлы, гладкий твердый пол, все предметы и поверхности на небольшой высоте. На стенах и в комнатах — множество сувениров из разных мест Европы и США, там хозяину дома довелось побывать во время службы в авиации. Карл рассказывал, что сильнее всего он чувствовал присутствие Бога в екуменической общине Тэзе во Франции. Он посетил эту общину дважды. Оба раза Карл оставался там по неделе, участвовал в богослужениях, но большую часть времени проводил в молитве и размышлениях. Он вспоминал: «Я никогда не испытывал столь сильных духовных переживаний. Община Тэзе организована таким образом, что в центре ее жизни находится Бог. Ощущение Божьего присутствия пронизывает все это благословенное место.

Наверно, Господь даровал мне этот опыт, чтобы укрепить меня перед тем, что мне предстояло перенести».

Вспоминая, Карл размышлял вслух: «По воспитанию я кальвинист. Как же понимать все то, что случилось со мной? Я не считаю, что Бог устроил этот несчастный случай — я не верю, что Он управляет всеми мелочами на нашей планете. Но я верю, что Бог пребывает рядом с нами во всех страданиях. Я хочу лишь одного — почувствовать Его присутствие».

Прикосновение к пустоте

Карл говорил, что, став инвалидом, он начал искать утешение в библейских текстах, которые прежде читал «по диагонали». Когда все было хорошо, он почти не обращал внимания на псалмы, исполненные слеза и страданий. Теперь он живет ими. Они позволяют Карлу изливать свои жалобы Богу:

«Доколе, Господи, будешь забывать меня вконец, доколе будешь скрывать лицо Твое от меня? Доколе мне слагать советы в душе моей, скорбь в сердце моем день и ночь?» (Пс 12:2–3).

«Но вот, я иду вперед — и нет Его, назад — и не нахожу Его. Делает ли Он что на левой стороне, я не вижу; скрывается ли на правой, не усматриваю» (Иов 23:8–9).

«Боже мой! Я вопию днем, — и Ты не внемлешь мне, ночью, — и нет мне успокоения (Пс 21:3).

«...Ругаются надо мною враги мои, когда говорят мне всякий день: Где Бог твой?» (Пс 41:1).

«Простираю к Тебе руки мои; душа моя — к Тебе, как жаждущая земля» (Пс 142:6).

После встречи с Карлом я тоже стал уделять больше внимания «псалмам плача». Меня поразило, что эти жалобные причитания представляют собой молитвы, обращенные к Богу, Который то ли вовсе отсутствует, то ли не слышит. Еще сильнее меня удивило то, что эти молитвы вошли в библейский канон: их сочли достойными стать частью Священного Писания. Очевидно, состояние каменного бесчувствия, подавленности, богооставленности не является чем-то необычным. Его следует ожидать и быть к нему готовым.

Действительно, одна из приведенных выше молитв («Боже мой! Я вопию днем — и Ты не внемлешь мне») — продолжение слов, которые прокричал на кресте Иисус: «Боже мой, Боже мой, для чего Ты Меня оставил?» (Мф 27:46). Даже Сын Божий пережил отсутствие Бога. Я заново оценил мрачную тональность этих псалмов. На их фоне любые слова утешения окажутся нестерпимо банальными. Представьте себе апостола Петра, который, стоя у подножия креста, пытается утешить Иисуса: «Нет, нет, не говори так. Бог не оставил Тебя — это только кажется. Вспомни, чему Ты Сам учил нас об Отце и Его неизменной любви!»

Иногда темная ночь богооставленности начинается с несчастья, которое полностью изменяет жизнь человека (так случилось с Карлом). Порой болезнь постепенно разрушает тело, а молитвы об исцелении остаются без ответа. Бывает, что духовный мрак сгущается по мере того, как портятся отношения супругов. Или, подобно темной туче над пустыней, приходит после развода. Случается и так, что богооставленность наступает без всяких видимых причин, словно буря, внезапно, по капризу природы разразившаяся среди ясного летнего дня. Почему же Бог прячется?

Мы начинаем подсознательно винить себя, считая, что Бога оскорбило наше поведение. Внутренний голос нашептывает: я стал недостойн Божьего присутствия, и Бог не станет отвечать человеку с такими нечистыми мыслями. Я возражаю этому голосу, опираясь на очевидную реальность: потому я и молюсь, что мой разум загрязнен, я молюсь о помощи, об очищении.

Я знаю женщину, которая не могла молиться больше года. Ее уста были скованы

страхом — она боялась, что совершила непростительный грех. Мудрый духовный наставник Томас Грин, к настоящему времени написавший уже несколько книг об общении с Богом, опровергает подобные страхи таким рассуждением: «мы, обычные люди, справедливо считаем незрелым того человека, который уходит от нас в смертельной обиде, но при этом отказывается сказать нам, что имен-» но его ранило. Конечно, Богу, Который открыл нам Себя в Иисусе Христе, такое ребячество не свойственно. Всем сомневающимся Грин рекомендует такую молитву:

«Господи, ты заботаешься обо мне больше, чем я сам о *себе* забочусь. Я не верю, что Ты играешь со мной, загадывая мне загадки. Если причиной духовной опустошенности, которую я переживаю, стал мой недостаток или проступок, укажи мне его, и я постараюсь исправиться. Но я не буду мучиться бесплодными и расплывчатыми сомнениями. Господи, если Ты не покажешь мне со всей ясностью, в чем я виноват, я не стану считать свои грехи или недостатки причиной духовной пустоты».

Практически все христианские подвижники свидетельствуют о том, что им доводилось пройти сквозь «темную ночь души», — и в их примере я нахожу утешение. Иногда период богооставленности быстро проходит, но порой он продолжается месяцы и даже годы. Я пока еще не нашел никого, кто бы не испытал подобного состояния. Святая Тереза Авильская была почти не способна молиться в течение двадцати лет, но она прорвалась через эту страшную пустыню и стала великой подвижницей молитвы. Благочестивый английский поэт восемнадцатого века Вильям Купер иногда испытывал такой подъем в молитве, что ему казалось, будто он вот-вот умрет от радости. Но позже Купер писал, что чувствует себя «изгнанником, который должен пребывать вдали от Бога, и по сравнению с этой далью расстояние от Востока до Запада — тесное соседство».

Джордж Герберт, поэт семнадцатого века, оставивший нам неподражаемые описания глубоко личного чувства Божьего присутствия, столь же красноречиво передает и ощущение богооставленности:

Колени — в шар земной,
Взор — небеса пронзил,
Но высь и глубина твердят мне вместе:
Не здесь твой Бог святой...
Где Ты, Господь?
В каком пока неведомом мне месте Мой Боже, ты себя сокрыл?

Религиозные теле- и радио программы, как и многие книги и журналы, мало что сообщают вам о молчании Бога. Судя по содержащимся в них материалам, Бог всегда говорит внятно и определенно. Он то приказывает служителю церкви строить новое здание, то велит домохозяйке создать новый сайт в интернете. Для слушателей этих программ Бог ассоциируется с успехом, добрыми чувствами, ощущением мира и покоя, теплым светом. У тех, кто привык улаживать свой слух подобными вдохновляющими историями, встреча с Богом, Который молчит, вызывает потрясение. Молчание Бога кажется им чем-то из ряда вон выходящим и пробуждает чувство собственной неполноценности.

На самом же деле из ряда вон выходящим нужно признать бодрый оптимизм современной «веры, ориентированной на потребителя». В предыдущие века христиане узнавали о том, чего им следует ожидать во время духовного странствия, из книг совсем другого толка и настроения. Они читали «Путешествие пилигрима» Джона Беньяна, где в неуклюжем пилигриме узнавали себя. Они читали «Темную ночь души» Иоанна Креста (Хуана де ла Круса). Фома Кемпийский бросал им вызов со страниц своей книги «О подражании Христу». Единственный духовный наставник, который писал о постоянном присутствии Бога — брат Лоран — сочинял свои размышления во время мытья посуды и

чистки отхожих мест.

Если я переживаю времена духовной сухости, бреду сквозь тьму и пустоту, то не будет ли самым разумным перестать молиться до тех пор, пока молитва не оживет во мне снова? Все христианские подвижники дружно отвечают: «Нет!» Если я перестану молиться, то как же я узнаю, что моя молитва ожила? И кроме того, опыт многих христиан свидетельствует: перестать молиться легко, а вот начать снова — гораздо труднее.

Методы выживания

Мне не случалось переносить страшные испытания, подобные тем, что полностью перевернули жизнь Карла, капеллана в инвалидной коляске. Но я нередко переживал сравнительно короткие периоды Божьего молчания. Этот опыт дал мне возможность разработать свою систему поведения в подобной ситуации.

Сперва я проверяю себя по «контрольному списку» — что именно могло воспрепятствовать общению с Богом? Может быть, я сознательно согрешил? Или пренебрег тем, что Бог мне открыл? Если причина очевидна, я должен исповедать свой грех или изменить свое поведение, чтобы таким образом восстановить общение с Богом.

Следующий пункт «контрольного списка»: я исследую мотивы своей молитвы. Может быть, я ищу особых переживаний, хочу встречаться с Богом на своих, а не на Его условиях? Дитрих Бонхоффер задается вопросом: «Возможно ли, что Бог Сам посылает нам часы духовного охлаждения и укоров совести, чтобы мы вновь научились ожидать и находить откровение в Его слове?»

Или же вместо того чтобы ожидать новых откровений от сретения с Богом, я должен обратить внимание на то откровение, которое уже дано мне в творении, в Библии, во Христе и в Церкви. Бонхоффер предостерегает от суетного поиска особых духовных переживаний: «Ищи Бога, а не счастья — вот главное правило для любых молитвенных размышлений». И затем он добавляет: «Если будешь искать только Бога — получишь и счастье. Он это обещал».

Я часто замечал, что в период духовного окаменения оживают другие сферы моей жизни. Я внимательнее отношусь к друзьям и теснее с ними общаюсь, лучше усваиваю мысли из прочитанных книг, глубже воспринимаю природу. Поддержание отношений с Богом — это процесс, который не сводится к ежедневной молитве. Живой Бог общается со мной круглые сутки: Он пребывает внутри и вокруг меня и говорит со мной спокойным негромким голосом. Он обращается ко мне разными способами, даже такими, которые я не всегда могу распознать. Тереза Авильская утверждала, что Господь не молчит никогда — это мы бываем глухи. Мое дело — оставаться бдительным, как часовой на посту, стараться уловить в ночной тишине любой, самый тихий звук и увидеть первые признаки утренней зари.

Продолжая проверку по списку, я задаю себе вопрос: «К чему я больше стремлюсь — получить от молитвы определенный результат или продолжать общение с Богом?» Когда апостол Павел молился об удалении «жала в плоть» (2 Кор 12:7), он сперва был озадачен тем, что не получил ответа. Неужели Бог не слышит его? Но затем пришло духовное откровение: мучительный недуг заставляет Павла постоянно надеяться на Господа. И тогда апостол сразу же изменил свою позицию — он больше дорожил зависимостью от Бога, чем физическим здоровьем.

Если я не нахожу в своем списке очевидных причин, из-за которых Господь молчит, то двигаюсь дальше. К периодам молчания Бога следует, на мой взгляд, относиться так же, как и к страданиям. Я понял, что нет пользы снова и снова спрашивать себя: «Почему это произошло?» Библия делает акцент не на прошлом, а на будущем. Нужно задавать себе другой вопрос: «Как я буду себя вести и чему смогу научиться теперь, когда это произошло?» Новозаветные тексты, посвященные страданию, показывают, какие добрые плоды оно в нас производит (стойкость, сильный характер, долготерпение, надежду и так

далее).

Применяя библейскую логику, я прошу Бога очистить меня во время моего духовного охлаждения, подготовить меня к будущему росту. Христос намекает на такую возможность, сравнивая нас с ветвями виноградной лозы: «Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода» (Ин 15:2).

Любой, кто выращивает розы или виноград, знает: если срезать пышно разросшиеся на лозе или розовом кусте ветви (действие, на первый взгляд, жестокое и разрушительное), то обрезанные растения принесут больше цветов и плодов. Один виноградарь объяснил мне, что он не орошает виноградники, потому что после роста в суровых условиях лоза дает прекрасное, исключительно вкусное вино. Кроме того, во время засухи корни винограда проникают в землю значительно глубже, что укрепляет растение и позволяет ему стойко переносить капризы погоды.

Христианский писатель и проповедник Генри Блэкаби сказал об этом так: «На молчание Бога возможно реагировать двояко. Либо вы погружаетесь в депрессию, начинаете обвинять и осуждать себя. Либо вы понимаете, что Бог готовит вас к тому, чтобы вы глубже познали Его. Эти два подхода отличаются, как день и ночь».

Я стараюсь воспринимать периоды духовной сухости как время ожидания. Ведь готов же я ждать в аэропорте прибытия близких, если рейс задерживается. Или ждать при неполадках компьютера — когда дежурный службы поддержки ответит на мой звонок. Или стоять в очереди за билетами, чтобы попасть на концерт. Ждать — не значит убивать время: ожидая, я предвкушаю то, что должно вскоре произойти.

Прости молчание

Марк Джармен. «Пять псалмов», из сборника «Зеленому человеку»

Прости мое молчанье,
Молчанье в ответ на молитву — А после прости молитву,
Нарушившую молчанье.

Прости отсутствие Божье,
В котором присутствие мнится, — Прости и настойчивость
чувства,
Твердящего — вот же Он, рядом!

Прости, что Господь
Не спешит с откровеньем, — Прощенья проси
За свое нетерпенье.

И даруй Богу прощенье,
Что Он — это только слово... А после проси извиненья,
За то, что ты предал Слово.

Из личной беседы с богословом Ричардом Рором я узнал, что в Евангелиях указаны сто восемьдесят три случая, когда люди обращались к Иисусу с вопросом, — но лишь трижды Он прямо отвечал на заданный вопрос. В остальных случаях Он отвечал вопросом на вопрос, или рассказывал притчу, или давал косвенный ответ другим способом. Очевидно, Христос хочет, чтобы мы, руководствуясь теми принципами, по которым жил Он и которым учил нас, сами находили ответы на свои вопросы. Я обнаружил, что нечто подобное происходит, когда мы молимся. Когда я, преодолевая трудности и огорчения, ищу общения с Богом, во мне происходят перемены, благодаря которым я обретаю способность служить Ему. Судя по всему, Бог дает мне силу именно тогда, когда мне кажется, что Он оставил меня.

Наконец, последний метод выживания состоит в том, чтобы опираться на веру других людей. Когда в моей душе сгущаются тучи духовной депрессии, мне радостно осознавать, что в данный момент огромное количество верующих напротив переживает духовный подъем. В связи с этим, я думаю, Библия подчеркивает важность совместной молитвы. Об этом свидетельствуют псалмы, многие из которых явно были написаны для общинного богослужения, а не для личной молитвы. Иисус учил нас молиться «Отче наш», а не «Отче мой» — и множественное число здесь очень важно. Он утверждал: «Где двое или трое собраны во Имя мое, там Я посреди них» (Мф 18:20). После вознесения Иисуса Христа Его ученики продолжали молиться вместе. Иногда, когда моя вера колеблется и я не нахожу слов для молитвы, я слушаю молитвы других людей и обретаю утешение в том, что не все, подобно мне, переживают духовную опустошенность.

В тех церквях, где существуют малые группы, самые значимые молитвы творятся во время домашних встреч, подобно тому, как было у первых христиан. Я присутствовал на таких встречах, когда один из участников группы брал на себя смелость исповедать глубоко укоренившийся и повторяющийся грех и просил других помочь ему освободиться от этого греха. Тогда вся группа в тишине, отстранившись ото всего, что может молитве помешать, ревностно и с любовью просила Господа за брата или сестру. Все самоотверженно молились Тому, Кто любит его или ее больше, чем любой самый близкий человек.

На молитве в малой группе есть место и тем, кто, попав в духовную пустыню, изнывает от жажды, и тем, кто поднялся на горную высоту. Туда может прийти и человек, который просто скажет «помолитесь за меня», и люди, которые с радостью за него помолятся. Некий еврейский наставник говорил: «Когда я готовлюсь произнести молитву, я соединяюсь с теми, кто находится ближе меня к Богу, — чтобы через них достигать общения с Ним. В то же время я соединяюсь с теми, кто от Бога дальше, — чтобы они могли достичь общения с Богом через меня».

Одна моя родственница (назову ее Дианой) начала молиться совместно с другими людьми, когда испытывала затяжную боль после длительного бракоразводного процесса. Многие месяцы она молилась о том, чтобы Господь восстановил ее брак. Однажды Диана собрала десять самых уважаемых членов своего прихода и вместе с ними начала молиться. Вера этих достойных прихожан поддержала ее, и она поверила, что ее брак будет вскоре исцелен. Этого не произошло: напротив, ей стали известны новые свидетельства обмана и измены мужа. Он не стремился к покаянию и примирению.

Диана вспоминает: «Это было невероятно мрачное время. Бывало, что я плакала весь день без перерыва. Дети тоже мучились. Они не знали подробностей происходящего, но все равно страдали и металась между мной и Майклом».

Однажды я в отчаянии позвонила матери и попросила ее помолиться за меня. Мама живет в другом городе, и в первый раз мы молились вместе по телефону. Она молилась за меня от всего сердца, и тогда я поняла, что мать понимает боль своего ребенка лучше, чем кто-либо другой. Она и так, конечно, молилась за меня все эти годы, но я прежде никогда не просила ее помолиться вместе со мной.

Наш брак распался, мы с Майклом развелись, и я все еще пытаюсь наладить свою жизнь заново. Но я получила замечательный подарок — совместную молитву с мамой. В эти ужасные дни ее любовь поддерживала меня. С тех пор мы регулярно молимся вместе. Кроме того, я познакомилась с женщиной, которая живет по соседству, и мы молимся вместе с ней каждый день. Оправившись после переживаний, я стала молитвенным координатором нашей церкви. Теперь я помогаю людям, переживающим трудные времена, найти друг друга для совместной молитвы.

Я спрашивала себя, что же мешало мне начать совместные молитвы раньше? Но случилось так, что я обрела благодать совместной молитвы тогда, когда у меня появилась в ней нужда.

Я думаю, что все дело в страхе. Совместной молитве мешают страх и чувство

собственной неполноценности. Я все еще ощущаю свою неполноценность, недостойнство — и поэтому молюсь».

Вопросы и ответы

Линн

К сожалению, вера, которую исповедовали мои родители, никак не повлияла на их семейную жизнь. С самого раннего детства я была лишена родительской заботы. Отец и мать обращались со мной плохо. Они ругали и оскорбляли меня. В возрасте восьми лет я стала жертвой развратных действий со стороны одного из моих родственников. Тогда я решила, что буду примерной девочкой, стану хорошо себя вести и постараюсь никому не попадаться на глаза. Я ни с кем не говорила о своей боли.

В девятнадцать лет я попала в страшную автомобильную катастрофу. Я выжила, а моя лучшая подруга погибла. Внешне я была вполне предана Богу, но в глубине души, на подсознательном уровне, я ненавидела Его за то, что Он допустил эту трагедию, забрал у меня подругу, которая заменила мне семью, — ведь собственной семьи у меня никогда не было. В глубине сердца я была убеждена, что Бог — такой же жестокий и равнодушный предатель, как мой отец.

Моя внутренняя проблема вышла наружу, когда мне было уже за тридцать, я была замужем и имела детей. Сначала меня долго мучили головные боли и вирусные заболевания, депрессии и вспышки гнева. Потом появились внезапные приступы панического страха. Я была напугана и не понимала, что со мной происходит. С помощью опытного христианского психотерапевта я начала мысленное путешествие в свое прошлое, которое часто казалось мне бесконечным и невыносимым. Чувства, которые я загнала внутрь, теперь внезапно вырвались на свободу — и мне казалось, что они раздавят меня.

В процессе исцеления мне надо было прийти к согласию с Богом — задача не из простых! Прежде я бросала Ему вызов, плакала перед Ним, гневалась на Него, хваталась за Него. В более спокойном состоянии я искала Его, умоляла Его, поклонялась Ему, размышляла над Его словом. Я задавала Ему трудные вопросы и ожидала ответа. В моих дневниковых записях много мольбы, скорби, страстных желаний. Я никогда не думала, что человек может плакать столько, сколько плакала я — а боль была такой, что, казалось, мое тело ее не выдержит.

Сейчас меня наполняет тихая радость. Таинственным образом я убедилась, о чем и свидетельствую, что Бог нашел меня. Иногда Он удивительным образом отвечает на мои вопросы через Писание. Порой Его слова не являются прямым ответом на заданный мною вопрос, но в полной мере удовлетворяют меня. Похоже, Господь знает, что в глубине моей души, под теми не всегда корректными вопросами, что я Ему задаю, скрываются настоящие вопросы — и сразу отвечает на них. Иногда Он с любовью ожидает, когда я наконец смогу облечь мои внутренние нужды в слова, и буду способна услышать и правильно понять, что Он хочет мне сказать.

На сегодняшний день Бог разрешил сразу много волнующих меня вопросов, ответив на главный из них: «Господи, Ты любишь меня?» Именно этот неразрешенный вопрос был причиной моих душевных бурь и переживаний. И Бог безоговорочно ответил на него: «ДА!» Снова и снова Он открывал мне Свою любовь. Он делал это много раз, изобретательно, разными способами. В такие минуты слезы боли превращались в слезы радости и благодарного облегчения от того, что я наконец убедилась: Он полюбил меня, полюбил безоговорочно, щедро, навсегда.

Некоторые вопросы пока остаются без ответа. Но я знаю (хотя все еще чувствую себя израненной, уязвимой, а иногда и совершенно беззащитной), что Бог дает мне все ответы, необходимые для того, чтобы жить — и жить с избытком. Я предвижу, что скорбь скоро кончится, а жизнь с избытком будет продолжаться и возрастать!

Добровольное сотрудничество

Тайну близкого общения с Богом нельзя свести к строгой формуле. Английский епископ Хью Латимер, сожженный на костре при Марии Тюдор, писал другому мученику: «Иногда я так боюсь, что готов спрятаться в мышиную нору. Но иногда Господь является мне и укрепляет меня... Он приходит, и Он уходит».

Бывает, что сегодня ты поднимаешься на духовную высоту, а завтра начинаешь блуждать по пустыне — и блуждаешь целый месяц. «Дух дышит, где хочет» (Ин 3:8), — говорил Иисус Никодиму. Он приходит, и Он уходит.

Около моего дома в горах есть холм, где каждую весну рыжая парочка, лис с лисицей, выводят лисят. Родители привыкли к тому, что я гуляю по холму. Им не кажется странным, что я порой останавливаюсь напротив их убежища, чтобы свиснуть в знак приветствия. Иногда из трещины в скале высовываются и малыши. Они принимают и внимательно смотрят на меня блестящими глазками. Я слышу, как лисята скребутся и возятся в норе. Иногда я ничего не слышу — вероятно, потому, что они спят. Однажды в моем доме остановился гость из Новой Зеландии. Я решил сводить его к лисьей норе. При этом я предупредил: нет гарантии, что он что-нибудь увидит или услышит: «Эти животные — не ручные. От нас ничего не зависит. Они сами решают, когда показаться».

В тот день, к радости моего гостя, один храбрый лисенок высунул из норы свой нос. Спустя несколько недель я получил письмо из Новой Зеландии. Вернувшись домой, мой гость размышлял о том, что я сказал о лисах, — и мои слова, как ни странно, помогли ему лучше понять Бога. Он только что вышел из затяжной депрессии. Иногда ему казалось, что Бог столь же близок ему, как жена или дети. Но подчас он совершенно не ощущал присутствия Бога, и его вере было не на что опереться. Мой гость написал мне: «Ведь Он — не ручной. От нас ничего не зависит».

Апостол Иаков пишет: «Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам» (Иак 4:8). Похоже на рецепт общения с Богом, однако конкретные сроки здесь не указаны. И я невольно вспоминаю, что в общении с Богом участвуют две стороны. В этом общении мне отведена важная роль. Мне следует, как наставляет Иаков, очистить сердце и смирить свой дух. Я должен научиться брать на себя ответственность за то, что нужно сделать мне, а все остальное предоставить Богу.

По мере того как я рос и взрослел, я учился правильно вести себя с людьми. На первый взгляд мое поведение может показаться фальшивым и неискренним. Да, если меня плохо обслужили в ресторане, я не стану, как двухлетний ребенок, закатывать истерику и бить посуду. Разговаривая по телефону, я стараюсь быть вежливым, даже если звонок отвлекает

меня от важного дела. Я вовремя прихожу на работу — независимо от того, хочется мне или нет. Я стараюсь проявлять внимание к жене, даже если в данный момент меня беспокоят совсем другие проблемы. Иначе говоря, любые отношения требуют волевых усилий. Подобным же образом я стараюсь быть постоянным и в молитве: когда мне трудно молиться, я усилием воли преодолеваю свои чувства.

Да, нередко я начинаю молитвенное восхождение к Богу лишь благодаря твердой решимости и воле. Такое общение может показаться фальшивым и неискренним. Однако это не так: я ведь не надеваю маску. Бог знает мое душевное состояние. Я не могу сказать Богу ничего нового, но я свидетельствую о своей любви к Нему тем, что молюсь постоянно, даже тогда, когда у меня нет ни сил, ни желания, ни настроения. Я выражаю свою веру тем, что просто являюсь пред Ним.

Когда у меня возникает желание посетовать на отсутствие Бога, я напоминаю себе, что у Него есть гораздо более веские основания жаловаться на мое отсутствие. Я уделяю Богу лишь несколько минут в день. А сколько раз я игнорировал Его тихий голос, взывавший к моей совести? Сколько раз я заглушал этот голос в себе? «Се, стою у двери и стучу» (Отк 3:20) — эти знакомые многим слова из Книги Откровения часто цитируют во время проповеди, призывая неверующих обратиться ко Христу. Но Иисус адресовал эти слова Церкви и ее членам — христианам. Сколько раз я игнорировал тихий стук в дверь, не реагировал на Божий призыв?

В человеческих отношениях всегда есть как минимум две стороны, добровольно согласившиеся на взаимодействие.

В системе «человек-компьютер» добровольного согласия и выбора нет — там связь чисто механическая. Я включаю компьютер и ожидаю, что он поведет себя заранее известным мне образом в соответствии с программой. В отношениях между людьми такого не бывает. Идет ли речь о друзьях, о супругах, о коллегах по работе, о родителях или о детях — в отношениях всегда возникают различные недоразумения («ты сказала, а я не услышал», «ты меня не так понял»). Нам трудно бывает выбрать время для общения друг с другом, у нас меняется настроение. В отношениях существует разная степень автономии партнеров, разная зависимость друг от друга. В любых взаимоотношениях бывают и периоды особой близости, и периоды, которые можно назвать «сезоном засухи». Потому прочность, например, брачного союза стоит оценивать не по воспоминаниям супругов о вершинах романтической любви, а по тому, как эта пара справляется с конфликтными ситуациями.

Отношения человека с Богом, которые он поддерживает посредством молитвы, тоже имеют свой ритм. Моя сегодняшняя молитва — лишь одна из многих в течение всей жизни. Поэтому в печальных псалмах, где так красноречиво выражено ощущение отсутствия Бога, нередко встречается слово «вспомни». Псалмопевцы напоминают себе и Богу, что не всегда в них присутствовали те же чувства, что сейчас. И их сегодняшние чувства не сохранятся надолго. Слова, встречающиеся в псалмах, — «скрываешь», «оставил», «не удаляйся» и им подобные — говорят о том, что Бог свободен и степень Его присутствия колеблется в самом широком диапазоне. Поэтому плач богооставленности («Доколе, Господи?») сменяется голосом надежды на то, что Бог снова явит Себя:

«Твердо уповал я на Господа,
И Он приклонился ко мне и услышал вопль мой; Извлек меня из страшного рва,
Из тинистого болота, И поставил на камне ноги мои
И утвердил стопы мои; И вложил в уста мои новую песнь — Хвалу Богу нашему» (Пс 39:2–4).

Доверие Богу

Итак, иногда мне кажется, что Бог отсутствует. Но если бы Он действительно отсутствовал — ничто во Вселенной не смогло бы существовать. Я научился распознавать

«сезоны засухи» и больше не пытаюсь судить о действительности на основании ощущений, которые я в данный момент испытываю.

Читая Библию, я вижу, каким образом складывались отношения Бога с некоторыми из Его избранников. Авраам прошел через суровые испытания веры. Иов страдал без вины. Иаков боролся всю ночь. Даже Сам Иисус однажды почувствовал, что Отец Его оставил. Конечно, в отношениях с Богом я свободен. Иногда я пользуюсь этой свободой — не слушаюсь Его, потакаю своим прихотям, пренебрегаю молитвой. Разве не логично, что и Господь может пользоваться Своей свободой — хотя, конечно, иначе, чем я? Вот как писал об этом Мартин Лютер:

«Когда мы пытаемся диктовать Богу, где, когда и как Ему действовать, мы Его искушаем. Ведь таким образом мы пытаемся понять, действительно ли Он здесь. А еще это значит, что мы ограничиваем Бога и пытаемся заставить Его поступать так, как угодно нам. Это все равно, что пытаться лишить Бога Его божественность. Нам следует понять: Бог свободен и не подчиняется никаким ограничениям. Не мы, а Он диктует нам, где, когда и каким образом действовать».

Одно время я искренне искал способ укрепить свою веру. Я жаждал веры, о которой с одобрением отзывался Иисус, — той, что всегда готова верить в чудеса. К сожалению, такой веры я не обрел. Вера, которая у меня есть, основана на реальном опыте и является результатом регулярного общения с Богом.

Я стал доверять Богу. Я поверил, что следовать Его воле — для меня наилучший выбор (хотя почти всегда — выбор непростой). Новообращенный британец Джонатан Эйткен говорит о подобной позиции так: «Я доверяю Богу. Но это не значит, будто Он гарантирует мне, что со мной не случится того, чего я боюсь. Такая вера была бы иллюзорной. Напротив, то, что меня пугает, вполне может произойти. Но с Божьей помощью даже зло в конце концов обращается в добро».

Подобно тому как ученый строит вой теории на доказанных фактах, я в своей вере опираюсь на то, что мне известно о Боге — в первую очередь, из жизни Иисуса Христа. Но развитие и рост всегда предполагают прорыв за пределы известного — будь то поиски лекарства от рака, первый шаг человека по лунной поверхности, молитва о прекращении тридцатилетней вражды в семье или об искоренении бедности в городе. Иногда я даже не представляю, каким может оказаться ответ на молитву, но я все равно молюсь, потому что научился доверять Богу. Я верю, что Господь хочет исцелять больных и творить справедливость, но я не знаю, будет ли Его желание исполнено так, как хотелось бы мне.

Молитва побуждает нас довериться Богу, сознавая, что Он управляет всем и за решение мировых проблем отвечает Он, а не мы. Если я провожу с Богом достаточно много времени, то неизбежно меняется мой взгляд на мир. Моя точка зрения приближается к точке зрения Бога. Ведь, в конце концов, что такое вера, как не способность быть заранее уверенным в том, что поймешь лишь по прошествии времени?⁵¹

Когда я последний раз посетил Карла — прикованного к инвалидной коляске капеллана — он объяснил мне, что по-прежнему молится и вполне уверен в том, что молитва действует.

⁵¹ *Англичанский богослов Остин Фаррер описывает доверие следующим образом: «Христианин, который знает собственное сердце, мог бы молиться примерно так: Боже, я хочу дать Тебе тот дар, которого Ты столь сильно желаешь. Я хочу отдать Тебе самого себя, раз и навсегда, и не отречься от этого дара. Боже, я сам не могу отдать себя в Твои руки. Я не сумею это сделать. Но я могу отдать себя в Твои руки, потому что, хоть я и не в состоянии удержать себя в Твоих руках, они удержат меня — Твои руки, Твои сильные и нежные пальцы, которые всегда поддаются, но никогда не отпускают. Твои мудрые и умелые пальцы, которые так нежно укрощают мои маленькие восстания, что мне надоедает пытаться уйти от них, и я, наконец, успокаиваюсь на Твоих пронзенных руках. — Прим. авт.

«Меня поддерживают молитвы других людей, — сказал он. — Я читаю письма и открытки с выражением поддержки, в том числе от незнакомых людей. Когда мои силы иссякают, я черпаю в них силу. После операции на позвоночнике ко мне подошел анестезиолог и сказал: «Я позвонил прихожанам моей церкви в Луизиане — они молятся за вас». В другой раз женщина-хирург, афроамериканка, молилась за меня перед началом пластической операции рта, поврежденного при падении с велосипеда. Это была замечательная, живая и подкрепляющая молитва.

Я не сомневаюсь в силе молитвы. Я только не могу понять, почему мне почти всегда не хватает ощущения Божьего присутствия. Это ощущение мне хорошо знакомо. Перед тем как мои летчики должны были лететь в Косово или в Персидский залив, я перед взлетом обходил все самолеты и молился вместе с каждым экипажем под крылом их самолета. Некоторые оставляли мне письма к любимым на случай, если они не вернутся. Именно в такие решающие моменты Бог ощутимо присутствовал с нами. Почему же Он не приходит ко мне?»

Карл знаком попросил меня следовать за ним и покатился вниз по коридору в спальню. Там он рассказал мне, что однажды у него появился пролежень от неподвижного сидения в инвалидном кресле, и ему пришлось провести в постели несколько недель. До этого он уже перенес тромбоз и тяжелую инфекцию, и вот — снова был вынужден лечь в постель. Карл прервал свой рассказ и показал на стену, на которой висели две русские иконы.

«В нашей традиции иконы не приняты, — сказал он. — Но когда я лежал в постели, эти два образа стали для меня окном в другой мир. Я особенно остро чувствовал себя оставленным Богом и задавался вопросами: «Есть ли Ему до меня дело? Есть ли хоть какой-то смысл в молитве? Может ли молитва что-то изменить?»

На одной из икон изображено крещение Иисуса. Глядя на нее, я вспоминал, что Бог в полной мере вошел в наш мир и оделся в нашу кожу. То, что сейчас испытываю я, испытал и Он. Он тоже был лишен возможности двигаться — когда был пригвожден ко кресту.

На второй иконе изображен Пантократор — Христос Вседержитель. Каждые несколько часов я переворачивался на другой бок, и передо мной оказывался этот образ. Я смотрел на икону и думал: «Где же Ты, Христос — Небесный Царь и Судия? Где ты теперь, когда Ты так нужен мне?» Резкий контраст между двумя образами Христа бросался мне в глаза всякий раз, когда я глядел сперва на одну икону, а потом — на другую. Моя жизнь замерла, застыла между ними. Христос Вседержитель олицетворял мои надежды на будущее, но сегодня и ежедневно я вел битву с плотью — со своей поврежденной плотью.

Возможно, через десять лет этот период моей духовной жизни останется в прошлом. Возможно, мне будет не так трудно молиться, как сегодня. Но я знаю: даже сейчас, когда я чувствую себя совершенно опустошенным, Бог использует меня. Благодаря моей инвалидности пожилые люди в доме престарелых легко сближаются со мной. Когда я подъезжаю на коляске к их постелям, мне не надо наклоняться — я уже на одном уровне с ними. Когда какие-то органы отказываются им служить, они говорят: «Карл понимает, что это такое».

Несколько месяцев назад я рассказывал своим коллегам-капелланам обо всем, что со мной произошло после несчастного случая — и о физических, и о духовных переменах в моей жизни. Затем у нас было соборование. «Я прошу именно об исцелении, а не о физическом выздоровлении, — сказал я. — Мое физическое состояние необратимо, и я не ожидаю, что оно изменится. Но все равно я нуждаюсь в исцелении». Однако помазание совершал я. Капелланы по очереди выходили вперед, а я окунал пальцы в елей и касался лба каждого из них. Первые несколько человек наклонились ко мне, чтобы я мог дотянуться до них из коляски. Затем кто-то встал передо мной на колени. Вслед за ним и остальные стали подходить и становиться на колени. Наверно, об этом мне сейчас следует думать: в течение всей оставшейся мне жизни я буду — не по собственному выбору — находиться на одном уровне с теми, кто стоит на коленях».

ЧАСТЬ 4. ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ

*Приходит час остановить моление — Когда уста, молившиеся
долго, страстно, Вдруг понимают, что мольба напрасна.*

Эмили Дикинсон

ГЛАВА 16. МОЛИТВА БЕЗ ОТВЕТА — ЧЬЯ ВИНА?

Когда боги хотят нас наказать, они исполняют наши молитвы

Оскар Уайльд

Я сижу в удобном кресле перед окном, из которого открывается вид на горное озеро. Сейчас это озеро трехцветное. На одном берегу еще держится белый полумесяц льда, и несколько отколовшихся льдин отважно плывут к середине озера. Там лед уже давно растаял, и в чистой воде отражается лазурное небо Колорадо. Другие берега изрезаны узкими бухточками. Ручейки талой воды несут в прибрежную воду коричневую глину. Вокруг — ничего рукотворного. В воздухе звенит дружный хор молодых лягушек. На отмелях кормятся стаи перелетных птиц. По берегам ручья теснятся пихты. Я решил, что сейчас самое подходящее место и время, чтобы перебрать в памяти мои недавние молитвы.

За неделю до Рождества моя старинная знакомая написала прощальную записку, зашла в ванную, вставила в рот дуло пистолета и спустила курок. Много лет я молился, прося Бога освободить ее от алкогольной зависимости. Последний срыв оказался для нее смертельным. Теперь я молюсь за ее мужа, который ведет ту же борьбу, но уже без поддержки жены — поэтому искушение сдаться стало для него сильнее.

Один мой родственник после десяти лет мучительной борьбы скончался от СПИДа. Другой умер от сахарного диабета, не дожив до сорока лет. Мой дядя из-за той же болезни лишился ноги и сейчас лежит в госпитале, приходя в себя после приступа (он неожиданно потерял сознание, и его нашли только через пять дней). Двоюродная сестра отчаянно борется с пристрастием к наркотикам. Дочь моих лучших друзей изнасиловали в чужой стране — там ее родители-миссионеры служили Господу. Теперь девушку терзают кошмарные воспоминания.

В памяти возникают лица тех, кто сейчас далеко, в других странах. Миссионер, возглавляющий программу борьбы со СПИДом в Южной Африке, в результате переливания зараженной крови он сам заразился вирусом иммунодефицита. Два друга в Ливане, которые при каждом новом-взрыве бомбы или террористическом акте с ужасом вспоминают кровавый кошмар гражданской войны, которую им довелось пережить. Работники благотворительной миссии в Гватемале... На их глазах катастрофический оползень стер с лица земли все, что они построили за десять лет (в других странах об этом даже не упомянули в новостях).

Иисус сказал: «Довольно для каждого дня своей заботы» (Мф 6:34). Мне казалось, что Его слова явно приуменьшают груз проблем и опасностей, нависших над нашей головой, словно снежные глыбы на лавиноопасном склоне. Вот какие мысли пришли мне в голову, пока я смотрел на безмятежный пейзаж за окном и вспоминал о бедах и страданиях, которые обрушились на моих близких — друзей, родственников, соседей. Я в свое время молился о каждом из них, но по любым разумным критериям вынужден признать: мои молитвы остались без ответа.

Сейчас для меня главное — не исполнение высказанных в молитве просьб, а общение с Богом, поэтому я не мучаюсь из-за безответных молитв так, как бывало раньше. Но я знаю:

отсутствие ответа на молитву для многих становится камнем преткновения, отбивающим у них всякое желание иметь дело с Богом. Ну действительно, что это за друг, который, имея возможность спасти жизнь или исцелить от болезни, остается в стороне, несмотря на отчаянные мольбы о помощи? В известном смысле любая война, эпидемия или засуха, любая безвременная смерть или врожденная болезнь дает повод для упреков: Божьи обетования о молитве пробудили в людях надежду, но не были исполнены.

Джерард Мэнли Хопкинс, священник-иезуит и выдающийся английский поэт, облек свои мысли о молитве в такие строки:

«...Мольбы подобны письмам неживым К любимому, что от тебя далече».

Опасность потерять веру

Безответные молитвы представляют собой серьезную опасность для искренней детской веры. Я провел вчерашний вечер за чтением рукописи. Молодая женщина излила душу на бумаге, чтобы изжить ужасное прошлое. В детстве почти каждую ночь ее насиловал старший брат, а когда мать наконец застала их, она обрушила обвинения на дочку, назвав ее шлюхой. «Каждую ночь я со слезами умоляла Бога прекратить этот кошмар, — вспоминает женщина, — но Он ни разу мне не ответил».

В романе «Бремя страстей человеческих» замечательный английский писатель Сомерсет Моэм, слегка изменив детали, описывает случай из собственного детства, в результате которого его вера безвозвратно рухнула. Филип, главный герой романа, обнаружил в Евангелии от Марка стих: «Все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите — и будет вам» (Мк 11:24). Мысли мальчика обращаются к его изуродованной ступне:

«Он сможет играть в футбол. Сердце его дрогнуло, когда он представил себе, как бежит, бежит — быстрее других ребят.

В конце пасхального семестра будут спортивные состязания, и он сможет участвовать в беге; ему очень хотелось участвовать в беге с препятствиями. Какое счастье быть таким, как все, чтобы на тебя не пялили глаза новички, которые еще не знают о твоём увечье, чтобы летом, во время купания, тебе не нужно было принимать самые невероятные предосторожности, пока ты раздеваешься и еще не успел спрятать ногу в воде...

Он молился от всей души. Сомнения не тревожили его. Он полагался на слово Божие. В ночь накануне отъезда в школу он отправился спать, дрожа от волнения. Выпал снег, и тетя Луиза позволила себе непривычную роскошь — она затопила камин в своей спальне. Но в комнатухе Филипа было так холодно, что у него совсем онемели пальцы, и ему было трудно расстегнуть воротник. Зубы его стучали. Он решил, что сегодня ему надо совершить нечто из ряда вон выходящее, чтобы заслужить милость Бога, и он отвернул коврик у кровати и встал коленями на голые доски; тогда ему показалось, что ночная рубашка — это тоже баловство и может рассердить Создателя; он снял ее и стал молиться голый. Когда он лег в постель, ему было ужасно холодно, и он долго не мог заснуть, но сон наконец пришел, и такой крепкий, что Мэри-Энн наутро с трудом его разбудила. Она принесла горячую воду и что-то ему говорила, раздвигая занавески, но Филип ей не отвечал; он сразу же вспомнил, что в это утро должно свершиться чудо. Сердце его было полно благодарности и восторга. Он инстинктивно вытянул руку, чтобы пощупать ступню, которая была теперь такой, как у всех, но тут же отдернул ее, боясь, что это будет означать сомнение в благости Божьей. Он ведь знает, что нога его здорова. Но в конце концов он все-таки решился и пальцами правой руки легонько дотронулся до левой ноги. Потом он провел по ней рукой. «Хромая».

Филип спустился вниз, когда Мэри-Энн входила в столовую на молитву. Потом он сел завтракать.

— Ты сегодня какой-то тихий, — немного погодя сказала ему тетя Луиза».

Сомерсет Моэм сам страдал хромотой, которая сопровождала его всю жизнь как напоминание о молитве, оставшейся без ответа. Друг Моэма и его коллега по писательскому ремеслу Джордж Оруэлл тоже рассказывает о том, как он, будучи воспитанником школы-пансиона, с мукой и слезами молился, чтобы ночью ему не намочить кровать. Часто молитвы Джорджа оставались безответными, и каждый раз его поролли. Оба эти писателя полностью утратили веру.

Блаженный Августин в «Исповеди» пишет о том, как в детстве молился, чтобы его не били школьные учителя, однако неизменно бывал бит. Читая Августина, я вспоминаю свои собственные молитвы, когда я просил Бога избавить меня от школьных хулиганов. Низкорослый и заторможенный, я представлял собой превосходную мишень для их выходок, но ангелы-хранители не появлялись в ответ на мои молитвы. Я научился спасаться бегством. Слышал ли кто-нибудь мои молитвы?

Один скептически настроенный англичанин — антрополог Фрэнсис Гальтон, двоюродный брат Чарльза Дарвина — предпринял попытку научного анализа результатов молитвы. «Книга общих молитв», согласно которой совершаются основные богослужения и таинства в Англиканской Церкви, включает в себя молитву о долголетьи короля или королевы Англии. Сэр Фрэнсис сравнил продолжительность жизни монархов и представителей других социальных групп. Срок жизни августейших особ оказался самым коротким! Молитва, которая повторяется верноподданными христианами миллионы раз в день, не дает никакого осязаемого результата. Расширив поле исследования, Гальтон обнаружил, что средняя продолжительность жизни духовных лиц практически не превышает продолжительность жизни представителей других профессий. И похоже, что миссионеры страдают от кораблекрушений, тропических болезней и насилия ничуть не меньше, чем все остальные — несмотря на то, что за них молятся многие люди.

У меня есть пухлая папка с письмами, пришедшими в ответ на мою книгу «Разочарование в Боге»⁵². Время от времени я их перечитываю. Эти письма способны разбить даже не слишком чувствительное сердце и заставить замолчать любого, кто проповедует «евангелие процветания». Авторы некоторых писем рассказывают о заурядных случаях молитвы, оставшейся без ответа: например, о том, как младенец не желает спать, и в ответ на молитвы измученной матери только громче заливается плачем. Другие пишут о более серьезных вещах. Об увечьях, нанесенных не хулиганами, а членами собственной семьи. О муковисцидозе⁵³ у единственного ребенка. О матери, страдающей болезнью Альцгеймера⁵⁴, которая внезапно стала вести себя агрессивно. О раке груди, об опухоли мозга, о раке поджелудочной железы. Мои корреспонденты присылали иногда настоящие молитвенные дневники — летописи своих надежд, подкрепленных вначале поддержкой друзей и церкви, а затем рухнувших под грузом разочарования.

Люди объясняли: они пишут мне, потому что их вера висит на волоске — из-за молитв, не получивших ответа. Согласившись с жестокой логикой братьев во Христе, некоторые мои корреспонденты начали винить себя в своих несчастьях: широко бытует мнение, что желаемые результаты приносит только «правильная» вера. Другие стараются найти в произошедшем светлую сторону и указывают на побочные позитивные результаты —

⁵² *Филип Янси. *Разочарование в Боге*. М.: Триада, 2008. — Прим. ред.

⁵³ *Муковисцидоз (кистозный фиброз поджелудочной железы; синдром Андерсена) — наследственное заболевание желез внутренней секреции, а также поджелудочной железы и печени, характеризующееся, в первую очередь, поражением желудочно-кишечного тракта и органов дыхания. — Прим. ред.

⁵⁴ **Болезнь Альцгеймера — дегенеративное заболевание центральной нервной системы, которое развивается в преклонном возрасте и характеризуется прогрессирующим снижением интеллекта, расстройством памяти и изменением поведения. — Прим. ред.

например, молитва помогла прийти к вере родственникам или объединить церковь — хотя их главное прошение не было исполнено. А третьи просто сдаются: они приходят к выводу, что от молитвы нет никакого толка.

Проблема непостоянства

Надеюсь, мне удалось показать, что я верю в молитву и в то, что она способна повлиять на людей и события. Тем не менее, когда кто-нибудь рассказывает мне, он чудом не попал в число жертв авиакатастрофы, я не могу отделаться от мысли о тех, кто в этой катастрофе погиб. Наверняка многие из погибших молились не менее горячо. Я радуюсь, слыша рассказы о чудесных исцелениях, но одновременно с болью вспоминаю о папке в моем кабинете. В этой толстой папке — истории людей, которые не получили исцеления. Я не сомневаюсь, что Бог отвечает на молитвы. Но меня тревожит явная непоследовательность Его ответов.

Выше я писал о наблюдениях Фрэнсиса Гальтона, который пришел к заключению о бесполезности молитвы. Справедливости ради надо упомянуть труды его современников, содержащих прямо противоположные выводы. Это две книги общим объемом в шестьсот тридцать страниц, которые целиком состоят из рассказов об ответах на молитвы. Названия книг говорят сами за себя: «Поразительные ответы на молитву» и «Чудо молитвы: тщательно проверенные свидетельства о чудесных ответах на молитву». Джордж Мюллер, руководитель христианского приюта для сирот, чья жизнь стала легендой, рассказывал, что получил не меньше пятидесяти тысяч ответов на молитвы.

На моей книжной полке стоят похожие книги, в том числе недавний труд Джима Цимбалы, более двадцати пяти лет отдавшего служению в Бруклинской церкви «Скиния». Джим пишет о том, как Бог действует в его общине. Журналисты опросили пять тысяч шестьсот человек. Из них около половины сообщили, что часто получают ответы на свои молитвы. Я и сам знаю немало людей, таких, как, например, проститутка из Коста-Рики (ее рассказ помещен ниже), чьи истории могут смутить самого закоренелого скептика. Как журналист, я исследовал многочисленные случаи ответов на молитвы. Я убежден в достоверности этих свидетельств. Более того, мне известны случаи, когда Провидение или ангел-хранитель заботились обо мне безо всяких моих молитв.

Но эти многочисленные истории никак не помогут нам решить проблему молитв, оставшихся без ответа. Свидетельство выжившего в авиакатастрофе вряд ли укрепит веру вдовца, жена которого погибла в этой же катастрофе. Семью, потерявшую ребенка (он умер от менингита), не утешит весть о чудесном исцелении другого ребенка. Многие книги о молитве содержат примерно такие утверждения: «Бог всегда отвечает на молитвы, но иногда Он отвечает нет». Я читаю эти слова и думаю о дорогих моему сердцу друзьях и родственниках, услышавших в ответ на молитву короткое Божье «нет». Почему? Чего недоставало их молитвам?

Я уже писал о роли молитвы в падении коммунистического режима и в мирном разрешении ситуации в Южной Африке. Я верю, что молитва сыграла в этих событиях решающую роль.

Но сколько русских священников и верующих погибло в сталинских лагерях, не дождавшись освобождения? Сколько южноафриканцев претерпели пытки и были убиты карательными отрядами полиции, прежде чем Господь ответил на их молитвы?

Включая религиозный телеканал, я часто слышу, как ведущий читает письма телезрителей, «спина которых чудесным образом распрямилась после просмотра нашей передачи». Мне рассказывают о людях, которые встали с инвалидной коляски и сделали первые шаги. Каково слушать об этом матери шестнадцатилетнего сына, страдающего муковисцидозом? Ей, которой каждый день приходится подолгу колотить его спину, чтобы помочь откашлять мокроту, переполняющую легкие? Я не знаю ни одного достоверного

случая излечения от муко-висцидоза.

Голландка Корри Тен Бум, писательница, пережившая ужасы нацистского концлагеря, а после объехавшая весь мир с проповедью прощения, написала о чудесной бутылочке с витамином. Удивительное средство помогало продлить жизнь ее сестры и еще двух дюжин узниц лагеря, хотя содержимое бутылочки, казалось бы, давно должно было кончиться. Ее сестра Бетси сравнивала это чудо с библейской историей о вдове из Сарепты, в кувшине которой не иссякало масло. Дальше в книге Корри Тен Бум написано, что Бетси умерла в лагере Равен-сбрюк. Получается, что Бог ответил на молитву о витамине, но не на молитву о Бетси?

Я слышал историю супругов из Индии — 11 сентября 2001 года они находились в разных башнях Центра Международной Торговли, и оба спаслись. Чудесным образом и жена, и муж спустились вниз незадолго до того, как башни рухнули. Это произвело на них такое впечатление, что они оба обратились в христианство, а муж оставил прежнюю работу и стал миссионером. Но когда я слушал эту потрясающую историю, я не мог не думать о трех тысячах погибших, многие из которых молились в тот миг, когда на них рушились тонны расплавленной стали.

Я думаю, мы должны молиться со смирением, чтобы выражать благодарность без триумфализма⁵⁵, сострадание без хитрости и почитать тайну, которая всегда окружает молитву⁵⁶.

Магия или вера?

Дэвид

Я работаю в хосписе с людьми, переживающими большое горе. Мне постоянно приходится иметь дело со смертью и с умирающими. Не так давно я понял, какому испытанию подвергается моя вера и что именно так сильно огорчает меня: непоследовательность в действиях Бога и Его людей.

Раньше меня окружали люди, которые воспринимали Бога, как всемогущего джинна из бутылки, готового исполнить любое их желание. (Хотя я всегда отчетливо понимал, что никаких гарантий нет: например, в одиннадцатой главе Послания к евреям написано, что одних Бог спасал, а другим не помог даже когда их перепиливали.) Но наши современники об «успехах» веры трубят с крыш, а неудачи стараются быстренько похоронить в укромном уголке на заднем дворе, чтобы никто не узнал. В хосписе я увидел, что дождь действительно падает и на праведных, и на неправедных: одни христиане по воле Божьей исцеляются, а другие расстаются с жизнью, и, воздавая славу Господу, уходят на небеса.

Я восстал против концепции, по которой Бог только и делает,

⁵⁵ *Триумфализм — ощущение постоянного, нарастающего, триумфального успеха и/или превосходства. — Прим. ред.

⁵⁶ **Лютеранский богослов Мартин Марти сказал: «Бывают слова о молитве, которые звучат кощунственно. Например, убиты двести пятьдесят морских пехотинцев, а в живых остались только четверо. И родственники выживших, выступая по телевидению, говорят: «Мы молились, поэтому Бог их сохранил». Такие взгляды не имеют ничего общего с Библией. Это магизм и суеверие. Мне нравится прозаичность Христа. Когда Его спросили о слепорожденном, Он ответил: «Вы спрашиваете, кто согрешил, он или его родители? Да никто. Он просто таким родился». Это бывает. Дождь льет и на праведных, и на неправедных». — Прим. авт.

что носится по свету, чтобы в ответ на молитвы христиан, спешащих по делам, освобождать им места для парковки. Я слышал, как многие верующие молятся о чудесном вмешательстве Бога, чтобы Он помог бедным или больным, но никому из этих людей и в голову не приходит, что они сами способны дать ответ на свои молитвы. Все это больше похоже на веру в магию, а не в Бога.

Вчера мой сын и его жена попали в аварию — на скорости более ста километров в час им пришлось резко свернуть с дороги, чтобы не угодить под бревна, падающие с грузовика, который ехал перед ними. Они остались невредимыми, пострадал только автомобиль. Свидетели говорили, что произошло настоящее чудо, инспекторы дорожного патруля поражались, что сыну с женой удалось выжить в этом инциденте и избежать существенных травм. Двое моих других взрослых сыновей оказались на месте происшествия несколько мгновений спустя и видели, что произошло.

Вечером мы всей семьей обсуждали этот случай. Один из моих сыновей, двадцати с лишним лет отроду (наш «Фома неверующий»), сказал, что брату и его жене просто повезло — чего только не бывает на этом свете, полном случайностей и беспорядка. Другой сын не был столь уверен, что ничего особенного не произошло, но не поручился бы за это. А сын, который вел машину, утверждал, что их спас Бог. Невестка сказала: «Мы возвращались с кладбища, где сажали цветы на могиле моей бабушки. Она была большой молитвенницей. Когда бабушка была жива, она молилась, чтобы Господь защитил и благословил нас. Сегодня Он ответил на ее молитвы». Моя жена тоже верит в чудесное спасение.

Я сам, имея многолетний опыт работы с последствиями катастроф, могу совершенно искренне сказать только одно: «Бог там был. Он был с ними, Он помогал им. И Он был бы с ними, даже если бы они пошли «долиной смертной тени». Бог сопровождает их и в жизни, и каждый день дает силу и благодать...» Я хотел бы иметь веру, чтобы сказать больше... Я глубоко понимаю человека из Евангелия, который молился: «Верую, Господи! Помоги моему неверию» (Мк 9:24).

Что мы делаем неправильно?

Некоторые молитвы остаются без ответа потому, что они легкомысленны и неоправданны. «Господи, пожалуйста, устрой так, чтобы в день матча была солнечная погода», — такие слова занижают значение молитвы. Их можно назвать заигрыванием с Богом, особенно если учесть, что фермеры, возможно, молились в тот же день о дожде. Отчаянная молитва «Боже, помоги мне получить пятерку на экзамене» скорее всего не даст результата, если молящийся весь год не учился. Большие сомнения вызывает право заядлого курильщика просить: «Господи, защити меня от рака легких».

Я несколько раз бывал в Азии, и люди там восхищались моей светлой кудрявой шевелюрой, похожей на птичье гнездо. (Два раза смешливые японские девочки-подростки, поговорив со мной немного, робко просили: «Мистер Янси, можно потрогать ваши волосы?») Я же, со своей стороны, нахожу привлекательными гладкие, черные, блестящие и прямые волосы азиатов. Все годы начальной школы мне приходилось мириться с прозвищем «Кучерявый», и я с радостью поменял бы свою гриву на волосы азиатского типа. Но я

уверен: даже если я каждый день подолгу буду молиться о даровании мне прямых черных азиатских волос, если я уговорю всех друзей молиться вместе со мной и пошлю молитвенную просьбу телевизионному проповеднику, проку от этого будет мало. Не больше, чем если бы я попросил у Бога других родителей, или другую Родину. Мой внешний вид определяется главным образом законами генетики, и молиться об отмене этих законов, какой бы прочувствованной ни была эта молитва, крайне неразумно.

Бывают легкомысленные молитвы несколько другого сорта. Тут особенно отличаются спортсмены. Участники разнообразных состязаний бьют себя в грудь, тыкают пальцем вверх и поднимают к небесам глаза, как бы благодаря сидящего наверху Главного Спортсмена за удачный удар, прыжок или гол. Легенда американского бокса, двукратный чемпион мира в тяжёлом весе Флойд Паттерсон сказал, победив Арчи Мура и завоевав титул чемпиона мира: «Я просто ударил его, а все остальное доделал Господь».

Рок-звезда Джанет Джоплин завывала со сцены: «О, Господь, не купишь ли Ты мне Мерседес-Бенц!» Христианский психолог, автор популярных книг Чарли Шедд как-то раз полушутя, полусерьезно сказал: «Я каждый день молюсь Всемогущему Богу, чтобы миллионные тиражи моих книг были распроданы и стали благословением для множества людей. Но я еще и тружусь, чтобы этого добиться». Священники в тюрьмах порой слышат признания преступников: те молились, чтобы полицейские их не поймали (таким образом они фактически делали Бога соучастником преступления).

В Новом Завете описаны нелепые просьбы, обращенные непосредственно к Иисусу. Так, Петр под впечатлением от встречи с Моисеем и Илией на горе Фавор, поддавшись первому порыву, просит разрешения построить шатры для Иисуса и двух святых. Двое учеников Христа, Иаков и Иоанн, вместе со своей честолюбивой матерью однажды попросили Его забронировать для них высокие должности в будущем Царстве. «Не знаете, чего просите» (Мф 20:22), — ответил им Иисус, и, наверное, покачал головой: как же плохо они усвоили то, чему Он их учил! Эти же двое, охваченные жадной мести, просили разрешения вызвать огонь с неба, чтобы спалить самаритянское селение, где им отказали в ночлеге.

Еще один пример: Петр заслужил строгий выговор за то, что пытался оспорить намерение Христа принять крестные муки. Совет Петра, наивный (хотя и вполне понятный), должно быть, задел Иисуса за живое. И Он ответил очень резко: «Отойди от меня, сатана! Ты Мне соблазн! Потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мф 16:23). В этом — главная проблема всех неуместных, несообразных молитв: они эгоистичны и противоречат природе Бога. Мы исходим из того, что нужно нам, а не Богу. Иаков в своем Послании писал о том же: «Просите и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений» (Иак 4:3).

Библия ясно говорит: иногда Бог не отвечает на молитву не из-за изъяна в молитве, а из-за изъяна в личности молящегося. У Адама и Евы контакт с Богом нарушился из-за непослушания. Отношения сразу же испортились настолько, что Богу пришлось разыскивать людей. В пятидесятом псалме мы находим горестные мольбы отягченного грехом Давида. Он просит о восстановлении связи с Богом. Непокорный царь Саул тоже взывал к Богу и не получал ответа. В итоге он обратился за помощью к колдунье.

Иногда грех разрушает общение с Богом. Поэтому в полном ликования и хвалы псалме псалмопевец признает: «Если бы я видел беззаконие в сердце моем, то не услышал бы меня Господь» (Пс 65:18). Отчетливо — словами, исходящими от Самого Бога, — передает эту же истину пророк Исаия:

«И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову» (Ис 1:15–17).

Итак, Бог прямо доводит до нашего сведения: чтобы молитвы были услышаны, важно не только каково духовное состояние человека, но и то, как он ведет себя с ближними, — заботиться ли о бедных, о сиротах и вдовах. Другие пророки, например, Малахия, говорят об этом еще более однозначно. Рискует тот, кто занижает плату наемным рабочим, нарушает брачные обеты — совершает прелюбодеяние или разводится, плохо относится к нелегальным иммигрантам, отказывается накормить голодного и дать кров бездомному. Бог может закрыть Свое ухо и не услышать их молитв. Меня, американца, живущего в двадцать первом столетии, эти предупреждения задевают за живое.

В Книге Притч об этом говорится так: «Кто затыкает ухо свое от вопля бедного, тот и сам будет вопить — и не будет услышан» (Притч 21:13). Апостол Петр предупреждает мужей, что они должны заботиться о женах и с уважением относиться к ним, чтобы не иметь «препятствия в молитвах» (1 Пет 3:7). Может показаться странным, что общественная позиция человека и его семейная жизнь непосредственно сказываются на результатах молитвы, но давайте вспомним: смысл молитвы — поддерживать отношения с Богом. На личные отношения оказывают влияние все аспекты нашей жизни и далеко не в последнюю очередь — наше поведение по отношению к окружающим.

Я не могу сказать соседу: «Я тебя люблю, мне приятно проводить с тобой время, но твою дурную собаку я терпеть не могу. И пожалуйста, не пускай ко мне во двор своих несносных детей». Отношение соседа ко мне зависит от моего отношения к тем, кто соседу дорог. То же самое верно и для Бога: отношение Господа к моим молитвам в значительной мере определяется моим отношением к Божьим детям и Божьему творению. Мало несколько раз в день склонить голову в молитве: молитва должна пронизывать всю жизнь. Верно и обратное: моя жизнь влияет на мои отношения с Богом.

Вот как описывает связь между поведением человека и эффективностью его молитвы апостол Иоанн: «И, чего ни попросим, получим от Него, потому что соблюдаем заповеди Его и делаем благоугодное пред Ним» (1 Ин 3:22). А вот объяснение проповедника и духовного писателя Мартина Ллойд-Джонса: «Мы желаем тех же благословений, что получали святые, забывая, что они были святыми. Мы спрашиваем: «Почему Бог не отвечает мне так, как Он отвечал ему?» А следовало бы спросить: «Почему я не живу так, как он?»»⁵⁷

Молитва проститутки

Хильда

Я родилась в Коста-Рике. У моих родителей совсем не было денег, и поэтому когда мне исполнилось четыре года, мать продала меня в сексуальное рабство. За возможность поразвлечься с ребенком мужчины готовы были платить огромные деньги. Пока мои ровесники ходили в школу, я работала в публичном доме и все деньги должна была отдавать матери. Всю жизнь я чувствовала себя безобразной, грязной и опозоренной. Стремясь хоть как-то заглушить душевную боль, я очень рано начала употреблять

⁵⁷ *Один священник рекомендовал следующий список вопросов, чтобы проверить, насколько уместна данная молитва:

1. Чего я хочу на самом деле? Говорю ли я конкретно или занимаюсь пустыми рассуждениями?
2. Согласится ли Господь в принципе удовлетворить такую просьбу? Или она противоречит природе Бога?
3. Делаю ли я то, что зависит от меня? Или я молюсь о том, чтобы похудеть, а диету не соблюдаю?
4. Каковы мои отношения с Богом? Не испорчены ли они?
5. Кому будет приписана честь и слава в случае, если моя просьба будет исполнена? Забочусь ли я о славе Божьей?
6. Действительно ли я хочу получить ответ на свою молитву? Допустим, девушка, которая меня бросила, действительно вернется. И что дальше? — Прим. авт.

алкоголь и кокаин.

Когда я стала подростком, у меня родились двое детей. Мать забрала их у меня, говоря при этом, что такому падшему существу, как я, нельзя доверить воспитание детей. Мне пришлось работать еще больше, чтобы зарабатывать еще и на детей. Только так я могла проявить свою любовь к ним.

Хозяева борделя требовали от нас все больше и больше. Иногда мне приходилось работать в две смены, обслуживая по сотне мужчин в день. Клиенты выстраивались в очередь за дверями — на каждого приходилось только по десять минут.

Однажды клиент разозлился на меня за то, что я отказалась выполнить его требования. Он пырнул меня ножом, а потом ударил бейсбольной битой и проломил череп. Меня отправили в больницу. Лежа на больничной койке, я обдумывала, как мне свести счеты с жизнью. Может быть, достаточно просто вынуть трубочки, которые в меня вставили врачи...

Наконец я опустилась на колени рядом с кроватью и возопила к Богу. Я хотела покончить с проституцией и стать настоящей матерью своим детям. В ответ на мою молитву Бог сотворил чудо. Он послал мне видение. Я увидела слова: «Разыщи Фонд Раав». Я была малограмотной и не знала, что такое Раав — и слово-то явно не испанское. Санитарка помогла мне найти телефон Фонда, и я позвонила.

В трубке раздавался гудок за гудком, а я молилась: «Господи, если Ты действительно существуешь, сделай так, чтобы кто-нибудь ответил на мой звонок». Наконец трубку взяла женщина по имени Марилиана. Оказалось, что она директор Фонда. Рабочий день уже закончился, но она задержалась, чтобы подобрать кое-какие бумаги.

— Мне нужна помощь, — сказала я. — Я погибаю. Я больше не смогу вынести такую жизнь.

Марилиана сказала, что Бог любит меня, и что Он меня не оставит. Она обещала помочь мне покончить с проституцией и начать новую жизнь. Через несколько дней она забрала меня к себе домой. Я вся была в синяках и в бинтах. Марилиана сердечно обняла меня и сказала: «Здесь ты в безопасности, Хильда». Она рассказала мне, что Раав — это имя женщины, о которой написано в Библии. Она была блудницей, проституткой, но стала героиней.

Я долго не могла поверить в происходящее. Все было похоже на сон. Марилиана уложила меня в чистую кровать, украсила комнату цветами и пообещала, что больше ни один мужчина не посмеет меня изнасиловать. Она познакомила меня с другими женщинами, которые покончили с проституцией. Она научила меня быть настоящей матерью. Сейчас я учусь ремеслу, чтобы трудиться и жить во славу Господа.

Молитвы, которые противоречат друг другу

Некоторые молитвенные просьбы выполнить просто невозможно. Если есть одна вакансия и двенадцать человек молятся о ее получении, то молитвы одиннадцати из них заведомо останутся без ответа. Если две христианских нации воюют друг против друга, граждане одной из стран не получают удовлетворительного ответа на свои молитвы о победе.

Ничто не способствует так молитвенному рвению, как война. В средние века европейцы часто заканчивали свои молитвы словами: «Господи, спаси нас от викингов. Аминь». Нам нравится думать, что нас объединяет праведная, справедливая цель⁵⁸. Но беда в том, что наши противники обычно думают о себе то же самое. Британский поэт сэр Джон Бетжемен отразил столь одностороннее восприятие в ироническом стихотворении, написанном во время Второй мировой войны, которую многие считали «справедливой»:

О, милостивый Боже! Ты немцев разбомби. И только женщин-немок от смерти сохрани, Но если очень трудно прицельно разбомбить, Случайные ошибки простим мы, так и быть.

Но, милостивый Боже, молю, не прозевай — Меня ни в коем случае бомбить не позволяй.

Во время самой разрушительной в истории Америки Гражданской войны между Севером и Югом 1861–1865 годов за победу обеих противоборствующих сторон молились очень многие. Главнокомандующий южан, набожный Роберт Ли, разительно отличался от своего противника-северянина, Улисса Гранта, выпивохи и богохульника. Один из любимых генералов Роберта Ли, Томас Джексон по прозвищу Каменная Стена, отказывался воевать в воскресенье, если противник не атаковал первым. Для своих солдат он устраивал богослужения. Президент Конфедерации Джефферсон Дэвис призывал южан соблюдать дни молитвы. Он был уверен в том, что «это приятно Всемогущему Богу, Верховному Распорядителю всех событий, Который до сих пор охранял и защищал Конфедерацию от врагов».

Авраам Линкольн, лидер северян и противник Дэвиса, указывал, что благочестивым верующим не подобает сражаться за сохранение рабства. «Странно, что есть люди, которые осмеливаются просить праведного Бога о том, чтобы Тот помогал им добывать себе хлеб насущный чужими руками, чужим потом», — сказал Линкольн во второй инаугурационной речи. Но потом добавил с присущим ему миролюбием: «Впрочем, не будем судить, чтобы не быть судимыми». Речь Линкольна показывает удивительно тонкое и смиренное понимание обстоятельств, в которых ему приходилось вести борьбу. «Обе враждующие стороны читают одну Библию и молятся одному Богу, и каждая сторона просит о помощи в борьбе против другой... Невозможно ответить на молитвы обеих сторон. Ни одна молитва не исполнится вполне. У Всемогущего есть Свои цели».

Позиции Линкольна чужда уверенность в собственном превосходстве, обычно свойственная сражающимся людям. Линкольн воспринимает огромные потери в Гражданской войне как справедливую расплату за позор рабовладения, которым очернила себя американская нация:

«Мы лелеем надежду и горячо молим о том, чтобы ужасы войны скорее миновали. Но даже если по воле Божьей они будут продолжаться до тех пор, пока не иссякнут все богатства, накопленные непосильным и неоплаченным трудом рабов за две с половиной сотни лет, и пока каждая капля крови, брызнувшая из-под бича, не будет оплачена каплей крови, исторгнутой мечом... даже и тогда мы должны будем сказать: «Суды Господни — истина, все праведны» (Пс 18:10)».

Более того, когда война уже близилась к концу, к победе Севера, Линкольн призывал не к мести, а к примирению: «Не питая ни к кому злобы, преисполненные милосердия, твердые

⁵⁸ ***Когда США в ответ на теракты 11 сентября предприняли военную операцию, Пентагон дал ей условное наименование «Бесконечная справедливость». Авторы этого названия явно хватили через край, и после протестов со стороны мусульман оно было изменено. Примечательно, что в данном случае я ничего не слышал о протестах христиан. — Прим. авт.*

в истине и в вере американцы должны завершить то, что начато: перевязать полученные страной раны, воздать должное погибшим, позаботиться о вдовах и сиротах — то есть сделать все возможное, чтобы завоевать и сохранить справедливый и длительный мир в своем доме и со всеми народами мира».

Все это время духовенство как южан, так и северян заявляло, что Бог — на их стороне. Линкольн мягко советовал священнослужителям вспомнить: не Бог на стороне человека, а человек — на стороне Бога. Человек — существо по своей природе ограниченное — никогда не сможет во всей полноте постичь волю не знающего пределов Бога. Следуя по стопам пророков Ветхого Завета, Линкольн считает, что во время национальной трагедии надо осознавать и исповедовать грехи, а не заявлять хвастливо, что правда на твоей стороне. «Много раз я вставал на колени, потому что со всей отчетливостью понимал: мне остается лишь взывать к Богу», — говорил президент.

Безответные молитвы — благословение Божье

Давайте задумаемся: а что было бы, если бы Бог отвечал на каждую молитву? (Случаи, когда молитвы противоречат друг другу, то есть, когда воюющие стороны молятся о победе для себя, или когда спортсмены молятся о солнце, а фермеры просят дождя, мы рассматривать не будем.)

Взяв за правило при малейшей возможности исполнять каждую нашу молитву, Бог фактически отрекся бы от управления миром, полностью передоверив его нам. История показывает, как неумело мы используем данную нам, пусть даже ограниченную, власть: мы затеваем войны, устраиваем геноцид, отравляем воздух и воду, уничтожаем леса, устанавливаем несправедливые политические системы, создаем очаги непомерного богатства и ужасающей бедности. А если бы Бог открыл нам широкий доступ к сверхъестественным возможностям? Каких бед мы бы еще натворили?

Я помню, как ребенком читал комиксы про Супермена, Бэтмена, Человека-Паука и Человека-Недаздумку и мечтал обладать способностями, которыми обладали эти герои. О, если бы я, как Супермен, умел менять костюмы и расправляться с обидчиками! А какие фокусы я вытворял бы в классе, если бы мог становиться невидимкой! Будь моя воля, и к молитву я использовал бы, как джинна из бутылки, чтобы привлекать к себе внимание и навязывать другим свою волю.

А взрослые — разве они вели бы себя по-другому? Огромная доля мировых ресурсов уходит на гонку вооружений, поскольку каждая нация стремится к господству над другими. Что будет, если один из народов получит доступ к сверхъестественной силе? Или если Господь будет наделять этой силой тех, кто наиболее усердно молится? При таком подходе в Гражданской войне победила бы армия набожного Роберта Ли, а не Улисса Гранта, который не отличался глубокой религиозностью. Христиане выделились бы в особый класс любимчиков, которые никогда не болеют, никогда не теряют работу и никогда не попадают в дорожно-транспортные происшествия. И как бы такое положение дел повлияло на христианское общество, уж не говоря о тех, кто в него не входит? Ключ к ответу на этот вопрос дает библейская история Израиля, избранного Богом народа, который мог прибегать к сверхъестественной Божьей силе.

В «золотые» времена (например, в царствование Соломона) неизменно разрасталась гордыня и наступал нравственный упадок. Напротив, периоды угнетения сопровождались духовным ростом.

В кинокомедии «Брюс Всемогущий» представлена голливудская версия событий, которые могли бы произойти, если бы Бог наделил сверхъестественной силой обыкновенного человека. Телерепортер из Буффало, Брюс Нолан, после серии постигших его неудач не на шутку разозлился на Бога. «Он мог бы исправить мою жизнь за пять минут, если бы захотел», — жаловался Брюс. И вот герой оказывается в заброшенном здании, где находится штаб-квартира корпорации «Вездесущий», и там встречает Самого Бога. Бог на

неделю передает Брюсу Свои полномочия, чтобы посмотреть, сможет ли тот улучшить положение дел в мире и в своей жизни.

Брюс использует божественную силу для удовлетворения собственных прихотей — чтобы расчистить себе путь в потоке других машин или заставить своего пса пользоваться туалетом. Он мстит коллеге и хулиганам, которые когда-то его избили. Желая произвести впечатление на жену и создать романтическую обстановку, он накидывает лассо на луну и притягивает ее ближе. От этого в Японии тут же начинается гигантский прилив. Он слышит тысячи молитв, которые одновременно раздаются в его голове. И это — молитвы жителей одного только Буффало. Брюс пытается разобраться с запутанными, противоречивыми просьбами и удовлетворяет желание каждого, кто молится о выигрыше в лотерею. В результате четыреста тысяч победителей делят между собой главный приз и практически ничего не получают.

В итоге Брюс Всемогуший понял, что быть Богом и отвечать на молитвы — очень непросто. Брюс научился смирению. Однажды у Махатмы Ганди спросили: «Если бы вам была дана власть переделать мир, с чего бы вы начали?» Ганди ответил так: «Я стал бы молиться о даровании мне власти отречься от власти».

Когда Христос жил на земле, Он отказался от власти. Он отверг три искушения сатаны: поражать толпы ослепительными чудесами, иметь власть над миром и уберечь Самого Себя от гибели при падении с высоты. Да, Спаситель использовал сверхъестественную силу, но ограничивал себя в ее проявлении, движимый состраданием к людям, а не страстью к зрелищам. И Он никогда не являл силу ради саморекламы или самозащиты. По сути дела, жизнь и дела Иисуса показывают: в мире должно соблюдаться тонкое равновесие между естественным и сверхъестественным. Незрелая личность (персонаж фильма Брюс Нолан) и зрелая личность (Махатма Ганди) осознают, что им неостанет мудрости, чтобы соблюсти равновесие между свободой воли, вмешательством свыше и самопожертвованием — той мудрости, которую явил Иисус, когда жил среди людей.

Со временем большинство из нас понимают: хорошо, что некоторые наши молитвы остались без ответа. В детстве Эми Кармайл просила Бога поменять цвет ее глаз с коричневого на голубой. Когда Эми выросла, стала миссионером и поехала в Индию, она была очень признательна Богу за карие глаза — индийские дети не боялись ее и не воспринимали как свою. Однажды я получил письмо от женщины, которая некогда просила Бога отнять у нее разум. «Я считала, что ум мешает мне верить, — писала она. — С семи лет я стала замечать лицемерие в церкви и во многих христианах. А еще я задавала вопросы, на которые никто не мог ответить. Но к счастью, теперь я знаю: Господь Сам определяет когда и как именно отвечать на наши молитвы». В конце концов именно интеллект снова привел эту женщину к вере.

В репертуаре Гарта Брукса, самого популярного и состоятельного исполнителя музыки в стиле «кантри», есть хит: в нем герой просит Бога растопить сердце одноклассницы, в которую юноша влюблен. Однако потом молодой человек осознает, что исполнение его просьбы привело бы к ужасным последствиям:

То, что Он не ответил — не значит, что Ему все равно. Молитва без ответа может оказаться величайшим даром Божиим.

Универсального рецепта не существует

Мы говорили о том, какие ошибки допускаем во время молитвы. Но даже после такого обсуждения — и особенно после него-я должен повторить, что молитва не подвластна жесткому алгоритму: приведи в порядок жизнь, произнеси правильные слова и получишь желаемый результат. Если бы все было устроено так, то Иов избежал бы страданий, Павел избавился бы от жала во плоти, а Христос не пошел бы на Голгофу. Между двумя вопросами «Отвечает ли Бог на молитвы?» и «Исцелит ли Бог вот этого больного ребенка, устранил ли

Он эту конкретную несправедливость?» лежит пропасть, в глубинах которой скрывается тайна.

Чарльз Эдвард Уайт, профессор из Мичигана, проработал несколько семестров в Нигерии, в университете города Джое. Однажды он посетил миссионерское кладбище. Оно расположено в небольшом городке Мианго в тихом саду рядом с церковью. Он заметил, что большинство могил — маленькие, не больше метра. Под ними мог поместиться только детский гроб. И действительно, тридцать три из пятидесяти семи могил были детскими. Самое раннее захоронение относилось к 1928 году. О недавних смертях рассказали жившие в тот момент в городке миссионеры.

Два младенца прожили лишь по одному дню. Другие дети прожили по несколько лет, а потом умерли от тропических болезней, которые в этих краях не редкость. Мелвину Луису Гуссену было двенадцать, когда он и его брат упали во время наводнения с подвесного моста в бурный поток. Их отец, миссионер Артур Гуссен, прыгнул в бурлящую воду и спас одного из сыновей. Но когда он нырнул во второй раз — за Мелвином — оба, и отец, и сын, погибли.

Профессор Уайт слушал рассказы о миссионерах. Они приезжали в Нигерию, зная обо всех грозящих им опасностях. Они теряли своих детей. Уайт представил себе скорбь, вторгающуюся в доме, в котором больше не слышно счастливых криков трехлетнего малыша... Или скорбь семьи, потерявшей первоклассницу, только что научившуюся читать. Вот что он написал:

«Кладбище в Мианго — важное свидетельство о Боге и о Его благодати. Оно напоминает нам, что Бог — не добродушный дедушка, выполняющий любое наше пожелание. Нет сомнений, что родители похороненных там детей отчаянно хотели, чтобы их дети жили. Они молили об этом Бога, но Бог ответил отказом.

Могилы говорят и о том, что Бог — не торговец, который не даст нам ничего, пока мы не накопим достаточный багаж добрых дел или веры, чтобы купить Его помощь. Кто, как не эти миссионеры, имеет заслуги перед Господом? Они отказались ото всего ради проповеди Евангелия. Но Бог не устраивает массовой раздачи наград.

На кладбище в Мианго мы обретаем новое знание не только о Боге, но и о Божьей благодати. Его благодать — бесплатная, но стоит недешево. Дорогая цена уплачена и за наше спасение, и за то, чтобы до каждого из нас дошла Благая Весть.

Многие свидетели благодати Божьей, начиная с Авеля, подтвердили свои слова кровью. Иисус спрашивал у евреев: «Кого из пророков не гнали?» Когда Христос посылал Своих учеников на служение, Он предрекал им предательство и смерть. В конце Своего земного пути Он обещал Своим последователям — тем, кто понесет в мир Его слово, — скорби, гонения и ненависть.

Нам станет понятно, почему появилось кладбище в Мианго, лишь в том случае, если вспомним: Сам Бог послал Своего Сына быть миссионером на Земле. И Сын Божий тоже умер и был погребен».

Супругам-миссионерам, которые скорбно склонились в нигерийском саду над могильным холмиком, никакая логика не объяснит, почему Господь не ответил на их молитву. Им остается лишь положиться на Бога, Который обещал: добро победит зло, и Его благой замысел в конце концов будет исполнен. Упование на Бога станет для них и всеобъемлющим объяснением, и величайшим подвигом веры.

ГЛАВА 17. БЕЗОТВЕТНАЯ МОЛИТВА: ЖИЗНЬ С ТАЙНОЙ

Зачем Ты праху дал язык — звать в моленьях, Притом, что Ты не слышишь этот крик? Рыдал я, стоя на коленях, — без ответа...

Джордж Герберт

Несомненно, что некоторые молитвы остаются без ответа по вине того, кто молится. Некоторые — но не все. Иногда Бог не отвечает на молитву из-за Своего непостижимого уважения к свободной воле людей, которую Он не желает подавлять. Но так тоже бывает не всегда. Порой причиной отсутствия ответа является вмешательство сил тьмы, противящихся воле Бога. И тогда приходится признать: на нашей падшей планете невозможно прожить без болезней, насилия и катастроф. Но и это объяснение не всегда верно. Так как же нам понять, почему именно эта конкретная молитва осталась без ответа?

Меня утешает, что и в Библии описаны молитвы, оставшиеся без ответа. Мы можем лишь гадать, почему Бог не отвечает на ту или иную конкретную молитву, но примеры из Писания дают нам ряд подсказок.

- Моисей сорок лет водил израильтян по пустыне. Перед смертью он молил Бога, чтобы Тот позволить ему перейти через Иордан вместе со всем народом. В наказание за прежнее непослушание Бог отверг эту просьбу. Моисей тяжело переживал отказ. Во «Второзаконии» описано, как он четыре раза набрасывался на израильтян, обвиняя их в том, что именно из-за них Бог наказывает его столь сурово. Прежде Моисею иногда удавалось «переубедить» Бога. А на сей раз — не удалось.

- Царь Давид неделю лежал ниц и отказывался от пищи, умоляя Господа сохранить жизнь его новорожденному сыну. Он совершил тяжкий грех, и поэтому его молитва осталась без ответа: ребенок Давида и Вирсавии умер. Однако позже от их брака родился Соломон, царствование которого стало золотым веком Израиля.

- В Ветхом Завете мы читаем о том, как четыре человека — Моисей, Иов, Иона и Илия — просили у Бога смерти. К счастью для них, Бог не исполнил эти прошения.

- Несколько раз после молитвы воинов Израиля о победе над врагом их ожидало унижительное поражение. Каждый из этих случаев — предмет для тщательного анализа. Может быть, их просьба шла вразрез с Божьей волей? Может быть, кто-то из воинов виновен в преступлении, оскорбившем Бога?

- Пророк Аввакум молился об избавлении от вавилонского нашествия. Иеремия просил, чтобы Иерусалим не был разрушен. Обе молитвы остались без ответа, каждый из пророков мучительно осмысливал причины неудачи. Книга «Плач Иеремии» доносит до нас горькие сетования пророка: «Ты закрыл Себя облаком, чтобы не доходила молитва наша» (Плач 3:44).

Я уже писал о неуместных, неправильных молитвах учеников Иисуса — например, о том, как они хотели низвести огонь с неба на деревню. Однажды они не смогли исцелить мальчика и не понимали причин своей неудачи (Мф 17; Мк 9). Иисус воспользовался этим случаем, чтобы указать Своим сподвижникам на недостаток веры. Молитвы учеников об исцелении мальчика остались без ответа, но Бог, видимо, желал, чтобы ребенок выздоровел, — ведь Христос сделал то, чего не смогли будущие апостолы.

Некоторые молитвы апостола Павла также не получили ответа. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить его вдохновенные молитвы о церквях со свидетельствами о серьезных нарушениях в христианских общинах. Реальность оказалась весьма далекой от идеала, о котором просил Павел. Самая известная из безответных молитв апостола — та, в которой он трижды просил Господа удалить от него «жало в плоть» (2 Кор 12:7). Павел показывает нам пример того, как принимать отсутствие ответа на молитву. Он не получил желаемого, но не стал обижаться и огорчаться, зато с благодарностью воспользовался тем, что было ему дано:

«И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен» (2 Кор 12:9-10).

Не был исключением и Сам Спаситель. Некоторые Его молитвы тоже остались без ответа. В Гефсиманском саду Он с верой молился о том, чтобы избежать Своей участи, — и с такой же верой согласился ее принять. Сначала Иисус обратился за помощью к Богу: «Да минует Меня чаша сия» (Мф 26:39). Потом Он воззвал к Своим друзьям, которые в ту минуту просто-напросто заснули. Потом — к религиозным лидерам, которые выдвинули против Него ложные обвинения. Потом — к государству в лице Пилата, который приговорил Его к казни. Потом — к народу, который отвернулся от Него. И в самом конце Он, покинутый всеми, испустил душераздирающий вопль: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Мф 27:46). Про череду этих отчаянных обращений, в ответ на которые Христос не получил никакой помощи, Льюис пишет: «Вот это и значит — «быть человеком». Все нити рвутся, как только за них хватаешься. Все двери захлопываются, как только ты добрался до них».

Безответные молитвы, описанные в Библии, подсказали мне разгадку, приоткрыли завесу над тайной. Что если бы умерший сын Давида выжил и правил вместо Соломона? Что если бы Господь исполнил просьбы пророков? Возможно, Израиль стал бы великой мировой державой, а его граждане крепко держались бы за свою религию, не помышляя поделиться ею с остальным миром. Что если бы Бог исцелил Павла от физической немощи? Вдруг апостол стал бы еще более активным миссионером, но при этом сделался невыносимым гордецом (чего он и сам опасался)? И, наконец, что если бы Бог-Отец удовлетворил молитву Сына, произнесенную в минуту отчаяния в Гефсиманском саду? Избавление Христа от мук означало бы катастрофу для всего мира.

Вот что писал Льюис в эссе «Сила молитвы»:

«Самая суть просьбы, которая отличает ее от приказа, заключается в том, что ей можно внять, — но можно и не внять. Когда Всеведущий Бог слышит просьбы довольно неразумных созданий, Он, конечно, может их и не выполнить. Неизменный «успех» молитвы не свидетельствовал бы в пользу христианства. Способность некоторых людей непосредственно влиять на ход событий относится скорее к волшебству, к магии.

Директор школы вполне может сказать (что будет весьма разумно с его стороны): «То-то и то-то вы можете делать всегда — такое разрешено правилами нашей школы. Но есть кое-что еще — конкретно вот ЭТО — чего вы не можете делать по своему усмотрению, потому что ЭТО слишком опасно. В каждом конкретном случае вы должны будете приходить ко мне в кабинет и спрашивать у меня разрешения, обсуждая со мной все детали. Я могу разрешить, но могу и отказать».

А обещания?

Льюис признает, что главная проблема — не в отказах на многие просьбы, а в тех щедрых обещаниях, которые мы находим в Библии. Короче говоря, в оставшихся без ответа молитвах нас настораживает то, что Христос вроде бы обещал, что таковых не будет.

Иисус мог бы сказать примерно так: «Я даю вам дар молитвы. Но вы, безусловно, должны понимать: человек не обладает совершенной мудростью, и поэтому ответы на ваши молитвы будут носить ограниченный характер. Молитву можно сравнить с ящиком для жалоб и предложений. Скажите Богу четко и ясно, чего вы хотите, и Я обещаю, что все ваши просьбы будут внимательно рассмотрены». Если бы Иисус действительно так сказал, мне было бы легко понять и принять Его слова. Но вот что Он говорил на самом деле:

«Истинно говорю вам, если будете иметь веру и не усомнитесь, не только сделаете то, что сделано со смоковницею, но если и горе сей скажете: поднимись и ввергнись в море, — будет; и все, чего ни попросите в молитве с верою, получите» (Мф 21:21).

«Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного» (Мф 18:19).

«Потому говорю вам: все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, — и будет вам» (Мк 11:24).

«Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю» (Ин 14:14).

Приведенные здесь ясные, недвусмысленные заявления — только часть многочисленных обетований Нового Завета. В руках некоторых проповедников подобные библейские стихи превращаются в дубину. Эти борцы крушат Церковь за то, что она воспринимает обещания Христа недостаточно буквально, и обвиняют верующих в недостатке веры. Но что они скажут о безответных молитвах Самого Спасителя и апостола Павла? И как нам увязать щедрые библейские обещания с реальным опытом многих искренне верующих христиан, которые страдают от того, что молитвы их не исполняются?

Вот одно из возможных объяснений: все новозаветные обещания были адресованы особой группе — двенадцати ученикам Христа. Может быть, Иисус, поручая ученикам продолжить Свой труд, наделил их особыми правами и привилегиями, которые не распространяются на всех христиан? Вроде бы нет — нигде в Евангелиях не сказано прямо: «Эти обещания касаются только Двенадцати». Однако из текста Писания ясно: в каждом случае обещание было произнесено в кругу учеников, а не во время проповеди, обращенной к толпе.

Иисус наделил учеников уникальной способностью познавать Божью волю. «Я... сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Ин 15:15), — поведал Он им во время Тайной Вечери. Апостолы, три года учившиеся непосредственно у Христа, должны были понимать, какие молитвы способствуют исполнению Божьей воли на земле, а какие — эгоистичны и больше напоминают капризы. (Тем не менее, из Посланий апостолов Петра и Иоанна видно: молитвы учеников Христа тоже не действовали как волшебная палочка. Петр и Иоанн, подобно Павлу, огорчались из-за того, что в Церкви многое шло не так, как они просили в молитвах. К тому же, из истории мы знаем, что десять из двенадцати учеников Христа приняли мученическую смерть. Вероятно, они тоже молились: «Да минует меня чаша сия».)

Другое объяснение указывает на «особые условия», оговоренные в каждом обещании. Почти во всех обещаниях содержится уточнение, например, «чего попросите у Отца во имя Мое» (Ин 14:13) или «Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут» (Ин 15:7)⁵⁹. Другими словами, обещания — действительно очень щедрые — связаны с выполнением определенных условий. Верен ли я Христу? Соответствуют ли мои просьбы Его воле? Подчиняюсь ли я Его заповедям? Каждое из этих условий касается взаимоотношений с Богом. Чем полнее мы познаем Бога, чем глубже понимаем Его волю, тем больше наши молитвы соответствуют Божьему замыслу.

Клайв Льюис несколько лет размышлял над проблемой безответной молитвы, обсуждая ее «практически со всеми моими знакомыми-христианами, учеными и необразованными, клириками и мирянами, в моей конфессии и за ее пределами». В итоге он пришел к выводу, что дерзновенная вера, о которой говорил Иисус, «бывает лишь тогда, когда молящийся обращается к Богу как соработник, нуждающийся в том, что нужно для их общей работы. Подобная вера может быть присуща молитве пророка, апостола, миссионера, целителя... Сознание такого молитвенника открывается для познания воли Божьей». Иначе говоря, тот, кто трудится в тесном общении с Богом и общается с Ним в совместном труде, обретает способность познавать, что именно Бог желает совершить на земле, и молится в соответствии с этим знанием.

Время ждать

Я никоим образом не хочу обесценить донесенные до нас Новым Заветом великие

⁵⁹ *Курсив мой. — Прим. авт.

обещания о молитве, которые дали Сам Иисус, а также Петр, Иаков, Иоанн, Павел и другие последователи Христа. Видит Бог — воистину видит! — мне недостает той дерзновенной и простой веры, к которой призывают новозаветные обетования. Но с другой стороны, если рассматривать эти обещания в отрыве от остальной части Писания, можно, закрыв глаза на другие откровения, скатиться к популизму: «Скажи, чего ты хочешь, и требуй этого». Иисус говорил не только о вере с горчичное зерно. Он же рассказал притчу о вдове, которая своим упорством добилась правды у несправедливого судьи. Через всю Библию проходят рассказы о гигантах веры, чьи молитвы походили на схватку с Богом.

Мы уже говорили, что Сам Иисус не всегда получал то, о чем молился. «Да минует Меня чаша сия», — молил Он. А затем уточнял: «...впрочем, не как я хочу, но как Ты» (Мф 26:39). Он молился о том, чтобы вера Петра не оскудела, а не о том, чтобы Петр избежал испытаний. Он не стал просить Отца, чтобы ангелы спасли Его от казни.

И мы с вами должны сознавать, что для наших молитв есть пределы. Мы всегда и безусловно можем просить о таких ценностях, как прощение, милость к бедным и умножение плодов Духа в нашей жизни. Исполнение же других просьб зависит от ряда условий. Такова была, например, просьба Павла. Он просил избавить его от жала в плоти. От некоторых просьб следует воздержаться из уважения к законам природы. Я молюсь о том, чтобы Бог помог моему дяде справиться с диабетом, но не прошу, чтобы у него снова выросла ампутированная нога. Не молюсь я и о том, чтобы во избежание глобального потепления Бог изменил орбиту Земли. Вместо этого я вопрошаю Бога, каким образом я сам должен помогать дядюшке и заботиться о состоянии окружающей среды.

Размышляя над тайной безответных молитв, я понял, что иногда надо просто ждать.

«Благ Господь к надеющимся на Него» (Плач 3:25).

«А надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут, пойдут — и не утомятся» (Ис 40:31).

«Делая добро, да не унываем, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем» (Гал 6:9).

Даниил три недели ждал ответа на свою молитву. Когда Иеремия в разгар войны молился о Божьем водительстве, он получил ответ только через десять дней. Взойдя на гору Синай, Моисей, прежде чем услышал голос Бога и получил Десять Заповедей, ждал шесть дней. Последователи Иисуса, видевшие великие чудеса, возможно, хотели бы немедленно рассказать о них всем. Но Иисус, как и в случае превращения воды в вино, предостерегает: «Еще не пришел час Мой» (Ин 2:4). Он знал об Отце то, о чем мы в свойственном нам нетерпении часто забываем: Бог действует нескоро.

Подумайте, сколько веков прошло от Адама до Христа, от разрыва с Господом до примирения. Эти столетия вместили в себя жизнь ожидавшего рождения первенца Авраама, долгие годы рабства, когда израильский народ чаял освобождения, служение пророков, которые ждали Мессию. Сюжет библейской истории извилист и сложен, он полон взлетов, падений и неожиданных поворотов. Божий план разворачивается шаг за шагом, как многоактная опера, а не как трехминутный шлягер. И если нам досталась роль лишь в одной, и притом трагической, сцене этой оперы, то музыка может показаться невыносимо печальной. Но действие продолжается — неспешно и ценой огромных усилий.

Однако утомительное ожидание производит в нас внутреннюю работу. У нас развиваются такие качества, как терпение, настойчивость, вера, доброта, сострадание — во всяком случае, получают возможность развиваться, если мы стараемся жить в соответствии с Божьим замыслом. Конечно, когда не получаешь того, о чем просишь, полагаться на Господа труднее. Для этого нужно больше веры. Не вера ли — основная тема одиннадцатой главы Послания к евреям? В этой главе есть горькие слова о мучениках веры: «...все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного» (Евр 11:39). Но дальше горькая земная судьба мучеников удивительным образом переплетается с нашими судьбами: «Потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, чтобы они не без нас достигли

совершенства» (Евр 11:40). Вера призывает нас полагаться на Бога, а Бог работает на будущее.

Насмешники с недоверием отнесутся к подобного рода обещаниям, и в Библии об этом сказано прямо: «Явятся наглые ругатели, поступающие по собственным своим похотям и говорящие: «...С тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения все остается так же» ...Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет и тысяча лет, как один день. Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлени-ем; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (2 Пет 3, 8, 9). Бог на протяжении всей истории терпит безобразия, совершаемые людьми. Терпит из милосердия, а не от бессилия.

Даже в Книге Псалмов, в этом сборнике библейских молитв, изобилующих слезами и стенаниями, звучит тема верности Бога. Неважно, как в данный момент складываются обстоятельства: мы можем быть уверены, что Бог по-прежнему управляет миром. Репутация Бога зиждется на Его святом и непреложном обещании — настанет день, когда все будет хорошо.

Молитва о блудной дочери

Дженис

В течение двенадцати лет мне пришлось одной растить четырех дочерей. Младшая дочка больше остальных сестер переживала, что в доме нет отца, и поэтому бунтовала против меня. Я совсем извелась, пытаюсь сохранить мир в доме и удержать девочку от поступков, ведущих к катастрофе.

В конце концов я поняла, что стараюсь быть одновременно и матерью, и отцом, хотя Бог вовсе не требует от меня такого поведения. Однажды я в отчаянии склонила голову и сказала: «Господи, я так больше не могу. Я очень люблю дочь, но лишь Твоя любовь совершенна. Я не буду удерживать ее. Боже, Ты знаешь, что надо сделать, чтобы ее сердце обратилось к Тебе. Пожалуйста, сделай это Сам!» Я плакала, потому что знала: прежде чем моя девочка придет ко Христу, нам придется пережить очень трудные времена. А мне нельзя будет вмешиваться, чтобы не мешать Богу. Мое дело — продолжать молиться за дочь и за ее друзей, которые мне очень не нравились.

Наступило ли трудное время? Да. Вскоре выяснилось, что дочь беременна и сломлена. Друзья советовали ей сделать аборт, но она решила сохранить ребенка. На шестом месяце беременности она подошла ко мне и сказала: «Я чувствую, что Бог призывает меня. Он послал этого ребенка, чтобы исправить мою жизнь».

Когда я немного оправилась от потрясения, я услышала чудный тихий голос, который шептал: «Помни, Я люблю ее, и Мои планы отличаются от твоих. Я хочу исцелить темные стороны ее жизни — те, о которых ты даже не знаешь». Моя душа наполнилась глубоким покоем и миром. С той поры я вновь и вновь с радостью осознаю, что жизнью моей дочери занимается Бог.

И я могу Ему доверять.

Удивительные парадоксы

Я знаком с японкой, которая помогает христианам из подпольной церкви в Китае и нередко участвует в их богослужениях. Как-то раз я спросил ее: «Как молятся китайские христиане? Отличаются ли их молитвы от тех, что мы слышим в США или в Японии?» Она ответила, что молитвы китайцев очень близки к молитве Господней. В церковь ходят в основном представители низших социальных слоев, и когда они просят о ежедневном пропитании и об избавлении от зла, то понимают это буквально.

Еще она сказала: «Я слышала, как китайцы молятся за правителей. При мне они никогда не просили о смене правительства — даже в тех областях, где незарегистрированные церкви подвергаются гонениям. Их молитвы очень практичны: они благодарят за милость, посланную сегодня, и просят о защите на завтра. Когда мы посещаем тех, кого за веру посадили в тюрьму, они говорят: "Не молитесь о моем освобождении. Молитесь, пожалуйста, чтобы у меня хватило храбрости и силы сохранить веру и смело свидетельствовать о Господе здесь, в тюрьме"».

Когда я бываю в таких местах, как Непал и Китай, я сталкиваюсь с парадоксальностью Божьих ответов на молитвы. С одной стороны, я слышу удивительные рассказы о чудесах. Например, первый непалец обратился ко Христу в 1950 году. Сегодня церковь в Непале насчитывает более полумиллиона членов. По оценке лидеров непальской церкви, более восьмидесяти процентов новообращенных пришли к Господу в результате исцеления: христианин помолился об исцелении больного соседа, тот выздоровел и тоже стал христианином.

Я разговаривал с врачами из Европы и Америки, работающими в Непале. Они признают, что видели удивительные исцеления, которые не поддаются научному объяснению. (О чудесах, происходящих в Китае, рассказывает книга бывшего репортера журнала «Тайм» Дэвида Айкмана «Иисус в Пекине».)

С другой стороны, христиане Непала и Китая поведали мне ужасные истории о гонениях, арестах и пытках. Японка, помогающая китайцам, познакомила меня со священником, которого считают одним из четырех патриархов подпольной китайской церкви. Этот гигант веры двадцать три года провел в тюрьмах из-за того, что отказывался прекратить свое служение. Отец Юань с огромным воодушевлением рассказал мне о чуде. Один из самых долгих своих сроков он отбывал в тюрьме, расположенной недалеко от границы с Монголией. Зимой в мороз он каждый день работал на открытом воздухе, одетый в легкую одежду, но ни разу не простудился и вообще ничем не болел. Я подивился чуду, но не сумел отделаться от мысли: «Почему Бог ответил на молитву священника о сохранении здоровья, но не ответил на тысячи молитв членов церкви, просивших о его освобождении?»

Я спросил сестру из Японии, как, на ее взгляд, увязать чудесные ответы на молитвы и непрекращающиеся жестокие гонения? Если Бог исцеляет людей или охраняет их от болезней, то почему Он не защитит христиан, страдающих за веру? (Сказав это, я невольно улыбнулся: ведь именно такая ситуация описана в Деяниях Апостолов.) Она подумала минуту и сказала: «Я знаю, что это «книжный» ответ, но он правильный: все в руках Господа. И в каждом случае Он являет Свою славу».

Но все свои молитвы — не имеет значения, получаю я ответ или не получаю, — я произношу с твердым убеждением: нет болезни, которую Бог не мог бы исцелить, нет бедствия, которое Бог не смог бы обратить во благо. «Господи, научи меня использовать все обстоятельства, чтобы впредь возвращать в своей жизни плоды праведности, а не греха, — молился британский писатель Джон Бейли. -

Чтобы из разочарования выросло упорство,
из успеха — благодарность,
из неудачи — настойчивость,
из опасности — смелость,
из упреков — долготерпение,
из похвалы — смирение,

из удовольствий — умеренность,
из боли — выносливость».

Моя эгоистичная натура побуждает меня молиться об успехе, об удачном разрешении сложной ситуации и об избавлении от трудностей. Я должен с благодарностью признать, что на мою долю выпало много хорошего. Но в Нагорной Проповеди Христос назвал блаженными (Мф 5:3-11) тех, кому приходится испытывать нечто прямо противоположное: нищету, скорбь, голод, поношение. Что станет с моей верой и как изменятся мои молитвы, если жизнь сложится по-иному, если она резко ухудшится? Вдруг я стану инвалидом в результате неизлечимой болезни, или потеряю жилье, или буду заключен в тюрьму за свои убеждения? Смогу ли я, оказавшись в печальном положении, повторить молитву Джона Бейли? Хватит ли у меня смирения, чтобы позволить Святому Духу выполнить Божий замысел обо мне такими вот суровыми средствами?

У меня есть сборник «Молитвы мучеников», в котором содержатся подлинные слова молитв, произнесенных мучениками веры, начиная со 107 (Игнатий Антиохийский) и до 1980 года (архиепископ Оскар Ромеро). Я поражаюсь, что совсем немногие из них молились об освобождении, хотя они стояли перед угрозой погибнуть в пасти льва, от меча гладиатора, или, как это было с преподобным Ромеро, от выстрела наемного убийцы. Мученики молились об оставленных семьях, об укреплении веры, о том, чтобы достойно встретить смерть. Некоторые благодарили Бога за мученичество и удивлялись, что Он удостоил их этой высокой чести. Некоторые прощали своих мучителей. И только очень немногие просили о чуде.

Ирония Бога

Профессор теологии Роналд Гёц называл себя «случайнистом»: он верил, что Бог отвечает на молитвы, но отвечает непостижимым и непредсказуемым образом. (Конечно, молитвы большинства из нас тоже непредсказуемы.) Рассмотрим, однако, какие варианты здесь возможны. Бог мог бы действовать по Своему усмотрению, невзирая на нас и на наши молитвы. Или же мог бы полностью передать бразды правления в руки людей и не вмешиваться в историю человечества. Первый вариант противоречит самой сути Божьего замысла: создать существо по образу и подобию Творца-. О втором страшно даже помыслить.

Поэтому в основе наших отношений с Богом лежит нескончаемые переговоры. Мы сообщаем Господу о том, что, по нашему мнению, следует сделать, а Бог напоминает о том, что мы должны быть в этом деле Его соработниками. Мы редко получаем именно то, что хотим. Я думаю, то же самое можно сказать о Боге.

Бог редко действует напрямую, поэтому в ответ на молитву мы можем получить совсем не то, чего ожидали. По каким-то причинам — ирония Бога, противодействие темных духов или в силу свойств падшего мира — нам приходят такие ответы на молитвы, которые невозможно было ни предсказать, ни представить.

Каждый год участницы рождественских спектаклей произносят со сцены две молитвы — молитву престарелой, бесплодной прежде Елизаветы и молитву юной девственницы Марии. Обе женщины, узнав о своей необыкновенной беременности, благодарят Бога. Вспоминала ли Мария свою великую молитву, «Магнификат»⁶⁰, когда Иисуса распинали те самые правители, которых, как она надеялась, Он должен был низложить с престола? А Захария, муж Елизаветы, предрекавший спасение «от врагов наших и от руки всех

⁶⁰ *Магнификат — традиционное латинское название молитвы Девы Марии, произнесенной ею после возвещения ангелами благой вести, что она станет матерью Господа (Лк 1 46–55). В православном богослужении Магнификату соответствует «Песня Богородицы». — Прим. пер.

ненавидящих нас» (Лк 1:71), — что думал он, когда его сын Иоанн ушел отшельником в пустыню и питался насекомыми, а потом был обезглавлен одним из этих врагов? Обе семьи горячо молились, но не получали тех ответов, которых ожидали.

Однако порой отсутствие ответа на молитву позволяет достичь большего. Пятнадцать лет Моника молилась о сыне — Августине, а он продолжал предаваться чувственным удовольствиям и увлекаться экзотическими философиями. Но когда Августин наконец-то обратился ко Христу, именно опыт непутевой жизни помог ему написать труды такой глубины и силы, что они задали направление христианской мысли на несколько веков вперед. Однажды Моника всю ночь молилась о том, чтобы Господь помешал сыну отправиться в порочный Рим. Однако Августин обманул маму и уплыл. Но в этом путешествии он стал христианином. Августин считал, что молитва его матери о поездке в Рим осталась без ответа, потому что Бог желал дать ей то, о чем она молилась постоянно.

Христианская писательница Эдит Шеффер, дочь миссионеров, рассказывает о докторе Хосте, который стал преемником Хадсона Тейлора, основателя международной организации «Зарубежное миссионерское братство». Хост молился каждый день по четыре часа во время прогулки. Как глава миссии, он считал молитву своей первостепенной обязанностью. Хост поименно упоминал в молитве каждого из миссионеров и всех их детей. Однако великий вождь Мао в течении нескольких лет выслал из страны семь тысяч миссионеров, в том числе и тех, о ком молился Хост. Они перебрались в другие страны — Филиппины, Гонконг, Сингапур, — с ужасом думая о том, что ждет основанные ими молодые церкви, которые остались без всякой помощи. Однако в отсутствие иностранных миссионеров, под властью диктаторского режима, запретившего проповедь Евангелия, произошел небывалый в истории рост числа верующих. То, что произошло и происходит в Китае, превосходит все, о чем могли мечтать и молиться миссионеры в 1950 году. «Если хочешь рассмешить Бога, расскажи Ему о своих планах», — гласит старая пословица.

Бог действует через людей

Отвечая на наши молитвы, Бог обычно действует через людей. Во время визита в Голландию я слышал рассказы о тамошних фермерах — убежденных кальвинистах. Во время катастрофических наводнений середины прошлого века они поднимались на крыши своих амбаров, но отказывались пересечь в лодки спасателей, говоря: «Да исполнится воля Божья».

Об одном из таких фермеров придумали анекдот. Вот он сидит на крыше, вокруг бурлит вода. Проплывавший мимо на лодке сосед предложил ему помощь. Он отказался: «Бог защитит меня». Через некоторое время послышался шум вертолета. Спасатели бросили ему веревку и скомандовали через мегафон: «Хватай веревку — мы тебя вытащим!» Фермер упрямо качал головой.

Вскоре вода поднялась, поглотила амбар и унесла фермера. Фермер утонул и попал на небеса и тут же потребовал от Бога объяснений: «Я верил, что Ты защитишь меня! Почему Ты не ответил на мои молитвы?» Бог сказал: «Я послал за тобой сначала лодку, а потом вертолет. Тебе этого мало?»

Те, кто удивляется, почему Господь не отвечает на молитвы, не должны забывать важную богословскую истину о том, каким образом Он действует в наши дни. Церковь — это тело Христово, и делание Божье осуществляется через нее. Вот что говорит об этом католический священник, писатель и проповедник Роналд Ролхайзер: «Теист верит в Бога небесного. Христианин верит в Бога небесного, Который также физически присутствует на земле — в Своем народе... Божье присутствие сегодня столь же реально, сколь реален был исторический Иисус. У Бога по-прежнему есть человеческая кожа, и Он ходит по земле, как ходил Христос во дни Своей земной жизни».

Если мы молимся «Господи, помоги, пожалуйста, моей соседке справиться с денежными затруднениями» или «Боже, сделай что-нибудь для бездомных нашего города»

— это молитва теиста, а не христианина. Бог желает проявлять Свою любовь и милость через нас, члены Тела Христова.

Профессия журналиста дает мне прекрасную возможность видеть описанный выше принцип в действии. Во время работы над этой книгой я побывал в нескольких странах. В Южной Африке я посетил церковь, которая насчитывает тридцать пять тысяч членов и поддерживает ряд социальных программ, в том числе тюремное служение, больницу и ферму, где наркоманы проходят курс реабилитации. Там же я познакомился с женщиной, которая набирает добровольцев для патронатного воспитания детей, зараженных вирусом иммунодефицита человека. Через два месяца в Непале я встретился с медиками из пятнадцати стран, которые трудятся в этой стране в составе миссии, помогающей прокаженным. Известно, что самые крупные успехи в лечении проказы были достигнуты христианскими миссионерами — прежде всего потому, что другие не хотели иметь дела с этой ужасной болезнью.

Еще через несколько месяцев в Висконсине я участвовал в конференции, посвященной служению женщинам, втянутым в проституцию. Представители тридцати разных стран собрались вместе, чтобы противостоять нелегальному перемещению людей через границы для сексуальной эксплуатации и освободить женщин от пут проституции, которая в бедных странах стала современной формой рабства. Оттуда я отправился на конференцию Армии Спасения. Эта «армия», третья по численности в мире, мобилизует своих воинов для помощи бедным и угнетенным. Потом я отправился в Вирджинию, в город Роанок, где посетил развивающийся христианский комплекс. Изначально он представлял собой центр миссии социальной помощи, а потом при поддержке шести церквей вокруг центра выросли приют, несколько образовательных учреждений и клиника.

Из интервью с лидерами международных служений я узнал, что многие из них прошли через кризис веры и кризис молитвы. «Господи, почему Ты ничего не делаешь для бездомных семей в Роаноке? Или для сирот в Йоханнесбурге, чьи родители умерли от СПИДа? Неужели Твое сердце не болит за них?» Но из этих молитв неизменно рождались другие, которые вторили молитве доктора Боба Пирса, основателя международной благотворительной миссии «Всемирное видение»: «Господи, пусть мое сердце болит от того же, от чего болит Твое». Те, кто отвечал на Божий призыв, сами превращались в ответ на собственную молитву.

Дети смотрят на Бога как небесную версию Санта-Клауса. Они представляют себе, как Он, сидя на облаке, собирает просьбы и распределяет ответы, словно раскладывает подарки по чулкам. Более «взрослая» модель — Бог, подобно президенту крупной корпорации, предпочитает делегировать полномочия доверенным сотрудникам, но готов лично вмешаться, чтобы справиться с существенным кризисом. Однако подлинную модель действия Бога мы находим в Новом Завете: человеческое тело, все части которого составляют единое целое и работают сообща для того, чтобы исполнить волю головы — то есть Главы.

Молитвы во время войны

Джон

Во время гражданской войны 1980 года моя семья жила в столице Ливана — Бейруте. За время войны погибли сто пятьдесят тысяч человек. В таких условиях начинаешь молиться по-другому. Я вел библейские занятия в разных частях города. Каждый вечер мы пытались по траекториям пуль проследить, куда целятся снайперы, и в зависимости от этого выбирали место встречи.

Сам я ливанец, а моя жена — американка. Ее семья и все наши американские друзья умоляли нас уехать из Ливана и переждать

войну. Однако мы оба чувствовали, что Бог призывает нас остаться, что мы нужны Ему здесь. Я чувствовал, что Он ведет нас к чему-то новому, а не просто уводит от чего-то старого. Что будет, если христиане, как только грянет беда, станут собирать вещи и уезжать?

Во время войны молитвы становятся очень конкретными и прагматичными. Господи, сохрани моих детей. Пришли к нам миротворцев. Пожалуйста, пусть прекратятся бомбежки. Пусть эта ненависть не перейдет к следующим поколениям. Господи, не дай, чтобы мои дети однажды нашли мое мертвое тело. Много раз жена, перед тем как лечь спать, произносила в молитве начало Девяностого псалма. Дети, с которыми я работал, видели то, чего никто не должен видеть: тела людей, которых привязали к заднему бамперу автомобиля и во локти по булыжной мостовой, отрубленные головы, прикрепленные в качестве украшения к «мерседесам»... Я молился о том, чтобы эти картины не преследовали детей всю оставшуюся жизнь.

Да, молился — и об этом, и о многом другом, но порой казалось, будто от молитвы ничего не зависит и война продолжается сама по себе, невзирая ни на какие мольбы и ни на какие усилия миротворцев. Ты живешь с постоянно натянутыми нервами и вскакиваешь каждый раз, когда хлопает дверь.

Я могу рассказать множество случаев, когда Бог защищал нас, — например, когда на нашей улице установили ракетную батарею и открыли стрельбу, что, конечно, вызвало ответный огонь. В тот раз все снаряды попали в насыпь, никому не причинив вреда. Но сколько же моих друзей за войну потеряли близких! Наш глухой сосед не услышал команду «Стоять!», и его застрелили. Его семья осталась без отца. Миссионер из Южной Африки был застрелен в упор. Новообращенный из мусульманской семьи погиб от бомбы, предназначавшейся голландским миссионерам, — она взорвалась у него в руках. Все эти люди тоже молились о Божьей защите.

Слава Богу, сейчас в Ливане мир. Но, оглядываясь назад я иногда вспоминаю войну как время особой близости с Господом. Обстоятельства каждый день толкали нас к Нему. Я учился каждый день жить по вере, независимо от чувств и от того, понимаю ли я, что происходит вокруг.

Апостольская молитва

У апостола Павла было одно пламенное желание: чтобы евреи, его соплеменники, приняли Мессию, Которого Павел встретил по дороге в Дамаск. «Великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему, — писал он. — Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть Израильтян» (Рим 9:2–4). Нет сомнения, что Павел молился об этом каждый день, но ответы на свою молитву получал редко. Апостол обходил город за городом, и везде его братья по крови, евреи, отвергали его. Тогда Павел обращался к язычникам.

По-моему, апостол Павел оставил нам прекрасный образец — как быть, если ответа на молитву нет. Прежде всего, он высказывает Богу свою просьбу не для того, чтобы самому отстраниться и ничего не делать. Павел становится орудием в Божьих руках, молитва направляет его ноги. Придя в новый город, он первым делом спешит в синагогу. Часта такие посещения дорого ему обходятся, потому что они приводят к нарушениям общественного

порядка.

Более того, Павел не оставляет собственных усилий даже тогда, когда становится все яснее: ответа на молитву не будет. Кальвин говорил: «Мы должны повторять свои просьбы не дважды и не трижды, но столько, сколько нужно, сотни, тысячи раз... Мы должны просить Божьей помощи неустанно».

Однажды Павел, по всей видимости, все-таки устал. Центральная часть его самого яркого Послания — Послания к Римлянам (главы 9-11) — словесный бой с Богом: апостол с открытым забралом сражается за свою великую молитву, оставшуюся без ответа.

И вот Павел признает важное и неожиданное преимущество столь печального для него развития событий (здесь можно увидеть один из упомянутых выше «удивительных парадоксов»): отказ иудеев принять Христа привел к тому, что Спасителя приняли язычники. Апостол понимает, что такое положение дел кажется странным: Божий дар получили язычники, которые к нему не стремились, а евреи, которые стремились, его не обрели — по крайней мере, пока.

Павел пытается найти объяснение этому парадоксальному сюжету, который так важен для него лично. Иногда у него вырываются страстные возгласы: «Братья! Желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение» (Рим 10:1). Апостол вновь и вновь возвращается к одной и той же теме — а вдруг он что-то упустил? В итоге Павел приходит к выводу: Бог не отверг иудеев — наоборот, Он открыл перед язычниками те же возможности, что были и остаются открытыми перед евреями. Бог не отвернулся, Он только шире распахнул Свои объятия.

Язык Послания набирает высоту, по мере того как Павел начинает видеть всю целостную картину происходящего. Наконец, посреди трактата о молитве, оставшейся без ответа, Он вдруг разражается славословием:

«О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь» (Рим 11:33–36).

В единый миг Павел вдруг обозрел всю панораму событий с вершины горы, а не с опушки леса. Он глядит на нее из космических высот туманности Андромеды, а не из Рима⁶¹. Печальные события и тяжеловесные религиозные рассуждения, неразгаданные тайны и безответные молитвы меркнут в свете открывшейся апостолу яркой картины. Они тускнеют и растворяются в сиянии блистательного Божьего плана, который простирается в Вечность. Воистину, Бог — Гончар, а мы — глина в Его руках. Он — Отец, а мы — Его дети. Точнее, наверное, будет сказать, что Бог — Автор пьесы, а мы — ее действующие лица. И потому даже сама возможность молитвы — это уже удивительный дар, великодушное приглашение к участию в будущем Вселенной.

Размышляя над тайной молитв, на которые так и не был дан ответ, мы в конце концов упираемся в истину, которая заставила замолчать Павла: наше видение в корне отличается от видения Бога.

«Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» (Ис 55:8–9).

⁶¹ *Уильям Слоан Коффин, христианин, который считал, что главное — не бояться правды, и которого многие называли «американским пророком», так комментирует отрывок о неисследимых путях Божьих: «Христианство — это в первую очередь образ жизни, а не набор убеждений. И этот образ жизни предполагает настороженное отношение к абсолютной интеллектуальной уверенности». — Прим авт.

Молитвы пожилых людей

Когда я писал эту главу, жена посоветовала мне поговорить о молитве с пожилыми людьми. «Большинство из них молятся, и молятся уже давно, — сказала она. — Наверняка у них есть, что тебе сказать».

Она была права. Вместе с ней я отправился в дом престарелых. Там передо мной прошла череда удивительных историй. Одна пожилая леди рассказала о том, как однажды во время игры в лото почувствовала неожиданное побуждение бросить игру и уйти в свою комнату. Войдя к, она увидела, что от непогашенной свечи воспламенился букет пластиковых роз. Пламя еще не успело распространиться, и она потушила его подушкой. Другие рассказывали о чудесах, благодаря которым им или их близким удалось выжить во время Второй мировой войны. Еще одна дама рассказала, как ее муж подавился булочкой. Он задохнулся бы, но мимо проходили два врача «скорой помощи», которые спасли ему жизнь с помощью приема Хеймлиха⁶².

Я услышал также о молитвах за мир на планете и о молитвах против несправедливости. С этими молитвами ветераны прошли через жуткое время Второй мировой, а потом через эпоху холодной войны, когда гибель грозила всему роду человеческому. Одна афроамериканка вспоминала свои детские молитвы. Она росла на Юге, где в то время чернокожие считались людьми второго сорта. Кто бы мог тогда подумать, как все изменится?

Меня интересовали молитвы, оставшиеся без ответа, но большинство моих пожилых собеседников предпочитали говорить об ответах на молитвы. Каждому из них было что рассказать о семейных трагедиях и о проблемах со здоровьем, но эти события почему-то не подорвали их веру в молитву.

Потом я бродил между кроватями и инвалидными креслами в том корпусе, где сидели и лежали обитатели, нуждающиеся в особом уходе. Одного джентльмена так скрючило, что его подбородок лежал на подлокотнике инвалидной коляски. Некоторые старики были в ортопедической обуви, кто-то нервно мычал, у кого-то изо рта текла слюна, некоторые храпели. Одна женщина с отсутствующим видом размахивала бананом, зажатым в руке. Другая без конца повторяла одну и ту же фразу. Я пытался поговорить и с ними, но их разум уже померк. Все известные им секреты молитвы были утеряны безвозвратно.

Я покидал этот приют в твердом убеждении, что единственное объяснение загадки безответных молитв заключено в словах апостола Павла из Послания к коринфянам: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор 13:12). Ни один человек, каким бы мудрым и духовным он ни был, не способен объяснить пути Господни. Никто не в состоянии понять, почему совершилось такое, а не другое чудо, почему явное вмешательство Бога произошло здесь, а не там. Подобно апостолу Павлу, мы можем только верить и ждать.

ГЛАВА 18. МОЛИТВЫ О ФИЗИЧЕСКОМ ИСЦЕЛЕНИИ

«Прощаются тебе грехи твои», — мне вслед промолвил Он. «Что ж, хорошо, — подумал я, — но приходил я не за этим». И обернулся, и спросил: «Но исцелен ли я?» Тогда Он ближе подошел. Сказал, не поднимая глаз: «И это тоже...»

Рейнолдс Прайс

Большая часть молитв, которые я слышу в церкви, — это молитвы о больных. Такой

⁶² *Прием Хеймлиха — резкий толчок кулаком под диафрагму. Считается самым эффективным методом удаления инородных тел из верхних дыхательных путей. — Прим. пер.

явный дисбаланс сразу бросается в глаза — как если бы священник каждое воскресенье произносил проповеди только по Книге Иова. Оно также отчетливо показывает: когда болезнь дотрагивается до нас своей тяжелой рукой, мы инстинктивно тянемся к Богу.

Меня попросили провести в церкви беседу на тему «Что я узнал о страдании». Я принес с собой толстые папки с письмами, пришедшими в ответ на мои книги о страдании. Перед беседой я выложил письма на столе перед собой. Получилась огромная кipa, около тысячи писем. В каждом — история, обычно трагическая. И почти в каждом — мучительные, жгучие вопросы об исцелении тела.

Вот письмо от супружеской пары. Они активно участвовали в жизни церкви. В 1991 году их сын — умница, спортсмен, лидер молодежного служения — уснул за рулем своего зеленого пикапа «Датсун». В результате автокатастрофы он получил разрыв аорты и был парализован ниже пояса. Тридцать тысяч человек, члены дружной общины, молились о том, чтобы Бог исцелил его. Старейшины совершали помазание больного елеем. О нем молился проповедник общенациональной телевизионной христианской программы. Прошло пятнадцать лет, но молодой человек по-прежнему парализован. «Где ответ на молитвы — тот, о котором я так жаждала рассказать друзьям? — пишет мать. — Где мой небесный Отец, Который наблюдает полет ласточки и любит моего сына больше, чем люблю его я?» Ее муж еще более резок. «Какова цена наших молитв?» — спрашивает он.

Женщина из Новой Зеландии пишет о своем полторагодовалом сыне. Он родился с синдромом Дауна. Небольшой процент людей с синдромом Дауна — в том числе и ее ребенок — страдает мегакариобластной лейкемией. При этой неизлечимой болезни нарушается кроветворная функция костного мозга, а также нормальный состав крови и работа некоторых ее клеток. Патологически увеличенная селезенка мальчика заполняет область таза, и он не может сидеть. Ребенок перенес уже девять полных переливаний крови. Мать, конечно же, молится. Особенно отчаянно она умоляет Бога смириться над ее малышом, когда крепко прижимает к себе сына, чтобы он судорожными рыданиями не мешал врачу попасть иглой в крохотную вену.

В двух разных письмах описана хорея Гентингтона — одно из самых тяжелых прогрессирующих наследственных заболеваний головного мозга, при котором разрушаются нервные клетки. Название этой смертельной и неизлечимой болезни происходит от греческого слова «chorea» — «пляска»: действительно, больной совершает беспорядочные, отрывистые, быстрые движения, которые он практически не в состоянии контролировать. Кроме того, хорея приводит к интеллектуальной деградации, а на последних стадиях наблюдается ярко выраженное слабоумие. Если человек является носителем гена хорей Гентингтона, то болезнь с пятидесятипроцентной вероятностью проявляется у его потомков. Женщина, автор одного из писем, впервые узнала, что является носителем этой болезни, когда в возрасте тридцати одного года заболела ее дочь. Теперь симптомы болезни появились у двадцатисемилетнего сына. «Он очень зол на Бога, — пишет мать. — Он точно знает, что ему предстоит, потому что в течение трех лет наблюдал, как разрушалось здоровье его сестры». Во втором письме мужчина пишет о том, что диагноз «хорея Гентингтона» только что поставлен его брату — а это значит, что с вероятностью пятьдесят процентов заболеет и он. Трое детей-подростков автора письма могут заболеть с той же пятидесятипроцентной вероятностью. Он пока не решаете сделать анализы, чтобы точно узнать свою судьбу. «Имеет ли смысл молиться, чтобы избежать приговора, записанного в генах с момента зачатия?» — спрашивает этот человек.

Во многих письмах я читаю об осуждении и о бестолковых советах, которые страждущим приходится слышать от членов церкви. Похоже, что некоторые христиане считают, будто страдания человека свидетельствуют о его недостатках: то ли он несет наказание за грех, то ли для исцеления ему не хватает веры. Эти суждения, подобные речам друзей Иова, способны ранить намного сильнее, чем физическая боль.

Я ни в коем случае не хотел бы умалить чью-то веру. Дерзновенную веру высоко ценит Сам Христос. Но гора писем убеждает меня: тот, кто насаждает ложную надежду на

физическое исцеление, приносит ни с чем не сравнимый вред. Поверьте, больше всего на свете я хотел бы сказать родителям ребенка с синдромом Дауна или семье, с ужасом ожидающей проявления симптомов хореи Генгтингтона: «Верьте — и Господь исцелит болезнь». Но я не могу так сказать: я не знаю ни одного случая чудесного исцеления от этих заболеваний, а вселять ложные надежды — крайне жестоко.

Я продолжаю биться над вопросами о молитве. Многие книги и статьи сообщают об удивительных исцелениях, произошедших после молитвы. Они стараются вселить в читателя надежду на сверхъестественное вмешательство. Однако даже от самых искренних верующих я гораздо чаще слышу рассказы о молитвах, которые исцеления не принесли. Поэтому я чаще пишу о тех, кому молитвы не дали желанного выздоровления, — так что некоторым читателям может показаться, что я необъективен.

Исцеление — в массы!

На моем веку в христианском сообществе произошла существенная перемена. Раньше вера в исцеление по молитве считалась уделом приверженцев псевдохристианских культов и ха-ризматов. Сейчас большинство христиан считают, что исцеление по молитве возможно.

Когда я был ребенком, в пригородах Атланты каждое лето разбивали шатры приверженцы секты «исцеляющие по вере». Развешанные вокруг плакаты обещали исцеление от всех болезней. Иногда, стоя около шатра, я слышал, как внутри кто-то говорит на языках или падает, «пораженный в Духе». Я их боялся. Я считал, что эти целители — родные братья «берущих змей»⁶³, которые обитали немного дальше, среди холмов северной Джорджии. Когда мне было двадцать с небольшим, я туристом побывал во Франции и Мексике. В местных соборах паломники развешивали сделанные из металла крошечные копии частей тела — глаза, уши, ноги, почки, груди, желудки. Эти изделия символизировали молитвы об исцелении соответствующих органов. В прежние времена католики назначали разных святых ответственными за различные заболевания: одному надлежало молиться в случае зубной боли, другому — в случае чумы и так далее.

В начале моей журналистской карьеры я сталкивался как с комическими, так и с трагическими примерами веры в исцеление. Популярная ведущая христианских телепрограмм Тэм-ми Фей Бэккер в одной из передач со слезами описывала, как ее маленький песик Чи-Чи объелся бобами и упал замертво. «Я поняла, что мой мир рухнул», — говорила Тэмми Фей. Она молилась, чтобы Бог воскресил Чи-Чи из мертвых, но ответа не получила. И вот как Тэмми Фей сумела примириться с этим фактом: «Чи-Чи — непослушный маленький щенок. Бог решил забрать его, чтобы он больше не делал луж по всей квартире». Комментарии здесь, как говорится, излишни. А несколько позже я столкнулся с серьезной трагедией.

Я разговаривал с супружеской парой, Ларри и Лаки Паркерами. Они посещали церковь «Ассамблея веры» и с открытой душой принимали учение этой церкви, которое гласило: для исцеления от любой болезни достаточно одной лишь веры. Согласно такому подходу, искать помощи где то еще — например, у врача — значит проявлять недоверие к Богу. Когда на глазах Паркеров умер от осложнений диабета их одиннадцатилетний сын, супругов арестовали по обвинению в непредумышленном убийстве и жестоком обращении с ребенком. (Позже они написали книгу «Мы дали умереть нашему сыну», в которой отреклись от своих заблуждений.) Медицинское расследование показало, что детская смертность в семьях, принадлежащих к церквям «Ассамблея веры», в три раза выше средней по стране. В системе этих церквей не менее ста двадцати шести детей умерли из-за того, что

⁶³ *«Берущие змей» (*«snake handlers»*) — члены общин, в которых принято для демонстрации веры брать змей голыми руками. «Берущие змей» основываются на стихе из Евангелия от Марка «...будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им...» (Мк 16:18), считая, что это обетование относится ко всем верующим. — Прим. пер.

родители отказались от медицинской помощи. Что касается смертности при родах, то она была выше средней по стране примерно в сто раз.

В семидесятых и восьмидесятых годах пресса буквально набрасывалась на такие истории. Журналы пестрели очерками о терзаемых раскаянием родителях и подробными репортажами из залов суда. О трагедии Паркеров был снят фильм. Новостные программы «Шестьдесят минут» и «На переднем крае» разоблачали злоупотребления Бенни Хинна и других известных проповедников, выступавших за исцеление верой и молитвой.

Однако в последнее время отношение к целительной вере резко изменилось. За последние десять лет на первых полосах каждого из трех крупнейших американских новостных журналов появлялись подробные репортажи об исцелении молитвой. Верхние строки в списках бестселлеров занимают книги известных врачей, которые популярным языком рассказывают об исследованиях, доказывающих связь между молитвой и физическим исцелением. Семьдесят медицинских факультетов различных университетов (в том числе — знаменитые Гарвард и Дьюк) включили в свои программы курсы о влиянии духовности на состояние здоровья.

Недавно на материалах, полученных при проведении пятисот клинических исследований, был сделан вывод о том, что существует прямая связь между религиозной практикой человека (включая молитву) и состоянием его здоровья. Восемь из десяти американцев верят, что чудеса могут происходить и сегодня. Более половины американских врачей заявляют, что наблюдали случаи чудесного исцеления, не поддающиеся научному объяснению.

Что же произошло? Серьезные христианские конфессии всегда относились к вере в чудесное исцеление с большой осторожностью. Так почему же вера, процветавшая раньше исключительно среди приверженцев сект или экзотических культов, теперь овладела массовым сознанием? Произошла переоценка роли духовности в физическом исцелении. Но что делать людям, которые молились и не получили никаких результатов, — например, тем, чьи письма лежат в толстых папках у меня в кабинете?

Чудо внутри нас

Перемены произошли после того, как при исследованиях влияния молитвы на здоровье впервые применили метод двойного слепого контроля. Случайным образом были составлены два списка пациентов. Добровольцы согласились молиться за пациентов, вошедших в один из списков, причем ни медики, ни сами больные не знали, за кого молятся, а за кого — нет... К великому изумлению исследователей каждый новый опыт показывал: даже такая молитва — молитва за незнакомых людей, организованная ради эксперимента, — дает существенный эффект. В одном таком исследовании, получившем широкую известность, участвовали триста девяносто три пациента-сердечника из клиники в Сан-Франциско. Примерно за половину из них молились добровольцы. Среди тех, за кого молились, оказалось достоверно меньше умерших, больные выздоравливали быстрее, они принимали меньше лекарств, и никого из них не понадобилось подключать к искусственному сердцу или аппарату искусственного дыхания.

Не все серьезные исследователи находят эти результаты убедительными. В некоторых экспериментах допущены методические погрешности, данные других противоречивы. Однако есть и неопровержимый статистический анализ. В обзоре работ, посвященных обсуждаемой нами теме, известный эпидемиолог пишет: «Вот достоверный факт, который устранил все мои сомнения: при прочих равных условиях смертность людей, регулярно посещающих церковь, на двадцать пять процентов ниже, чем среди тех, кто в церковь не ходит, то есть в среднем верующие живут дольше».

Доктор Гарольд Кёниг, психиатр, возглавляющий «Центр исследований влияния религии и духовности на здоровье» при университете Дьюка, в своей книге «Целительная сила веры» приводит много подобных результатов. О позитивном влиянии духовности на

физическое и психологическое состояние человека говорят названия некоторых глав этой книги:

«У верующих более крепкие семьи».

«Верующие придерживаются более здорового образа жизни».

«Верующие лучше справляются со стрессом».

«Вера уменьшает риск впасть в депрессию и помогает быстрее преодолеть ее».

«Верующие дольше живут и дольше остаются здоровыми».

«Вера способна защитить от сердечно-сосудистых заболеваний».

«У верующих более высокий иммунитет». «Верующие тратят меньше денег на лечение».

Кёниг признает, что большая часть данных указывает на общее влияние веры (а не только молитвы) на здоровье человека. Многие преимущества проистекают из здорового образа жизни: верующие меньше курят, умереннее употребляют алкоголь (тем более — наркотики), реже вступают в случайные половые связи. Кроме того, переживая трудности, они обычно находят поддержку в церковной общине.

Но ведь молитва действительно помогает справиться со стрессом, обрести чувство уверенности, надежду и готовность прощать — и все это положительно влияет на здоровье. Когда человек молится, то, согласно показаниям соответствующих приборов, резко меняется электрическая активность мозга, ритмы дыхания и сердцебиения, состав крови. Мышление и чувства оказывают на физическое здоровье самое непосредственное влияние, потому что внутренние системы естественного оздоровления отчасти регулируются сознанием и другими процессами высшей нервной деятельности. Человек, ежедневно выделяющий время, чтобы провести его в покое и сосредоточенности, учится справляться со стрессом, не нанося вреда телесному здоровью. Чувство благодарности дает покой сердцу. (Обратное тоже верно: страх, одиночество, враждебность, волнение, горе и чувство беспомощности мешают выздоровлению.) Вопрос о том, каким образом мозг осуществляет связь между эмоциями и телом, исследован еще недостаточно хорошо. Известно, что определенную роль здесь играют эндорфины и энкефалины, которые иногда называют «гормонами удовольствия». Эти вещества являются центральным звеном противоболевой системы организма, регулируют эмоции, а также участвуют в регуляции иммунитета и процессов регенерации.

Медики и ученые других специальностей, в особенности — скептически настроенные, комментируя сообщения о сверхъестественных исцелениях, используют слово психосоматика. Тем самым они намекают, что причина исцеления — не чудо, а самовнушение или какие-то еще неизученные психические процессы. Известный хирург Пол Брэнд, мой соавтор, с которым мы написали три книги⁶⁴, говорит: «Я признаю, что Бог, совершая исцеление, действует в первую очередь через сознание, способствуя мобилизации защитных сил человеческого организма. Но это нисколько не уменьшает мою веру в Божью силу. Я не нахожу уничижительного оттенка в слове психосоматика. Это слово соединяет в себе два греческих корня — психо- что значит «сознание» (или душа), и сома-, то есть «тело». Излечение психосоматических заболеваний подтверждает поразительную мощь сознания, способного влиять на тело человека».

Доктор Брэнд ввел в обиход новое слово — пневма-психосоматика. Он просто добавил греческий корень «пневма», что значит «дух». Таким образом, он хотел подчеркнуть, что дух тоже влияет на здоровье. Для здоровья человека лучше всего, если его тело, душа и дух действуют в единстве и в соответствии с волей Создателя. Вот что говорит по этому поводу сам Брэнд: «Когда мы молимся о больном и об облегчении физических страданий, мы

⁶⁴ *Две из них переведены на русский язык: Пол Брэнд, Филип Янси. *По образу Его*. М.: Триада, 2007; Пол Брэнд, Филип Янси. *Ты дивно устроил внутренности мои*. М.: Триада, 2007. — Прим. ред.

должны прежде всего поблагодарить Бога за удивительную способность к саморегуляции и самовосстановлению, которой Он наделил организм человека. Потом — попросить, чтобы Господь, по милости Своей, помог больному в полной мере использовать эти ресурсы. Я наблюдал удивительные примеры исцелений, достигнутых именно таким образом. Молитвы братьев и сестер по вере способны принести реальную, ощутимую пользу, приводя в движение внутренние целительные силы, подвластные Богу. Такой подход не противоречит законам природы — скорее, он помогает в полной мере использовать свойства, заложенные в человеческий организм Творцом».

Человек, у которого в душе царит мир, которого окружают любовь и забота, выздоровеет скорее, особенно если использует все ресурсы тела, души и духа. Исцеление такого рода не предполагает прямого вмешательства Бога, которое приостановило бы действие законов природы. Вероятнее всего, в данном случае Дух пробуждает к жизни естественные ресурсы — психику, нервы, гормональную систему, которая воздействует на все клетки организма, — чтобы совершить исцеление наиболее полно.

Частичное исцеление

Вине

Встретив меня на улице и глядя, как я управляю инвалидной коляской, вы вряд ли сочтете меня примером физического исцеления. Однако по сравнению с тем, каким я был в июне 2003 года, я исцелен.

До этого несчастного случая я много успел повидать. Я побывал на пяти из семи континентов, нырял с аквалангом возле Большого Барьерного Рифа, работал инженером на Южном Полюсе и участвовал в миссионерских поездках в Мексику и Индонезию. Теперь я с трудом преодолеваю ступеньку выше четырех дюймов или дверной проем уже двадцати восьми дюймов. Если, вместо того чтобы смотреть вперед я позволю себе оглядываться назад то завязну в болоте депрессии.

Однажды я возвращался домой после восхождения на одну из самых высоких вершин в штате Колорадо. Внезапно из-под меня выскользнул мотоцикл. Восемь дней я пролежал в глубокой коме с травмой головного и спинного мозга. Я не мигал, когда мне на открытый глаз клали ватный тампон. Я не мог самостоятельно дышать.

Врачи советовали отключить меня от систем жизнеобеспечения, потому что, по их прогнозам, у меня не могли восстановиться функции мозга, и я был обречен оставаться в «вегетативном состоянии» — годами лежать, подобно овощу на грядке.

Но мои родственники не согласились на это предложение. В ту же ночь они стали взывать обо мне к Богу словами псалма: «Воспрянь, слава моя, воспрянь, псалтирь и гусли! Я встану рано» (Пс 56:9). Для меня ранний рассвет наступил, когда я начал открывать глаза. Тогда врачи попросили моих родных забыть об их совете насчет отключения систем жизнеобеспечения. С той поры этот библейский стих значит для меня очень много. Я провел в Антарктиде целый год и знаю, что такое четыре месяца абсолютной темноты. Кто там не бывал, тот не поймет, как много значит после бесконечной полярной ночи увидеть на горизонте первые

проблески солнца.

Большая часть моего «исцеления» происходила медленно и мучительно, шаг за шагом. Я с плачем умолял Бога избавить меня от фантомных болей — у врачей не было таких средств. Потребовались месяцы для того, чтобы мои руки снова обрели чувствительность и подвижность. Мне пришлось заново учиться читать. Да и теперь две трети моего тела не работают нормально. Я даже не способен чувствовать голод. Надо ли мне молиться о полном исцелении, или принять то, что есть?

Для моего выздоровления трудилось множество людей. Сейчас я живу дома и должен постоянно пользоваться помощью брата, семьи и друзей. Я прошел много часов физиотерапии. Теперь я понимаю, что просить о помощи — это нормально. Мы не обязаны постоянно улыбаться, натягивая на себя счастливое выражение лица. Мир старается убедить тебя, что ты не нуждаешься в помощи, что ты должен стать гордым и независимым, и ни в коем случае нельзя быть слабым. Но не такими хочет нас видеть Господь. Когда со мной произошла авария, люди появлялись рядом, словно из-под земли — чтобы поддержать нас, чтобы принести пищу, чтобы помолиться вместе в больнице и даже просто для того, чтобы разделить наше горе.

Брат рассказывал мне, что в первые недели моего пребывания в больнице у него постоянно возникали трения с медперсоналом, потому что друзья, которые приходили помолиться за нас, с утра до ночи заполняли всю комнату для посетителей. Я не понимаю, как бы мы пережили нашу трагедию без этой поддержки.

Вмешательство в законы природы?

Я предвижу реакцию некоторых христиан на мои рассуждения о чудесных целительных силах, скрытых в организме человека: «Да, да, я все это понимаю. Но что вы скажете о настоящих чудесах? Или о случаях неизлечимой болезни, когда врачи не оставляют вам никакой надежды, и медицина, как говорится, бессильна? Что делает Бог тогда? Может ли Он, в ответ на молитву веры, непосредственно вмешаться в ход событий?»

Сначала я должен сказать несколько слов в защиту законов природы. Как ученые, так и богословы согласны с тем, что во Вселенной действуют непреложные и постоянные законы. Солнце всегда встает на востоке, ненастью предшествует низкое атмосферное давление, живые существа определенного вида рожают потомство того же вида, планеты движутся по фиксированным орбитам. Явления природы закономерны и предсказуемы, и поэтому мы можем к ним приспособиться. Если вы построите дом в сейсмоопасном районе или в местности, затопляемой при наводнениях, риск стать жертвой природных катаклизмов возрастет для вас многократно. Точно так же умножится риск развития определенных заболеваний, если вы курите или злоупотребляете алкоголем.

Во многих случаях, если приглядеться повнимательнее, можно обнаружить исходную причину страданий. Возможно, я страдаю из-за того, что делал что-то неправильное, например, слишком много ел. Иногда я страдаю из-за греха другого человека — например, пьяного водителя. Если я буду сидеть слишком близко к больному гриппом, то могу заразиться. Чтобы полностью исключить опасность заражения, я должен избегать всех людей или, как делают многие японцы, надевать в общественном транспорте маску.

Меня удивляет, что когда речь идет о здоровье, христиане сопротивляются законам

природы, — хотя безропотно признают непреложность их действия в других сферах. Например, я неоднократно слышал, как некоторые сторонники исцеления верой убеждают людей в случае болезни молиться и не пользоваться медицинской помощью. Однако я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь из убежденных борцов с законами мироздания рекомендовал создать рисоводческое хозяйство в пустыне Сахара. Очевидно, в данном случае они осознают: если фермер сеет рис в Сахаре, а потом молится о дожде, он просто не понимает, каким образом Бог устроил этот мир.

Все мы учимся соотносить свои молитвы с законами природы⁶⁵. Ребенок молится о том, чтобы умершая кошка воскресла, чтобы учитель отменил контрольную, которая включена в расписание, чтобы его команда выиграла Кубок Мира или чтобы его глаза из синих стали зелеными. Однако со временем он усвоит, что Бог — не волшебник, готовый переустраивать жизнь по нашим прихотям. В области физического здоровья сила тоже молитвы имеет определенные пределы: никакая молитва не сделает старика молодым, не отменит смерть и не позволит обходиться без пищи. Иначе говоря, Бог установил определенные правила, но в рамках этих правил существует много возможностей физического исцеления.

В Библии описано несколько случаев явного Божьего вмешательства в законы природы. Например, Бог посылал израильтянам манну в пустыне, а Иисус пятью хлебами и двумя рыбами накормил голодную толпу. Тем не менее, сегодня я не знаю никого, кто отказался бы от естественных источников пищи в ожидании подобного чуда. Иисус не творил чудес понапрасну. Я думаю, что будь поблизости продовольственный склад, Он вряд ли стал бы кормить пять тысяч человек сверхъестественным образом.

Около двадцати лет назад мы с доктором Полом Брэндом написали для журнала «Христианство сегодня» статью о физическом исцелении. Доктор Брэнд в частности писал: «Что касается моего собственного врачебного опыта, я должен честно признать: число моих пациентов составляет несколько тысяч, я ни разу не наблюдал неоспоримого мистического вмешательства в естественное развитие событий. За многих больных молились, многие выздоравливали, но при этом не происходило ничего, явно противоречащего законам анатомии и физиологии. По строгим критериям ни один из случаев исцеления в моей клинической практике не может быть расценен как чудесный или сверхъестественный».

Доктор Брэнд, кроме всего прочего, большую часть своей жизни посвятил лечению проказы. Однако он не встретил ни одного человека, который бы утверждал, что излечился сверхъестественным путем. К счастью, сегодня есть отличные препараты, способные остановить развитие этой еще совсем недавно неизлечимой болезни, и Брэнд, как хирург, работал над тем, чтобы избавить пациентов от ее осложнений. Обычно нужно два или три года, несколько успешных операций и длительная реабилитация, чтобы пораженная рука хотя бы отчасти обрела чувствительность и подвижность. Ни разу ни один ампутированный палец не отрос вновь. «Если все, что говорят телевизионные проповедники, — правда, то я занимаюсь ерундой, — писал Брэнд. — Неужели я потратил всю жизнь, чтобы медленно, мучительно и с болью делать то, чего можно достичь в мгновение ока?»

В ответ на эту статью мы получили множество писем. Одни хвалили доктора Брэнда за честность, другие яростно обвиняли его в недостатке веры. Несколько врачей написали о том, что они были свидетелями чудес исцеления. Например, в одном письме речь шла о

⁶⁵ *Когда ветер гнал пламя лесного пожара на мой дом в Колорадо и вокруг уже густо стлался дым, а над головой стрекотали вертолеты спасателей, я молился о том, чтобы Бог изменил направление ветра. Но я не просил Его приостановить действие закона всемирного тяготения. Это различие вполне отвечает общему принципу, сформулированному Джорджем Баттриком, бывшим капелланом Гарвардского колледжа: «Чем более регулярно проявляется то или иное явление природы, тем меньшее влияние способна оказать на него молитва. Так, с помощью молитвы мы вряд ли сможем воздействовать на приливы и отливы. Но чем разнообразнее проявление природного феномена, тем более осмыслены наши молитвы. Поэтому мы молимся о благоприятной погоде или о скорейшем выздоровлении». — Прим. авт.

полном исчезновении признаков рака кости, во втором — о травме спинного мозга, которая вне всякого сомнения должна была привести к параличу, но этого не произошло. Брэнд расследовал эти и другие сообщения и пришел к выводу: в некоторых случаях сверхъестественное вмешательство действительно имело место. Доктор Брэнд вплоть до своей смерти в 2003 году работал над концепцией физического исцеления. Он высоко оценивал чудесные способности, присущие организму человека, но теория Пола Брэнда не отрицала и возможность исцелений, выходящих за пределы естественных законов.

Большинство врачей признают: встречаются случаи, которые невозможно объяснить, исходя из известных науке законов природы. Бывший президент Американского колледжа хирургов в своей книге «Спонтанное излечение от рака» детально описывает сто семьдесят шесть таких случаев. Но даже если все они достоверны, число исцелившихся составляет очень небольшой процент от количества всех онкологических больных, о которых молились. По некоторым медицинским оценкам исцеление, никак не связанное с медицинским лечением, происходит в двух или трех случаях на каждую тысячу больных раком.

Я много раз спрашивал у врачей-христиан, доводилось ли им видеть сверхъестественные исцеления. Большинство из них задумывались на несколько минут, а потом описывали один или два подобных случая. Так же, как и доктор Брэнд, они не отрицали, что чудеса случаются, но подчеркивали, что случаются они очень редко. Известный целитель сказал мне по секрету, что видел лишь два или три случая, которые мог бы назвать настоящими чудесами. Специальная комиссия врачей во французском городе Лурде расследует все заявления об исцелениях, происходящих в этом знаменитом центре паломничества. В прошлом и позапрошлом веках были изучены примерно семь тысяч случаев исцеления. Но только шестьдесят семь из них признали сверхъестественными, причем после 1987 года случилось лишь одно такое чудо.

В чем разница?

Сообщения о чудесах гораздо чаще приходят из развивающихся стран. Как я уже говорил, небывалый рост христианской церкви в Непале стал прямым следствием огромного количества исцелений по молитве. Я разговаривал с несколькими европейскими врачами, работавшими в Непале, и все они рассказывали об исцелениях, не поддающихся объяснению: мертворожденный ребенок начал дышать, поврежденный лицевой нерв у женщины продолжает выполнять свои функции, высохшая рука восстановилась, неоперабельная опухоль исчезла. Похожие явления отмечены и в Китае.

В развитых странах христиане, столкнувшись с серьезной болезнью, молятся о Божьей помощи не менее ревностно, чем в Непале. В чем же разница между ними и нами? Может быть, у нас, на Западе, где преобладает естественнонаучный взгляд на мир, людям недостает веры, и поэтому чудеса происходят так редко? Может быть, объяснение лежит в духовной сфере, и «концентрация» мистических сил в одних местах выше, а в других — ниже? Я не знаю.

Тем не менее, я уверен, что случаи, подходящие под определение «сверхъестественное исцеление», то есть вмешательство Высшей Силы в естественные законы, действующие в организме человека, встречается крайне редко. Это именно чудо, а не рядовое событие. Поэтому давайте, говоря об исцелении силой Божьей, не будем подавать ложных надежд. Нельзя, чтобы вера страдающего человека целиком зависела от того, избавиться ли он чудесным образом от постигшей его болезни или нет.

Во дни Иисуса чудеса случались в изобилии. Христос, по крайней мере один раз, изменил погоду и чудесным образом исцелил множество людей. Я заметил, однако, что описанные в Библии чудеса Иисуса носили избирательный характер. Первое из них произошло, когда Он превратил воду в вино, чтобы не было испорчено свадебное торжество. Почему именно тогда и именно так Христос использовал Свою чудотворную силу? Он воскресил девочку-подростка, но сколько еще детей умерло в Израиле в те дни? Он исцелил

парализованного человека, лежащего у купальни в Вифезде, но Иоанн умалчивает о других калеках, лежавших около того же самого водоема.

Читая Евангелие, я все время ловлю себя на мысли: ну почему Иисус не действовал более систематично! Мне хотелось бы, чтобы Он решил проблему голода во всем мире. Почему Он лишь раз накормил пять тысяч человек, которые пришли Его послушать? Мне хотелось бы, чтобы Он уничтожил вирус полиомиелита. Почему же Он вылечил лишь несколько паралитиков? Но от таких мыслей только расстраиваешься. Очевидно, Христос пришел на землю не для того, чтобы изменить законы природы и установить иные, лучшие, законы — во всяком случае, не в первое Свое пришествие. Ведь именно такими возможностями искушал Его сатана в пустыне, но Иисус отверг искушения.

Библейские чудеса совершались лишь в отдельных, «избранных» случаях, и в этой избирательности я склонен видеть проявление Личности Бога. Иисус исцелял тех, кого встречал в течение дня. Порой Он намечал для Себя определенную задачу, но тут вдруг появлялись люди проблемы, которых требовали решения... Как мне это знакомо и понятно! Со мной чуть ли не каждый день происходит то же самое. Я ставлю перед собой определенные цели, но возникают помехи, которые заставляют меня корректировать мои планы. Иисус же в подобных случаях имел власть приостановить действие законов природы.

Мы ждем, что Бог будет действовать неизменным, строго определенным образом. Однако когда читаешь Библию, кажется, что Он иногда действует словно бы по Своей прихоти. Бог избрал Иакова, а не Исава, Давида, а не его старших братьев. В те времена причины такого выбора были непонятны. Бог сверхъестественным образом освободил Петра и Павла из темницы, но в конце концов оба они были опять арестованы и казнены. Богословские системы, которые полностью объясняют любое вмешательство Бога в действие законов природы, вызывают у меня сомнения. Выбор, сделанный Богом, можно было бы счесть чудачеством — если бы речь шла не о Боге, а о ком-то другом.

Я пришел к выводу, что строгое разграничение между естественными событиями и чудесами — или между «провидением общим» и «провидением особым», если употреблять богословские термины, — для нас значит гораздо больше, чем для Бога. Описанные в Библии случаи Божьего вмешательства богословы распределили по уровням. На верхнем уровне — такие бесспорно сверхъестественные события, как явление Бога в горящем кусте и десять казней египетских. На средний уровень попадают вещие сны, послания, явления Бога и ангелов людям (например, Аврааму и Иакову) — при этом люди не всегда узнавали небесных посланцев. На нижнем уровне — «естественные» события, связанные с действиями людей. Девора стала народной предводительницей. Соломон выстроил Храм, Не-емия возглавил работы по восстановлению Иерусалима. Павел возвещал Евангелие в синагогах. Эти люди, как и многие другие, исполняли Божью волю обычными, «земными» способами. Я, однако, подозреваю, что с точки зрения Бога любые разграничения подобного рода представляются несущественными. Бог с радостью и при любой возможности поручает людям исполнять Свою волю.

Прежде чем молиться об исцелении, загляните в себя

Когда я болеваю сам или узнаю, что заболел кто-то из моих друзей и близких, я приношу эту нужду Богу, Которого Библия называет «Отец милосердия и Бог всякого утешения» (2 Кор 1:3). Болезнь, а не здоровье нарушает нормальный порядок в мире. Это показал Христос, придя на землю. Он не решил всех проблем мира, в котором мы с вами живем, но Его чудеса — знак того, каким мир должен быть и каким он однажды станет.

Совершая исцеление, Христос исправлял в отдельном человеке то, что отражало испорченность планеты в целом⁶⁶.

⁶⁶ *Каждое третье из исцелений, описанных в Новом Завете, связано с изгнанием злых духов. Библия часто приписывает болезни действию сатаны. Павел прямо так и называл свою физическую немощь — «ангел

В то же время я видел, сколько вреда бывает от того, что мы злоупотребляем своим доверием к Богу и Его милосердием. В Библии есть примеры как получивших ответ, так и безответных молитв, как исцеленных, так и неисцеленных болезней. Нам не следует завышать собственные ожидания, чтобы не пострадать от сокрушительного разочарования. Поэтому, когда я желаю чуда и молюсь о нем, я задаю себе ряд проверочных вопросов:

Не считаю ли я, будто чудо положено мне по праву?

Снова я думаю о письмах, что лежат в моем кабинете. Многие из тех, кто их писал, страстно молились о чуде. Одна супружеская пара с радостью сообщает, что Бог наконец ответил на их многолетние молитвы о ребенке. Другая пара сдалась и решила усыновить младенца из Китая, взяв на себя все трудности, сопряженные с этой процедурой. Мой священник поделился впечатлениями о таком эпизоде: женщина в церкви прерывающимся от волнения голосом рассказывала о том, как ее двухлетний сын упал в домашний бассейн и захлебнулся, но его удалось вернуть к жизни с помощью искусственного дыхания. Ребенок полностью поправился, и счастливая мать с чувством восклицала: «Как благ Господь!» Но здесь же присутствовала другая женщина, чей ребенок тоже упал бассейн и погиб — его вытащили, но откачать не смогли.

Бог не обеспечивает христианам защиту от всех болезней и не дает быстрой и надежной защиты от страданий. Процент христиан в больничных палатах, в психиатрических лечебницах и в хосписах примерно таков же, каков их процент ко всему населению страны. Я спросил ректора семинарии Вернона Граундса (я считаю его одним из самым благочестивых среди моих знакомых): «Вы видели когда-нибудь неоспоримое чудесное исцеление?» Без малейшего колебания он ответил: «Нет, но все еще надеюсь увидеть». Верной рассказал мне, что ежедневно молится о чудесном исцелении друга, страдающего от неизлечимой болезни почек. Он твердо верит, что Бог в силах совершить это чудо, хотя сам Верной, прожив уже девяносто лет, чудес ни разу не видел.

Смиренную веру Вернона Граундса я предпочитаю вере тех, кто обещает слишком много. В девяностых годах прошлого века произошел эпизод, о котором мне рассказал очевидец, один из лидеров церкви. Христианский целитель из Соединенных Штатов развернул кампанию по исцелению в Камбодже, где христиан совсем мало. Повсюду висели его плакаты, обещающие исцеление и решение всех проблем. Крестьяне продавали коров и даже дома, чтобы приехать в Пномпень на встречу с целителем. Из-за недавней войны в земле осталось немало мин, от которых пострадали многие камбоджийцы. Каждый двухсотый житель Камбоджи перенес ампутацию конечности, и эти люди тоже отправились на встречу с целителем. Когда выяснилось, что ампутированные руки и ноги заново не вырастают, стадион захлестнула мощная волна возмущения. Незадачливого проповедника пришлось спасать с помощью военного вертолета, который доставил его в гостиницу. Но разъяренная толпа вышла за пределы стадиона, потекла к Гостинице и окружила ее. Проповедник был вынужден срочно покинуть Камбоджу и вернуться в США.

«Вы не можете себе представить, насколько негативно повлияла на церковь Камбоджи, и без того находившуюся в трудном положении, деятельность этого целителя, — вздохнул человек, который рассказал мне эту историю. — Мы были отброшены на пятьдесят лет назад. Возможно, мы никогда не вернем себе прежнего доверия».

Использую ли я то, что уже дано Богом — внутренние целительные силы организма и медицинские знания, накопленные человечеством?

сатаны» (2 Кор 12:7). Доктор теологии Джеймс Каллас писал: «Глядя на больного полиомиелитом или на калеку с деформированным телом, мынабожно качаем головой, и, не дав себе труда подумать, многословно кудахчем: «Значит, такова воля Божья... это трудно понять... мы не можем знать планы провидения, мы узнаем все только на небесах...» Между тем Иисус о таких вещах ясно говорил, что это — работа дьявола, а не воля Божья». — Прим. авт.

В девятнадцатом веке черная оспа убила пятьсот миллионов человек — это во много раз больше, чем число ВИЧ-инфицированных сегодня. В следующем столетии благодаря самоотверженной работе врачей и ученых оспа стала первой болезнью, которую удалось полностью искоренить. Грустно об этом говорить, но многие известные христиане сначала выступали против прививки от оспы, потому что думали, будто это противоречит Божьей воле. Я же считаю, что такие храбрые души, как Эдвард Дженнер, изобретатель вакцины против оспы, исполняют Божью волю, принося исцеление и здоровье людям, которых любит Бог.

Иисус ставил в пример доброго самарянина (заметьте, что тот не был ни иудеем, ни, тем более, христианином), который перевязал раны ограбленного путника, омыл их вином и елеем и отвез пострадавшего в гостиницу. Самарянин не просто молился за страдальца, он применил все известные в то время медицинские средства. Поступая так, он исполнил одну из двух наибольших заповедей: «Возлюби ближнего своего, как самрго себя».

Добрый самарянин кажется мне прообразом врачей и ученых, посвятивших свою жизнь борьбе за здоровье людей. В прошлом столетии появились эффективные средства от тех болезней, которые во все предыдущие века являлись бичом человечества. Были найдены средства борьбы с полиомиелитом, бубонной и легочной чумой, дифтерией, малярией, желтой лихорадкой и многими другими болезнями. В ряде случаев существенную роль в поисках эффективного лечения сыграли христианские миссионеры, потому что лишь они были готовы, рискуя здоровьем, жить рядом с больными и служить им.

Вспомним об исследованиях, касавшихся взаимосвязи между верой и исцелением, о которых я упоминал выше. Они показали, что выздоровление происходит наиболее успешно, если образ жизни человека, его душа и дух помогают исцелению тела — наряду с эффективными медицинскими средствами. Вот что пишет об этом доктор Пол Брэнд:

«Я хирург, и результаты моей работы полностью зависят от внутренних сил организма. Когда я лечу перелом, я просто правильно соединяю куски поврежденной кости. Кальций же, необходимый для сращения костной ткани, посылает в место соединения организм. Не будь этого, моя работа пропадет даром. Христианин выздоравливает, потому что Бог наделил его тело средствами, необходимыми для победы над раной или инфекцией. Организм нехристианина тоже наделен этими средствами, но, возможно, его хозяин хуже обращался со своим телом и его восстановительные способности находятся в меньшей готовности. Однако подобно тому как Солнце по воле Бога одинаково светит на праведных и на неправедных, так и остеобласт⁶⁷ равно сращивает кости праведных и неправедных».

«Как правильно молиться за больных и страдающих? Сначала надо воздать хвалу Богу за то, что Он создал удивительные механизмы исцеления и восстановления и снабдил ими организм человека. Потом следует попросить особой заботы Господа о заболевшем человеке, о его личности в целом и о том, чтобы больной сумел наилучшим образом использовать целительные силы собственного организма. Еще нужно, чтобы церковь, объединившись, возложила на больного, который так нуждается в поддержке, в вере, надежде и любви, свою исцеляющую руку».

Не обвиняю ли я в своих страданиях Бога?

Я встречал много людей, которые терзали себя из-за несчастного случая. Например, за последние пятнадцать лет число детей, погибших от синдрома внезапной младенческой смерти, снизилось на сорок процентов. Произошло это главным образом потому, что врачи стали предупреждать родителей: чтобы младенцы не задохнулись, их нужно класть на спинку, а не на живот. Я думаю о родителях, которые потеряли детей в предшествующие

⁶⁷ *Остеобласт — клетка, образующая костную ткань у позвоночных животных и человека. — Прим. ред.

годы. Многие из них с плачем зывали к Богу: «Господи, зачем ты отнял у меня ребенка?!» Но, по-моему, это неправильный вопрос. Младенцы умирали просто потому, что мы не знали: им опасно спать на животе.

Нечто подобное происходило в те годы, когда в европейских городах бушевала «черная смерть» — бубонная чума. По зловеще пустынным улицам Лондона — треть жителей умерла, а треть покинула город — ходили длинноволосые пророки и возвещали, что чума — это Господня кара за грехи. На протяжении полутысячелетия в Европе считали, что чума — это Суд Божий. Но в конце концов крысиный яд избавил нас от этой ужасной болезни.

Новые открытия в медицине выявили связь многих болезней с курением табака. До этого в Голландии одно время считали, что курить полезно: это — признак христианской духовности, и только бунтовщики отказывались курить. Сегодня мы знаем, что курить вредно. Но набожные голландские кальвинисты, которые принимали постигший их рак легких или эмфизему как Божью волю, могли бы предотвратить эти болезни, если бы загасили свои трубки.

Я знаком с миссионером, жена и семилетняя дочь которого были убиты одной пулей, потому что летчик военной авиации одной южноамериканской страны по ошибке решил, будто на его самолете перевозят наркотики, и открыл огонь. «Полетом пули управлял Бог», — сказал журналистам выживший муж и отец. Мы долго спорили об этих словах. Я не верю, что Отец милосердия направляет пули в детей. Сам Христос опровергал тех, кто пытался возложить вину за человеческие трагедии на Бога.

Священник моего прихода иногда призывает желающих выйти вперед и помолиться: «Самое худшее, что может случиться — вы почувствуете себя очень любимым. А это ведь не так плохо, правда? А еще вы можете услышать голос Создателя: "Вера твоя исцелила тебя. Иди с миром, будь свободен от страданий"». Каждый раз священник подчеркивает, что члены церкви должны предлагать страждущему любовь и поддержку, а не вызывать в его душе сомнения или, того хуже, чувство вины. На протяжении многих лет люди, посещающие эту церковь, свидетельствуют об исцелениях, причем не только от физических немощей, но также от различных зависимостей и от душевных травм на почве насилия. И все прихожане выходят из церкви, унося с собой важную истину: Бог — Источник утешения, а не муки.

Готов ли я к тому, что исцеления, возможно, не будет?

Апостол Павел исцелил человека, хромого от рождения, а другого даже воскресил. Но в Новом Завете упомянуты трое из друзей Павла (Епафродит, Трофим и Тимофей), которые страдали от серьезных болезней (да и сам Павел не был свободен от недугов). Одного друга он не смог взять с собой в путешествие из-за его болезни, другому посоветовал лечение. Исцелились ли они? Об этом ничего не написано.

В тех местах текста Нового Завета, где повествуется о страданиях, всегда указывается, чему нас могут научить трудности и какую пользу можно из них извлечь. С такой же меркой мы должны подходить к инвалидам и хронически больным людям. Мы должны ценить их, а не унижать. Иисус не обещал уничтожить всякую бедность, всякое страдание и всякую нужду. Но Он возвещал Царство, в котором нуждающихся ценят больше, чем красивых, сильных и самодостаточных. По моему опыту, с наибольшей готовностью признают свою зависимость от Бога те, у кого нет иного выбора: страждущие, люди с физическими недостатками и те, кто призван о них заботиться.

К каким бы выводам относительно физического исцеления мы ни пришли, наш долг — щадить тех, кто не излечился, и не увеличивать бремя вины и горя, которое они несут. Многие христиане передвигаются на инвалидных колясках или каждое утро, проснувшись, снова видят обрубки своих ампутированных конечностей. Многие десятилетиями вынуждены мириться с немощью и с хронической болезнью. Подавляющее большинство из них молились об исцелении. Некоторые обращались к целителям, радовались вспыхнувшему проблеску надежды, преклоняли колени для помазания елеем — но до сих пор не получили исцеления. Для них рассуждения об исцелении верой звучат как жестокая шутка,

язвительная насмешка, обвинение в том, что не только физическое, но и духовное их здоровье оставляет желать лучшего.

Некоторые теле- и радио проповедники уверяют, что верующий обязательно получит исцеление. Если бы это было правдой, то христиане не ходили бы в очках, не лысели и были бы избавлены от всех немощей, сопутствующих процессу старения. Возрастное развитие болезней и снижение жизненной активности клеток организма приближает каждого из нас — в том числе и проповедников исцеления верой — к смерти. Никакие молитвы и никакая вера не в состоянии повернуть этот процесс вспять. Несмотря на многочисленные молитвы, не были исцелены парализованные ноги знаменитой христианской писательницы Джони Эриксон-Тада. Я ни разу не читал о чудесном исцелении от рака поджелудочной железы (это болезнь со стопроцентным летальным исходом), о выздоровлении от муковисцидоза или хореи Гентингтона, о которых я писал выше.

От христианских лидеров, живущих в Африке, я слышал, что «теология здоровья и процветания», которая в свое время получила на «черном континенте» широкое распространение, по мере роста эпидемии СПИДа сменилась на более трезвую позицию. Достоверные случаи излечения от СПИДа неизвестны, а количество ВИЧ-инфицированных в некоторых африканских странах достигает сорока процентов. Церкви пришлось поменять свою точку зрения. Вместо проповеди «верьте — и будете исцелены» приходится теперь разъяснять основы профилактики ВИЧ-инфекции, призывать к заботе о больных и умирающих, усыновлять миллионы сирот, родители которых погибли от этой страшной болезни.

Одно из самых содержательных исследований по проблемам болезней и веры посвящено не самим больным, а тем, кто о них заботится. Ученые общались с родителями малолетних детей, страдающих хроническими болезнями — такими, как юношеский диабет, юношеский ревматоидный артрит, муковисцидоз, эпилепсия и расщелина позвоночника. Исследование показало, что наиболее существенным и практически единственным действенным фактором, помогающим родителям выстоять, является их способность доверять Богу и находить в Нем силу и утешение. С первых дней своего существования Церковь призывала к заботе о страдальцах. Христиане того времени узнавали друг друга благодаря тому, что только они оставались ухаживать за жертвами чумы, а не убегали от них.

Я никогда не забуду маленький домик в городе Колумбия (Южная Каролина), где я сидел и наблюдал, как Робертсон Мак-Квилкин кормит жену домашним супом. Он подносил к ее рту ложку за ложкой, смеялся, разговаривал с ней, поглаживал по щеке, вытирая пролившиеся капли. Она могла поднять одну руку и помахать ею, но не произносила ни звука и не подавала никаких знаков, что она узнает мужа, с которым прожила сорок лет. Мак-Квилкин отказался от должности президента христианского колледжа, чтобы иметь возможность ухаживать за Мьюриэл, которая была преподавателем и журналисткой, пока не заболела болезнью Альцгеймера. В течение двадцати лет Робертсон заботился о ней. Ему пришлось отказаться от большей части публичных выступлений и свернуть собственные проекты, чтобы всегда быть рядом с женой. Почему он пошел на это? «Я дал обет перед Богом быть с ней в здоровье и в болезни, — сказал он мне. — Разве не это называется любовью?»

Женщина из Онтарио передала мне семейный дневник, где была описана семилетняя история болезни ее мужа и ухода за ним. Муж страдал боковым амиотрофическим склерозом (БАС, другие названия — «болезнь Шарко», а в англоязычных странах — «болезнь Лу Герига»). Он хорошо знал, что его ожидает, потому что его брат, мать, бабушка, тетя и двоюродная сестра умерли от этой болезни, которая характеризуется прогрессирующим поражением двигательных нейронов, что приводит к параличу конечностей и атрофии мышц. В конце концов больные умирают от отказа дыхательной мускулатуры. Он также знал, что неизвестно ни одного случая исцеления от БАС.

«Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться», — было написано на листках бумаги, которые члены семьи раздавали пришедшим на похороны. А рядом они написали: «Боже мой! Боже мой! Для чего Ты оставил меня?» Эти слова из двух соседних псалмов — двадцать второго и двадцать первого — подвели итог семи годам преданной заботы.

Записи, которые делала в дневнике дочь, отражают развитие болезни. «Папа уже не может сам завязывать ботинки... Папа больше не может написать свое имя... Папа сломал ключицу и перестал ходить на работу... Папа падает на автомобильной стоянке и не может сам встать. Он так и лежит на земле, пока кто-нибудь его не поднимет... Папа больше не может есть на завтрак свой корнфлекс. Папа больше не может нас обнять... Папа с трудом проглатывает пюре из горошка... Папа больше не может держать голову».

В конце седьмого года — такая запись: «Лежу рядом со стулом, на котором, с трудом дыша, сидит папа. Молюсь о мире. Прочищаю ему нос. Растираю плечи. Вижу, как мама любит отца. Говорю: «До свидания!» Слышу слова отца о том, как он любит маму, и как хорошо они жили вместе. Вижу, как папа поднимает глаза к небу и ловлю его последний вздох... Господь — Пастырь наш».

Перед лицом жестоких мук, выпавших на долю любимого человека, под грузом страданий, эта семья смогла стать источником силы и утешения для больного, сумела помочь ему умереть в мире. «Бог всякого утешения» — одно из прекраснейших имен Господа. Апостол Павел употребляет его в Послании Коринфянам. «Бог дает минимум защиты и максимум поддержки», — заметил один служитель церкви без особой радости. Но апостол расставляет акценты по-иному. Он говорит о Боге, утешающем нас «во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих. Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше» (2 Кор 1:4–5).

Держаться за Бога

Жаклин

Кое-что о молитве я узнала во время депрессии, которая продолжалась шесть месяцев. Я совершенно не была готова к такой всепоглощающей боли. Тому, кто не пережил настоящую клиническую депрессию, покажется странным, что я говорю о боли. С одной стороны, в моем теле ничего не было повреждено. С другой — повреждено было все. Я чувствовала себя так, словно по мне проехал грузовик.

Я помню, как лежала на полу и умоляла Бога унять эту боль. И молитвы мои возносились не выше ворсинок ковра. Я с трудом могла общаться с людьми — как же мне было добраться до Бога? Большую часть времени я проводила в кровати, свернувшись калачиком.

Мне было стыдно, потому что я знала, что моя боль — ничто в сравнении с болью женщины, чей ребенок умирает от голода, или со страданиями неизлечимо больного человека. Но я поняла, что любая боль — это боль. Ее нельзя измерить. Невозможно оценить, чего она стоит.

Редкие моменты облегчения приходили как посланцы благодати. Как-то раз ночью я подошла к холодильнику, чтобы взять апельсин, и внезапно, стоя в странном свете, который лился из открытой дверцы, я почувствовала мир и покой. Боль прошла. А на следующий день я снова лежала в кровати в позе эмбриона. Иногда в воскресенье я, крадучись, приходила на задний двор

церкви, закрывала глаза и слушала, а потом уходила так же тихо, чтобы никто меня не заметил. Облегчение, которое я там получала, обычно иссякало к понедельнику, и я перестала доверять передышкам, зная, что они недолги.

Я включала компьютер и заходила на сайты самоубийц, чтобы посмотреть, чувствуют ли другие люди что-нибудь похожее. Теперь я понимала, отчего люди убивают себя: самоубийство — это просто способ прекратить боль. «Господь, удержи Жаклин от самоубийства, — молился мой муж. — Дай ей увидеть, что ты по-прежнему любишь ее». Но его молитва казалась мне абсолютно бесполезной. Я и сама могла произнести слова: «Господи, помоги мне увидеть, что Ты любишь меня», но просить об этом казалось мне столь же бессмысленным, как просить о выигрыше в лотерею.

Тогда я была слепа, но сейчас, оглядываясь назад я вижу, как Бог отвечал на мои молитвы. Моя сестра взяла билет на ближайший самолет и пробыла со мной целую неделю. Она сидела около моей кровати, то тихонько напевая христианские гимны, то молясь без слов, то просто глядя мои волосы.

«Жаклин, что ты видишь, когда смотришь в зеркало?» — спрашивала она. «Ничтожество, неудачницу, духовный нуль», — отвечала я. «Жаклин, можно, я скажу, что видит Бог? Он обожает тебя». Я не могла ощутить Божью любовь непосредственно, но временами я чувствовала ее через сестру.

Я верю, что врач тоже был послан мне в ответ на молитву, не говоря о лекарствах, которые он мне прописал. Бог часто совершает исцеление через людей. Раз в неделю я получала от кого-то из братьев или сестер во Христе открытку с ободряющими стихами из Библии и с припиской: «Мы за тебя молимся». Я до сих пор не знаю, кто писал эти открытки, но в библейских стихах каждый раз было именно то, в чем я нуждалась сегодня.

Я вышла из депрессии, но она меня полностью изменила. Исчезла всякая самонадеянность, всякое ощущение, что я чего-то могу добиться сама. Сейчас я думаю о себе как о человеке, полностью несостоятельном духовно, — каждый день и каждую минуту я должна полагаться на Бога. Я не могу рассчитывать на себя, потому что я себя подвела. Раньше молитва была для меня способом попробовать заставить Господа сделать то, чего хочу я. Теперь это способ участвовать в том, что делает Бог, и просто из всех сил держаться за Него.

ГЛАВА 19. О ЧЕМ МОЛИТЬСЯ?

Нам не хочется быть новичками в молитве. Но давайте поймем, что здесь мы всю жизнь будем только новичками!

Томас Мертон

Оставшиеся без ответа молитвы, как и вопросы, связанные с физическим исцелением, нередко приводят нас в замешательство. «Правильно ли мы молились? — думаем мы. — О чем конкретно надо молиться?»

Я много говорил об этом с разными людьми — со здоровыми и тяжелобольными, с

теми, кто заботится о больных или оказывает людям другую помощь, с капелланами и с приходскими священниками. В результате у меня сложилось некое представление, которое подсказывает мне, какой должна быть молитва. Мои размышления могут оказаться полезными не только тем, кто страдает от физических недугов, но и всем нам, когда мы взываем к Богу в минуту нужды. Надеюсь, что эти подсказки помогут вам молиться с верой, уверенностью и доверием.

Искреннее желание

Я научился точно говорить Богу о том, чего я хочу, каким бы невозможным мое желание ни казалось. Я молюсь о мире на Ближнем Востоке и о торжестве правосудия в Африке, о свободе вероисповедания в Китае и в других странах, о решении проблемы жилья для бездомных и о преодолении расизма в Соединенных Штатах. Молюсь, потому что горячо желаю этого-и верю, что того же хочет Бог.

Мой друг из Чикаго пригласил своих коллег по социальному служению принять участие в общей молитве о прекращении нищеты в городе. Почти все отказывались, говоря: «Зачем молиться, если это все равно недостижимо и невозможно?» Но мой друг придерживался другого мнения. В чем смысл молитвы, если не в том, чтобы раскрыть пред Богом желания сердца, особенно когда эти желания, скорее всего, совпадают с волей Божьей? Кто знает, что может случиться, если мы будем молиться о том, чего желает Бог? Вспомните молитвы миллионов христиан о свободе проповеди Евангелия за «железным занавесом» и о падении режима апартеида в Южной Африке. Исполнение этих просьб тоже казалось невозможным и недостижимым.

Бог предлагает нам просить о том, что нам нужно. Он нас не осудит — разве ругают ребенка, забравшегося на колени к отцу со списком подарков, которые он желает получить на Рождество? Вот что говорит ректор семинарии Верной Гра-ундс, написавший множество книг и статей на духовные темы: «Когда я слышу, что кто-то нуждается в исцелении, я молюсь так: "Господи, я знаю, что у тебя Свои планы. У Тебя, несомненно, есть замысел и об этом человеке, но позволь, я прямо скажу Тебе о том, чего хотел бы я"».

Если мне поставят неутешительный диагноз, я буду без лукавства просить о физическом исцелении. Молиться об исцелении — это Божья заповедь. Иисус ясно показал, что Бог желает для людей здоровья и исцеления. Множество научных исследований подтверждают, что молитва за больного способствует его излечению. Вера делает свое дело: она помогает организовать тело, душу и дух и пробуждает способности организма к восстановлению.

Иисус иногда спрашивал человека: «Хочешь ли быть здоров?» (Ин 5:6). Вопрос не праздный: по свидетельствам врачей, некоторые пациенты с трудом представляют себе жизнь без болезни. Кроме того, успех лечения во многом определяется желанием больного выздороветь. Итак, в молитвах об исцелении — так же, как и в любых молитвенных просьбах — необходимо честно описывать проблему и, не мудрствуя лукаво, открывать перед Богом желания своего сердца.

Плач

«Господи! Вот, кого Ты любишь, болен» (Ин 11:3), — словами этой молитвы Мария и Марфа сообщили Иисусу о болезни своего брата Лазаря. Проповедники любят подчеркивать разницу между двумя типажам — деятельной Марфой и ее задумчивой, склонной к созерцательности сестрой Марией. А меня в этой истории поражают похожие как две капли воды обращения сестер к Иисусу, Который, как им казалось, пришел слишком поздно. «Господи! Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой» (Ин 11:21), — говорит выбежавшая навстречу Иисусу Марфа. Подошедшая чуть позже Мария произносит те же слова: «Господи! Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой» (Ин 11:32). Горе и страдание

стирают различия и заставляют всех рыдать одинаково. Порой мы не можем наполнить свои молитвы ничем, кроме жалоб.

Иисус не стал упрекать сестер, Он проникся сочувствием — «воскорбел духом и возмутился» (Ин 11:33). Сострадание Спасителя подчеркивает самый короткий стих Библии: «Иисус прослезился» (Ин 11:35).

Джон, один из священников большой церкви в Колорадо, отвечает за служение скорбящим. Он напомнил мне о ценности слез. Джон проводит много времени с больными и умирающими и почти каждую неделю совершает отпевание. Кроме того, двое его собственных детей страдают опасными для жизни наследственными заболеваниями. «Многие христиане любят истории со счастливым концом, — говорит Джон. — Но иногда счастливого конца не бывает, и мы погружаемся в горе. Когда я нахожусь рядом со страждущими, то вместе с ними, словно ныряльщик, опускаюсь в глубины горя. Всплывать слишком быстро нельзя — пострадаешь от резкой смены давления. Некоторое время надо пребывать в горе, прочувствовать его, дать ему излиться. Мне кажется, сквозь слезы человек видит то, чего невозможно увидеть сухими глазами».

Бог позволяет нам наполнять молитвы жалобами. Более того, в Писании есть много слов, которые помогают нам эти жалобы выразить. Юджин Петерсон подсчитал, что псалмы на две трети состоят из жалоб. Библия не спешит привести нас к счастливому концу.

Неудачный брак, который, по-видимому, нельзя исправить. Дерзкий подросток, который растрчивает семейные финансы и вместо благодарности высказывает возмущение. Супруга, которая испытывает отвращение к физической близости. Мировой терроризм. Подтасовка результатов выборов. Церковь, разделившаяся из-за внутренних конфликтов. Родители, впавшие в старческое слабоумие. Любое из этих обстоятельств — повод для молитвы-плача.

Робертсон Мак-Квилкин, самый терпеливый человек из тех, кого я знаю, признавался, что временами он испытывает искушение накричать на жену, страдающую болезнью Альцгеймера, и даже ударить ее. Лучший выход, лучший способ не поддаться такому искушению — это молитва. Так и в псалмах — лучше проклинать врагов в молитве, чем мстить им. Не надо стыдиться своих горьких чувств — изливайте их в молитве, Господь приветствует такие излияния.

Исповедь

Грех подрывает отношения между нами и Богом, расшатывает, ослабляет и даже разрывает связь между телом, душой и духом.

Исповедание грехов восстанавливает нашу связь с самими собой и с Богом — и одновременно избавляет нас от беспокойства, вины, страха и других факторов, угрожающих здоровью.

Я уже говорил о неслышном для окружающих диалоге, который постоянно происходит внутри каждого человека. Когда я борюсь с чувством вины, предметом этого диалога становлюсь я сам. Я пытаюсь хоть как-то оправдать свое поведение, возмущаюсь теми, кто меня до этого довел, испытываю угрызения совести и жалость к себе. Разорвать этот порочный круг и сделать мой дух открытым для исполненного любовью голоса Бога способно только исповедание греха.

Эд Добсон, в прошлом научный сотрудник университета Боба Джонса (Северная Каролина), а затем — известный пастор «Церкви на Голгофе» в Мичигане, заболев боковым амиотро-фическим склерозом (об этом неизлечимом заболевании рассказано в предыдущей главе), решил обстоятельно исповедаться перед Богом и людьми. «Узнав диагноз, я подумал: «Если мне предстоит умереть, я хочу умереть с чистой совестью и в добрых отношениях со всеми, кого знаю». Мне было известно, что есть люди, которых я обидел, — те, у кого мне надо попросить прощения. Поэтому я составил список и начал их обзванивать».

Добсон начинал свою деятельность как фундаменталист, входивший в правое крыло

движения «Моральное большинство», но позднее он изменил свои взгляды. Это случилось, когда, столкнувшись с проблемой СПИДа, Добсон начал служение гомосексуалистам. Решившись на исповедь, Эд обзвонил людей, с которыми работал раньше, — в том числе позвонил Бобу Джонсу, проповеднику Джерри Фолуэллу и своему однофамильцу (не родственнику), президенту благотворительной организации «В фокусе — семья» Джеймсу Добсону — и попросил простить за все причиненные им обиды и огорчения. После этого он ощутил новую свободу в молитве и смог молиться с чистой совестью.

Удаляя любые, даже самые малые, препятствия в отношениях с Богом, мы делаем гигантский шаг к внутренней целостности и здоровью. Можно не сомневаться, что Господь всегда отвечает прощением на искреннее покаяние и молитвенное исповедание грехов. Апостол Иоанн пишет: «А если бы кто согрешил, то мы имеем ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, Праведника (1 Ин 2:1)».

Кардинал Хайме Син, католический архиепископ столицы Филиппин Манилы, который сыграл заметную роль в революционном движении «Народная сила», любил рассказывать такую историю. Каждую неделю после службы к нему подходила женщина и говорила, что получила весть от Бога. Несколько раз он от нее отмахнулся, но она приходила снова и снова. Наконец он сказал: «У нас, католиков, очень строгие правила насчет видений и посланий от Бога. Я должен вас проверить — правду вы говорите или нет. Идите и спросите Бога, в каком грехе я недавно Ему исповедовался. Если Бог даст вам правильный ответ, я буду знать, что полученное вами откровение было подлинным».

На следующей неделе она пришла снова, и он, немного нервничая, задал ей вопрос:

- Ну как, вы спросили Бога о моем грехе? — Да.
- И Он ответил? — Да.
- Что же Он сказал?
- Господь сказал, что Он не помнит этого греха.

Мир

Советник британского епископа по молитвенному служению викарий Рой Лоуренс говорит, что мы ошибаемся, считая, будто плодотворная молитва всегда требует огромных усилий. «Мы думаем о молитве как о тяжелой работе, как о борьбе... Я и сам одно время так думал. Иногда я молился об исцелении ближнего, а после молитвы видел на своих ладонях следы от ногтей — так сильно я сжимал кулаки».

Позже викарий пришел к убеждению, что молитва похожа скорее на отдых, а не на борьбу. Христос говорил: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф 11:28). Он сравнивал Себя с виноградной лозой, а Своих учеников — с ее ветвями (Ин 15:5). Теперь сэр Лоуренс рассматривает образ лозы как руководство к молитве. Виноградной ветви не нужно бороться или сражаться, чтобы принести добрый плод. Ей надо просто пребывать на лозе.

Я уже писал о том, как изменилась направленность моих молитв. Теперь я начинаю не с просьб и требований, а с устремления к Богу. Я думаю о том, Кто есть Бог, и стараюсь войти в поток Божьей любви и силы. Когда я молюсь о больном или попавшем в беду человеке, то стараюсь не начинать списки его неотложных нужд. Я начинаю с молитвенных размышлений о том, как Бог относится к этому человеку, что Он чувствует в связи с создавшимся положением.

Я могу судить о чувствах Бога, потому что немного знаю Христа: Он прослезился из сочувствия к Марфе и Марии, Он исцелял больных каждый раз, когда Его об этом просили, Он изменял жизнь блудниц, сборщиков налогов и прочих изгоев общества. Я ощутил большое облегчение, когда понял, что Бога не надо уговаривать, чтобы Он о ком-то позаботился. Бог и так заботится о каждом больше, чем я могу себе представить. Ведь в конечном итоге все, что с нами происходит, — в руках Божьих.

«Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Ин 14:27), — напутствует Иисус учеников. Любой врач согласится с тем, что отсутствие мира — будь то стресс, страх, напряжение или волнение — так же опасно для здоровья, как возбудитель болезни.

Гонимая церковь нуждается в мире. Мир нужен и родителям новорожденного, и студентам колледжа. Он нужен тем, кто в горячих точках планеты помогает страдающим людям. Перед тем как покинуть землю, Царь Мира оставил нам дар, в котором мы, обитатели этой беспокойной планеты, нуждаемся больше всего.

Как молиться в каждом конкретном случае? Приведет ли ваша молитва к чудесному исцелению? Или вам ничего не остается, как смириться с хронической, а может быть, даже смертельной болезнью? Освободят ли вас из тюрьмы? Или надо подумать о том, как наилучшим образом использовать время в заключении? Надо ли пройти интенсивный курс подготовки к браку? Или лучше просто расторгнуть помолвку? Слова, сказанные апостолом Павлом о Святом Духе, помогают уменьшить гнет неопределенности и посреди великого смятения обрести мир:

«Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божьей» (Рим 8:26).

У огня

Верной

По моим оценкам, восемьдесят процентов всех молитв, которые я слышу в церкви, — о физическом исцелении. Я прекрасно понимаю: когда человек страдает, он склонен забывать обо всем остальном. Но я хотел бы слышать больше молитв о бедных, о жертвах гонений и несправедливости. Ведь это тоже боль, хоть и другая.

Моя жена регулярно смотрит христианские телепрограммы, а я не знаю, что и думать о чудесах, которые показывают по телевизору. Многие в них сомневаются... Но неужели все эти истории выдуманы? Мне девяносто лет. Хорошо бы мне, старику, увидеть неопровержимое, подтвержденное чудо исцеления. Я такого ни разу не видел, хоть много раз об этом молился.

Хотя Бог ни разу не ответил на мои молитвы об исцелении, Его молчание не пошатнуло мою веру. На то есть причины. Мы давно уже вместе, Бог и я. Я видел, как действует Господь. Сорок лет я молился о муже моей сестры, который не проявлял ни малейшего интереса к духовным вопросам. И вдруг, неожиданно для всех — но не для меня — он начал посещать церковь, а потом стал активно во-церковляться.

Я думаю, главный принцип дал нам Иисус, когда молился в Гефсиманском саду. Он сказал: «Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как я хочу, но как Ты». Я уверен, что Бог в силах исполнить все, что Ему угодно: ведь Христос воскрес — какие нам еще нужны доказательства? Но я также верю, что другие духовные силы стараются помешать силам добра. Я воспринимаю это как парадокс, как тайну. Когда вы проживете столько же, сколько я, вы это поймете.

Не надо ожидать, что отношения с Богом будут всегда

ровными и неизменными. Недавно я отпраздновал шестьдесят пятую годовщину свадьбы. Поверьте, когда вы так долго женаты, ваши чувства не могут постоянно гореть жарким пламенем. Влюбленность вспыхивает, подобно костру. Влюбленные часто говорят: «Ты озарила мою жизнь». Но проходит несколько десятилетий, и обжигающий костер превращается в груды мерцающих углей. Конечно, жар становится меньше, но угли — это тоже хорошо: с их помощью можно испечь картошку или согреть ноги. Иными словами, когда уходит пылкость чувств, перед вами открывается другой, более глубокий и плодотворный уровень общения.

Сколько я себя помню, я всегда проводил в молитве, по крайней мере, полчаса в день. Иногда я испытывал чувства, подобные тем, о которых поется в старом гимне: «небеса приблизились, слава их наполнила душу». Но это бывало нечасто. Большую часть времени я молился потому, что ценю отношения с Богом, — точно так же, как ценю отношения с женой. Я с благодарностью согреваюсь теплом, исходящим от углей, по которым время от времени вдруг пробегают язычки яркого огня.

Божье присутствие

На Тайной Вечере Иисус не только завещал нам Свой мир, но обещал еще более ценный дар: присутствие Бога, Который будет жить не на далеких небесах, а внутри нас, в наших душах. Христос обещал прислать нам Святого Духа, Которого Он назвал Утешителем. Это имя Святого Духа указывает на важнейшую из всех ролей, которые Святой Дух играет в нашей жизни. Ощущение Божьего присутствия может приходить и уходить. Но христианин не должен сомневаться в том, что Бог живет внутри него — Его не надо искать или вызывать издалека.

Я с очевидностью убеждался в Божьем присутствии в самых неожиданных местах. Во время поездки в Непал знакомый врач устроил нам с женой экскурсию в больницу «Зеленые пастбища», которая специализируется на реабилитации больных, перенесших проказу. Проходя по открытому коридору, я заметил во внутреннем дворе самое, пожалуй, безобразное человеческое существо, которое мне когда-либо доводилось видеть. Когда-то оно было женщиной. Ее руки были перебинтованы марлевыми бинтами, вместо ног торчали бесформенные культяпки, а на лицо было страшно смотреть — настолько безжалостно разрушила его проказа. Носа практически не было — на его месте виднелись открытые носовые пазухи. Глаза, изуродованные наростами, не пропускали света — женщина была абсолютно слепа. Кожа — там, где она еще сохранилась — была изрезана уродливыми рубцами.

Мы обошли один из корпусов больницы и возвращались тем же коридором. За это время женщина перебралась через дворик и оказалась рядом с нами. Она упиралась локтями в землю впереди себя, а потом подтягивала волочившееся по земле тело. Так передвигаются раненные животные. Стыдно признаться, но моей первой мыслью было: «Она попрошайка, и хочет, чтобы мы дали ей денег». Моя жена, которая постоянно работает с отверженными, повела себя совсем по-другому — по-христиански. Без малейшего колебания она наклонилась и обняла бедную женщину. Та положила голову на плечо Дженет и начала петь на непальском языке песню, мелодию которой мы сразу узнали: «Любит мой Иисус меня, это твердо знаю я».

«Данмайя — одна из самых верных членов нашей церкви, — сказал нам потом врач. — Большинство наших пациентов — индуисты, но у нас есть и маленькая христианская

часовня. Данмайя приходит туда каждый раз, как только она открывается. Она — усердная молитвенница и любит приветствовать посетителей больницы. Очевидно, она услышала голоса, когда мы шли по коридору, и решила поприветствовать вас».

Несколько месяцев спустя мы узнали о том, что Данмайя умерла. В ящике моего письменного стола хранится фотография. Я сделал ее, когда Данмайя пела для Дженет. Порой я чувствую, что попадаю под влияние культа внешней красоты и популярности. Этот культ царит в западном мире. Стремясь достичь нереальных идеалов красоты, люди платят бешеные деньги. Кто-то хочет укоротить нос, кто-то — увеличить грудь. В то же время девять тысяч человек ежедневно умирают от СПИДа из-за отсутствия медицинской помощи, а такие больницы, как «Зеленые пастбища», существуют на благотворительные взносы и с трудом сводят концы с концами. И вот, когда я ловлю себя на том, что культ внешней красоты затягивает меня, я достаю это фото. На нем я вижу двух красивых женщин — мою жену, улыбающуюся, одетую в купленный накануне яркий непальский наряд, и в ее объятиях — старуху, обезображенную проказой. Эта старуха не соответствует никаким критериям красоты, кроме одного, подлинного и самого важного: внутри обезображенной телесной оболочки сияет свет Божьего присутствия. Святой Дух нашел для Себя дом.

Сострадание

В тяжелые для меня времена мой взгляд на мир настолько сужается, что я способен думать лишь о себе и о своих проблемах. Но именно в такие моменты мне больше, чем когда-либо, необходимо шире взглянуть на мир, расширить круг любви. И я напоминаю себе слова апостола Павла о Боге, утешающем «нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих» (2 Кор 1:4). Я напоминаю себе, что немощь и неудобства, которые я сейчас испытываю, скоро пройдут, а на свете есть множество людей, которым приходится жить в страдании каждый день — без надежды на избавление.

Я потратил много энергии на вопросы, обращенные к Богу. Почему даже в такой богатой стране, как США, не удастся искоренить нищету? Почему один континент — Африка — словно губка, впитывает в себя огромную часть мировых катастроф? Когда, наконец, наступит «мир на земле»? В конце концов я пришел к выводу, что эти же вопросы Бог может задать и нам. Иисус ясно показал нам, какова Божья воля о нашей планете. Что же я должен делать для того, чтобы выполнить эту волю?

Молясь о решении проблемы СПИДа в Африке, я прошу об успехе просветительских и профилактических программ известных мне благотворительных организаций. Я молюсь о солисте ирландской группы U2, рок-звезде Боно, и о его пророческих воззваниях, обращенных к Церкви. Я молюсь за руководителей фармацевтических компаний, во власти которых принять решение о безвозмездной передаче партии лекарств. Я молюсь о лидерах государств, от которых зависит распределение средств на борьбу с эпидемией. Я молюсь за врачей, социальных работников и педагогов, которые работают в Африке, помогают больным и ищут приемные семьи для сирот. Эти молитвы — мой маленький вклад, мое участие в преодолении всемирного зла.

Когда я молюсь о друзьях, чье здоровье уже никогда не восстановится, ибо они страдают такими неизлечимыми недугами, как болезнь Альцгеймера или болезнь Шарко, я стараюсь не забыть помолиться и о тех, кто за ними ухаживает. Те, кто заботятся о тяжелобольных, часто переносят не только постоянные физические и душевные перегрузки, но и оскорбления. Я молюсь, чтобы Бог дал им силу, мужество и долготерпение. Люди, на плечи которых ложится основной груз заботы о больном, нередко свидетельствуют, что сначала многие родственники, друзья и члены церкви горят желанием помочь, но со временем их желание угасает. Мне кажется, что богословию страдания мы уделяем недостаточно внимания — иначе почему наличие в семье хронического больного нередко вызывает чувство неловкости и воспринимается окружающими как знак неудачи?

Я молюсь также обо всем, что нужно для оказания помощи людям: о пище, о волонтерах, о медицинской помощи и о финансовых средствах. Мне, конечно, и самому необходимо прислушиваться к тому, что говорит Бог. Может быть, я должен активнее участвовать в Божьем деле — нести любовь и утешение? Может быть, мне надо стать одним из волонтеров? (В евангельских рассказах об исцелениях почти все исцеленные, кроме семерых, были кем-то приведены ко Христу.) В этом смысле молитва о помощи — дело опасное.

Иногда мы объективно — из-за собственной болезни или по другим причинам — не имеем возможности непосредственно помогать другим людям. Но молиться мы можем всегда. Писательница Корри тен Бум, «бродяга ради Господа», за тридцать с лишним лет служения объездила весь мир. А затем три инсульта приковали к постели ее саму. Мир Корри сузился до размеров маленькой комнатки с окном, выходящим в сад. Тогда она попросила своих помощников развесить по стенам комнаты фотографии друзей и миссионеров. Даже когда Корри уже не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, она переводила взгляд с одной фотографии на другую, и те, кто находился рядом с ней в комнате, знали: Корри молится.

Благодарность

Жизнь — это дар. На меня произвел огромное впечатление рассказ молодого человека по имени Дэвид Ротенберг. Он уже перенес более шестидесяти серьезных хирургических операций, и ему предстоят новые. В возрасте шести лет он получил ожог третьей степени с повреждением девяноста процентов кожи: родной отец дал Дэвиду снотворное, облил керосином и поджег. Когда у Дэвида спросили: «Откуда у тебя столько мужества?» — он ответил: «Я жив! Я жив! Я жив! Я не выброшен из жизни, и этого мне довольно».

Медицинские исследования показали, что чувство благодарности сильнее других эмоций влияет на здоровье и ускоряет выздоровление. Благодарные люди чувствуют себя более счастливыми и довольными жизнью. Для них высока вероятность прожить дольше «неблагодарных». «Благодарное сердце — это чаще всего здоровое сердце», — к такому выводу пришли ученые, изучавшие влияние благодарности на сердечно-сосудистую систему и способность справляться со стрессами.

Я живо помню два вечера в Чикаго. В первый вечер я встретил близкую знакомую, и она рассказала мне, что уходит от мужа. Он — тоже мой добрый друг. «Он не тот, кто мне нужен, — сказала она. — Я знаю, он старается быть хорошим мужем и отцом, но я нашла человека, который подходит мне больше. Я ухожу от мужа». Выслушав ее, я сказал, что трудности бывают во всяком браке. Я напомнил о достоинствах ее мужа, обо всем, что она теряет. Она кивала, соглашаясь с моими словами, но я видел, что решение уже принято. Я уходил с тяжелым сердцем, понимая, что мы с женой теряем семью, с которой дружили.

Сутки спустя я был приглашен к молодой вдове. Ее муж недавно умер от рака мозга. В этот день Чаку должно было исполниться тридцать два года, и вдова решила в память о нем устроить вечер. Я знал, какими мучениями сопровождалась операция, которую перенес Чак, каким трудным было последующее длительное лечение. Теперь Линн предстояло выплачивать ссуду, взятую для оплаты медицинских счетов, и одной воспитывать двоих детей. Меня еще трясло от известия о предстоящем разводе моих друзей, и к Линн я шел с дурными предчувствиями.

Но я не услышал ни слова жалобы или сожаления. Линн достала фотографии и попросила каждого из нас рассказать что-нибудь о ее муже. Вспоминая, мы и плакали, и смеялись. Линн взяла гитару и спела несколько любимых песен Чака. Она рассказывала, как хорошо им было вместе, вспоминала его любимые шутки, показывала комиксы, которые он рисовал. Она делилась очень личными воспоминаниями о том, как они вдвоем прошли весь путь — от первых признаков болезни до смерти. «Мне всегда будет его не хватать, — сказала она, — но, пока я жива, я буду благодарна за то чудесное время, которое мы провели

вместе. Чак — это дар, посланный мне Богом».

Всего два вечера, две встречи — и я увидел два абсолютно противоположных подхода к жизни. Один человек возмущается, обнаружив, что ему чего-то не хватает, и хочет большего. Другой празднует жизнь и воспринимает ее как дар, за который нельзя не благодарить. Я прошу Бога, чтобы дух благодарности не покидал меня ни при каких обстоятельствах.

Открыть доступ Богу

Бад

Питер Маршалл, бывший капеллан Сената США, как-то раз заметил, что Бог дал нам все необходимое для погружения в глубины морей, а мы упорно плещемся в корыте. Я уверен: наше пребывание в той или другой емкости зависит от степени серьезности, с которой мы относимся к молитве. Я думаю, что молитва — это способ открыться перед Господом, чтобы обрести способность исполнять Его волю на земле.

Как-то раз меня спросили, приходилось ли мне когда-нибудь быть очевидцем настоящего чуда. О, да! Несколько раз. Мы живем в одном из беднейших районов Чикаго. И если бы не чудеса, нас бы здесь не было. Я организую строительные бригады, которые восстанавливают заброшенные здания, чтобы обеспечить жильем бездомных и неимущих. Однажды я работал с пескоструйным аппаратом. Воздух для дыхания подавался в гермошлем по трубам, и туда из компрессора начал проникать оксид углерода — ядовитый угарный газ, не имеющий ни вкуса, ни запаха. Вскоре я потерял сознание. В это время мой друг вел машину по автостраде в другом конце штата. Он явственно услышал голос Бога, Который сказал ему: «Кен, поезжай, проверь, как дела у Бада». Это было так странно и так неудобно — все-таки он был в пяти часах езды от меня, — что Кен не сразу повернул обратно. Он пропустил два подходящих разворота, и поехал назад в Чикаго, только потому, что Бог продолжал настаивать. Приехав, он обнаружил меня в глубоком обмороке, отвез в больницу и буквально спас мне жизнь.

Почему Бог не обратился к кому-нибудь, кто был ближе? Возможно, Он обращался ко многим, но они Его не слышали или не слуша лись. Мой друг Кен был подготовлен к тому, чтобы услышать Бога (хотя и подчинился Ему не очень охотно). Бог желает каждый день творить чудеса через нас, но для этого мы должны открыть Ему доступ к себе.

Мы живем в условиях духовной войны, и только Божья любовь способна преодолеть силы зла, нищеты и несправедливости. В этом году в районе, где я живу, произошло пять убийств. Люди губят свою жизнь наркотиками и алкоголем. Некоторые пытаются освободиться, но срываются и вновь попадают в оковы зависимости. Тем не менее, каждый год бывают спасенные. И каждый год мы устраиваем пасхальную службу на берегу озера Мичиган. Служба проходит в утренние часы, когда над озером встает солнце. Красота необычайная. На прошлой Пасхе одна женщина свидетельствовала: «Год назад я была мертвой, а теперь жива». Это — настоящее чудо: чудо молитвы, чудо новой

жизни.

Наш приют для бездомных женщин и детей так и называется — «Новая жизнь». Прежде чем начать совместную трапезу, мы читаем благодарственную молитву. Как-то раз один из посетителей спросил, подходит ли эта молитва для бездомных. Вот что я отвечу. Абсолютно ясно, что у людей, собравшихся в приюте, гораздо больше благодарности, чем у многих благополучных прихожан. Неимущие молятся без стеснения, просто чтобы выжить, и благодарят Бога за каждый, даже небольшой, дар, выпавший на их долю.

Бедные понимают самую суть Евангелия, чему хорошо бы научиться и всем нам. Слушая, как они молятся, я сам учусь молиться. Я прошу, чтобы Бог помогал нам всегда оставаться открытыми для Него и готовыми служить друг другу и Царствию Небесному.

Вера

В Библии представлены два типа веры. Первый — это вера, подобная детской, ничем не замутненная, безоглядная и не рассуждающая. Она всегда производила впечатление на Христа. Он несколько раз удивлялся, когда такую веру являли люди, от которых никто ничего подобного не ожидал. Другой тип веры я назвал бы верностью. Это осознанная вера, за которую человек держится изо всех сил, любой ценой и вопреки всему. Такую веру являли Авраам, Иосиф, Иов и другие герои Ветхого Завета, особо любимые Богом, — им воздается хвала в одиннадцатой главе Послания к евреям.

Ценность веры и позитивного настроя для здоровья в целом была неоднократно доказана научными исследованиями. Вера в возможность сверхъестественного исцеления оказывает целительное влияние даже на клеточном уровне. Миллионы людей могут это засвидетельствовать.

Однако бывает и по-другому: наступает время, когда становится ясно, что никакая вера не принесет желанного исцеления. Стефен Шмидт — человек, знающий об этом не понаслышке. «Я живу с болезнью Крона⁶⁸ уже двадцать три года, — пишет он. — Мне знакомы и разочарование, и ярость, и не подлежащий обжалованию приговор: лучше мне никогда не будет. Точка.

Поэтому к молитве я подхожу предвзято. Молясь, я могу наизнанку вывернуть душу, могу бросить вызов Вечности — но не исцелюсь от болезни Крона... Во всяком случае, не исцелюсь сейчас, пока еще не придуманы новые лекарства или новые способы лечения. Я перестал просить Бога о чуде. Оно не произошло за двадцать три года, и, сколько бы мне ни осталось, я считаю, что просить Бога о невозможном бесполезно, неразумно и несправедливо. Это было бы волшебством. Я слишком стар для волшебства, слишком опытен для сентиментальности и слишком зол и расстроен для молитвы о радикальном исцелении, которая в моем случае будет не более, чем плацебо⁶⁹».

68 *Болезнь Крона — хроническое воспалительное заболевание желудочно-кишечного тракта, затрагивающее все его слои и сопровождающееся многочисленными поражениями других органов и тканей. Имеет аутоиммунную природу. — Прим. ред.

69 **Плацебо (лат. Placebo — «лесть», «понравлюсь») — физиологически инертное вещество, используемое в качестве лекарственного средства, положительный лечебный эффект которого («эффект плацебо») связан с подсознательным психологическим ожиданием пациента. Лечебный эффект связан с верой самого пациента в действенность препарата. Иногда капсулу или таблетку с плацебо называют пустышкой. В качестве вещества для плацебо часто используют лактозу. — Прим. ред.

Далее Шмидт рассказывает, что он стал воспринимать страдания как часть человеческого существования. Он исцелился от желания быть исцеленным. Теперь он молится о том, чтобы мужественно переносить страдания, понимать их смысл и о том, чтобы сохранять веру в Божью любовь и милость даже тогда, когда ему снова и снова приходится идти на болезненные хирургические процедуры. Стойкость и верность необходимы Шмидту каждый день.

Что касается меня, я понял, что мне недостает именно той детской веры, которая удивляла Иисуса. Когда жизнь кладет меня на обе лопатки, я слишком быстро с этим смиряюсь и начинаю приспосабливаться к положению повергнутого. А мне следовало бы просить, чтобы Господь указал, что можно изменить, и не отказываться от ожидания чуда.

Однако при всех своих преимуществах детская вера имеет один существенный недостаток: она целиком ориентирована на будущее, на ожидание, на время, когда желаемые перемены свершатся. В некоторых же случаях перемены не наступят никогда. Если ждать, пока выздоровеешь, найдешь работу, женишься — словом, когда достигнешь любых состояний, о которых просишь в молитве, то можно никогда и не дожидаться. Я понял: чтобы жить вместе со Христом, нет другого времени, кроме «сейчас». «Сейчас» — это единственное время, на которое можно рассчитывать.

Павел пишет: «Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем» (2 Кор 4:8–9). Это — другой уровень веры. Это вера, которая не устраняет трудности, но помогает выстоять. Это верность, которая превращает слабость в силу, а молитву об исцелении — в молитву о смирении.

Благодать

Заслужить благодать невозможно по определению. Говоря словами Порции, героини комедии Шекспира «Венецианский купец», «как теплый дождь, она спадает с неба на землю». Отвечая на благодать, наш дух воспаряет к высотам, которых ему больше никак не достичь.

Только по благодати Нельсон Мандела вышел после двадцатисемилетнего заключения, исполненный не жажды гнева и мести, а духа великодушия и примирения.

Только благодать помогла христианину Джорджу Чену, арестованному в Китае за участие в движении «Босые евангелисты» и приговоренному к восемнадцати годам каторги, найти там неожиданное и, казалось бы, самое неподходящее место для молитвы. Его заставили работать в выгребной яме, где он целый день, стоя по колено в нечистотах, должен был перемешивать их лопатой, чтобы получился компост. «Они думали, что я жалок, а на самом деле я был счастлив, — сказал Чен. — Вокруг все было наполнено таким запахом, что никто и близко не подходил, и я мог целый день молиться вслух и петь».

Только благодать позволяет матери ребенка, страдающего тяжелым дефектом развития, не утонуть в пучине жалости к себе, хотя именно к этому подталкивают ее безнадежные обстоятельства. Одна женщина из Мичигана рассказывала мне о своем сыне, родившемся с расщелиной позвоночника и водянкой головного мозга. Ребенку необходим постоянный уход и дорогостоящая медицинская помощь. Матери пришлось отказаться от многого, о чем она прежде мечтала. Но вот что она мне сказала: «Хотя мой сын не сказал за свою жизнь ни единого слова, никакие магистры богословия не научили бы меня безусловной любви лучше, чем он».

Я упомянул об этой женщине не для того, чтобы обвинить матерей, которые каждое утро просыпаются, возмущаясь необходимостью тратить силы на больных детей и негодуя на Бога за их и свои страдания. Благодать падает с неба, как теплый дождь. Она никого не выделяет и не предпочитает. Она не выбирает высших или низших. Благодать парит, словно

облако в небе, и жаждущий молит о ней, как путник в пустыне молит о дожде.

Один человек с каждым днем все сильнее ожесточается из-за разбившего его паралича, другой парализованный молится о благодати, чтобы примириться с болезнью. Один ребенок, подвергшийся насилию, питает ненависть и жаждет мести, другой — ликует: «Я жив!» Когда семья находится на грани распада, одни люди кладут кирпичи в стену отчуждения, а другие начинают нелегкий труд, чтобы разрушить ее. Молитва о благодати дает возможность радикального исцеления, или, по крайней мере, способ примириться с тем, что невозможно исправить.

Ли Ван Хэм, пресвитерианский священник, начал вести молитвенный дневник, когда у него обнаружили рак яичка. Сначала, под влиянием потрясения от внезапно обнаруженной болезни, он исписал много страниц, говорил с Богом и слушал Его. После операции общение с Богом прекратилось. Ли был не в состоянии молиться сам и положился на молитвы других. Ему грозило умереть раньше, чем вырастут его дети и появятся внуки, — он впал в уныние.

Священник вновь и вновь спрашивал Бога: «Как мне, потерявшему все силы, не имеющему возможности ни на что повлиять и способному лишь наблюдать за происходящим, прожить оставшиеся дни?» И однажды ответ пришел: «С любовью. С великой любовью».

Вот что рассказал Ли Ван Хэм:

«Я стал стараться делать с любовью самые простые дела. Я ставил тарелки в посудомоечную машину и вынимал их с мыслью о любви. Такое состояние очень отличалось от прежнего, когда меня посещали мысли вроде: «Если бы мне не надо было заниматься посудой, я бы сделал что-нибудь более важное» или «Кажется, на мою долю выпадает больше рутинной работы, чем на долю других».

Я учился с любовью ждать, когда загрузится компьютер, вместо того чтобы суетиться и ругать его за медлительность. Когда я еще мог водить машину. Желтый свет на перекрестках стал для меня напоминанием, что надо остановиться и снова настроиться на любовь, а не на ускорение и не на спешку...

Я понял, что несколько недель тьмы были темнотой театра, и в этой темноте и пустоте, за занавесом моей души Господь готовил для меня великие и вечные откровения: «С любовью, Ли. Проживи эти дни с великой любовью». Эти слова, как песнь, звучали во мне дни напролет... Они звучат и сейчас».

Благодать снизошла на Ли, когда он был священником в Иллинойсе. Она осталась с ним и в Калифорнии, где он служит в новой церкви, служит с любовью. Благодаря болезни он научился новому отношению к жизни, которое останется с ним навсегда.

Подготовка

Фланнери О'Коннор, замечательная американская писательница, не дожившая до сорока лет и постоянно боровшаяся с волчанкой⁷⁰, сокрушалась: «Я никогда не была здоровой, только больной, всю жизнь. Мне кажется, что болезнь дает намного больше знаний и опыта, чем долгое путешествие по Европе. Правда, в болезни не бывает компании — туда невозможно никого с собой взять». В свете страданий, которые перенесла Фланнери, особенно поражают такие ее слова: «Хорошо, когда перед смертью человеку дается недуг. Я думаю, что те, у кого его не было, лишились одной из Божьих милостей».

Не всем дано достичь таких высот духа и такого смирения, которые стоят за этими

⁷⁰ *Системная красная волчанка — неизлечимое прогрессирующее заболевание аутоиммунной природы, при котором поражается кожа, суставы, сосуды, почки, сердце, легкие, печень, головной мозг и другие внутренние органы. — Прим. ред.

словами. Мы восходим к Господу по разным ступеням развития, в каждом из нас работа Бога проявляется особым, уникальным образом. Подняться на тот уровень веры, к которому стремишься, удастся далеко не всегда. Именно поэтому мы молимся. Как гласит одна из католических молитв, «пусть то, что с нами происходит сегодня, послужит для нашего исцеления в вечности. Аминь».

Апостол Павел написал о своих личных переживаниях, находясь в римской тюрьме. По сравнению с невзгодами, выпавшими на его долю, смерть представлялась апостолу желанным избавлением. Окончив земной путь, он будет со Христом — чего еще можно желать? «Вечная слава» (2 Кор 4:17) перевесит все земные страдания. У него будет новое тело, здоровое, без синяков и шрамов. Молитва Павла была об одном: да «возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью» (Флп 1:20). Павел научился исполнять заповедь Иисуса: «...не заботьтесь для души вашей...» (Мф 6:25). Он примирился с неизбежностью смерти и не беспокоился о своем физическом здоровье. Он глубоко, полно осознал, что время земной жизни со всеми ее радостями и горестями, победами и поражениями — только подготовка к жизни вечной. Апостол Павел был готов к смерти.

Я уже упоминал о том, что моя жена Дженет одно время работала в хосписе. Уровень смертности в хосписе — сто процентов. Туда принимают только с заключением врача о том, что болезнь пациента является неизлечимой, смертельной и достигла последнего этапа. В среднем пациенты хосписа живут менее двух недель. Как обнаружила Дженет, работа в хосписе меняет отношение к бытию и к смерти, и особенно сильно влияет на молитвенную жизнь. Осознание близкой и неминуемой смерти дает человеку возможность исцелить старые раны, простить обиды, распорядиться наследством. Иногда люди пользуются этой возможностью, а иногда упускают ее.

Дженет поняла, что нормальной смерти мешает то же самое, что мешает и нормальному здоровью: тревога, напряжение, волнение, вина и страх. Она старалась помочь пациентам выразить эти чувства и примириться с ними. Дженет заметила: для верующих пациентов чрезвычайно важна уверенность в том, что смерть — это не конец. Особенно утешительно для них надежда на будущую встречу с любимыми — с теми, кто уже покинул этот мир, и с теми, кто последует за ними.

Для каждого человека смерть сопряжена с необходимостью отпустить. Отпустить свои привязанности, родственные связи, дружбу, собственность, самого себя — то есть все, чем является для нас жизнь. Все это уходит со смертью. Человек, находящийся в хосписе, не может отвернуться от этой истины, о которой большинство из нас стараются не думать.

Для христианина ожидание смерти одновременно является и ожиданием нового начала. Мы расстаемся с телом, которое служило нам пусть не идеально, но неплохо, и ожидаем нового. Мы расстаемся со знакомой жизнью, отмеченной благодатью и радостями, но также — с болью и злом. Взамен нам обещана новая, совершенная жизнь. Мы расстаемся со спорными богословскими доктринами, на смену которым должно прийти твердое знание. К этим великим переменам мы готовимся всю жизнь.

ЧАСТЬ 5. МОЛИТВА, МЫ И МИР

Самая большая трагедия — не молитвы, оставшиеся без ответа, а невысказанные молитвы.

Фредерик Мейер

ГЛАВА 20. МОЛИТВА И Я

Говоря кратко, молитва — это полевой госпиталь, в котором

человеку, заразившемуся духовной болезнью от темных сил, поставят точный диагноз и назначат самое эффективное лечение.

Вальтер Винк

Во время сафари по Южной Африке я быстро проникся уважением к охотничьим инстинктам нашего проводника-африканца по имени Лоран. Проводник восседал на переднем откидном сидении «Лендровера» и с этого наблюдательного пункта высматривал отпечатки копыт, отметины на деревьях, следы лап и другие признаки недавнего присутствия крупных животных.

Заметив что-нибудь, Лоран давал водителю знак остановиться. Затем он втягивал носом воздух, некоторое время принюхивался и указывал в определенном направлении: «Там — носорог. Очень близко». Или: «Тут прошли два жирафа, примерно час назад». Он никогда не ошибался.

Правда однажды наш белый водитель, кажется, пришел в раздражение, когда Лоран поднял руку, не указывая ни на какие признаки зверя.

· Сдай назад! — скомандовал он, и шофер неохотно подчинился. Тогда Лоран показал на скромный кустик с желтыми цветами.

· Плакучая акация, — сказал он благоговейно. — Мой народ глубоко почитает это растение.

Потом он рассказал о временах, когда белые южноафриканцы нанимали чернокожих мужчин из соседних стран для работы на золотых рудниках. Работа была чрезвычайно тяжелая и опасная. Золотодобытчики спускались под землю, в шахту глубиной более двух километров. Там, при высокой, как в пустыне, температуре и почти в полной темноте, они кирками перекидывали куски породы, слишком горячие для того, чтобы прикасаться к ним голыми руками. Жили рабочие в бараках, окруженных колючей проволокой. У большинства все родственники были неграмотными, и поэтому почти никто не получал писем из дома. У них не было ни календаря, ни часов. Дни шахтеров проходили в убийственно-монотонной работе под землей. Каждый день — обед в общей столовой, а вечером — игра в карты или другое подобное развлечение. Потом они падали и засыпали, чтобы проснуться на следующее утро. Каждый день был похож на предыдущий.

· Они видели свои семьи только две недели в году, во время рождественских каникул, — рассказывал Лоран, — а плакучая акация цветет в начале декабря. Когда распускались эти желтые цветы — о, как трепетали их сердца! Они знали, что скоро встретятся со своими женами и детьми.

Рассказ Лорана брал за сердце, потому что мы знали — контракт с заповедником позволяет ему видеться с семьей только два раза в год. Плакучая акация в цвету была символом надежды и для него: меньше чем через месяц Лоран должен был встретиться с женой и впервые увидеть новорожденного сына.

Как настроиться

Все мое естество противится любым искусственным схемам, особенно когда речь идет о духовных вопросах. Я бы предпочел, чтобы мои отношения с Богом развивались как импровизация. Но вот беда: каждый раз, когда я начинаю следовать этим путем, Бог оказывается оттесненным в сторону. Мне нужны особые «дорожные знаки», вроде цветущего куста плакучей акации. Нужны напоминания о другом, невидимом мире, который для меня важнее всего. Но, как и проводник-африканец Лоран, я должен подмечать следы повседневного Божьего присутствия, которые так легко пропустить. Если молитва — мой ответ на Божье присутствие, то я прежде должен настроиться на то, что Он рядом.

Генри Нувен считал, что мы сами «создаем то пространство, в котором может действовать Бог». Бог, Который создал пространство в буквальном смысле этого слова,

Творец Космоса, нуждается в том, чтобы мы выделили для Него место, не заполненное никем и ничем другим. Для человека, который, подобно мне, любит держать все под контролем, слова Нувена означают — создать, выделить пространство, в котором имеет право произойти что-то неожиданное, непредвиденное и незапланированное. Я не властен удержать ощущение Божьего присутствия — как всякое ощущение или чувство, оно то появляется, то исчезает. Но я могу ожидать его и быть внимательным ко всякому его проявлению.

Когда Нувен работал среди бедняков Боливии, он как-то вечером незадолго до Рождества решил пойти в кино: «Фильме был о жадности, похоти, мошенничестве и эксплуатации. В нем преизобиловали образы страха и боли, которые заполнили все пространство моего сознания. А ведь оно могло бы наполниться благословенным духом Рождества». Читая эти строки, я спросил себя: «Как часто я допускаю то же самое?» Входя в номер отеля, я сразу включаю телевизор. Во время обеда я смотрю канал CNN, когда я веду машину — слушаю радио. Я постоянно читаю что-нибудь: газеты, журналы, инструкции к компьютеру, блоги в интернете. Я заполняю свое внутреннее пространство.

«Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мк 4:9), — сказал Иисус. Но каждый родитель знает, что имеющий уши слышит не всегда. «Я не слышал!» — протестует ребенок, после того как ему было ясно сказано — не выбегать на дорогу. Это сравнение кажется мне очень наглядным. Часто мы «не слышим» абсолютно ясных указаний Бога.

Слушать — это искусство, я должен научиться слушать Бога. Журналисты, кстати, учатся профессиональному слушанию. Когда я беру интервью, я задаю вопросы, а люди на них отвечают. В самом начале своей журналистской карьеры, я часто торопился и заканчивал предложения за интервьюируемых — особенно если они нервничали и запинаясь. Однако потом я понял: если не прерывать человека, не спешить перейти к следующему вопросу и минутку помолчать, то он может заговорить снова, добавить какие-то детали. Об этом знают и Практикующие психологи.

Часто Бог говорит тихо и спокойно. В моем сознании всплывают воспоминания, фразы из Библии, образы друзей, которым нужна помощь. И там, где раньше, насколько хватало взора, была только выжженная пустыня отчаяния, вдруг появляется молодая поросль надежды. Отступает заблуждение, и жажда мести сменяется духом прощения. Я улавливаю призыв к действию. Но все это происходит только когда я «настроен на Божью волну».

Один профессор семинарии написал книгу под названием «Зачем тратить время на Бога». Тема книги — пребывание с Богом. Интригующее название выбрано издателем неслучайно. Этот выбор многое говорит о современной жизни — ведь на протяжении всей церковной истории армии монахов и монахинь только тем и занимались, что «тратили время» на Бога. В том и заключалось их призвание. Я усвоил на собственном опыте — и уверен, что автор книги согласится со мной — время с Богом никогда не бывает потрачено впустую. Напрасно ли я трачу время, когда посещаю обитателей дома престарелых? Когда сижу в реанимации с умирающим другом? Когда провожу ночь без сна, ухаживая за заболевшим ребенком? Быть с тем, кого любишь, — вовсе не пустая трата времени, особенно если Тот, Кого ты любишь — Бог.

Марфа жаловалась, что в доме полно работы, а Мария тратит время, сидя у ног Христа. Иуда ворчал, что та же Мария израсходовала драгоценные благовония, вылив их на Иисуса. Действительно: тому, для кого общение с Богом не входит в число приоритетов, время, проведенное в молитве, кажется потраченным впустую. Однако для тех, кто любит Бога, нет занятия более нужного и плодотворного, чем молитва.

Молитва как лекарство

Как часто я позволяю делам вытеснить молитву! Это неудивительно — ведь дела дают ощутимый результат. Иначе обстоит дело с молитвой — здесь действие разворачивается за сценой, а результаты не всегда возможно осознать и измерить. Сам процесс «траты времени»

на Бога меняет меня изнутри. Почему сын вырастает похожим на отца? Не потому, что он принял волевое решение подражать папе и стал старательно имитировать его осанку, манеры и голос. Ребенок впитывает фамильные черты бессознательно, в процессе постоянного контакта с родителем.

Французский хирург Алексис Каррель, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине, издал в 1936 году книгу о целительном действии молитвы. Молитесь регулярно, советует он, и вы заметите, что ваша жизнь меняется к лучшему. Даже поза во время молитвы — расслабленная, коленопреклоненная, с соединенными руками — полезна для здоровья. Молитва помогает разрешить внутренние конфликты, избавиться от чувства вины и примириться с действительностью. Практика молитвы предполагает вербализацию происходящего в глубинах души, а это тоже один из способов терапии.

Каррель уверяет читателей, будто положительный эффект имеет место вне зависимости от содержания молитвы и от того, кому она адресована — истинному Богу, ложному богу или безликому Космосу. Эту идею взяли на вооружения многие приверженцы учения Нью Эйдж. Возможно, в ней есть доля правды — помогает сама возможность выговориться или самовнушение. Но в теории Карреля упущено самое главное, что отличает молитву христианина. Для нас намного важнее, Кому мы молимся, чем то, как и о чем мы молимся. Стэнли Джонс, ветеран миссионерской работы в Индии, друг Махатмы Ганди, заметил: «Если бы молитва была только самовнушением, я бы все равно молился. Это лучше, чем совсем не молиться. Но вряд ли бы я тогда смог молиться долго. Ведь невозможно стремиться к тому, чего на самом деле нет. Я не хотел бы жить в раю, если окажется, что этот рай — фальшивый».

Терапевтический эффект может быть побочным результатом молитвы, но не ее целью. Иисус обещал, что мы принесем плод, если пребудем в союзе с Ним, подобно тому, как кисти винограда связаны с лозой. Главная наша задача — пребывать во Христе.

Я вспоминаю начало нашей с Дженет семейной жизни, когда мы расходились во мнениях почти во всем. Мы мерились силами, спорили, кто главнее, ни один из нас не хотел уступать. Принятие любого решения, большого или маленького превращалось в перетягивание каната. Совсем зайдя в тупик, мы договорились еще раз попробовать то, что раньше у нас не получалось: мы стали вместе молиться. Каждый день мы садились на кушетку и честно рассказывали Богу обо всем, что было на душе у каждого. Мы молились о решениях, которые предстояло принять, о людях, с которыми необходимо было встретиться, о друзьях и о родственниках. И вот, когда мы обе подчинились Высшей Силе, вопрос, кто из нас главнее, предстал в совершенно ином свете. Мы больше не противостояли друг другу, а стояли рядом перед Богом. И сегодня, спустя двадцать пять лет, мы продолжаем молиться вместе.

Есть ли от этого терапевтический эффект? Да, конечно. Однако важнее другое. Общая молитва каждый день напоминает нам обоим о той реальности, которую мы склонны не замечать в суетной повседневности. Кроме того, мы давали брачные обеты перед лицом Бога — поэтому разумно пригласить Его, как заинтересованную сторону, к участию в ежедневной трудной работе по созиданию нашего брака.

«Я не нуждаюсь в доказательствах того, что молитва дает результаты, — писал Генри Нувен, находясь в Южной Америке. — Когда я не молюсь, я становлюсь раздражительным, усталым и угрюмым. Я теряю Дух, переключающий мое внимание от моих собственных нужд к нуждам других. Без молитвы мое внимание приковано исключительно ко мне и к моим собственным интересам. Я становлюсь капризным и злобным, часто обижаюсь и испытываю желание отомстить». Нувен признается, что, проводя в часовне по часу каждый день, он в течение этого времени постоянно отвлекается, испытывает нетерпение, замешательство, сонливость и скуку. Но, оглядываясь назад, он видит, что дни и недели, в которые он молился, отличались от других, и отличались в лучшую сторону. «Без этого часа, ежедневно посвящаемого Богу, моя жизнь теряет связующую нить, и я начинаю воспринимать летящие дни как серию случайных событий и происшествий».

Несколько лет назад я написал книгу о Ветхом Завете — «Библия, которую читал Иисус». В этой книге я делился своими размышлениями о проклятиях и призывах к мщению, которые мы находим в псалмах. Я рассказал о «прогулках гнева», которые одно время вошли у меня в привычку: «Я взял себе за правило раз в неделю отправляться на длинную прогулку по холмам, чтобы рассказать Богу о своем гневе на людей, которые чем-либо меня обидели. Я перечислял все случаи, когда со мной обошлись несправедливо или неверно меня поняли, и принуждал себя открывать Богу самые глубокие свои чувства. Но разве Бог и так не знает, что я чувствую? Однако могу подтвердить, что такое излияние чувств само по себе имело терапевтический эффект. Я возвращался домой, словно избавившись от тяжелого бремени. Несправедливость больше не терзала мои внутренности, — я рассказал о ней вслух, рассказал Господу. Иногда, когда я так изливал свои чувства, я даже получал ответ: Дух Божий напоминал мне о моем эгоизме, склонности осуждать других, о моих проступках, которые мне простили люди, об узости моего взгляда на события».

Сегодня я перечитал этот текст, и испытал удивительное чувство, будто его написал кто-то другой. Дело в том, что «прогулки гнева» я совершал несколько лет назад. Я по-прежнему люблю ходить по тем же самым холмам. Обычно я гуляю там по воскресеньям во второй половине дня. Я заглядываю в лисьи норы, проверяю, не поражены ли лиственницы жуками-вредителями, разглядываю следы зверей на снегу. Как и прежде, я молюсь, хотя теперь мои прогулки правильнее было бы назвать «прогулками хвалы». Время растопило гнев. Незаметно для меня произошло исцеление.

Страх

Сила молитвы больше всего видна по тому, какие изменения она производит в молящемся. «Молитва — это время, когда мы даем Богу возможность переделывать нас, играть с нами, прикасаться к нам, как скульптор прикасается к скульптуре, художник — к полотну, музыкант — к струнам», — пишет отец Дон Постема. Оглядываясь назад, я вижу, что преобразующая сила молитвы воздействовала на меня несколькими путями. И один из них — страх.

Каждое лето, совершая восхождение на одну из труднодоступных вершин Колорадо, я прохожу курс переподготовки по теме «страх». Меня подташнивает от страха, даже когда я чищу водосточные желоба на крыше дома. А для того чтобы пройти по узкой тропе над трехсотметровой пропастью, мне требуется еще более серьезное усилие. В горах страх способен обернуться врагом, который парализует волю и толкает на поспешные решения. Но он может стать и другом, который учит нас ответственности и помогает установить разумные границы. Прошлым летом я повернул назад после пятичасового восхождения, не дойдя до Пика Веттерхорн каких-нибудь двадцати метров. Каждый выступ на последнем участке пути к вершине был покрыт плотно слежавшимся снегом. Из-за одного неверного шага я мог сорваться вниз, что означало бы верную смерть. Под влиянием страха я поступил мудро и отложил восхождение на более теплый день.

Молитва Оптиных старцев

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все,
что принесет мне наступающий день.

Дай мне всецело предаться воле Твоей Святой.

Во всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня.

Какие бы я ни получал известия в течение дня, научи меня
принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все
Твоя Святая воля.

Во всех моих словах и делах руководи моими мыслями и

чувствами.

Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобою.

Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая.

Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня.

Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить.

Аминь.

А иногда страх бывает ложным: по гранитному уступу, который издали кажется опасным, проходит удобная тропа с надежной опорой для рук. В некоторых случаях, когда для страха есть серьезные основания, единственное противоядие — доверие. Я могу довериться напарнику — поэтому я, как правило, не хожу в горы в одиночку. Когда я не один, у меня имеется возможность сказать о своем страхе и посоветоваться: «Какой маршрут тебе кажется более безопасным? Не будет ли этот маневр слишком рискованным? Успеем ли мы добраться до вершины раньше, чем начнется гроза?» Кроме того, я всю зиму тренируюсь, оттачивая навыки обращения с ледорубом, и доверяюсь своему уменью. Я надеюсь, что оно поможет мне зарубиться на льду или плотном снегу, если я поскользнусь. Наконец, там, где это необходимо, я доверяюсь прочным веревкам.

Для восхождения на два самых трудных пика мы с женой наняли опытного проводника, и это удивительным образом помогло нам справиться со страхом. Оказалось, что наш проводник трижды совершал восхождение на Эверест и тринадцать раз поднимался на самую высокую гору Северной Америки — Денали. Я оставил все опасения, доверившись старине Бобу, который знал пики Скалистых Гор, как я — свой двор.

И проходя вместе с ним печально известный участок с красноречивым названием «Лезвие ножа», и штурмуя Пик Капитолия, я боялся меньше, чем когда совершал менее трудные восхождения в одиночку.

Страхи, связанные с молитвой, существенно отличаются от страхов, которые мы испытываем в горах, но все же некоторое сходство тут есть. Годами я боролся с огромным ложным страхом. Бог казался мне строгим и придирчивым, таким Вселенским Суперполисменом. Кому захочется молиться такому Богу? Как можно развивать близкие отношения со столь устрашающей Личностью? Но в моей жизни случались благодатные озарения, я встречал наставников, которым доверял, а главное — я познал Христа. Все это помогло мне преодолеть страх и не отгораживаться от Бога.

Недавнему фундаменталисту нужна смелость для того, чтобы поверить: Евангелие — это действительно Благая Весть от Бога, Который есть Любовь. Я искал среди наставников таких, кто доверял бы этому основополагающему, но, тем не менее, редко осознаваемому постулату веры. Десять лет я был рядом с доктором Полом Брэндом, который нес благодать и исцеление едва ли не самым отверженным людям на планете — индусам из низших каст, пораженным проказой. Иногда мы вместе молились, и всегда я удивлялся простоте его веры. Дух благодарности не оставлял доктора Брэнда даже тогда, когда он работал за гроши в тяжелейших условиях. Брэнд встретил старость без страха, а в смерти видел долгожданное возвращение домой — она была для него не концом, а кульминацией жизненного пути.

Другим моим верным проводником стал Генри Нувен. Он показал мне, что истинный образ Бога успокаивает, а не вселяет страх. Несмотря на свои собственные страхи, Нувен доверял Богу. Вот что он думал о страхе: «От страха не надо бежать, его надо прочувствовать, надо посмотреть ему в лицо. Поэтому я молюсь, хоть и не знаю, как молиться. Я отдыхаю, хотя мне тревожно, и сохраняю мир в душе, несмотря на искушения. Я чувствую себя в безопасности, хотя все еще беспокоюсь. Я окружен облаком света, хотя все еще нахожусь во тьме, пребываю в любви, хотя все еще сомневаюсь». В конце концов Нувен

полностью положился на Бога. «Он держит меня, Он любил меня прежде, чем я родился, и будет любить после того, как я умру».

«Если я когда-нибудь попаду в тюрьму, и меня будут пытаться, — думал Нувен, — я надеюсь, что у меня не отнимут Книгу Псалмов». С помощью псалмов Нувен умирал свои страхи. «Псалмы — это больше, чем просто идеи, образы и сравнения. Они создают эффект присутствия. После дня, наполненного нервным напряжением или тяжелой работой, вы попадаете в безопасное место и чувствуете, какая благодать — найти прибежище у Всевышнего». Все свои страхи можно передоверить Богу. «Не убоюсь зла, потому что Ты со мной» (Пс 22:4), — сказал псалмопевец.

Я поражаюсь тому, что многие возвышенные молитвы апостола Павла мы находим в тех посланиях, которые были написаны им в тюрьме. Молитва была для Павла способом возвыситься над обстоятельствами, преодолеть страх и полностью положиться на милосердную заботу Бога. Точно так же в шестидесятые годы двадцатого века служители церкви и активисты движения за гражданские права, попав в тюрьму, громко молились и пели гимны. Скептик мог бы счесть эти молитвы ярким примером отрицания реальности. Христианин же видит в них доверие той Реальности, Которая преодолевает обстоятельства и обезоруживает страх.

Мой друг в 1984 году совершил велосипедное путешествие по Китаю. Он рассказал мне о супругах, которые принимали его в своем доме. Муж и жена, оба — профессора университета, лишь недавно стали открыто говорить о своей вере. В годы культурной революции их имена занесли в черный список по той причине, что у них было высшее образование. Хуже того, хунвэйбины призывали детей доносить на родителей, если те проявят хоть малейшие признаки веры в Бога. Не желая ставить своих детей в столь ужасное положение, мать и отец решили до времени убрать из дома всю христианскую символику, перестали говорить о вере и молиться вслух. Но они договорились совершать совместные безмолвные молитвы. Ночью, лежа в постели, они брались за руки и повторяли про себя слова молитвы Господней. В конце каждой строки они сжимали руки — так им удавалось молиться вместе. Потом они, продолжая держаться за руки, некоторое время молились про себя. Больше всего они молились о детях. Это бессловесное ночное молитвенное бдение умеряло страх и помогало сохранять веру на протяжении всего тревожного темного времени культурной революции.

Когда политический климат изменился, супруги решили открыться детям. Они очень боялись, что из-за взятого на себя обета молчания они лишились возможности воспитать детей христианами. Но все пять детей, выросшие в обстановке воинствующего атеизма, в течение года приняли веру родителей. «Мы получили ответ на свои молитвы, — сказали родители моему другу. — Теперь ясно, что наши опасения были ложными».

Беспокойство

Католический святой Иоанн Креста предупреждает, что во время молитвы нас может искушать *Spiritus vertiginis* (в переводе с латыни — дух головокружения, буквально «вертящийся дух»). Именно этот непоседливый дух овладевает мной, когда приближаются сроки окончания работы, когда с моими родственниками случаются кризисы, когда компьютер или другие устройства вдруг перестают работать. Мне хочется схватиться сразу за все — чтобы все и сразу привести в порядок. Молитва кажется занятием слишком медленным и непродуктивным. Этот же дух резвится в моей душе, когда я смотрю телевизионные новости. Там тоже хватает поводов для беспокойства: угроза терроризма, сокращение запасов нефти, птичий грипп, глобальное потепление и экономический спад.

В таких случаях я с изумлением читаю слова апостола Павла из Послания к филиппийцам: «Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом» (Флп 4:6). Беглый обзор жизни апостола Павла — тюрьма, публичные диспуты, избиения, которые приводили его на грань жизни и смерти,

болезнь, кораблекрушение — показывает, что она плохо сочетается с таким советом. Заметим также, что это Послание апостол написал «в узах», то есть в тюрьме. Но вот что он пишет дальше: «И мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе».

Похожий совет дает Петр в письме, адресованном гонимым христианам: «Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас» (1 Пет 5:7). Я позволял беспокойству отвлекать меня от молитвы. А мне надо было молиться усиленнее, вложить в молитву свои тревоги — подробнейшим образом перечислить все, что меня волнует, и просить Бога избавить меня от этого бремени. Бог обещал вместо духа тревоги и беспокойства дать дух мира, который «соблюдет» мое сердце и мои мысли. Можно ли не верить такому обещанию?

Слова Павла о мире, который превыше всякого ума, перекликаются со словами Христа, сказавшего: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам» (Ин 14:27). Для того, чтобы победить *Spiritus vertiginis*, надо разоблачить ложный «мир», который навязывает нам светская пропаганда. Стоит лишь включить телевизор — и каждые пять минут мне предлагают новый способ обрести спокойствие. Достаточно купить таблетки, о которых говорит реклама, — надо только посоветоваться с врачом о возможных побочных эффектах, список которых скользит по экрану так быстро, что не успеваешь прочесть. А еще можно выпить новый сорт низкокалорийного пива. Или сесть за руль автомобиля, снабженного особо надежной системой безопасности. Или купить страховой полис. Христос явно говорил о совершенно другом мире — ведь Сам Он никогда не прибегал к подобным «успокоительным средствам», прожил насыщенную бурную жизнь и умер молодым.

Когда Иисус был признан Чудотворцем и Спасителем Израиля, Его стали осаждать толпы людей, умолявших, чтобы Он решил их семейные проблемы, исцелил болезни, благословил детей, изгнал бесов и спас страну. Иногда после целого дня, проведенного среди возбужденных, встревоженных людей, Он вставал рано утром, задолго до восхода солнца, и молился. Или, скрываясь от беспокойной толпы в поисках мира и тишины, уплывал на другой берег озера. Для Него молитва была убежищем. Незадолго до смерти Христос оставил Свою тревогу в Гефсиманском саду, хотя знал, что Его ждет арест и распятие. Иисус владел тайным искусством — Он умел отдать Свою тревогу Отцу.

Карло Каретто, который в сорок четыре года ощутил Божий призыв, оставил все, уехал в Сахару и вступил в орден «Малых братьев Иисуса», написал книгу «Письма из пустыни». В ней Каретто рассказывает, как он, высокопоставленный итальянский чиновник, присоединился к монашескому ордену, который строил место для мирной молитвы в Алжире — враждебной христианству мусульманской стране. Каретто всегда принимал активное участие в жизни церкви. При этом он сильно беспокоился, чувствуя себя ответственным за выполнение большой и важной работы для Господа.

«Много лет я думал, что я «кое-что значу» для церкви. Я представлял себе живое здание церкви как храм, поддерживаемый множеством колонн, больших и малых, и под каждой колонной — плечо христианина. Я думал, что тоже держу на плече одну из этих колонн, пусть даже маленькую... Мне никогда не хватало времени, чтобы сделать все, что нужно. Приходилось спешить от одного проектак другому, с одной встречи на другую, из одного города в другой. Молитвы были поспешными, разговоры нервными, сердце — в смятении и тревоге».

Но вот, что случилось, когда Каретто в молитве преклонил колени на песке в пустыне:

«Неожиданно я встряхнулся, как бы скидывая с себя груз. Что произошло? Ничто не изменилось, все осталось на месте. Ни звука, ни движения. Понадобилось двадцать пять лет, чтобы я осознал: на моих плечах нет груза, и я сам придумал эту колонну — фантом, плод моего беспокойного воображения и моей суетности... Всю тяжесть нашего мира взял на

Себя распятый Христос».

Я начинаю понимать, что молитва не обязана быть «плодотворной» в обычном смысле этого слова. Большая часть моего времени уходит на то, чтобы по списку выполнить дела, запланированные на сегодня. Молитва — это время, когда можно и нужно отложить и список, и дела — или, точнее, возложить их на Господа — и расслабиться. Пусть мысли текут спокойно, вздохните, сделайте паузу в суматохе дня, доверьтесь Богу. И тогда произойдут удивительные вещи. Я обнаружил: если я выделяю время для общения с Богом, то все дела удаются мне куда лучше. Я принимаю более разумные решения и почти не совершаю случайных ошибок. Я трачу меньше времени на беспокойство. Я меньше раздражаюсь, когда что-нибудь идет не так, как надо. «Дух головокружения» оставляет меня.

Неделю назад я отправился в горы, чтобы спокойно написать эту главу. По дороге меня настиг снежный буран. Шоссе к западу от Денвера круто поднимается к тоннелю Эйзенхауэра. Автомобили буксовали на засыпанном снегом покрытии, машины заносило то вправо, то влево. Некоторые, потеряв управление, соскальзывали на обочину или в кювет. Я включил полный привод и снизил скорость, но клубящийся снег, который вспыхивал в свете фар, словно фейерверк, скрывал от меня дорожную разметку. Я едва видел, куда еду.

У меня сводило живот, руки были мокрыми от пота.

Я лихорадочно перебирал все возможные варианты. Можно повернуть назад и отказаться от поездки. Можно понадеяться на свое счастье и, несмотря на тревогу, двигаться вперед. Неожиданно мне в голову пришла мысль: ведь я могу помолиться! В течение следующих сорока пяти минут я молился обо всех родственниках, друзьях, миссионерах, заключенных и страдальцах, имена которых приходили мне на ум. Молитвенное состояние само по себе отвлекло меня от беспокойства. Нога по-прежнему была на тормозе, а руки держали руль, но лишнее напряжение растворилось в молитве. Мое сознание дрейфовало по жизни, подобно тому, как мой автомобиль дрейфовал по снегу, покрывавшему шоссе.

Я не стал бы рекомендовать подобные упражнения тем, кто не умеет водить автомобиль по зимним дорогам. Тем не менее, я благополучно прибыл в нужное место и, как ни удивительно, полностью освободился от напряжения и страха. «Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас», — пишет апостол Петр. И далее продолжает: «Трезвитесь, бодрствуйте» (1 Пет 5:7). Той ночью обе эти заповеди были исполнены мною на заснеженной автостраде.

Нетерпение

Переехав в Колорадо, я скоро узнал о растениях-вредителях. Растения, которые раньше в наших краях не произрастали, — такие, как одуванчик, поповник, чертополох и льнянка — распространяются, словно микробы, угрожая вытеснить местные виды. Желая быть примерным гражданином, я купил тяжелую мотыгу и завел порядок, которого придерживался каждую весну и каждое лето. Днем я отправлялся на поиски чужеземных захватчиков к холму позади нашего дома. Получилось так, что эти рейды стали идеальной возможностью для молитвы: я боролся с сорняками в одиночестве, в окружении прекрасной природы. Все, что могло отвлечь меня от молитвы, оставалось дома, в кабинете.

Однажды, когда на борьбу с сорняками вместе со мною вышла жена, я получил откровение о моей агротехнической деятельности и о молитве. Вместе с женой воевать с сорняками стало легче, острые глаза Дженет помогали их отыскивать. Но не это было главным. Содержание прогулки совершенно изменилось — жена показала мне более двадцати разных видов диких цветов. Я был так сосредоточен на поиске вредоносных растений, что не замечал цветов, украшающих наши холмы, — тех самых, которые старался защитить!

И тут мне стало понятно, что, молясь, я делаю нечто похожее. Я приношу Господу клубок проблем, будто кучу сорных растений после своего очередного рейда, но упускаю

возможность воздать Богу хвалу и благодарность. Мои молитвы эгоцентричны, я пытаюсь привлечь Бога к выполнению своих дел. Я смотрю на Бога как на Того, Кто решает мои проблемы (или как на Борца с сорняками), и не вижу дел Его рук во всем, что окружает меня. А когда мне кажется, что мои молитвы не дают результата, я становлюсь нетерпеливым.

Я открыл средство от нетерпения: надо продолжать молиться. Не исключено, что, расстроившись из-за отсутствия желаемых результатов, вы либо бросите молиться, либо измените свой подход к молитве. Французский иезуит, мистик Жан-Ни-коля Гру, живший в восемнадцатом столетии, считал, что молитва должна быть смиренной, благоговейной, полной любви, доверительной и упорной — другими словами, во время молитвы человек должен проявлять качества, которые противоположны нетерпению.

Я люблю видеть результаты своих трудов. Я работаю над статьей, и через несколько месяцев она появляется в печати. Я взбираюсь на гору и достигаю вершины. Но молитва действует по иному, по Божьим правилам. Мы творим молитву втайне, никто не видит наших усилий, и результаты — они принадлежат не нам, а Богу — приходят самым неожиданным образом, часто спустя долгое время. Молиться — значит открыть себя Богу и не ограничивать Его своими предубеждениями. Короче говоря, молиться — значит позволить Богу быть Богом.

Многие из молитв, запечатленных в Библии, рождены ожиданием. Авраам и Сарра ждали своего единственного ребенка. Иаков семь лет служил Лавану, отцу Рахили, чтобы получить любимую в жены, а потом, обманутый Лаваном, ждал еще семь лет. Израильтяне четыре столетия ждали освобождения из рабства. Моисей ждал сорок лет, прежде чем был призван на служение, и еще сорок лет ждал обетованной земли, куда так и не вошел. Давид, скрываясь по пещерам, ждал обещанного царствования. Пророки ждали исполнения своих странных предсказаний. Мария и Иосиф, Елизавета и Захария, Анна и Симеон, как и большинство иудеев, ждали Мессию. Ученики Иисуса с нетерпением ждали, когда же Учитель начнет действовать как желанный Мессия-Владыка.

Бог, Который живет вне времени, ожидает от нас зрелой веры. Веры, способной ждать и тогда, когда ожидание становится испытанием, как для многих героев Библии, перечисленных выше. Терпение — это один из признаков зрелости, качество, которое развивается только со временем.

Дети всегда хотят все и сразу: «Мам, ну когда мы приедем?.. Я хочу мороженое сейчас!.. Уже можно развернуть подарки? Можно мне выйти из угла?» Любящие учатся ждать. «И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее» (Быт 29:20). Студенты-медики, прежде чем получают право лечить самостоятельно, учатся десять лет, а иногда и больше. Родители долгие годы с надеждой ждут возвращения блудного сына. Ожидание — не цель, но оно может оказаться необходимой ступенью на пути к цели. Мы ждем того, чего стоит ждать, и, ожидая, учимся терпению.

«Душа моя ожидает Господа более, нежели стражи — утра, более нежели стражи — утра» (Пс 129:6), — писал псалмопевец. Представьте себе часового, считающего минуты до смены караула! Я молюсь о терпении, чтобы пережить времена испытаний, чтобы не утратить упование на исполнение Божьих обетований и сохранить надежду и веру. Я молюсь о терпении сохранять терпение. Как писал другой псалмопевец:

«Истаевают очи мои о слове Твоем;
Я говорю: когда Ты утетишь меня?
Я стал как мех в дыму,
Но уставов Твоих не забыл.
Сколько дней раба Твоего?» (Пс 118: 82)

Как остановить время

Митрополиту Антонию Сурожскому (в миру — Андрей Борисович Блум) пришлось научиться терпению. Для этого у него были серьезные причины. Он жил беспокойной жизнью в наполненном тревогами столетии. Детские годы будущего митрополита прошли в России и Персии (ныне Иран), затем его семья была вынуждена бежать и поселилась во Франции. Там он окончил биологический и медицинский факультеты Сорбонны. В 1939 году, перед уходом на фронт в качестве хирурга французской армии, Андрей Блум тайно принес монашеские обеты.

В детстве он не получил религиозного воспитания и до обращения ко Христу был атеистом. Обращение было внезапным — Андрей уверовал, когда подростком читал Евангелие от Марка. В дальнейшем он стал митрополитом Русской Православной Церкви в Великобритании. В книге «Учитесь молиться» митрополит Антоний рассказывает о том, что для него стало решающим шагом в борьбе с нетерпеливостью. Он называет этот подход «остановкой времени»:

«Когда я был начинающим врачом, мне казалось, что очень несправедливо по отношению к тем, кто ожидает в приемной, если я слишком долго занимаюсь с человеком, который находится у меня в кабинете. Поэтому в свой первый приемный день я старался как можно скорее осмотреть пациента. И по окончании часов консультации обнаружил, что у меня не осталось никакого воспоминания о людях, которых я принимал, потому что все время, пока у меня находился пациент, я проницательным взором смотрел сквозь него в приемную и считал поголовье тех, кто со мной пока не находился. В результате мне приходилось задавать дважды один и тот же вопрос, и весь осмотр я должен был повторить дважды, если не трижды, а когда кончил, то не мог вспомнить, что я сделал, а что нет. Разумеется, не все похожи на меня; вы, может быть, способны запоминать гораздо лучше, чем я, но это просто пример того, что может случиться хотя бы с одним из вас.

И тогда я подумал, что это нечестно, и решил поступать так, будто человек, который находится со мной, единственный на свете. В минуту, когда возникало чувство «надо поторопиться», я откидывался на стуле и затевал несколько минут простой беседы именно ради того, чтобы не дать себе торопиться. И в течение двух дней я обнаружил, что не нужно ничего такого и делать. Можно просто быть полностью сосредоточенным на человеке или на деле, которое перед тобой; и когда кончишь, оказывается, что ты потратил вдвое меньше времени, чем требовалось раньше, и при этом все услышал и заметил.

С тех пор я много раз давал этот совет людям самых различных занятий, и это помогает. Так что если вы будете упражняться сначала в том, чтобы останавливать время, которое не движется, а затем — время, которое стремительно мчится, если будете останавливаться и говорить ему «нет», то обнаружите, что в момент, когда вы преодолели внутреннее напряжение, внутреннюю «молву», ерзанье и встревоженность, время потечет совершенно плавно. Можете ли вы себе представить, что в течение одной минуты проходит всего лишь одна минута? Ведь это именно так. Это странно, но это так, даже если, судя по тому, как мы себя ведем, можно подумать, будто пять минут могут промчаться за тридцать секунд. Нет, каждая минута — той же продолжительности, что и последующая, каждый час равен следующему часу. Ничего катастрофического не случается».

Привычка «останавливать время» постепенно изменила отношения митрополита Антония с Богом. Сурожский старался жить настоящим, поскольку прошлое безвозвратно ушло, а будущее ненадежно — кто знает, наступит оно или нет? Ускользящий момент под названием «сейчас» — вот точка, где время пересекается с вечностью.

Несколько раз в течение дня Сурожский делал перерыв и говорил себе: «Я сижу, я ничего не делаю, я буду сидеть так еще пять минут... Здесь присутствует Бог, здесь присутствую я сам, и вся эта мебель вокруг меня, все спокойно и неподвижно». Он делал такие трех-пятиминутные паузы, когда чувствовал, что его одолевает беспокойство. Потом стал делать более длинные перерывы и, прежде чем вернуться к напряженному ритму своей жизни, учился проводить это время в покое и безмятежности.

К своему удивлению, он обнаружил, что в эти минуты мир может обойтись без него.

Он понял, что даже самые неотложные задачи, поглощавшие его ум, можно ненадолго отложить. И в самом деле, с задачами, нетерпящими промедления, после перерыва удавалось справиться быстрее и увереннее. Наконец он соединил эти моменты «остановки времени» с утренней и вечерней молитвой.

Митрополит Антоний начинал каждое утро в тишине и покое, осознавая, что предстоящий день — это дар Божий, возможность сделать что-то новое или встретиться с тем, чего раньше не было. День простирался перед ним, словно нетронутая снежная гладь на необъятных просторах его родной России. Митрополит молился, чтобы Бог дал ему войти в этот день посланником Господа и нести Божье присутствие каждому, с кем сведет его Господь. А вечером он оглядывался на события минувшего дня, предавая все свои успехи и неудачи милостивому Богу. День прошел и отдан в руки Божьи.

Первозданное чудо

Дениза Левертов, из сборника «Песок из колодца»

Дни проходят за днями, и я забываю о тайне. Неразрешимые
проблемы и проблемы, У которых есть незамеченные мною
решения, — Все они бьются за мое внимание

И шумной ватагой шутов в цветных колпаках с бубенчиками
Толпятся в прихожей.

Но вот передо мной вновь всплывает тихая тайна, И отступает
шум толпы.

Суть тайны такова:
Есть нечто — не только
Космос, радость и воспоминания, —
Есть нечто, помимо пустоты!
И Ты, Господи, Творец,
Да святится Имя Твое! —
Ты все еще час за часом
Поддерживаешь эту сущность.

Минуты тишины и молитвы стали для митрополита напоминаниями о сущности жизни, нанизанными на нить памяти, словно жемчужины в драгоценном ожерелье. Жизнь — это не бессмысленная цепь поступков. Это арена, на которой мы, христиане, призваны являть волю другого мира — Царствия Небесного. Молитва — это равно и состояние, и действие, но об этом легко забыть, если молитвенная жизнь сведена к одной или двум коротким молитвам в течение дня.

Я так подробно обращаюсь к опыту митрополита Антония Сурожского, умершего в 2003 году, потому что мой собственный опыт в этой области оставляет желать лучшего. С моей стороны было бы нечестно утверждать, что мне удастся успешно выполнять все рекомендации митрополита. Я не умею «останавливать время». Когда мне кажется, что моя деятельность что-то значит и чего-то стоит, я стараюсь действовать быстрее, чтобы достичь большего. Я начинаю гордиться, и мне невольно кажется, будто все зависит от меня. Какая глупость! Мое сердце может перестать биться в ближайший час, мозг — отказать в любую секунду из-за разрыва маленького сосуда. Каждая длящаяся сейчас минута дарована мне Богом. Если я не забываю об этом в течение всего дня, то мое отношение к жизни становится правильнее, а достижения — весомее.

Как остановить время? Как научиться не только молчать, но и слушать? Как меньше надеяться на свои дела, и больше — на неизменное и безмолвное присутствие Бога? Как отдать Ему свои страхи и тревоги? Как построить день в согласии с реальностью, начало и

конец которой — в Боге? Что в суматохе дня способно напоминать мне об этой реальности, исчезающей за многочисленными делами? Я уверен: если мне удастся ответить на эти вопросы, то все другие мучающие меня проблемы окажутся не столь срочными и значительными.

ГЛАВА 21. МОЛИТВА И ЛЮДИ

*Самая чистая любовь отдает, ничего не ожидая взамен.
Поэтому искренняя молитва за другого есть акт чистой любви.*
Дэвид Хаббард

Один мой друг, услышав об интересе, который я проявляю к молитве, переслал мне электронное письмо. Он хотел узнать мое мнение. Мне и прежде случалось получать электронные письма, которые рассылались по цепочкам посредников, но обычно в них рекламировались мячи для гольфа или содержались сомнительные предложения быстро заработать деньги. Переданное по цепочке письмо с просьбой о молитве пришло ко мне впервые.

Американский солдат, служивший в Ираке, узнал, что у его жены, которая дожидалась его дома, в США, обнаружен рак матки в четвертой стадии. Прогноз врачей не оставлял никакой надежды. Солдат, которого от убитой горем жены отделяло полмира, чувствовал себя совершенно беспомощным. Он послал электронное сообщение с молитвенной просьбой в свою церковь. А затем члены церкви переслали это письмо по всем известным им адресам. Солдат писал:

«Помолитесь и перешлите это письмо дальше. Для того, чтобы нажать кнопку «Отправить», нужна всего лишь секунда. Пожалуйста, сделайте это, не откладывая. Возможно, ваша молитва спасет жизнь молодой женщины. Будьте так добры, помолитесь сами и попросите всех, кого вы знаете, помолиться об ИСЦЕЛЕНИИ Синди — о том, чтобы все симптомы рака исчезли, чтобы она могла по-прежнему жить полной жизнью и быть прекрасной матерью нашему пятилетнему сыну».

Это письмо озадачило моего друга. Неужели молитва работает как финансовая пирамида — чем больше людей молятся, тем более вероятен благоприятный ответ? Неужели больная женщина, у которой много друзей-молитвенников, имеет больше шансов исцелиться, чем другая, ничем не хуже первой, у которой таких друзей нет? И каким образом молитва способна помочь кому-то еще, кроме самого молящегося?

И как я, молясь, могу влиять на другого человека, не посягая при этом на его свободную волю?

На некоторые из этих вопросов, например, на вопрос о том, имеет ли значение количество молящихся, определенного ответа нет*. Мне стало известно, что инициатор другой молитвенной рассылки обещал: Саддам Хусейн добровольно уйдет в отставку и война в Ираке будет предотвращена, если об этом помолются не менее миллиона христиан. Мы знаем, что эта массовая молитва осталась без ответа. Очевидно, молитва не действует согласно математической формуле, в которую Бог подставляет общее число молящихся.

Тем не менее, похоже, что на событиях в Южно-Африканской Республике и в Восточной Европе действительно сказались действия массовых молитв. В Библии есть примеры, показывающие, как Бог отвечал на молитвы «всем миром». Господь ответил на молитвы израильского народа, который был в египетском рабстве, потому что «услышал вопль его» (Исх 3:7). Пророки молились о спасении вместе со всем народом. Иногда Господь давал спасение в ответ на всенародное покаяние (например, в Ниневии во дни пророка Ионы). Павел просил всех христиан Коринфа, Ефеса и Рима молиться за него. Очевидно,

когда многие молятся об одном и том же, это приносит плоды.

*

- * Нельзя, тем не менее, сказать, что никто и не пытался ответить на этот вопрос. Как пишет Пол Джонсон, исследователь, изучающий историю христианства, «в Лувенском университете, где в свое время учился Эразм Роттердамский, в 1493 году профессора и студенты вели дебаты на такие темы: «Если молиться по пять минут в день четыре дня подряд, скорее ли возможно получить благоприятный ответ, чем если один раз помолиться в течение двадцати минут? Если десять минут молиться за десятерых человек, даст ли это такой же эффект, как в случае, если эти десятеро помолвятся по одной минуте каждый?» Эти дебаты продолжались восемь недель — дольше, чем потребовалось Колумбу, чтобы доплыть до Америки в предыдущем, 1492 году». — Прим. авт.

Глазами Бога

Просьба, ходатайство за других — один из самых загадочных вопросов, связанных с молитвой. Чем больше я об этом думаю, тем сильнее склоняюсь к тому, что мне следует поменять мировоззрение.

Благодаря авторитету науки, большинство людей, живущих в «развитых» странах, не исключая и христиан, фактически придерживаются умеренного деизма*. Мы предполагаем, что такие явления, как погода или болезнь, развиваются в соответствии с определенными законами природы, без участия высших сил. Однако время от времени, когда беда угрожает лично нам, мы несколько отступаем от «естественнонаучной» позиции и просим Бога вмешаться. Если затягивается сухая погода, мы молимся о дожде. Когда у молодой матери обнаруживается рак матки, мы молим об исцелении. Мы умоляем Бога, как будто бы хотим уговорить Его сделать то, чего Сам Он не желает делать.

*

- * Деизм (лат. *deus* — «бог») — философское учение, признающее Бога творцом, началом и основой всех вещей, но (в противоположность теизму) отрицающее Его участие в жизни природы, общества и человека. Отрицает также личного Бога, откровение и Промысел. Полагает, что Бог не вмешивается в закономерное течение событий. Деизм не допускает других путей к познанию Бога, кроме разума. — Прим. пер.

Мое понимание молитвы не согласуется с таким представлением о мире. Отправная точка для меня — мои знания о Боге, явившем Себя в образе Иисуса Христа. Христос хочет, чтобы все люди во всем мире ощущали Божью любовь. Желание Спасителя ясно видно из Евангелия — ведь его исполнению Он посвятил всю Свою жизнь. Ясно также, что Он хочет, чтобы все мы были здоровыми: ведь Он ни разу — ни разу — никому не отказал в просьбе об исцелении.

Итак, начнем с главного: Бог есть любовь, Он желает нам самого лучшего. Правда, не все люди принимают Божью любовь — многим до нее нет никакого дела. И не все люди обладают физическим здоровьем. Существует масса причин, по которым наша планета не может быть идеальной, — такой, какой ее хотел бы видеть Бог. Но это не отменяет главного — Божьей любви.

Чтобы присутствовать в этом мире Богу нужна некая материальная основа. Другими словами, Ему нужно тело. Именно к этому образу прибегает в своих посланиях апостол Павел. Мы, христиане, составляющие Церковь, называемся «телом Христовым», потому что через нас Божья любовь и благодать передаются другим людям. Когда мы обретаем благодать от Бога, нам неизбежно хочется поделиться ею с другими. Должен признаться, что любовь не приходит ко мне сама собой. Мне нужно молиться о том, чтобы войти в «силовое поле» Божьей любви. Мне необходимо просить, чтобы Он наполнил меня любовью и

состраданием. Сам я этого не могу.

С изменением взгляда на мир меняются и мои молитвы о других людях. Раньше, молясь о человеке, я сначала перечислял его нужды — так, словно они не были известны Богу, а потом пытался уговорить Его эти нужды восполнить. Теперь я рассматриваю молитвенное ходатайство прежде всего как возможность лучше понять положение дел. Молясь о ком-то, я прошу Бога открыть мне глаза, чтобы я смог увидеть этого человека так, как видит его Сам Господь. Я прошу о даровании мне способности стать частью потока любви, который Бог направляет к тому, о ком я молюсь.

Когда я молюсь так, во мне происходят благоприятные перемены. Если я вхожу в Божье присутствие вместе с другим человеком, меняется мое отношение к нему. А вследствие моих перемен меняются наши взаимоотношения. Я молюсь о соседе, который все время пытается отвернуться от уплаты взносов в кооператив, и начинаю видеть в нем не хитроумного пройдоху, а человека, у которого нет друзей, но зато имеется множество финансовых проблем. Я молюсь о родственнике-наркомане, и за его безответственным поведением мне открывается израненная, отчаявшаяся душа.

Иными словами, молитва помогает мне увидеть самого себя и других людей такими, какими видит нас Бог. Каждый человек несет в себе образ Божий, но этот образ поврежден — у каждого по-своему. Кроме того, Бог дал нам различные дарования, уникальные и неповторимые. Я начинаю понимать, что в глазах Христа все мы — любимые дети, которых Отец жаждет заключить в Свои объятия. Я знаю, Господь желает, чтобы отношения между супругами стали крепче, а их дети не попадали бы в беду. Он хочет, чтобы все люди были здоровы, имели силу противостоять искушениям и, если надо, могли бы поддержать других. Я прошу об этом Бога, потому что знаю — Он хочет того же, что и я. Если я желаю людям, за которых молюсь, добра, то тем более этого желает Бог.

Молитва о тех, кого я люблю, позволяет мне хотя бы отчасти понять, что чувствует Бог. Я не могу навязать другим свои желания. Бог, наверное, мог бы, но не делает этого из уважения к нашей свободной воле. Как часто я вижу, что человеку необходимо изменить поведение ради себя самого. Я вижу, что поведение моих родственников и друзей наносит трудно поправимый вред не только им самим, но и их близким. Однако, как хорошо известно любому родителю, наши возможности повлиять на другого человека ограничены. Конечно, мы вольны прибегнуть к насилию, но оно, скорее всего, обернется против нас. Книги пророков и притча о блудном сыне показывают, что такой же нелегкий выбор приходится делать и Богу.

Когда мне, пусть неполно и неясно, но удастся увидеть другого человека глазами Бога, я чувствую побуждение действовать как член тела Христова, посредством которого Господь присутствует на земле. Я уверен: то, что меняет меня, способно изменить и другого. Уловив отблеск Божьей благодати, я начинаю иначе относиться к соседу и к родственнику. Я пишу ободряющие записки друзьям, попавшим в беду, спрашиваю, чем могу им помочь, и помогаю. Я молюсь о тех, кто работает с проститутками, с заключенными и с сиротами в других странах, и стараюсь найти способ оказать им финансовую поддержку. Молитва с особой силой пробуждает во мне сострадание.

Я с огромной теплотой вспоминаю еженедельные утренние молитвы сотрудников журнала «Студенческая жизнь», в котором я одно время работал. Мы собирались в семь часов утра, за час до начала трудового дня. Участие в молитве было делом добровольным. Со временем мы, горсточка людей, собиравшихся по утрам, узнали все секреты друг друга. Мы знали подробности биографии друг друга. Мы были заочно знакомы с некоторыми родными и друзьями участников совместных молитв. Мы открывали друг другу личные проблемы, рассказывали о своих переживаниях. После молитвы мы вместе принимались за работу над журналом.

Я обнаружил: если утром я молился вместе с машинисткой и слышал, как она говорит о своих проблемах («Неужели я никогда не поднимусь выше секретарши?»), то в течение дня я по-другому отношусь к ней. Если утром я ощутил, как сильно огорчается из-за своих ошибок

программист, днем у меня пропадает всякое желание его осуждать. Другими словами, начинаешь смотреть на своих коллег не как на шестеренки в машине, которая должна быстро доставить тебя в назначенное место, а как на людей, которых любит Бог. Эти утренние часы объединили нас в особое братство, в котором не важны были иерархия, карьера и зарплата. В него входили люди — мужчины и женщины, с их надеждами и желаниями, трудностями и страхами, мечтами и разочарованиями. Мы вместе были согреты теплом Божьей любви.

Круги на воде

«Христос присутствует среди нас, и только через Него мы можем соприкоснуться друг с другом», — писал Дитрих Бонхоффер. Когда я в молитве возношу к Господу других людей, то вспоминаю, что все мы — и я, и те, о ком я молюсь, — пребываем в присутствии Бога. Центр, из которого берет начало моя молитва, — это Божья любовь. Затем молитва расширяется, словно круги на воде, и достигает сначала самых близких мне людей, а потом и всех остальных.

Лучше всего я знаю членов своей семьи и хороших друзей. Я стараюсь как можно подробнее молиться о тех, кому сейчас трудно. О племяннице, чья беременность протекает с осложнениями. О двоюродном брате, который борется со своим алкоголизмом. О дочери наших соседей — она ушла из дома, и от нее нет никаких вестей. Ничего нового и неизвестного Богу я Ему не сообщаю. Молясь, я всего лишь вовлекаю в человеческие отношения третью сторону — Того, Кто заботится о каждом из моих близких неизмеримо больше, чем я сам. Я прошу Господа о том, чего мы с Ним оба желаем — чтобы положение этих людей изменилось к лучшему, и моя любовь, моя забота, мои молитвы способствовали бы этим переменам.

Порой молитва-ходатайство меняет того, о ком молятся, а иногда — самого молящегося. Христианская журналистка Вирджиния Стем Оуэне рассказывает о своем опыте. Во время вечерних молитв она высказывала Богу важные для нее просьбы, а потом старалась услышать Его ответ. Однажды ночью, в темноте, Вирджиния долго ждала ответа, но ничего не услышала, и в конце концов уснула. Перед рассветом она проснулась вся в слезах. Из подсознания всплыло воспоминание о событиях ранней юности. Вирджинии была обещана отдельная комната, но к ним перебралась жить тетушка, старая дева. В результате в отдельную комнату переехал брат, а Вирджинии достался утешительный приз: тетушка-полунинвалид в качестве соседки.

В последующие недели и месяцы Вирджиния таила в душе обиду. Горечь прорывалась наружу тысячами изощренных способов. С тех пор прошли годы, все забылось. Но в ночь, которую отделяло от тех давних переживаний много лет, Вирджиния поняла, что носила в себе эту горькую обиду всю жизнь. Кроме того, она поняла еще кое-что. Вот что она пишет:

«Но сейчас, на рассвете, я впервые осознала, какой жгучий стыд испытывала, должно быть, эта пожилая женщина. Никогда не иметь своего угла, постоянно переезжать из дома в дом. Целиком зависеть от милости племянников и племянниц. Ни разу в жизни — ни живя вместе с тетей, ни позже — я не задумывалась о том, что чувствовала она. И лишь теперь я в полной мере ощутила оскорбленное достоинство и жгучую гордость, которые ей ежедневно приходилось заталкивать в глубину сердца... Я была не в состоянии вынести эту острую боль».

Следующим вечером Вирджиния повторила свой опыт. Она высказала Богу просьбы и решила ожидать ответа, пока не заснет. И вновь произошло нечто подобное: воскрес другой эпизод из прошлого, и результат был столь же сокрушительным. Молитва вызвала обострение давно забытых конфликтов, а потом разрешала их. Так Вирджиния приносила свои отношения с людьми к ногам Примирителя.

В течение многих лет я записываю имена людей, за которых молюсь, на специальные

карточки. Один день я молюсь поименно за членов своей семьи. В другие дни молюсь за друзей, за соседей, за коллег-писателей, за миссионеров, несущих служение на Родине и в других странах. Еще один день я отвожу для того чтобы устроить духовную проверку себе самому. Я, как и Вирджиния Оуэне, понял: когда я молюсь за людей, мое отношение к ним меняется. Вместо того, чтобы назвать двоюродного брата безответственным бездельником и начисто о нем забыть, я с состраданием смотрю на него глазами Иисуса Христа и думаю, как бы мне самому помочь решению проблемы, о которой я молитвенно рассказываю Богу.

Около двадцати лет назад я сообщил одной известной писательнице, что буду молиться за нее один день в неделю, ибо представляю себе, с какими трудностями она сталкивается. «Прежде никто не говорил мне, что молится за меня, — сказала она позже. — Поэтому мне захотелось быть достойной ваших молитв, оставаться христианским автором и писать как можно лучше». Это желание мне знакомо, потому что за меня тоже молились. Одна женщина читала мою книгу, когда ее трехлетней дочери удаляли опухоль мозга. Она прислала мне необычный подарок: молитвенный дневник, в котором на трехстах шестидесяти пяти страницах ее рукой были записаны молитвы обо мне. Иногда, в какой-то случайный день, скажем третьего марта или девятнадцатого августа, когда я чувствую уныние или апатию, я открываю дневник на нужной дате и читаю записанную семь лет назад молитву о себе. И вдруг вижу, что именно эта молитва чудесным образом соответствует проблемам моего сегодняшнего дня. Недавно я попытался написать этой женщине, но получил ответ от почтовой службы: моя корреспондентка переехала, ее новый адрес неизвестен. Однако молитвы моей сестры во Христе продолжают жить, и я стараюсь быть достойным их.

Изучая молитвы апостола Павла, я ясно вижу расширяющиеся круги Божьей любви. Павел постоянно, день и ночь молится о своем сподвижнике Тимофее. Апостол часто упоминает и другие имена. Он молится о рабовладельце Филимоне, настойчиво уговаривая его освободить раба (Флм 1). Да, Павел истово молится о близких друзьях. Но столь же горячо молится он и о церквях — о тех, которые посетил, и даже о тех, где не успел побывать, например, в Риме и Колоссах. Он молится и о целом народе — о соплеменниках-евреях, которые не приняли Иисуса как Мессию.

Спустя двадцать веков я ищу параллели с библейской молитвой в своей жизни. Я слушаю репортажи об эпидемии СПИДа в Африке. Более того, я побывал в Африке в командировке и сам видел неподвижно лежавших в кроватках брошенных младенцев — их ручки и ножки напоминали тонкие пруттики. На ломаном английском языке мне рассказывали истории об отверженных обществом женщинах, которых заразили смертоносным вирусом неверные мужья. Вечером я молился о тех, чьи лица прошли передо мной в течение дня. Но это были не просто лица. Встреченные мною люди действительно стали для меня ближними моими, павшими жертвой зла, которым переполнена наша планета. Когда я молюсь, их боль становится моей, и я приношу эту боль Богу. Я ищу способ, как мне, человеку, живущему в богатой стране за океаном, передать моим ближним Божью любовь и заботу. Кто сумеет полнее всего воплотить в жизнь эту любовь, и как я могу помочь?

Я молюсь и о тех, кто живет недалеко от меня. Я слышал, что мой друг из соседнего города консультируется с адвокатом по поводу развода. Я неплохо знаю семью друга и уверен, что речь не идет о физическом насилии или о супружеской измене. Просто эти двое устали от трудной работы по созиданию брака. Я приношу Богу их обоих, мужа и жену. Но тут же у меня созревают собственные идеи, как разрешить эту ситуацию, и я начинаю молиться о достижении намеченного мной результата. В такой момент приходится останавливать себя-всезнайку, смиренно признав, что мне известны далеко не все обстоятельства дела. И тогда я прекращаю навязывать Богу свои решения и просто молюсь. Я пытаюсь представить себе, что может способствовать исцелению. Слезы? Может быть, помощь семейного консультанта? Раскрытие секретов? Медленное целительное прощение? Я прошу обо всем этом Бога, и спрашиваю, чем я, как друг, могу помочь. Я знаю также, что иногда разрушение брака бывает необратимым. Молясь, не исключаю и такой вариант. Я

прошу о том, чтобы Господь научил меня правильно себя вести с другом.

В молитве я стараюсь не делать попыток манипулирования Богом, не навязывать Ему свою волю — ведь в молитве требуется совсем другое. Нужно войти в поток Божьей любви, и став его частью, изливать эту любовь на других.

На краю пропасти

Майк

На втором курсе колледжа мной овладела сумасшедшая идея на пять месяцев прервать учебу и пожить на улице. Я нашел единомышленника в лице своего друга, и после нелегких переговоров с родителями мы покинули милый студенческий городок Вестмонтского колледжа в Калифорнии, попрощались с его уютными кафе и закусочными и отправились по дальним городам и весям: Денвер, Вашингтон, Портленд и Финикс. Мы питались тем, что могли отыскать в мусорных баках или купить за монеты, брошенные в чехол от гитары, когда мы стояли на углах улиц и пели хвалебные гимны. Вот тогда-то я и оценил важность молитвенной поддержки.

Мы попали в совершенно иной мир. Мы не брились и не принимали душ, выглядели неопрятно. По нашему виду нельзя было догадаться, что на самом деле мы студенты престижного колледжа, а не обитатели подворотни.

Раз в две недели я старался попасть в библиотеку или какое-нибудь другое место со свободным доступом к компьютеру, и писал отчет людям, которые согласились молиться за нас. Первое электронное послание получили сорок или пятьдесят человек. К концу пятого месяца нашего бродяжничества это число увеличилось в десять раз. Некоторые люди рассказывали мне потом о случаях, когда они внезапно чувствовали побуждение немедленно помолиться о нас. Например, одна девушка рассказывала, что она проснулась в три часа ночи и почувствовала, что нужно помолиться за меня. Я учел разницу в часовых поясах, и понял, что именно в это время у меня разрезали рюкзак и украли джинсы.

Я видел в этих контактах по электронной почте нить, связывающую нас с другой жизнью, с прекрасным миром, населенным людьми, которые заботятся о нас и разделяют наши взгляды. А мир улиц суров. Я встретил огромное число нуждающихся людей, о которых не молится никто — ни единая душа в мире. По моим оценкам, примерно четверть бездомных из всех, встреченных мной, были верующими. Но в большинстве случаев даже они одиноки и лишены поддержки.

Однажды, когда мы пели под гитару гимн «Как лань желает к потокам воды», уличный бродяга по имени Дэвид разрыдался. «Вот что мне нужно! — воскликнул он. — Я хочу этой воды. Я алкоголик, но я хочу вылечиться». Пообщавшись с Дэвидом подольше, я понял, что его единственная надежда на исцеление — Бог. У него самого просто не хватит сил. На самом деле ему нужна была группа молитвенной поддержки, подобная той, в которой состоял я.

Я описал некоторые из наших приключений в своей книге

«Под эстакадой». Да, у меня-то была возможность в любую минуту оставить мир улиц и вернуться к безопасной и комфортабельной жизни. Но я всегда буду помнить то, что узнал «на дне». Некоторые встреченные мною люди заставили меня устыдиться. Например, Ринге, бывший наркоман, обратился ко Христу, и теперь тратит на пищу для бездомных все средства, которые получает из фонда социального страхования. Надеюсь, что никогда не забуду, как молились некоторые бродяги. Живя на краю пропасти, они и молились, как жили — без шаблонов, красивых слов и показухи, стоя перед миром и перед Богом такими, как есть.

Как расширить границы Божьей любви

Педагог и миссионер, десятки лет жизни посвятивший работе на Филиппинах, которого называют «апостолом всемирного движения за всеобщую грамотность», Франк Лаубах рассказал о своем молитвенном опыте. Несмотря на занятость, он старался молиться за каждого, кто встречался на его пути, желая, чтобы ни один его день не проходил без непрерывной молитвы. «Нет нужды рассказывать Богу о людях, за которых мы молимся, все, — говорил он. — Лучше вспоминать этих людей, чтобы их образы один за другим всплывали в сознании, и желать исполнения воли Божьей о каждом из них. Ведь у Бога есть замысел о всяком человеке, и самое благотворное — если этот замысел исполнится. Бог лучше нас знает, что нужно нашим друзьям. Непостижимым образом наша молитва дает свободу Его силе, и сила эта действует».

Лаубах применял этот подход и к людям, с которыми не был знаком лично. Он считал, что мы можем таким же образом молиться за политических лидеров, с которыми никогда не встречались. В Новом Завете есть заповедь, предписывающая нам молиться за таких людей. По мнению Лаубаха, от усердной молитвы за лидеров больше пользы, чем от визитов в Кремль, Белый Дом или на Уайтхолл. Наши предложения, скорее всего, никто не примет, или они будут неправильно поняты, а молитвы за лидеров вызывают к действию незримые духовные силы и могут принести реальные плоды. Это не значит, что Бог будет больше стараться — больше стараться будут лидеры.

«Любите врагов ваших» (Мф 5:44), — говорил Христос, распространяя молитву за пределы зоны комфорта. «Молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Больше половины моей жизни прошло под знаком вражды с Россией и Китаем. Тогда казалось, что эти огромные непонятные страны представляют собой огромную угрозу для Запада, и примирение невозможно. Сегодня же процветают торговля, сотрудничество и культурный обмен с обеими державами. У наших бывших врагов оказались человеческие лица.

В 1991 году, во время поездки в Россию, я участвовал в удивительном событии — совместной молитве группы христиан и офицеров КГБ. «Мы пригласили вас, потому что нам необходимо понять значение слова покаяние», — сказал председатель собрания, носивший звание полковника. После этого события в российские войска было направлено два миллиона Новых Заветов. А я со стыдом осознал, что за все время холодной войны ни разу не молился за советских лидеров. Считая их врагами, и не более того, я не сделал ни единого шага, чтобы вознести за них Господу молитву и спросить, что Он о них думает.

Наверное, стоит вспомнить и о радикальных исламистах, которые сегодня совершают акты насилия против западной цивилизации. Что будет, если каждая христианская церковь выберет одного из членов Аль-Каиды и станет постоянно молиться за него?

Более того, разве не должны мы в поисках главных причин подобного противостояния с молитвой всмотреться в свои собственные души? Вечером 11 сентября 2001 года моя церковь была переполнена. Несколько сот человек, не сговариваясь, собрались здесь, хотя никто нас не созывал. Оглушенные бедой, мы спрашивали друг у друга: «За что они нас

ненавидят?» И в этот момент мы инстинктивно обратились к молитве — к молитве за свой народ, за будущее, за семьи, в которые вошла беда, за наших лидеров. Через несколько дней и сами лидеры приняли участие в общей молитве в Национальном Соборе в Вашингтоне. Сентябрьская трагедия заставила американцев всмотреться в себя. Молитва перед лицом врага, не говоря уж о молитве за врагов, способствует познанию себя. Парадоксальным образом враги помогают нам понять, кто мы есть, — помогают не меньше, а порой и больше, чем друзья.

Клайв Льюис в письме к брату упоминал, что он каждый вечер молится о людях, которых ему больше всего хочется ненавидеть. Список этих людей начинался с Гитлера, Сталина и Муссолини. В другом письме Льюис писал, что, молясь о них, он размышляет, при каких обстоятельствах могла бы вырасти до таких же размеров его собственная жестокость. Он помнил, что за этих людей, так же, как и за него самого, умер Христос, и что он сам «не так уж сильно отличается от этих жутких созданий».

Почти у каждого есть свой список врагов. Если говорить про американцев, то одни считают врагами мусульманских фундаменталистов и правых республиканцев, другие ненавидят светских гуманистов и Американский союз защиты гражданских свобод. Есть страны, где христиане испытывают прямые гонения со стороны правительства и представителей других религий. Однако верные последователи Христа помнят Его удивительную заповедь о любви к врагам. Исполняя ее, мы расширяем круг Божьей любви, включая в него тех, кто, может быть, никак иначе не сумеет ее ощутить.

В книге «Цена ученичества» Дитрих Бонхоффер делится размышлениями об этой трудной заповеди. У Иисуса были вполне реальные враги, причем не за границей, а рядом. Они следовали за Ним по пятам. Возможно, некоторые из них даже слышали Его слова о любви к врагам. Они доносили на Него римским властям и плели интриги. Бонхоффер тоже был в подобном положении: гитлеровские ищейки выслеживали его, выискивали в его проповедях признаки нелояльности, подвергали цензуре его рукописи, искали повод для ареста.

«Наступает эпоха повсеместного преследования христиан, — пророчески предупреждал Бонхоффер. — Христиане будут вынуждены бежать от гонений, будут подвергаться дискриминации и физическому насилию, вплоть до смерти». Далее он пишет, что молясь в такой ситуации за врагов, мы делаем для них то, чего они сами сделать не могут. Кто нуждается в нашей любви больше, чем эти люди, одержимые ненавистью? Молясь, мы становимся рядом с врагами и просим за них Бога. (В Евангелии люди, одержимые злыми духами, никогда сами не просили Христа исцелить их — они не были на это способны. К Иисусу их приводили другие.)

Члены католических орденов «Малые братья Иисуса» и «Малые сестры Иисуса» дают обет жить среди самых бедных. Они выбирают местами своего обитания трущобы, зоны вооруженных конфликтов, исламские страны, где христианство, мягко говоря, не приветствуется. Они занимаются обычным трудом, вроде уборки домов или работы на фабрике, а оставшееся время проводят в общей молитве. Они не проповедуют и даже не очень много занимаются социальной работой. Они просто живут бок о бок со своими соседями, ненавязчиво проявляют свою любовь к ним, и молятся, веря, что таким образом Евангелие «капля за каплей» проникает в окружающий их мир.

Мы призваны расширять пределы Божьей любви — нести ее не только друзьям, родственникам и знакомым, не только добрым и порядочным людям, но и самым лютым врагам. Мы должны это делать, потому что Божья любовь уже достигает их: «Отче! Прости им, ибо не знают, что делают» (Лк 23:34), — молился Иисус о тех, кто Его казнил. Через несколько месяцев один из последователей Христа перед лицом смерти, подобно Иисусу, молился об своих палачах: «Господи! Не вмени им греха сего» (Деян 7:60). Среди тех, кто слышал эти поразительные слова Стефана, был юноша по имени Савл, противник Иисуса, который впоследствии стал величайшим миссионером всех времен.

«Бог любит Своих врагов, и в этом слава Его любви», — заключает Бонхоффер. Мы

побеждаем своих врагов любовью, и молитва поддерживает эту любовь. Если я лелею в себе злобу и не нахожу в душе сил простить, то я приношу Господу свою кровоточащую рану вместе с тем, кто ее нанес, и прошу у Бога сил, которых нет у меня самого. (Не потому ли Иисус молился с креста: «Отче! Прости им...», а не сказал просто: «Я вас прощаю»?) Иначе говоря, я передаю непомерно тяжелое для меня бремя Тому, Кто способен его понести. Со временем рана постепенно исцеляется. Бог совершает во мне то, что сам я совершить не могу.

Один женский христианский журнал попросил читателей рассказать о молитвах, которые оказались для них самыми трудными. В ответ читательница из Арканзаса прислала такое письмо:

«Несколько лет назад, когда моя дочь выходила замуж, она открыла мне, что, когда ей было всего четыре года, брат моего мужа неоднократно грязно приставал к ней. Первым моим порывом было молиться за дочь, чтобы изгладилась душевная травма, которая была ей нанесена. Но чем больше я читала о сексуальном насилии, тем яснее понимала, что нередко и сам насильник является жертвой насилия. Я почувствовала, что должна молиться за брата мужа. Откуда у меня взялись силы для этой молитвы, знает только Бог. Для матери противоестественно молиться за того, кто нанес вред ее ребенку. Но я осознавала, что он никогда не изменится, если Бог не исцелит его раны — возможно, очень старые раны. Я каждый день молюсь за него и стараюсь его простить, надеясь, что таким образом мне удастся уменьшить боль и страдания, которые он причинил моей дочери и которые испытывает он сам. Кто еще будет молиться об этом человеке?»

Многолетняя молитва

Арам

«Ты так долго копал и наверняка проголодался! Я дам тебе яблочного пирога. Ты любишь яблочный пирог? Останься ненадолго, я угощу тебя!»

Это говорила восьмидесятилетняя вдова, и я знал, что путь до кухни займет у нее не меньше десяти минут, не говоря уж о том, сколько времени уйдет на то, чтобы подать пирог. Я сел за стол, гадая, сколько времени мне придется ждать, прежде чем я получу пирог и смогу уйти.

Пирог был испечен и подан на стол в точном соответствии с традициями Новой Англии: горячий, с нежной золотисто-коричневой корочкой, с душистыми яблоками, и еще — холодное молоко в высоком стакане. Я с жадностью съел свою порцию. Вдова едва успела присесть к столу, чтобы приняться за свой кусок, как заметила, что моя тарелка пуста. «Давай я принесу тебе еще кусочек». Это предложение было невозможно отклонить: прежде чем я успел открыть рот, она была уже на кухне. Удивительно, насколько быстро ей иногда удавалось передвигаться! Пирог был отличный, молоко густое, и я быстро справился с добавкой.

А вдова продолжала говорить. Она была наказанием нашей округи — никто не стремился повстречаться с миссис Бек. У каждого в жизни есть своя миссис Бек. И даже тогда, в очень юном возрасте, я задумывался: «Ну как люди могут до такой степени не понимать намеков? Как она не замечает, что я жду не дождусь, чтобы уйти?»

Десять лет спустя, в понедельник днем, кто-то внутри меня

сказал: «Ты должен рассказать об этом миссис Бек». Дело в том, что в предыдущую пятницу я стал христианином. Я еще никому не говорил об этом. Но я почему-то твердо знал: о моем крещении нужно обязательно рассказать миссис Бек.

Был чудесный майский день. Миссис Бек развешивала белье. Я подошел к изгороди. «Миссис Бек, вы знаете, что значит "родиться свыше"?»

Она уронила все белье, которое держала в руках, и уставилась на меня с радостным изумлением: «Ну конечно, знаю». Как-никак, она была женой священника.

«Ну так вот, в пятницу я крестился».

Она взглянула на меня и твердо сказала: «Стой здесь, никуда не уходи!» Я стоял на дорожке у забора и смотрел, как она, прихрамывая и опираясь на палку, идет к задней двери, как поднимается по ступенькам...

Через десять минут она вышла из передней двери, подошла ко мне и подала огромный кусок шоколадного торта — самый вкусный из тех, что мне доводилось пробовать. Она улыбнулась и сказала: «Ешь!» И я ел этот торт, а она стояла и смотрела на меня. Она радовалась и праздновала вместе со мной.

Наконец она сказала: «Последние пятнадцать лет, с тех пор, как вы сюда переехали, я каждый день молилась за тебя и за Пола. (Пол — мой друг, его дом стоял по другую сторону от ее дома). Я каждый день молилась о том, чтобы вы приняли христианскую веру».

ГЛАВА 22. МОЛИТВА И БОГ

Самая лучшая молитва — это когда человек перестает замечать, что молится.

Преподобный Кассиан Римлянин

Есть люди, которых можно назвать гигантами молитвы — такие, как Мартин Лютер или Джорж Мюллер, о которых я неоднократно вспоминал в предыдущих главах. Я знаю лично совсем немного таких людей, и Марсия — одна из них. Она молится в специально отведенной для этого комнате, следуя трактату испанской кармелитки Терезы Авильской «Внутренний замок». Я встретился с Марсией, чтобы расспросить ее о времени молитвы, а она, к моему удивлению, стала говорить о других часах своего дня.

«Обыкновенная беседа может стать молитвой. Вспомните самарянку у колодца. Когда она разговаривала с Иисусом о воде, горах и Иерусалиме — разве это не была молитва? Мне нравится представлять молитвой мои разговоры с людьми. Я обращаюсь ко Христу, который живет в каждом человеке. Я прошу:

«Господи, пусть этот обед (или чай, или любое другое взаимодействие) будет нашей молитвой». Когда я читаю Библию — это молитва. Я не просто читаю семьдесят второй псалом — я им молюсь. Когда я посвящаю Богу всякое занятие, любое дело, которое я делаю, все это становится молитвой.

«Как твоя молитвенная жизнь?» — спрашивают иногда люди. Но если ты христианин, разве это не то же самое, что спросить: «Как живешь?» Наша беда заключается в том, что мы разделяем жизнь и молитву.

Я художница. Когда я пишу картину, я молюсь, и картина тоже становится молитвой.

Когда кто-то просит меня помочь молиться, я спрашиваю у человека, что ему нравится делать больше всего. Я советую ему именно этим и заниматься, но заниматься ради Самого Господа. Для тебя таким занятием может быть писательский труд или альпинизм. Для меня — живопись. Начни с того, что дает тебе энергию, трогает твое сердце: цветы, музыка, путешествие, птицы, уборка дома, работа в саду — что угодно. Попроси, чтобы Бог напоминал тебе — ты делаешь это для Него.

Рисуя, я изредка прерываюсь, чтобы посвятить некоторое время Богу. Пять минут или больше. Иногда я этого не делаю — моей молитвой становится день, занятый живописью. Часто, когда я занимаюсь любимым делом, в мыслях у меня возникают просьбы, которые я адресую Господу. Я вдруг вспоминаю о своем друге, который учится в Англии. О миссионерах в Китае. У меня нет списка, за кого молиться. Когда что-то приходит мне на ум, я тут же об этом молюсь. Я верю, что эти мысли мне посылает Бог.

Важно проводить время с Богом. Мы ведь так или иначе его проводим. Но ведь Господь с нами в любое время — почему бы нам и не вести себя соответственно?»

Слушая Марсию, я понял, насколько я отделил молитву от остальных сфер моей жизни. Как ни странно, я часто воспринимаю молитву как некий совершенно отдельный духовный акт. Из чувства долга я уделяю ей время — иногда с радостью, иногда нет — а потом возвращаюсь к делам. После разговора с Марсией я стал относиться к молитве по-другому. Молитва — не цель, а средство. Молитва помогает общению с Богом, Который всегда пребывает рядом с нами.

Непрестанная молитва

Я все отчетливее улавливаю разницу между двумя понятиями: «молитвословие» и «молитва». Молитвословие — это чтение правила, состоящего из утренних и вечерних молитв, которые произносятся ежедневно. Оно необходимо, чтобы не выпасть из молитвенной жизни, молясь лишь от случая к случаю. Молитвословие — это дело, которым мы занимаемся специально. А молитва — это состояние души, или, согласно преподобному Иоанну Дамаскину, «вознесение ума к Богу». Любое дело, от уборки снега до установки программы на компьютер, может совершенно преобразиться, если делать его с молитвой.

«Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите» (1Фес 5:16–18).

«Итак, будем через Него непрестанно приносить Богу жертву хвалы» (Евр 13:15).

«Благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа» (Еф 5:20).

«Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом» (Еф 6:18).

Читая эти библейские строки, я приходил в замешательство и испытывал чувство вины, представляя себе святых, которые молятся ночи напролет, натирая мозоли на коленях. Теперь я воспринимаю эти слова по-другому, не как обвинение, а как призыв ориентироваться на Бога во всем, что бы я ни делал.

Молиться — значит поддерживать связь с Богом, Который всегда рядом. Ведь и само побуждение молиться о других людях и о проблемах, лично ко мне не относящихся, говорит о том, что Бог живет во мне. Мне не надо подпрыгивать вверх и кричать, как ребенку: «Посмотри на меня!» Бог рядом, надо только настроиться на Него.

«Молитва — это внимание, — писала Симона Вейль. — Молиться — значит направлять все внимание своей души к Богу». «Непрестанно молитесь» (1 Фес 5:17), — говорит апостол Павел. Как это исполнить? Мы наделены способностью удерживать одновременно несколько мыслей, и я обнаружил, что, направляя внимание к Богу, можно делать что-то еще. Внутренний диалог никогда не прекращается, и я просто стараюсь включить в него Бога. Чтобы непрестанно молиться, нужно использовать способность мозга выполнять несколько задач параллельно.

Когда я выступаю перед аудиторией, часть моего сознания сосредоточена на том, что я говорю, а другая часть (надеюсь, незаметно для слушателей) следит, сколько времени у меня еще осталось, оценивает, не пора ли глотнуть воды, проверяет, насколько заинтересованными выглядят сидящие в первых рядах. Молодая мать в универсаме способна поддерживать разумный разговор со своим четырехлетним ребенком, одновременно набирая продукты и подсчитывая стоимость покупки. Подросток может общаться в чате с четырьмя друзьями, параллельно слушать музыку и выполнять домашнее задание.

Когда я пускаю мысли на самотек, мой внутренний диалог обычно начинает вращаться вокруг моей собственной персоны. Я думаю о том, какое впечатление я произвожу на окружающих, правду ли говорят торговые агенты о товарах, которые меня интересуют, прилично ли я одет. Безмолвная молитва смещает центр этих размышлений от моего «я» к Богу. Если я об этом помню (а это совсем непросто), то могу приносить свои переживания к Господу в тот миг, когда они возникают. Оказывается, легче возблагодарить Бога в тот миг, когда бежишь на лыжах среди заснеженных деревьев или в маске и ластах плывешь под водой между причудливыми рифами, чем потом, когда вспоминаешь об этих приключениях. Если я молюсь, стоя в очереди к кассе, то, вероятно, по-другому отнесусь к новенькой кассирше, которая заставила меня ждать.

Томас Келли, богослов-квакер, называет такое состояние «привычкой к внутреннему ориентированию». Человек, привыкший постоянно молиться, рассматривает происходящее в «божественном Свете». От этого все преобразуется. Уличный попрошайка превращается в дитя Божье. Желание отомстить становится возможностью проявить благородство. Искушение жадностью трансформируется в проявление щедрости. Сначала думается, что такое двойное восприятие заставляет жить двойной жизнью. Однако скоро оказывается, что это единственный способ сделать жизнь цельной.

Наша современница, американская писательница Сью Монк Кидд рассказала о своем опыте. Она впервые открыла для себя древнюю Иисусову молитву, читая книгу неизвестного автора «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу». Сью прочитала рассказ о русском крестьянине девятнадцатого века, который весь день повторяет простую молитву из Евангелия.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешную... Господи, помилуй», — произнесла я, слегка робея. Потом повторила эти слова. Я повторяла их минут пять, позволяя молитве свободно слетать с уст. За окном проезжали машины, белки прыгали с ветки на ветку, студенты спешили на занятия — а я, по примеру странника из книги, повторяла молитву в ритме дыхания: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, — вдох. «Помилуй меня, грешную» — выдох. Я произносила слова неспешно, подчиняясь ритму, который, казалось, замедлял все вокруг и притягивал внимание ко Христу».

Продолжая молиться, Кидд обнаружила, что молитва начинает жить собственной жизнью. Внутренняя молитва продолжалась на каком-то глубинном уровне, когда Сью разговаривала или выполняла рутинную работу. Иногда она молилась за прохожего, встреченного на дороге, или за друга, с которым беседовала: «Господи Иисусе Христе, помилуй его».

«Эта молитва приходит, когда нет других слов, когда не знаешь, как молиться или что сказать».

Мне кажется, что Иисусова молитва живет во мне, бьется, как сердце. Мои мысли не всегда сосредоточены на ней. Иначе, вероятно, мне было бы трудно сохранить здравый рассудок. Но в течение дня слова молитвы возвращаются снова и снова. Чаще всего они приходят сами собой, и я начинаю молиться, когда одеваюсь, или когда жду зеленого сигнала светофора, или когда сижу в очереди к парикмахеру. Для этой молитвы годится любое место, мы можем смиренно произносить ее с каждым вдохом и выдохом».

О неуместных молитвах

Новый Завет подчеркивает, что с Богом связана любая деталь нашей жизни. Иисус заверял Своих слушателей: «У вас же и волосы на голове все сочтены» (Мф 10:30). Честно говоря, мне трудно понять это поразительное заявление, и еще труднее приложить его к своим молитвенным нуждам. Один мой друг сказал: «Я не представляю себе, чтобы кто-нибудь, а тем более Сам Бог, так усердно заботился о моей жизни. У Бога есть много дел, более важных, чем мои ничтожные проблемы».

Некоторые, подобно моему другу, воздерживаются от молитв по той причине, что считают себя слишком ничтожными. Другим мешает чрезмерное благоговение. Мистик Мейстер Экхарт отказывался «просить могущественного и любящего Бога о таких пустяках», как выздоровление от болезни. Святая Екатерина Генуэзская гордилась тем, что, молясь постоянно в течение тридцати пяти лет, ни разу не попросила ничего для себя. Иногда я чувствую искушение последовать их примеру и исключить все молитвы, которые кажутся эгоистичными или неуместными. Тогда я снова перечитываю молитвы, записанные в Библии.

Там можно найти «эгоистичные» молитвы на любой вкус, и Писание их не осуждает: это и молитва бесплодной женщины о ребенке, и молитва вдовы, у которой кончилось масло, и молитва воина, который просит о победе в битве. Люди молятся о дожде во время засухи, об отмщении врагам. Сама молитва Господня содержит просьбу о хлебе насущном. Апостол Павел молится о безопасности во время путешествия, об успешной работе, об избавлении от физических немощей, о смелости в благовествовании. Иаков советует молиться о мудрости и о телесном исцелении.

Вспомнив эти библейские молитвы, я перестаю беспокоиться о том, что молитва может быть неуместной. Если с точки зрения Бога молитва — это главный способ общения с Ним, а я начну фильтровать свои молитвы, проверяя их на «уместность», это станет препятствием для близости с Богом. Согласно словам Иисуса, нет таких пустяков, которые были бы недостойны молитвы. Богу интересно все, что касается меня — мои мысли и желания, решения, которые я принимаю, мое настроение.

Нечто подобное наблюдается и в отношениях с друзьями. Во время деловых переговоров я веду речь о бизнесе и не надоедаю собеседникам рассказами о своих болезнях и приступах бессонницы. А с хорошими друзьями я, надеясь на их участие, говорю обо всем. С ними я болтаю о пустяках, им я открываю свои сокровенные тайны.

В великолепном эпизоде из книги «Семиэтажная гора» Томас Мертон рассказывает о том, как он шел по улицам Нью-Йорка, «испытывая ни с чем не сравнимое волнение новоиспеченного писателя, ожидающего, как распорядится судьба с его первой книгой. Превзойти это волнение могут только муки юношеской любви». Я хорошо знаю и понимаю такое волнение: я сжимаюсь каждый раз, когда посылаю в издательство рукопись книги или статьи. Передав свой роман издателю, Мертон рассуждает, можно ли молиться о столь эгоистичном желании, как издание и успех книги. И приходит к выводу, что можно:

«В конце концов, Бога не волнует, эгоистичны наши молитвы или нет. Он хочет, чтобы мы молились. Просите, и получите. Это тоже гордыня — утверждать, что в молитве никогда нельзя просить о своих нуждах. Поступая так, мы незаметно ставим себя на один уровень с Богом. Мы делаем вид, что ни в чем не нуждаемся, — как будто мы не сотворены Им и не зависим ни от Него, ни от Им же определенных материальных потребностей».

Разрешив этот вопрос, Мертон опустился на колени в маленькой мексиканской церквушке в Нижнем Манхэттене и горячо помолился о том, чтобы его роман был опубликован и имел успех. (Дальше Мертон пишет и о результатах молитвы: издатель отверг его рукопись! Спустя годы писатель увидел, что отказ издателя был высочайшим ответом на

его молитву. Мудрое решение издателя избавило Мертон от многих затруднений, вернуло его к монашескому призванию и тем самым открыло дорогу всему, что он написал в будущем.)

Беспокойство о том, насколько приемлемы мои молитвы, исчезает, если я усматриваю в молитве не обязанность, а возможность общения с Богом. Тот, кто любит, всегда жаждет познать нужды и желания любимого человека — даже самые незначительные. Для близких людей очень важно просто проводить время вместе. Иначе зачем мы обнимаем детей, играем с ними в салочки или опустошаем счет мобильного телефона, разговаривая с любимым или с любимой?

Иисус уподобляет молитву разговору ребенка с Отцом. Дочь, которая забирается на папины колени, чтобы перечислить то, что она хочет на Рождество, может быть, и не получит всех названных ею подарков. Но она сидит на коленях у отца, открывая ему свои заветные желания, и от этого крепнет связывающая их любовь. Гораздо лучше вести себя, подобно доверчивому ребенку, чем из-за напрасной мнительности молчать о вполне законном желании.

Поэтому самые ясные молитвы исходят из детских уст. «Боже, помоги человеку, которого мы видели у светофора, найти сегодня место для ночлега... Пожалуйста, сделай, чтобы кошка больше не болела... Помоги бабушке, чтобы она не грустила все время... Научи меня, как мне жить с моим противным братом».

Моей соседке Элизабет четыре года. Ее родители отправились по делам в Нью-Йорк, и она на некоторое время осталась с бабушкой. Однажды вечером девочка встала на колени у своей кровати и начала молитву: «Помоги маме и папе благополучно вернуться домой. А если они не хотят возвращаться домой...» Тут бабушка перебила ее: «Детка, ну, конечно же, они хотят вернуться». Элизабет возразила строгим голосом: «Я разговариваю с Богом!» Мудрость, нередко присущая детям, подсказала ей, что в молитве можно рассказывать о страхе, гневе (вспомните о псалмах, содержащих проклятия), неуверенности, сомнении и о любом другом чувстве, которое нам необходимо выразить.

Восхваление

В книгах о молитве, в том числе и в моей книге, обычно исследуется влияние молитвы на того, кто молится, а воздействие на Того, Кому молятся, остается в тени. Но отношения человека с Богом — двусторонние. Бог предлагает и даже велит нам молиться. Зачем Ему это нужно? Почему Богу не все равно, молятся или нет эти ничтожные существа?

В голове возникает слово «хвала», и я невольно вздрагиваю. Раньше восхваление Бога было для меня самой трудной частью молитвы. Мне казалось странным, если не оскорбительным, представлять Бога похожим на царицу из сказки: «Ты на свете всех милее, всех румяней и белее».

Сначала я попытался понять, насколько похвала важна для меня самого. Если рядом со мной друзья, которые ищут, за что бы похвалить, а не люди, указывающие на любую ошибку, то я удачнее съезжаю на лыжах с горы и точнее бью по мячу, играя в гольф. Но, размышляя об этом, я быстро зашел в тупик. Бог, в отличие от меня, не страдает от неуверенности. Когда Он говорил израильтянам: «Если бы я взалкал, то не сказал бы тебе, ибо Моя вселенная и все, что наполняет ее» (Пс 49:12), — это было не хвастовством, а обычной констатацией факта. Богу вряд ли нужны наши заверения. Но зачем же тогда нужно прославление?

«Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь» (Пс 18:2), — с этих слов начинается один из самых известных псалмов. «День дню передает речь и ночь ночи открывает знание». А вот другая восторженная песнь: «Да веселятся небеса и да торжествует земля; да шумит море и что наполняет его; да радуется поле и все, что на нем, и да ликуют все деревья дубравные» (Пс 95:11–12). Прекрасные стихи! Но, конечно же, это метафора. Деревья не ликуют и небеса не веселятся. Знание, которое открывает ночь,

принадлежит не ночи, а ее Творцу. Величественные картины природы свидетельствуют о Боге молчаливо, пассивно. Им нужен наблюдатель, который услышит и провозгласит их свидетельство. Только человек наделен даром речи, и лишь он может сказать, что реки хлопают в ладоши, а горы кричат.

Каждый человек драгоценен для Бога, каждый значит для Него очень много — это центральная концепция Библии. Когда Господь творил мир, Он думал прежде всего о человеке, он сделал нас венцом творения. Он продолжал нас любить, несмотря на все наши падения, и даже послал Своего Сына, чтобы спасти нас. Как мы отвечаем на Божьи дары? Этот ответ действительно важен для Бога. Какое удовольствие одаривать нас, если мы не признаем ценности дара? Помните, что сказал Иисус, когда только один из десяти исцеленных от проказы вернулся Его поблагодарить? Реакция Спасителя в высшей степени красноречива.

Мы постоянно напоминаем детям, что за подарки надо благодарить: «Что надо сказать тете?» Нам, как и детям, необходимо выработать у себя привычку говорить Богу «спасибо», чтобы не заболеть потерей духовной памяти.

Чтобы приобрести и поддерживать эту прекрасную привычку, благочестивые евреи не менее ста раз в день благословляют Бога. И действительно, в кварталах, где живут ортодоксальные иудеи, часто можно услышать невнятное бормотание — это евреи благодарят Творца. В Талмуде написано, какими словами благодарить Создателя, когда слышишь гром или видишь молнию, за пищу разного вкуса, за восход и за закат солнца, за различные ароматы, за деревья, горы и озера. Одно из моих любимых талмудических высказываний — благодарение Бога, «Который создал Свои творения такими разными». Наверное, если бы я выучил эти благословения и произносил их каждый день, я был бы внимательнее к присутствию Бога в повседневной жизни. (Я произношу благодарственную молитву перед едой, но вот вопрос: как часто я при этом действительно испытываю чувство благодарности?)

Из молитв Иисуса, записанных в Библии, примерно половина произвольных. Он произносил их в ответ на только что произошедшее событие: возвращение семидесяти учеников, появление пищи, воскресение Лазаря. И у апостола Павла благодарственная молитва прорывается в середине послания внезапно, неожиданно — иногда он прерывает молитвой обличение или предостережение. Когда ему на ум приходит поблагодарить Бога за один из Его даров, то мысль апостола взлетает, как птица, вырвавшаяся из клетки, и он тут же восклицает: «Благодарение Богу!»

Действительно, кто, как не Бог, от Которого исходят великолепные, совершенные дары, заслуживает нашей хвалы? Нам не надо изобретать специальные комплименты, чтобы ублажить Бога, — необходимо лишь отдать Ему должное. Когда я аплодирую и кричу «Бис!» по окончании концерта или протискиваюсь вперед, чтобы увидеть, как победитель марафонского забега пересекает финишную черту, я делаю это добровольно и с большой охотой, которая, как известно, пуще неволи. На короткое время я забываю о себе, восхищаясь теми, чьи достижения во много раз превосходят мои. Перед лицом истинного величия страсть к соперничеству исчезает.

В течение пятнадцати лет я покупал абонементы на выступления Чикагского симфонического оркестра, одного из лучших оркестров в мире. Однажды я специально заплатил за то, чтобы присутствовать на совместной репетиции хора и оркестра, когда они готовились к исполнению грандиозного «Немецкого реквиема» Иоганнеса Брамса. Дирижер Маргарет Хиллис старалась добиться совершенства звучания. А мы, гости, получали удовольствие, когда она тормозила музыкантов: «Альты! Если бы он хотел ми-бемоль, он бы так и написал! Дайте мне ми!» Время от времени обнаруживал себя опыт работы Маргарет в церковном хоре: «Легато, легато! Это ведь не «Вперед, воины Христовы» в обработке Брамса», — проворчала она один раз. В другой раз она обратилась к музыкантам со словами: «Будьте добрыми пресвитерианами, верьте в предопределение: не упускайте из виду следующую строку!»

В устах перфекционистки, каковой является Хиллис, даже комплименты имели назидательный оттенок. «Это хорошо для любого оркестра в мире...», — сказала она после одного особенно выразительного пассажа. Потом помедлила пару мгновений и добавила: «...но не для Чикагского симфонического». К концу репетиции она, словно из последних сил, заклинала сидящих перед ней виртуозов: «Если вы не верите в Бога, то верьте хотя бы в Брамса!»

Прошло несколько дней. Сидя на балконе концертного зала, я слушал исполнение «Немецкого реквиема». Судя по всему, музыканты достигли идеала, к которому стремилась мадам Хиллис. Музыка накатила волной торжественной печали, окрашенная горем самого Брамса, почти одновременно потерявшего мать и друга, Роберта Шумана. Она звучала, как раздумье о тяжелой доле человека — «всякая плоть — трава» (Ис 40:6) и о единственном уповании: о прощении и воскресении, которое Бог обещал во Христе.

Музыка и слова вознеслись ввысь, наполнили зал. Этот звук, льющийся отовсюду, не в силах воспроизвести никакая техника. И вдруг в один миг реквием превратился для меня в молитву, восхваляющую Господа. Несколько моих друзей, поющих в хоре, говорили, что с ними произошло то же самое. Может быть, то же самое происходило и с оркестрантами, которые верили хотя бы в Брамса, и, несомненно, так было и с самим композитором. Для нас, слушателей, захваченных музыкой, в это время ничто другое не имело значения — ни работа, которую надо закончить, ни беспокойство о здоровье, семье и финансах.

Неважно, кто и как возносит хвалу — виртуозы в высоком концертном зале или старик, бормочущий молитву в убогой часовне в соседнем квартале. В любом случае, хвала — это добровольное смирение перед Благим и Всевышним. Я видел, как Боно, солист рок-группы U2, усмирил двадцатитысячную толпу орущих фанатов, начав петь псалом, в котором повторялся рефрен «Аллилуйя!» Многие из тех, кто подпевал и громко аплодировал, славили только Боно, но другие вместе с певцом возносили хвалу и славу Тому, Кому она и была предназначена, — Богу.

Мы отдаем дань хвалы тихо или торжественно, в одиночестве или вместе с братьями и сестрами во Христе. Да, мы встаем на колени, но, поднявшись, становимся выше, потому что хвала не унижает, а наполняет нас. Восхваление помогает нам занять место, предназначенное нам во Вселенной, и признать за Богом Его место. Как сказал поэт Джордж Герберт, мы все призваны быть «служителями хвалы».

Благодарю Тебя, Господи, за тело мое!

Филип

Мой наставник и соавтор доктор Пол Брэнд начинал день с благодарственной молитвы за чудо жизни и за дивное устройство человеческого тела. Он упоминал разные части тела — сердце, мозг, клетки, иммунную систему — и возносил хвалу Богу за эти искуснейшие творения, благодаря которым возможна жизнь. «Мне, врачу, приходится выслушивать жалобы на то, что некоторые части тела ведут себя не так, как предусмотрено, — говорил он мне. — Но какое чудо, что миллиарды клеток человеческого тела день за днем работают без перебоев! Об этом нельзя забывать».

Брэнд считал молитву первой защитой от мучающих его хронических болей. Когда он не мог заснуть, он вставал, накидывал халат и бродил босиком по тропинкам лепрозория. При этом Брэнд старался выбирать дорожки, посыпанные ракушечником, остроконечные частицы которого причиняли при ходьбе некоторую боль. Ощущения, вызванные ходьбой по ракушечнику и по мокрой траве вместе с ночным звуками, доносящимися с болот,

соперничали с болью в спине или в желчном пузыре и частично заглушали ее.

Доктор Брэнд вспоминал об одной такой ночи: «Я не помню точно, когда начал петь. По-моему, сначала я просто вслух благодарил Бога, удивляясь и восхищаясь красотой пейзажа и звездами, сверкающими в вышине. Потом я обнаружил, что пою строфу из любимого гимна. Птицы поднялись в воздух и улетели прочь. Нелли, моя собака, наострила уши и с недоумением смотрела на меня. Я огляделся, пришел в себя и подумал: что за картина будет, если ночной дежурный обнаружит ведущего хирурга, который в два часа ночи, босиком и в одной пижаме, распевает гимны».

Брэнд уверял меня, что такие прогулки с молитвой удивительным образом действуют на боль, которая, хоть и не исчезала совсем, но становилась гораздо более терпимой, чем в тишине и темноте спальни.

Первая заповедь

Явившись Петру, который трижды предал Учителя, воскресший Христос трижды задал ученику один вопрос: «Любишь ли ты Меня?» (Ин 21:15). Почему-то Бог Вселенной ценит нашу любовь неизмеримо высоко.

Когда Иисуса спросили, какая заповедь важнее остальных, Он тут же ответил: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим» (Мф 22:37).

В этих словах заключено то, чего Бог желает от нас больше всего. Любовь — наш самый драгоценный подарок Богу, и Он не может заставить нас любить Себя. Каждый родитель хочет, чтобы ребенок любил его — и каждый знает, что любви невозможно добиться принуждением.

Как странно, подумал я, повелеть: «Возлюби!» Обычно я никого не заставляю себя любить. Любовь может цвести, как цветет она в хорошей семье. Она может кружить голову, когда влюбляешься. И может расти по мере того, как развиваются отношения. Но Иисус называет любовь к Богу самой важной целью в жизни. Как же мне научиться любить Бога всем сердцем, всей душой и всем разумением своим?

Перу святой Терезы Авильской принадлежит одна из самых всесторонних и обстоятельных книг о молитве — «Внутренний замок», где она делает такой вывод: «Важно не много думать, а много любить». Только в молитве мы можем научиться любить Бога всем сердцем, всем разумом и всей душой.

«Возлюби Бога всем сердцем твоим», — сказал Иисус. Прислушайся к своей жизни: к ее мечтам и страстям, к взлетам и разочарованиям, к ее скуке и драмам. Она дана тебе, как дар, и любой день ее — тоже дар. Бог хочет, чтобы мы разделяли с Ним каждую частицу этого дара.

Корнелиус Плантинга, профессор систематической теологии Богословской семинарии Кальвина, отмечает одну деталь, которую Христос внес в первую заповедь. Второзаконие велит любить Бога всем сердцем, всей душой и всеми силами. Иисус вместо слов «всеми силами» говорит «всеим разумением». «Можно считать, что таким образом Христос утверждает право христианина на интеллектуальную жизнь», — говорит Плантинга, принадлежащий к семье интеллектуалов. Среди его родственников — философ, несколько музыкантов, богослов, кибернетик и президент семинарии. Возлюби Бога всем разумением своим. Но эти слова — не о месте и роли интеллекта в христианской жизни. Вот какое объяснение дает Плантинга:

«Иными словами, в любовь к Богу должно быть вовлечено все, что вы имеете, и все, чем вы являетесь. Все. Каждое желание, каждое дарование и каждая способность, спортивные таланты и компьютерные навыки, обаяние и красота, все хорошее, к чему прикасалась ваша рука — возьмите все это, говорит Иисус, и посвятите Господу. Возьмите ваши стремления и устремитесь к Господу. Возьмите ваши богатства и одарите Господа. Возьмите ваш художественный вкус и насладитесь Господом. Всем сердцем, всей душой, всем разумом, всеми нуждами и всеми достижениями — полностью обратитесь к Богу».

Возлюбить Бога всей душой — это, может быть, самая трудная часть заповеди. Что такое душа человека? Мы не можем ее увидеть. Не можем измерить, как измеряют интеллект. Не можем при помощи приборов отобразить ее работу на экране, как кардиограмму. Скептики даже сомневаются в ее существовании. Но для христианина, который молится, нет ничего важнее, чем душа. Ведь мы молимся еще и для того, чтобы подготовить ее к будущей жизни, которая наступит, когда прекратится деятельность сердца и мозга.

Возлюбив Бога всей душой, мы будем иначе смотреть на молитву. Мы совсем по-другому станем оценивать беды, которые нам так досаждают. Апостол Павел назвал свои суровые испытания «кратковременными и легкими страданиями», поскольку знал, что они «производят в безмерном преизбытке вечную славу» (2 Кор 4:17). Величайший ум семнадцатого столетия, французский религиозный мыслитель, математик и физик Блез Паскаль колебался, обдумывая, следует ли молиться об исцелении или об облегчении страданий в случае болезни:

«Я не знаю, что для меня лучше: здоровье или болезнь, богатство или бедность, или что иное в этом мире. Понять это не в силах ни люди, ни ангелы, эта одна из тайн Твоего Провидения. Я преклоняюсь перед ней, но не пытаюсь ее разгадать».

Преклоняться, не пытаясь разгадать, — может быть, в этом и есть ключ к тому, чтобы возлюбить Бога всей душой? Как часто, стремясь что-то разгадать, я выстраиваю свои молитвы, подобно аргументам юриста. Почему некоторые люди благословенны, а некоторые — прокляты? Почему Бог допускает так много зла и насилия? Как можно верить тому, чего не видишь, не слышишь и не осязаешь? В чем смысл жизни?

Молитва вводит нас в Божье присутствие. Молитва приоткрывает картину мира, какой она видится с небес. И мы начинаем по-другому воспринимать все происходящее. Вера во время несчастья значит больше, чем избавление от несчастья. Лучше исполнить Божью волю, чем избежать распятия. Смирение важнее, чем избавление от жала в плоти.

На высших ступенях молитвы, там, где любят Бога всей душой, сомнения и борьба не исчезают, но мы относимся к ним иначе. «Если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» (Мф 7:11), — сказал Иисус. У многих возникает желание опровергнуть эти слова. Но тем, кто любит всей душой, не покажутся убедительными никакие опровержения. По мере того как я учусь доверять Богу, Который способен обратить во благо все происходящее, — я понимаю, что мои вопросы о молитве не требуют немедленного ответа.

Разговор продолжается

Недавно я читал мемуары священника Тилике, великого немецкого проповедника двадцатого века. Его жизнь можно сравнить с жизнью Иова. Тилике уволили из университета, потому что он выступал против Гитлера. Он прошел через унижительные допросы в СС, ему постоянно угрожали арестом.

К концу войны фронт приблизился к Штутгарту, где жил Тилике. Однажды утром,

отправившись в церковь, священник обнаружил, что бомбы союзников разрушили ее до основания. Он вернулся домой и увидел, что дома тоже нет, — и в него попала бомба. Изголодавшиеся дети Тилике лизали еду, нарисованную в детских книжках, и сердце его готово было разорваться от боли и горя. Но каждую неделю он поднимался на кафедру, уцелевшую посреди руин церкви, и пытался вселить надежду в сердца упавших духом прихожан.

«Во всем этом безумном смятении есть лишь одна незыблемая точка опоры — верность и надежность Бога», — говорил Тилике прихожанам. Поразительные слова, если учесть, при каких обстоятельствах они были произнесены. Он уверял людей, что верность Бога не подведет никогда, и что путаница и беспорядок человеческой жизни, лабиринты истории — все пронизано прочными нитями незыблемого и неизменного Божьего замысла.

И может быть, стоя у престола Всевышнего, мы однажды оглянемся на прошедшие дни и скажем с изумлением и восхищением: «Когда я стоял у дорогих могил, чувствуя, что жизнь для меня закончилось, когда видел надвигающийся призрак атомной войны, когда надо мной дамокловым мечом нависла бессмысленная неизбежность пожизненного тюремного заключения или тяжелой болезни, — если бы я только мог тогда вообразить, что через эти скорби Бог исполняет Свой грандиозный замысел! Если бы я хоть краем глаза увидел, как посреди моих забот, бед и отчаяния созревает Его жатва, и все движется к последнему великому дню Его воцарения! Если бы я все это знал, каким невозмутимым и уверенным, каким радостным и спокойным был бы я в любых испытаниях!»

Тилике кротко указывал своей пастве на Христа, Который яснее, чем любой другой человек, видел мученья, несправедливость, зло — весь ужас, царящий на нашей многострадальной планете. Не должно ли было это знание острой болью пронзать Его сердце днем, и лишать Его сна ночью? Не должно ли было оно потрясти Его душу?

Нет, Христос оставил решение глобальных проблем на усмотрение Отца, а Сам проводил время среди людей, которые для мира сего были никем и ничем, — среди сборщиков налогов, рыбаков, вдов, блудниц. Тилике отмечает, что Иисус считал молитву, то есть общение с Отцом, более важным делом, чем общение с людскими толпами. Ради того чтобы провести время с Отцом, Иисус удалялся от людей. «Но именно благодаря этому Он находил время и для людей — ведь все время принадлежит Его Отцу. И благодаря этому от Иисуса исходит мир, а не беспокойство. Ведь верность Бога уже сияет над миром, подобно радуге: Иисусу не надо зажигать ее самому — Ему достаточно ходить под ней».

Те, кто следует за Христом, тоже верят, что Божья верность, подобно радуге, сияет над всей землей, и лучшее тому доказательство — Сам Спаситель, принесший Себя в жертву ради нас. Бывают времена, как у Тилике в Штутгарте (и как у Христа в Гефсимании и на Голгофе), когда эта вера проверяется на прочность. Когда такие периоды бывают у меня, я молюсь со слезами отчаяния, погруженный во тьму, но стараюсь верить, что настанет час, и небесный свет многоцветной радугой озарит для меня картину мира, а моя вера возродится и окрепнет. Когда же дела идут хорошо, мне, как ни странно, приходится прикладывать больше усилий, чтобы поддерживать отношения с Богом и полагаться на Его заботу обо всех мелочах моей жизни.

Я молюсь, веря, что, как это ни поразительно, Бог желает постоянного общения со мной. Я молюсь, веря, что по замыслу Божьему молитва — это способ преодолеть пропасть между мной и бесконечностью. Я молюсь, чтобы войти в поток Божьей благодати, исцеляющей этот мир. Я молюсь, как дышу, — потому что иначе жить невозможно. Молитва едва ли может быть совершенным способом общения — ведь я, несовершенное материальное существо, находящееся в несовершенном материальном мире, пытаюсь вступить в контакт с совершенным духовным Существом. Некоторые молитвы остаются без ответа, ощущение Божьего присутствия то исчезает, то появляется вновь, и я часто ощущаю, что загадок больше, чем ответов на них. Тем не менее, я продолжаю молиться. Вместе с

апостолом Павлом я верю, что «теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор 13:12).

В Откровении Иоанна Богослова описано время полного примирения с Богом, когда «Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» (Отк 21:3,4). Откровение говорит, что в горних обителях не понадобятся ни Луна, ни Солнце, потому что свет там будет исходить от Самого Бога. Из всех описаний дивного небесного мира именно ЭТО заставляет меня застыть в изумлении. Я настолько привык укрываться от непосредственной близости Бога, настолько привык к притворству и борьбе в молитве, что даже отдаленно не могу представить себе ничем не ограниченное присутствие Бога.

Конечно, на небесах изменится и сама молитва. Она не прекратится, но станет тем, чем и предназначена быть — разговором с Богом. Сегодня молитва похожа на неуклюжую репетицию, на разговор по мобильному телефону с жителем Африки — связь неустойчивая, звуки искажаются, один из собеседников плохо знает язык и говорит с акцентом. Как написал философ Жак Эллюль, Бог «не смирился с разрывом между Ним и Адамом». Бог действительно не смирился. Вся Библия — это история о том, как Бог заново созидает утраченное. Утраченное людьми в райском саду, когда Адам спрятался и не смог больше беседовать с Богом, как друг. Однажды нам будет дана возможность восстановить общение.

Порой я думаю: что я скажу, когда в первый раз встречу с Богом лицом к лицу? У меня столько нерешенных вопросов, столько жалоб и сожалений. С чего я начну? Я мысленно просматриваю разные сценарии, пока не вспомню, что моим собеседником будет Тот, Кто управляет галактиками, Кто создал все сущее. Возражения отпадают, сомнения тают и мне кажется, что я, подобно Иову, скажу: «Господи! Вот, теперь я понял». И разговор продолжится.

0, Милосердный и Святой Отец

Бенедикт Нурсийский

О, Милосердный и Святой Отец,
Дай нам мудрость, чтобы постигать Тебя,
Разум, чтобы понимать Тебя,
Усердие, чтобы искать Тебя,
Терпение, чтобы ждать Тебя,
Глаза, чтобы созерцать Тебя,
Сердце, чтобы размышлять о Тебе,
И жизнь, чтобы возвещать о Тебе,
Силою Духа Иисуса Христа, Господа нашего.

Примечание:

Цитаты из произведений Дж. Мильтона, Р. М. Рильке, Дж. Донна, В. Шекспира, Ч. Диккенса, С. Моэма, Дж. Герберта, митрополита Антония Сурожского, К.С. Льюиса приведены в переводах А. Штейнберга, В. Топорова, В. Савина, А. Радловой и Т. Щепкиной-Куперник, Н. Дарузес, Е. Голышевой и Б. Изакова, Д. Щедровицкого, Т. Майданович, Н.Трауберг.

Филип Янси

Молитва. *Способна ли молитва изменить жизнь?*

Редактор *Г. Раевская*

Компьютерная верстка *О. Воскресенская*

Дизайн обложки *П. Ожгибесов*

Корректор *О. Степанова*

Переводчик *Е. Стальгорова, А. Широненская*

Лицензия ЛР № 030464 от 23 декабря 1997 г. Подписано в печать 14.10.08 г. Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30. Тираж 3000 экз. Изд. № 1955. Заказ № 4763.

Местная религиозная организация евангельских христиан «Христианская миссия «Триада». 101000, Россия, Москва, а/я 371, тел. (495) 964-85-89, email: info@triad.ru, www.triad.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА». 610033, г. Киров, ул. Московская, 122.